

The book cover features a large red circle on a light beige textured background. A thin black vertical line bisects the circle. The author's name is printed across the center of the circle, with the first letter of the second name being red.

Иван **Е**фремов

A small, circular, light blue-grey sticker with a square hole in the center is positioned at the bottom of the black vertical line, partially overlapping the red circle.

**Библиотека
современной
фантастики
в 15 томах**

МОСКВА 1965

● ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

**Иван
Ефремов
Туманность
Андромеды
Звездные
корабли**

ТОМ

1

P2
E92

Художник
Е. ГАЛИНСКИЙ

Редколлегия:
К. АНДРЕЕВ,
А. ГРОМОВА,
И. ЕФРЕМОВ,
С. ЖЕМАЙТИС,
Е. ПАРНОВ,
А. СТРУГАЦКИЙ

Путешествие в Страну Фантастики

В Стране Фантастики есть свои законы и порядки, обязательные для всех, кто попадет в эту удивительную страну. Там исполняются все желания и сбываются все мечты. Стоит лишь захотеть, и за ничтожный промежуток времени вы перенесетесь на немыслимые расстояния, познакомитесь с обитателями иных миров, обретете вечную молодость или подвергнетесь длительному анабиозу, чтобы воспринять для новой жизни через несколько столетий, вернетесь из звездной экспедиции и встретите ваших прапраправнуков, разговаривая с человеком, ничем не отличающимся от вас, и вдруг узнаете, что это не человек, а робот. Жители Страны Фантастики подчинили себе силы гравитации, научились управлять движением планет, регулировать деятельность Солнца, зажигать потухшие звезды, перестраивать целые галактики. Повелевают этой страной не сказочные чародеи и волшебники, а всесильные ученые. Наука там творит чудеса, и любое чудо получает разумное объяснение. Путешествующие в Страну Фантастики исчисляются миллионами, а ее «владения» охватывают все части света. Господствуют там два языка — английский и русский. Но в ходу также японский, польский, французский, немецкий, испанский, итальянский, чешский, шведский, румынский, болгарский, не говоря уже о языке эсперанто. Для въезда в Страну Фантастики не требуется никакой визы. Там приветливо встретят каждого, кто жаждет Необычного, ищет Невозможного, мечтает о Невероятном. Путешествия туда совершают люди всех возрастов и всех профессий. И даже рассудительные ученые, привыкшие критически оценивать каждый факт и подвергать придирчивому анализу любое утверждение, уверяют, что атмосфера Страны Фантастики действует на них благотворно: стимулирует работу мысли и развивает воображение.

Авторы этих строк берут на себя смелость выступить в роли гидов и попытаются, минуя тупики, боковые улицы и не особенно оживленные перекрестки, провести читателей по главным магистралям Страны Фантастики, проложенным за последние годы.

Еще недавно научная фантастика (будем называть ее сокращенно НФ) признавалась литературой второго сорта, и по крайней мере критики и литературоведы не принимали ее всерьез. После второй мировой войны положение резко изменилось. НФ занимает теперь заметное место в литературе ряда стран и международном обмене духовными ценностями. Она направляет творческую энергию многих талантливых писателей, имеет многомиллионную читательскую аудиторию, оказывает формирующее воздействие на сознание молодого поколения. Все это вызвано революционными сдвигами в науке и значительным повышением ее роли в жизни общества. И вполне естественно, что отрасль литературы, сделавшая своим предметом изображение перспектив научного творчества во взаимодействии с социальным развитием, привлекает к себе пристальное внимание. И можно сказать с уверенностью, что и интерес к НФ будет возрастать год от года.

Прежде всего обратимся к фактам.

В разных странах мира ежегодно выходят массовыми тиражами сотни новых произведений НФ, издаются специальные журналы, многочисленные сборники, альманахи, антологии. Проводятся международные конгрессы писателей-фантастов и симпозиумы, посвященные проблемам взаимосвязей науки и художественного творчества. Любители НФ объединяются в клубы, выпускают свои бюллетени, ведут широкую переписку, обмениваются новинками. Разработана целая система присуждения премий за лучшие книги года: во Франции — премия Жюль Верна, в США — Хьюго Гернсбека, одного из зачинателей американской НФ, введшего в 1926 году самый термин «science fiction», в какой-то мере соответствующий по значению НФ. Наши читатели получили возможность познакомиться с романом Гернсбека «Ральф 124 с 41+», который был впервые опубликован в 1911 году и, как утверждают критики, положил начало американской НФ.

В СССР только за последние пять-шесть лет издано произведений НФ не меньше, а может быть, даже больше, чем за предшествующие десятилетия. Это только начало. У советской НФ блестящие перспективы. Хочется верить, что и в нашей стране для поощрения писателей-фантастов будет учреждена премия — премия К. Э. Циолковского или А. Беляева.

Если бы какое-нибудь издательство задалось целью выпустить библиотеку заслуживающих внимания или даже только лучших произведений НФ, написанных после второй мировой войны, то такая библиотека могла бы разрастись до нескольких сот томов. Подобную задачу выполнить нелегко.

Пятнадцатитомная «Библиотека современной фантастики», которую выпускает «Молодая гвардия», — это первая в нашей стране попытка дать читателям представление о широте и многообразии современной НФ. Объем издания ограничивает возможности отбора авторов. Поэтому читатели «Библиотеки» смогут познакомиться только с некоторыми вещами самых известных писателей-фантастов послевоенного периода. От-

дельными томами выпускаются романы и повести таких авторов, как Иван Ефремов, Аркадий и Борис Стругацкие (СССР), Станислав Лем (Польша), Кобо Абэ (Япония), Рэй Бредбери и Айзек Азимов (США), Артур Кларк и Джон Уиндэм (Англия). В сборники избранных фантастических рассказов войдут произведения нескольких десятков авторов.

Даже беглое ознакомление с этой «Библиотекой» заставит убедиться, что традиционное понимание НФ как «литературы научного предвидения», родственной научно-популярному жанру, во многом устарело и нуждается в пересмотре. Если фантастические образы и невероятные ситуации остаются неизменной и наиболее характерной чертой НФ, то ее взаимоотношения с наукой перестают быть прямыми и непосредственными, как это имело место в творчестве Жюль Верна и его последователей.

Элемент научного предвидения существовал и будет существовать в художественно-фантастической литературе. Но это отнюдь не служит выражением общеобязательного, определяющего признака НФ. Если исходить из такого требования, то пришлось бы признать несостоятельными подавляющее большинство произведений, и среди них — немало первоклассных. Предвидение в ПФ скорее лишь частный случай. Точно предусмотреть какое-то конкретное научное достижение будущего, пожалуй, еще труднее, чем сделать расчет траектории космической ракеты, направляемой к определенной точке звездного неба. Разумеется, это не исключает того, что некоторые прогнозы писателей-фантастов становятся предметом раздумий крупных ученых и в какой-то форме находят свое подтверждение. Но правильность предвидения сама по себе не может служить критерием оценки научно-фантастической книги. Прежде всего она должна быть хорошо написана, должна будить живую мысль и воздействовать на чувства, то есть быть подлинно художественным произведением.

То же самое можно сказать и о популяризаторских задачах НФ, вернее, о смешении двух понятий: научно-фантастической и научно-популярной литературы. Это идет со времени Жюль Верна, объединявшего в своем лице в силу ряда исторических причин популяризатора науки и научного фантаста. В дальнейшем эти отрасли литературы резко размежевались. Популяризаторское направление в НФ в наше время не является ведущим. На первый план выдвигаются социально-психологические, этические или философские проблемы. Фантастические положения позволяют создавать необычные коллизии и доводить конфликты до самого высокого накала. Современные писатели все чаще используют фантастический замысел не для обоснования тех или иных гипотез, а в качестве литературного приема, облегчающего постановку и решение определенных идейных и художественных задач.

Конечно, мы не хотим этим сказать, что НФ утратила познавательную ценность. Она сохраняется в более широком

смысле почти во всех произведениях, пусть даже и не преследующих специальных популяризаторских целей. Ведь и фантастическое допущение, используемое лишь в качестве художественного приема, обычно соответствует современному уровню научного мышления и все сюжетные мотивировки связываются так или иначе с преобразующей природу, общество и самого человека научно-технической деятельностью.

Поэтому мы не можем присоединиться к мнению некоторых писателей и критиков, считающих, что из трехчленного понятия «научно-фантастическая литература» следует изъять ради «свободы действий» и модернизации самого термина первое слово. В таком случае пришлось бы стать на точку зрения американского библиографа Блейлера, который не делает никаких различий между НФ и фантастикой вообще. В его «Каталоге фантастической литературы» рядом с книгами Эдгара По и Жюль Верна, Конан-Дойла и Уэллса перечислены романы Хаггарда и Берроуза, социальные утопии Мора и Кампанеллы, «Фауст» Гёте и сказки Гауфа, «Путешествия Гулливера» и «Приключения Мюнхгаузена», философские повести Вольтера и романы Анатоля Франса и т. д.

В мировой литературе изображение невозможного, выходящего за пределы реальности фактически существует с тех пор, как существует сам человек. Но разве не отношение писателя к науке определяет особенности современной фантастики и ее отличия от фантастики прежних времен? Разве можно поставить в один ряд мифы и сказки с рассказами Азимова и Брэдбери, роман Рабле и новеллы Гофмана — с книгами Ефремова и Стругацких? Если мы оставим слово «фантастика» и отбросим — «научная», то смешаем фантастов всех времен, всю мировую фантастическую литературу от глубокой древности до наших дней и потеряем возможность дифференцировать разные виды и разные типы фантастики.

Читая произведения советских и зарубежных писателей-фантастов, сталкиваясь с чрезвычайно широким диапазоном тем, художественных решений и творческих приемов. В этом смысле НФ, чем больше о ней думаешь, кажется все более сложной и многогранной. Она успешно использует любые литературные жанры — от социальной утопии и политического памфлета до реалистического романа и психологической новеллы, от философской драмы и киносценария до сатирического обозрения и сказочной повести. Отсюда легко заключить, что особенности НФ характеризуются не внешними жанровыми признаками (слово «жанр» можно применить только в условном смысле), а внутренним содержанием, идейным наполнением, целенаправленностью самого замысла.

Современная фантастическая литература воплощает в себе и надежды и тревоги человечества: мечту о светлом будущем и предупреждение о грозящих бедах и катастрофах. Отсутствие жизнеутверждающих идей нередко приводит — мы имеем в виду западную литературу — к злобному, человеконенави-

стническому пасквиллю или к откровенному эскапизму — бегству от действительности в иллюзорный мир.

В лучших своих проявлениях НФ всегда злободневна, связана с волнующими проблемами современности, хотя эту связь иной раз и нелегко уловить. Фантастический образ по природе своей гиперболичен, основан на большем или меньшем преувеличении реальных возможностей. Если он используется не в иллюстративных целях, то открывает второй план — иносказание, аллерию. И как бы фантастический образ ни отклонялся от эмпирической жизненной правды, он требует соотношения с действительностью.

Творчество писателя-фантаста в той же мере развивается по законам теории отражения, как и любой другой вид художественного творчества. В конечном счете содержанием фантастического образа всегда остается реальный мир. Напомним слова Ленина: «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слежка (=понятия) с нее не есть простой, непосредственный акт, зеркально-мертвенный акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни...»

Теория отражения поясняется обычно примерами, взятыми из художественной практики писателей-реалистов. В этой связи нам кажется уместным привести в качестве иллюстрации признание Рил Брэдбери: «Все персонажи в моих произведениях, — пишет Брэдбери, — это я. Они — мои зеркальные отражения, удаленные и перевернутые после трех или дюжины преломлений».

Фантастика всеобъемлюща и, по существу, безгранична, как безграничен творящий разум. Лимитируют ее лишь разные способы восприятия действительности в борьбе прогрессивных и реакционных идеологий. При отборе и оценке произведений, кроме их непосредственных литературных достоинств, критерием служит для нас «все, что способствует расцвету человеческой личности, расширяет ее кругозор, воодушевляет высокими идеалами, возвышает ее морально и интеллектуально, совершенствует эстетическое восприятие окружающего, помогает острее видеть добро и зло в мире и острее реагировать на них, словом, все, что возвышает истинно человеческое в человеке...» («Правда» от 21 февраля 1965 г.)

Если подойти с этим широким критерием к современной фантастике Запада, то многие книги, принадлежащие перу серьезных писателей, заслуживают пристального внимания. В сумрачных видениях автоматизированного, обезчеловеченного мира, в романах, называемых «предупреждениями» или «антиутопиями», звучит тревога за судьбы мира и человека, искреннее желание найти выход из тупика, в который завели противоречия капиталистического строя. Но при этом негативное, критическое начало, как правило, подавляет всякие попытки конструктивного подхода к будущему. И несмотря на то, что даже ведущие и самые прогрессивные фантасты Запада не чувствуют движения истории — существующий

порядок вещей проецируется и в грядущие века, — их творчество привлекает стихийным протестом против общественных отношений, уродующих и калечащих человеческую душу. Именно по этой причине величайшие достижения науки и техники воспринимаются чаще всего как непреодолимое зло, как средство еще большего физического и интеллектуального порабощения. Такие тенденции выражены буквально в сотнях повестей и рассказов, написанных за последние годы. Наука здесь служит только поводом. Она создает фон, на котором разыгрывается трагедия «неразрешимых» противоречий человека и общества, человека и техники, человека и кибернетического робота, созданного самим человеком.

Возьмем для примера небольшой рассказ австралийского писателя Ли Гардинга «Поиски». Некто Джонстон ищет уголок настоящей природы за пределами гигантских городов, покрывающих всю планету броней из металла и пластика. После долгих поисков ему удастся найти прекрасный парк. Буйство зелени, аромат цветов, щебетание птиц, сторож, живущий в деревянном домике, — все это восхищает Джонстона, и он решает остаться здесь навсегда. Но сторож ему говорит: «Вам надлежит помнить, мистер Джонстон, что вы представляете собой часть уравнения. Чудовищного уравнения, которое помогает муниципальным киберам поддерживать плавное течение мирового процесса. Вы — звено обширной, сложной системы автоматизации, где каждая акция предусмотрена и рассчитана с учетом последствий миллиарда других акций. Ваше переселение внесет в расчеты фактор случайности, и это может повредить правильному управлению городом, а в конечном счете и всем миром».

Не считаясь с предупреждением, Джонстон остается в парке, срывает с куста розу и с ужасом убеждается, что цветок синтетический — он превращается в руке в тонкую прозрачную пленку. И каждая травинка и каждое дерево в этом парке тоже искусственные. И даже сторож, на которого в ярости набрасывается Джонстон, оказывается обыкновенным роботом. Отчаявшийся человек вскрывает себе вены, испытывая последнюю радость от сознания, что хоть кровь у него, во всяком случае, настоящая. Но кровь вытекает до последней капли, а Джонстон все еще жив. И только узкий пучок ионов, направленный патрульным кибером в грудь Джонстона, прекращает существование этого не в меру эмоционального биоробота.

Подобные произведения о беспомощном маленьком обывателе, подавленном механической цивилизацией, ассоциируются с современным изобразительным искусством Запада. На память приходит одна из серии новгодних гравюр замечательного бельгийского художника Франца Мазерееля, примыкавшего в двадцатые годы к экспрессионизму. На гравюре, помеченной 1964 годом, одинокий, смятенный человек в ужасе простирает руки, пытаясь защитить себя от наваливающих на него перекопанных небоскребов.

В наиболее яркой и законченной форме такие настроения находят выражение в творчестве талантливейшего американского писателя Рэя Брэдбери.

Международную известность принесли ему сборники новелл «Марсианские хроники» (1950), «Золотые яблоки солнца» (1953) и роман «451° по Фаренгейту» (1953). Его рассказы включаются в многочисленные антологии и хрестоматии для средней и высшей школы наряду с произведениями лучших писателей США.

Рэя Брэдбери часто называют «моралистом космической эры». Его голос, слышимый один американский критик, всегда был голосом поэта, протестующего против механизации человечества.

«Сами машины — это пустые перчатки, — говорит Брэдбери, — по их надевает человеческая рука, которая может быть хорошей или плохой». И далее, развивая эту мысль, он пишет: «Сегодня мы стоим на пороге Космоса, и человек в своем колоссальном приливе близок к тому, чтобы выплеснуться на другие миры... Но он должен подавить семена саморазрушения. Человеческое — наполювину создатель, наполювину разрушитель, и реальная и страшная опасность состоит в том, что он может уничтожить себя еще до того, как достигнет звезд. Я вижу самоистребляющую половину человека, делового наука, копошащегося в ядовитой темноте, которому снятся грибообразные сны. Смерть решает все проблемы, она шепчет, перетягивая горсть атомов, как ожерелье из темных бобов... Мы сейчас находимся в величайшем периоде истории, мы скоро будем способны покинуть нашу планету, взлететь в пространство в гигантском путешествии для продления жизни человечества. Ничему не должно быть позволено остановить это путешествие, наш последний большой пионерский путь...»

Судя по этому высказыванию, писатель искренне верит в победу создающего начала. Однако творчество самого Брэдбери производит двойственное впечатление. Мечтая о восхождении к звездам, он не только не воспекает прогресса науки и техники, но скорее видит в нем главную угрозу для человека. Свои опасения он нередко выражает в мрачных фантастических образах, доходящих до кошмарных галлюцинаций. Таковы, например, роман-предупреждение «451° по Фаренгейту» или рассказ «Вельд», в котором вырвавшиеся из телевизора лавы пожирают Джорджа и Лидию Хелди по желанию их детей, разращенных кровавыми зрелищами.

В аллегориях Брэдбери угадывается тоска по «здоровой», «простой» жизни. Он мечтает о «зеленом утре в зеленой долине», без грохота телевизоров и рева реактивных самолетов, о жизни среди зеленых деревьев сада, расцветшего на всей планете.

Иное направление в американской НФ представляет известный писатель и видный ученый, профессор биохимии Бостонского университета Айзек Азимов. Его творчество отличаются активный гуманизм и постоянное стремление выдвигать

гать на первый план самые животрепещущие проблемы. Писатель выступает как убежденный сторонник мирного сосуществования государств с разными социальными системами и вовсе не принадлежит к последователям идеи фатальной неизбежности атомной войны. Его убеждения, в частности, нашли яркое отражение в его рассказе «Сердобольные стервятники», напечатанном на русском языке в газете «Известия».

По характеристике И. А. Ефремова, «около двадцати научно-фантастических романов, повестей, новелл и коротких рассказов Азимова основаны на логических выводах из научных положений, развитых и продолженных в будущее, конечно, с известными допущениями и отступлениями или неожиданными, но так или иначе обоснованными догадками».

Один из лучших сборников рассказов Азимова «Я, робот» основан на гуманистических положениях, сформулированных как «Три закона роботехники»: 1. Робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. 2. Робот должен повиноваться командам, которые ему дает человек, кроме тех случаев, когда эти команды противоречат первому закону. 3. Робот должен заботиться о своей безопасности в тех случаях, когда это не противоречит первому и второму законам.

В этих рассказах, написанных с мягким юмором, писатель наделяет роботов теми лучшими человеческими качествами, которые далеко не всегда присущи их хозяевам — людям.

Интересно решается проблема взаимоотношений людей с кибернетической машиной и в рассказе «Все грехи мира», где гигантский электронный мозг «Мультивак», утомленный бесчисленными заботами о судьбах жителей всей Земли, покушается на самоубийство.

Однако в творчестве Азимова кибернетическая тема вовсе не является преобладающей. Как в серии повестей «Установление», так и в романе «Конец Вечности», включенном в настоящее издание, писатель изображает далекое будущее человечества, распространившегося по всей Галактике и раскрывшего новые, еще неизвестные тайны мироздания.

Из наиболее популярных фантастов Англии читатели «Библиотеки» получают возможность ближе познакомиться с Артуром Кларком и Джоном Уиндэмом.

Ученый и писатель Артур Чарлз Кларк, ныне президент Цейлонского астрономического общества, выступает как страстный пропагандист науки, за что ему была присуждена в 1961 году международная премия Калинга. Убежденный последователь реалистического направления в НФ, он связывает сюжеты своих произведений с решением многих научных задач, которые сегодня уже конкретно намечаются или существуют в теории. Воплощать научные идеи в фантастических образах Кларку помогает серьезная эрудиция в области астрономии, математики, физики. В романах и рассказах, посвященных наиболее близкой ему космической теме, Кларк покоряет пластичными описаниями необыкновенной природы

и причудливых форм жизни на чужих планетах. Из его крупных вещей в русском переводе уже были напечатаны романы «Нески Марса» и «Лунная пыль». На этот раз читатели познакомятся с повестью «Бездна», в которой речь идет об обществе будущего с высоким научно-техническим потенциалом, позволившим людям приступить к практическому освоению морских глубин.

Джон Уиндэм (псевдоним Джона Бейнона Харриса) принадлежит к тем писателям, которые используют фантастику как прием и трактуют ее в аллегорическом плане. Зрелое художественное мастерство и неумемая фантазия Уиндэма выдвинули его на одно из первых мест в современной англо-американской НФ. Некоторые критики даже называют его «новым Уэллсом».

Сталкивая людей с непонятными и непреодолимыми силами природы, писатель строит волнующие по драматизму сюжеты, которые обычно содержат аллегорический социальный подтекст. Таковы его самые известные романы «День Триффидов» и «Кракен пробуждается».

На Землю неизвестно с какой планеты попадают странные растения — Триффиды, наделенные эмоциями и даже способностью мыслить. Мало того, эти растения могут медленно передвигаться, снабжены ядовитым жалом и обладают удивительной жизнестойкостью. Но люди, вместо того чтобы истребить опасных представителей инопланетной флоры, развивают целые плантации Триффидов, извлекают из них эфирные масла. Над человечеством разражается катастрофа в результате взрыва на искусственном спутнике. Почти все люди слепнут. Тогда Триффиды переходят в наступление, вытесняя с занятых ими территорий все живое. Люди отступают, сохраняются лишь маленькие островки цивилизации, изыскивающие способы борьбы с агрессивными растениями.

Еще более отчетливо социальный аллегоризм выражен во втором романе. Атомные взрывы, произведенные в Тихом океане, пробуждают антагонизм к человечеству со стороны странной жизни, достигшей высокого уровня цивилизации и обитающей в глубочайших впадинах океана. Начинается борьба всего человечества с этими агрессивными существами, топящими корабли и даже выбирающимися на сушу.

В менее завуалированной форме общественные взгляды Уиндэма проступают в его романе «Хризалиды». В острых драматических столкновениях противопоставляются два мира будущего: замкнутая, закостеневшая в предрассудках «община», находящаяся где-то на территории США, и колония свободных, прогрессивно мыслящих людей, стремящихся принести человечеству мир, взаимопонимание и счастье. Если «община», по мысли автора, символизирует современный капиталистический строй с эгоизмом, жестокостью и стяжательскими инстинктами разьединенных людей-собственников, то сплоченный трудовой коллектив, обосновавшийся в Новой Зеландии, выражает веру Уиндэма в лучшее будущее мира.

Конечно, этими четырьмя именами ни в какой мере не исчерпывается многообразие современной англо-американской НФ, насчитывающей не менее полутора ста активно действующих литераторов-профессионалов, из которых около тридцати считаются ведущими. Наиболее значительными и интересными представляются нам американцы — Клиффорд Саймак, Мюррей Лейнстер, Чейд Оливер, Фриц Лайбер, Джеймс Блинш, Фредерик Пол, Хэл Клеменс, Ван Фогт, Пол Андерсон; англичане — Кингсли Эмис, Мак Интош, Уильям Тэнн, Джон Киппакс, Джон Кристофер. Рассказы некоторых из них будут включены в антологии «Библиотеки».

Надо заметить, что именно в области новеллы американские и английские фантасты достигли высокого мастерства. И хотя в своих построениях они остаются, как правило, в русле модернистских течений — с иррациональным восприятием бытия, фрейдистским психоанализом и низведением человека до роли беспомощного наблюдателя происходящих событий, — им все же удается языком фантастических образов рассказать о волнениях, страхах и надеждах среднего американца или англичанина наших дней. Лучшие новеллы отличаются мастерски построенным сюжетом и глубоким раскрытием внутреннего мира героев. Но, пожалуй, наибольшее воздействие на читателей они оказывают ошеломляющими фантастическими допущениями.

До сих пор мы говорили о писателях незаурядных. Но не следует забывать, что массовая фантастическая литература Запада и особенно США напоминает стандартные голливудские фильмы, рассчитанные на самые невзыскательные вкусы обывателей. В мутном потоке такой беллетристики найдутся и комиксы с изображением в картинках и описанием «подвигов» суперменов, и приключенческие романы «ковбойского типа», и книги, которые называются просто «фантазиями» (fantasy). В этих последних «раскрываются» тайны потустороннего мира, фигурируют призраки, вампиры, «гремлины» и прочий мистический вздор.

Известный французский писатель Пьер Гамарра, выступая на международном симпозиуме, посвященном детской литературе (Прага, 1964), так характеризует эту литературную продукцию: «Подобно тому, как существуют жестокие и зловещие волшебные сказки, существуют жестокие и зловещие рассказы в области литературной фантастики. В этом новом рождающемся жанре иногда находят место глупые, псевдонаучные и искусственно надуманные истории. Под видом фантастики протаскиваются воинственные, колониалистские и расистские сюжеты. Мы находим их, увы, слишком много в иллюстрированной продукции комиксов. Но ведь это же не научная фантастика!»

Англо-американская фантастическая литература, как серьезная, так и коммерческая, экспортируется во все страны мира. Один из ведущих американских журналов, «Фантасти-

ка и научная фантастика» («Fantasy and Science Fiction»), имеет параллельные издания в Англии, Франции, Италии, Японии и Скандинавских странах. Европейские и азиатские филиалы крупнейших издательских фирм США немедленно выпускают массовыми тиражами новинки американской фантастики — и плохие и хорошие, без разбора.

Подобно тому, как ракеты «земля — воздух», «земля — земля» с клеймом «Made in USA» помимо воли населения завозятся в страны западного мира, осуществляется американская идеологическая экспансия. Ясно, что в подобных условиях писателям-фантастам других капиталистических стран не так-то легко выдержать конкуренцию со своими американскими коллегам. Тем не менее в Японии, Франции, Италии, Скандинавских и латиноамериканских странах существует и развивается своя научно-фантастическая литература.

За последние годы несколько французских писателей — Франсис Карсак, Серж Мартель, Даниэль Дрод, Альберт Игон, Жером Сериаль — удостоены премии Жюль Верна. Пользуются популярностью и фантастические романы Рене Баржавеля, Андре Дотеля, Жана Полака и др., хотя высокая традиция научно-фантастического романа, получившая во Франции развитие еще со времен Жюль Верна, в значительной степени утеряна.

Чрезвычайно широкий интерес фантастическая литература вызывает в Японии. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что на японский язык переводятся не только книги американских и английских писателей, но и почти все, что издается в области НФ в нашей стране. Есть в Японии и свои писатели-фантасты. Весьма популярен среди юных читателей молодой астроном Сэгава, автор романов «Цветут цветы на Марсе», «61 Лебедя» и др. Но настоящую сенсацию в литературных кругах Японии вызвал приход в НФ такого серьезного писателя, как Кобо Абэ, выступившего в 1958 году с повестью «Четвертый ледниковый период». И теперь путешественникам в Страну Фантастики предстоит встреча с будущим, каким его рисует воображение этого писателя.

Наивно было бы полагать, что наступление четвертого ледникового периода и вынужденное возвращение биологически преобразованной расы людей в породившую их некогда стихию Мирового океана действительно соответствует взглядам Абэ Кобо на будущее. Это тоже своего рода социальная аллегория, навеянная противоречиями нашего сложного и беспокойного времени. И, может быть, ключом к правильному пониманию этой повести служит утверждение автора, что только Советский Союз не подвергнется катастрофе.

Один из персонажей этой повести, профессор Кадзуми, излагает взгляды на будущее как на количественное продолжение настоящего без каких-либо качественных изменений. Сам Абэ Кобо не разделяет той точки зрения, которую опровергают в повести молодые ассистенты профессора. Но именно беспомощность, неумение, а может быть, и нежелание пред-

ставить будущее иначе, нежели как прямое продолжение настоящего, — характерная черта творчества буржуазных писателей-фантастов. Они не в состоянии вообразить *ничего*, что говорило бы о качественных изменениях общественных отношений, и *ничего*, что свидетельствовало бы об изменении духовного мира человека будущего, его морали, его философии.

Герои большинства произведений меньше всего борцы за будущее. Поэтому их поступки и свершения, отнесенные даже на тысячелетия вперед и разворачивающиеся пусть даже на галактических трассах, — всего лишь повторение привычек, надежд и тревог сегодняшнего «усредненного» человека. Над ним, так же как и над самим автором, властвуют неизменные законы собственнического мира — приобретательство, обогащение, жесточайшая конкуренция и т. д. Таковы стимулы поступков и даже подвигов межзвездных капитанов, космических коммивояжеров, гениальных изобретателей-одиночек, межпланетных авантюристов, сыщиков, психологов, шпионов. И потому конфликты, положенные в основу этих книг о будущем, представляются точной, иной раз лишь более слабой копией конфликтов, которые встречаются во всей современной западной литературе, посвященной изображению не грядущих дней, а «зимы тревоги нашей».

Отношение к человеку и есть та демаркационная линия, которая разделяет два ведущих направления в мировой НФ: англо-американское и советское, или, говоря точнее, буржуазное и социалистическое.

С одной стороны, человек как игрушка судьбы или заурядный рыцарь наживы, а с другой — преобразователь мира, воплощающий в жизнь самые светлые мечты предшествующих поколений.

В социалистических странах Европы фантастика, естественно, развивается по этому второму руслу. Широко известны имена таких писателей, как Гейнц Фивег (ГДР), И. М. Штеффен и Раду Нор (Румыния), Здравко Сребров (Болгария), Ян Вайсс и Несвадба (Чехословакия), С. Лем, К. Борунь, К. Фиалковский, Я. Бялецкий, В. Жегальский (Польша).

В Польше научная фантастика имеет свои сложившиеся традиции еще со времен Маевского и Жулавского. Самым крупным представителем польской фантастики, завоевавшим международное признание, является Станислав Лем. Литератор исключительно широкой эрудиции, он включает в сферу своих интересов философию и социологию, проблемы, связанные с новейшими достижениями астрономии, биологии, медицины, кибернетики и т. д. Но вся эта эрудиция лежала бы мертвым грузом, если бы Лем не был незаурядным художником. Какой бы темой он ни касался и какой бы жанр ни использовал, захватывающий сюжет, психологические конфликты, драматические повороты действия держат в плену читателей независимо от того, сможет ли он оценить всю глубину замысла и парадоксальности конечных выводов.

Всякую фантастическую ситуацию Лем может довести до логического предела. Он дает работу мысли, заставляет думать и спорить. Но тренировка ума никогда не является для него самоцелью. На первом плане остается идейная задача, ради которой и написана та или иная вещь.

В своих первых значительных произведениях, принесших ему известность, Лем очень ясен и точен в выражении замысла. В романе «Астронавты» (1952), где рассказывается о первой экспедиции на Венеру, организованной усилиями объединенного человечества, писатель недвусмысленно предупреждает об опасностях атомной войны, уничтожившей на соседней планете разумную жизнь с ее высокой цивилизацией. В «Магеллановом облаке» (1956) Лем нарисовал широкую картину всепланетного коммунизма эпохи высшего расцвета (действие происходит в XXXII веке). Этот социально-фантастический роман большой идейной емкости и увлекательный по сюжету содержит эпизоды, проникнутые суровым трагизмом. Однако, как и «Туманность Андромеды» И. Ефремова, «Магелланово облако» в основе своей произведение оптимистическое, исполненное жизнеутверждающего пафоса.

В «Звездных дневниках Ийона Тихого» Лем в поисках новых путей отказывается от привычной литературной формы. В этих рассказах о баснословных похождениях «космического Мюнхгаузена» Лем преследует прежде всего сатирические цели. Остроумно пародируя стиль и художественные приемы мировой сатирической литературы от Рабле до Чапека, писатель высмеивает набившие оскомину штампы и трафареты современной фантастики, реакционные идеи, религиозные предрассудки, демагогические методы одурачивания и запугивания народных масс, уродливые стороны современного общественного развития.

Ийон Тихий — «знаменитый» звездопроходец, капитан дальнего галактического плавания, охотник за метеорами и кометами, неутомимый исследователь и первооткрыватель восьмидесяти тысяч трех миров, доктор honoris causa университетов обеих Медведиц, член Общества охраны малых планет и многих других обществ, кавалер орденов Млечного Пути и туманностей... — поделится воспоминаниями о своих великих открытиях, удивительных приключениях и встречах с жителями других планет и с читателями «Библиотеки современной фантастики».

Романы и повести Лема «Эдем», «Возвращение со звезд», «Солярис», «Непобедимый» обычно относят к жанру так называемых романов-предупреждений или даже «антиутоний». В этом есть, конечно, большая доля правды.

Казадось бы, что повесть «Солярис» имеет главной целью продемонстрировать непредвиденные трудности, с какими могут столкнуться исследователи Космоса. По мнению Лема, белковая жизнь может проявляться в самых неожиданных и многообразных формах. На планете Солярис «разумным обитателем» оказывается Океан — гигантский сгусток высоко-

организованной плазмы, обладающей возможностью дублировать и облекать в материальные образы наиболее сильные жизненные впечатления, сохранившиеся в памяти людей. Такова фантастическая гипотеза, определяющая развитие сюжета. Но, пожалуй, главная художественная задача писателя — обнажить внутренний мир персонажей со всеми противоречиями и подчас неясными самим людям «подсознательными комплексами». И в этом отношении С. Лем, оставаясь убежденным материалистом-диалектиком, как художник усваивает до некоторой степени современные модернистские приемы, заставляющие вспомнить Джойса или Кафку.

При поверхностном чтении повести «Непобедимый» может сложиться неправильное представление, что Лем, подобно многим американским фантастам, пытается внушить страх перед Космосом и неверие в силы разума. Ведь поединок экипажа «Непобедимого» с тучами «железных мушек» — кибернетических устройств, проделавших на планете самостоятельную эволюцию, — по существу, закончился поражением людей, вынужденных покинуть эту планету. Но следует помнить, что Регис III рассматривается как исключительный случай. Людей изгоняет отсюда не страх, а отсутствие целесообразности борьбы с «железными мушками», которые великолепно приспособились к «существованию» на этой планете. Следовательно, как подчеркивает автор, искоренение мертвой, бессмысленной «фауны» привело бы к уничтожению самой планеты. А в данном случае в этом не было нужды.

Повесть «Непобедимый» — одно из сильнейших произведений Лема. Невероятную фантазию о возможности механической формы «жизни» писатель облекает в пластические зримые образы. И самое главное — он рисует сильных, мужественных, целеустремленных людей, способных на любые подвиги и жертвы ради установления научной истины.

Мы готовы поверить Лему, что главный астроголор «Непобедимого» Хорпах и его молодой помощник Рохан — это люди будущего, такие же, как Тер-Хаар, Ирьола, Гообар и другие персонажи «Магелланова облака». Но именно поэтому читателю будет нелегко воспринять побудительные причины, заставившие Лема изобразить в повести «Возвращение со звезд» (1961) благополучный, унылый и застывший, как вздыбившаяся и вдруг окаменевшая волна, мир будущего, который открывается взорам космонавтов, вернувшихся на Землю после двадцатисемилетнего отсутствия.

В этом мире нет никаких конфликтов, никаких противоречий — ни в личной, ни в общественной жизни. Все до последней мелочи механизировано, люди почти полностью вытеснены из сферы производства и управления всевозможными автоматами и роботами, исполняющими любую прихоть любого человека. Изображая такое благополучное, а по сути дела, деградирующее общество, Лем хочет показать, к чему бы привели мещанские мечтания о «потребительском» коммунизме, если бы они действительно осуществились. Какими без-

деятельными и равнодушными стали бы люди, если бы они утратили стимулы для дальнейшего развития, для преодоления все новых и новых препятствий, если бы они отказались от дороги к звездам.

До сих пор мы имели дело с «романами-предупреждениями» о возможных последствиях атомных катастроф или установления господства черной фашистской диктатуры. «Возвращение со звезд» — предупреждение иного рода — против неправильного, одностороннего понимания идеального общества будущего, в котором от двучленной формулы «от каждого по способностям, каждому по потребностям» отсекается первая ее часть.

Сам Лем в предисловии к русскому изданию так раскрывает замысел своего произведения: «Я хотел написать повесть о будущем, но не о таком будущем, которого я бы желал. Следовательно, о таком, которого нужно остерегаться». Серьезной опасностью писатель считает разные варианты представлений о «розовом будущем»: «Там, где все достается без труда, — шипет он, — все ценности утрачиваются. Правда, мир без риска — это мир без страха, но зато и без смелости. И, наконец, человек, если его одним усилием преобразить в ангела, превратится в существо, которое заодно освободится не только от страданий и трагедий, но также и от надежд и стремления достигнуть более трудной цели».

Нет надобности напоминать, как опасно заблуждение, будто для построения нового, совершенного общества достаточно лишь одного фактора — всеобщего и прочного материального благополучия. Ведь процесс создания материальной базы общества неотделим от процесса становления общественного сознания. А от этого, собственно, и зависит разумное и целесообразное использование материальных благ. Не менее опасным было бы и заблуждение, о котором предупреждает нас повесть Лема, — о возможности переделки сознания человека лишь путем искусственного воздействия на его гормональную систему (в повести — так называемая «бестризация»).

В изображенной писателем потребительской, мещанской идиллии общество пренебрегает таким важнейшим средством воздействия на сознание людей, как использование исторического опыта поколений и систематического целенаправленного воспитания.

К сожалению, судьей этого «нового лучшего мира» становится у Лема вернувшийся из звездной экспедиции космонавт Хэл Брегг, довольно ограниченный американец, не способный мыслить широкими социальными категориями и готовый во имя своего личного счастья примириться с этим «пастеризованным» обществом.

В советской НФ тема социальных преобразований по взаимосвязи с развитием науки и техники была и остается ведущей. По коммунистическое будущее в произведениях наших фантастов никогда не изображалось в тонах сплошной идил-

лии: полное благополучие, самоуспокоенность, отсутствие всяких конфликтов. Напротив! Герои повестей и романов, действие которых происходит в близком или далеком будущем, вечно в искаханиях; они испытывают чувство неудовлетворенности достигнутым, дающее стимул дальнейшему поступательному движению, полны жажды деятельности, задумывают и совершают грандиозные дела, идут на великие подвиги. И если им приходится жертвовать собой в извечной борьбе с природой, то даже гибель их становится оптимистической трагедией.

Эти особенности характерны как для самых ранних утопических романов, родившихся на заре нашей эпохи (В. Итин «Страна Гонгури», Я. Окунев «Грядущий мир»), так и для произведений последующих десятилетий.

Почву для бурного подъема НФ в нашей стране подготовила сравнительно малочисленная группа писателей-энтузиастов, начавших свою деятельность в годы первых пятилеток. Это был период, когда на любое прогнозирование, на любую попытку мысленно построить каркас грядущего, если только она не исходила от одного-единственного человека — Сталина, накладывалось вето.

И хотя многие книги того времени кажутся сейчас устаревшими, нельзя не отдать должное мужественному и непреклонному Александру Беляеву, который в обстановке равнодушия и постоянных нападков критики создал целую серию увлекательных и политически острых произведений НФ. Нельзя замалчивать и такие романы, как «Тайна двух океанов» Г. Адамова, «Арктания» Гребнева, «Генератор чудес» Ю. Долгушина, «Пылающий остров» и «Мол Северный» А. Казанцева, которые пробуждали жажду поиска, благородного подвига в миллионах подростков.

На рубеже сороковых-пятидесятых годов заметно тормозила развитие советской НФ теория так называемого «ближнего прицела», преодолеть которую оказалось возможным только после Двадцатого съезда КПСС. Огромную роль сыграло и ураганное развитие науки, позволившее человечеству вступить на порог Космоса и одновременно проникнуть в тайное тайных микромира.

С конца пятидесятых и в начале шестидесятых годов советская НФ сделала решительный количественный и, что еще более важно, качественный скачок вперед. Немало способствовало этому появление «Туманности Андромеды» И. Ефремова, романа мирового значения, определившего позитивно-гуманистическое направление советской НФ.

За несколько лет расстановка литературных сил решительно изменилась: около сорока активно действующих писателей по сравнению с четырьмя-пятью, которые подвизались на этой ниве несколько лет назад. Библиотека советской НФ пополняется сейчас силами целого отряда литераторов.

Г. Альтов, П. Аматауни, О. Бердник, И. Варшавский, С. Гансовский, Г. Гор, А. Громова, Г. Гуревич, А. Днепров, И. Еф-

ремов, В. Журавлева, А. Казанцев, Л. Лагин, О. Лариопова, Г. Мартынов, А. Мееров, В. Невинский, В. Пальман, А. Полещук, И. Росохватский, В. Савченко, В. Сапарин, Н. Томан, А. Шалимов и писатели, выступающие в творческом содружестве: Войскунский и Лукодянов, Емцев и Парнов, В. Зубков и Е. Муслин, М. Немченко и Л. Немченко, Рич и Черненко, А. Стругацкий и Б. Стругацкий — вот далеко не полный перечень имен. Лучшие рассказы многих названных писателей войдут в антологии «Библиотеки современной фантастики».

Широта тематического и творческого диапазона, многообразие жанров и поиски индивидуального стиля не вступают в противоречие с теми принципами, которые столь резко отличают социалистическую НФ от буржуазной.

Советская НФ не устрашает своих читателей, не тянет к прошлому, а зовет бестрепетно идти вперед.

Советская НФ не отнимает надежду, но вселяет ее в каждого, кто не лишен способности мечтать.

Советская НФ не принижает человека, но поднимает его, наделяя героическим характером борца-исследователя, борца-созидателя.

Советская НФ подходит к своему герою с высокой нравственной требовательностью, как к новому человеку, живущему в новом мире.

Советская НФ, пользуясь диалектическим методом познания, не пренебрегает объективными законами природы и общественного развития, и потому она научна даже и в тех случаях, когда в произведениях отсутствует какая-либо конкретная научная или техническая гипотеза.

Иван Ефремов, крупный ученый-палеонтолог и писатель с мировым именем, является признанным авторитетом и главой новой, «интеллектуальной школы» советской НФ.

Начав свой литературный путь с фантастических рассказов на геологические и палеонтологические темы, с «Рассказов о необыкновенном», Ефремов с конца сороковых годов приступил к созданию цикла масштабных «космических» произведений, который открывается повестью «Звездные корабли». В этой прелюдии к покоряющей воображение гипотезе Великого Кольца Миров писатель выступает как убежденный сторонник антропоцентрического взгляда на развитие разумной жизни во вселенной. Опираясь на цепь логических доказательств, он приходит к выводу, что в относительно сходных условиях законы биологической эволюции единообразны и неизбежно приводят на различных планетах к созданию высшей формы мыслящей и самопознающей материи — человека. В «Звездных кораблях» писатель так формулирует эту идею: «Форма человека, его облик как мыслящего животного не случаен. Он наиболее соответствует организму, обладающему огромным мыслящим мозгом. Между враждебными силами космоса есть лишь узкие коридоры, которые испускают жизнь, и эти коридоры строго определяют ее облик. По-

этому всякое другое мыслящее существо должно обладать многими чертами строения, сходными с человеческими, особенно в черепе».

Как известно, эта точка зрения разделяется далеко не всеми писателями. Например, Лем, как мы знаем, придерживается прямо противоположных взглядов. Но убежденный антропоцентризм, так, как его понимает Ефремов, открывает перед ним широкие возможности для обоснования высокогуманной поэтической идеи контактов разумных цивилизаций во вселенной. И эта концепция, получившая всестороннее развитие в романе «Туманность Андромеды» и повести «Сердце змеи», в первоначальном виде нашла свое выражение также в «Звездных кораблях»: «У нас на Земле и там, в глубинах пространства, расцветает жизнь — могучий источник мысли и воли, который впоследствии превратится в поток, широко разлившийся по Вселенной. Поток, который соединит отдельные ручейки в могучий океан мысли».

Авторы этих строк посвятили творчеству Ефремова монографический очерк «Через горы времени» («Советский писатель», 1963), где основное место занимает разбор «Туманности Андромеды», этого сложнейшего, многопланового произведения современной литературы, в котором, как и во всем творчестве Ефремова, труд художника органически соединяется с трудом ученого. Ограниченный объемом вступительной статьи, мы остановимся здесь только на некоторых исходных положениях, облегчающих понимание романа.

Прежде всего бросается в глаза подробнейшая разработка автором всей системы социальных институтов и общественных отношений Эры Великого Кольца. Если бы идеи Ефремова были приняты за основу на высшем этапе всепланетного коммунизма, то «Туманность Андромеды» можно было бы рассматривать не только как роман, но и как своего рода учебник нового обществоведения.

Сила воздействия романа Ефремова не в какой-то особой увлекательности и остроте сюжета. Покоряют конструктивные идеи автора, убежденного, что человечество способно в конечном счете преодолеть раздирающие его противоречия и создать действительно прекрасный мир. И не случайно этот роман получил такое широкое распространение за рубежом. Проложенный писателем мостик над безднами отчаяния и неверия помогает многим людям Запада, живущим только сегодняшним днем, увидеть, при всей ее фантастичности, перспективу, вселяющую надежды.

Экспедиции к другим звездным системам, изменение климата, целесообразное переустройство всей земли изображены в романе как прямое следствие тех поистине неограниченных возможностей, которыми коммунизм вооружает человека. Все события, развертывающиеся в «Туманности Андромеды»: тридцать седьмая звездная экспедиция, вынужденное пребывание звездолета Тантра на планете мрака, постоянная связь, с мыслящими обитателями других миров, осуществляе-

мая в Эру Великого Кольца, «подвиги Геркулеса», которые должен совершить каждый молодой человек перед вступлением в самостоятельную жизнь, новая система воспитания детей — все это выражает направляющую идею романа о могуществе человека, поднявшегося на вершину новых общественных отношений.

И. Ефремов стремится показать новых людей, свободных от всех «родимых пятен» прошлого. Его интересуют разные стороны общественной и частной жизни, личные взаимоотношения героев, каждый из которых гармонически сочетает в себе лучшие качества человека: духовное богатство, смелость мысли, моральную чистоту и физическое совершенство.

Писатель превосходно передает ощущение необычной для нас обстановки и напряженно-интеллектуальной атмосферы творческих исканий, окружающей людей той отдаленной эпохи. Несомненный эффект сопричастности читателя к изображенному в романе миру будущего достигается разнообразными способами. Прежде всего это тщательное обоснование замысла в рамках фантастического сюжета — от самых грандиозных обобщений до мельчайших деталей. Это также единый психологический «настрой», выдержанный в отношении всех событий, поступков и явлений, которые преломляются сквозь призму сознания людей Эры Великого Кольца, сознания, очищенного от досадных мелочей и приспособленного к отвлеченному теоретическому мышлению.

Все герои романа — настоящие рыцари науки. И если не все они могут стать в один ряд с такими гигантами мысли, как Рен Боз, Мвен Мас или Дар Ветер, то все равно уровень интеллекта и необыкновенное многообразие интересов делают их в наших глазах почти гениальными. Надо правильно понять мысль автора: ведь речь идет не о том, что все люди Земли станут научными работниками, а о том, что научные знания станут достоянием всех.

С переходом всего человечества к социализму и коммунизму закон развития научных знаний в геометрической прогрессии будет действовать беспрепятственно. Если бы на помощь ученым не пришли электроника и кибернетика, то могло бы создаться парадоксальное положение, о котором пишет Джон Бернал: при существующих темпах роста науки и числа людей, занятых в ней, приблизительно через 250 лет все взрослое население мира было бы занято только научными исследованиями.

Таким образом, роман Ефремова соотносится с нашими представлениями о гигантском научном потенциале будущего. «Туманность Андромеды» — это подлинный гимн Науке, которая в добрых и умелых руках становится могучим орудием преобразования вселенной, во имя торжества не только людей Земли, но и всех носителей высшего разума, объединившихся в Великом Кольце Миров.

Последний по времени большой роман И. Ефремова «Лезвие бритвы» (1964), строго говоря, нельзя отнести к научной

фантастике, хотя в нем и есть некоторые допуски, выходящие за грани реального. Привлекая материал из разных областей знания, писатель доказывает, что задача развития всех потенциальных возможностей, заложенных в человеке, может и должна решаться уже в наши дни. Тем самым «Лезвие бритвы» открывает принципиально новые подходы к изображению человека будущего.

Все произведения И. Ефремова, начиная с «Рассказов о необыкновенном» и кончая «Лезвием бритвы», — звенья одной цепи, определяющей стремление писателя видеть в «реке времени» единый, диалектически развивающийся исторический процесс — от зарождения жизни и разума до высочайших вершин человеческой мысли и знания.

За последние годы особое внимание не только у нас, но и за границей привлекает к себе творчество Аркадия и Бориса Стругацких. Казалось бы, они пришли в НФ по проторенной дороге путешествий и приключений в Космосе. Но даже в своих первых книгах — «Страна багровых туч» и «Путь на Амальтею», — сохраняя еще связь с популяризаторскими традициями фантастической литературы, молодые писатели сосредоточили главное внимание на раскрытии характеров героев. Одни и те же персонажи — члены экипажа космического корабля «Тахмасиб», — с которыми читатель впервые встретился в «Стране багровых туч», переходят из книги в книгу, вырастая на наших глазах, как люди новой формации, наделенные лучшими чертами лучших людей нашего времени. Видеть в настоящем зародыши будущего и то, что сегодня воспринимается как нечто исключительное, делать достоинством всех живущих в эпоху коммунизма — таково кредо авторов «Страны багровых туч», «Возвращения», «Стажеров», «Попытки к бегству», «Далекой Радуги», «Трудно быть богом».

В каждой повести Стругацких мы сталкиваемся со стремлением писателей найти, раскрыть и обосновать те новые конфликты, которые, по всей видимости, вырастут на почве будущего и станут типичными для человека, которому придется решать массу новых сложнейших этических и философских проблем. Особое значение придается вопросам нравственности. Преодолевать собственные слабости и недостатки. Уметь понять душевное состояние другого человека и вовремя прийти ему на помощь. Ненавидеть и презирать равнодушные — эту коррозию, разъедающую человеческую психику.

Все книги Стругацких пронизаны активной ненавистью к мещанству. Но речь идет не о тюлевых занавесках и горшочках с геранью, не о модах и вкусах в быту, а о душевной черствости, самоуспокоенности, безразличии к окружающему, пренебрежении ко всему, что не входит в круг узколичных интересов. Сытое, тупое мещанство всегда служит почвой, на которой вырастают чудовищные цветы зла — любые инстинкты насилия, вплоть до фашистской диктатуры.

Мещанская психика как пережиток прошлого, к сожалению, еще не исчезла из нашей жизни. И потому непримир-

мость Стругацких к любому проявлению «реликтовых» форм сознания воспринимается так остро и злободневно. Ведь в конце концов за фантастическими ситуациями таких повестей, как «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Хищные вещи века», скрывается все та же воинствующая тенденциозность писателей, ведущих последовательную и непримиримую борьбу за утверждение моральной доблести и высокой общественной сознательности наших молодых современников.

Изображая будущее, Стругацкие выдвигают на первый план острые, а иной раз даже трагические конфликты, к которым приводят неизбежные противоречия между стремлением человека покорить Вселенную и сопротивлением косной материи; между творческой одержимостью коллектива ученых и общественной целесообразностью, лимитирующей их действия; между субъективным пониманием нравственного долга и объективными историческими закономерностями, которые иногда заставляют отказаться от поступка-подвига, преждевременного в данных условиях.

Стругацкие уклоняются от готовых решений, избегают повторения пройденного. Для них важнее поставить какую-то сложную нравственную проблему и заставить читателей задуматься, нежели подсказать готовый ответ.

На Далекой Радуге, планете, где под воздействием экспериментов ученых волна преобразованной материи угрожает смести все живое, возникает дилемма: кого спасти, кого вывезти на единственном звездолете — крупнейших физиков Земли вместе со всеми материалами их исследований или группу детей, оказавшихся на этой опасной планете?

Прав ли был Румата Эсторский, когда он вопреки своим убеждениям проложил мечом кровавую дорогу во дворец и убил деспота? Мы же знаем, что под личиной благородного дон Руматы скрывался посланец Земли, ученый Антон, выполнявший на далекой планете особые задания «Института экспериментальной истории». И тут вступают в действие законы исторической необходимости, которые не могут в разных условиях восприниматься однозначно. Разве могли сотрудники «Института экспериментальной истории» предусмотреть, что «базисная теория феодализма» развалится как картонный домик, когда средневековый Арконар неожиданно станет центром феодально-фашистской агрессии? («Трудно быть богом»).

Столь же остро спорные морально-философские вопросы поставлены и в повестях «Попытка к бегству» и «Хищные вещи века».

Не только герои Стругацких, но и они сами находятся в неустанных поисках. В каждой новой книге раскрываются какие-то новые грани их незаурядного таланта. Огоньки юмора, сверкающие в лобом их произведении, как бы соединились в фейерверк остроумия в озорной фантастической повести «Понедельник начинается в субботу». В стенах «Научно-исследовательского института чародейства и волшебства»

(НИИЧАВО) сказочные возможности современной науки приходят на помощь персонажам из народных сказок.

И еще одна привлекательная особенность творчества Аркадия и Бориса Стругацких. При всем драматизме ситуаций, с которыми сталкиваешься почти в каждом произведении, конечный вывод всегда оптимистичен, всегда открывает далекую и заманчивую перспективу.

«Мое воображение, — говорит один из героев повести «Возвращение. Полдень XXII век», — всегда поражала ленинская идея о развитии общества по спирали, от первобытного коммунизма, коммунизма нищих, нищих телом и духом, через голод, кровь, войны, через сумасшедшие несправедливости, к коммунизму неисчислимых материальных и духовных богатств. С коммунизма человек начал и к коммунизму вернулся, и этим возвращением начинается новая ветвь спирали, такая, что подумать — голова кружится. Совсем-совсем иная ветвь, не похожая на ту, что мы прошли. И двигает нас по этой новой ветви совсем новое противоречие: между бесконечностью тайн природы и конечностью наших возможностей в каждый момент. И это обещает впереди миллионы веков интереснейшей жизни».

Е. БРАНДИС, В. ДМИТРЕВСКИЙ

Чудесный синтез

Этого ожидали. В научных журналах появились сообщения об антипротоне и мезоатомах, странных свойствах нуклеиновых кислот и железных закономерностях систематики странных частиц. Слова «кибернетика» и «ген» перекочевали со страниц «Крокодила» на страницы журнала «Техника — молодежи». Свежий ветер XX съезда веял над планетой, и все верили, что этот ветер поможет расправить крылья первому партнеру одинокой Луны.

Но лишь посвященные знали, что чьи-то умные, заботливые руки уже собирают в дорогу этого первенца космической эры.

Появились серьезные статьи о проблемах научной фантастики. Родилось крылатое выражение «время обгоняет фантастов», которое сразу превратилось в газетный штамп. «Технологическая» фантастика ближнего прицела копалась в радиосхемах, выдумывала хитроумные реле и пыталась конкурировать с квадратно-гнездовым посевом. И время действительно обгоняло ее.

Вот в какое время «Техника — молодежи» стала печатать из номера в номер новый роман Ивана Антоновича Ефремова «Туманность Андромеды».

У газетных киосков выстраивались длинные очереди. Люди жадно проглатывали строчки. Медленно, с улыбкой закрывали журнал. Сакраментальное «продолжение следует» оставляло двойственное чувство. Конечно, хорошо, что роман еще не кончается, но так хочется поскорее узнать, что будет дальше..

В обсуждении нового произведения советского фантаста приняла участие вся страна. Короткие романтические имена его героев звучали в заводских цехах,

в залах библиотек, в институтских лабораториях. Академики спорили с горячностью и нетерпимостью детей. Пионеры блистали неожиданной эрудицией. Сузубо термодинамическое понятие «энтропия» вдруг стало почти общепотребительным.

За границей роман выходил миллионными тиражами. В одной лишь Франции были проданы сотни тысяч книг. «Туманность Андромеды» рассказала зарубежному читателю о нашей стране и коммунизме больше и лучше, чем многие предназначенные для заграницы издания.

Уже впоследствии, на пресс-конференциях наших космонавтов, выяснилось, как прочно вошли в лексикон аккредитованных корреспондентов и научных обозревателей некоторые ефремовские слова и выражения. Едва ли можно назвать другую книгу, которая бы так полно и ясно выражала свое время, как «Туманность Андромеды».

Действие романа происходит в далеком будущем. Настолько далеко, что даже сам автор затруднялся в «размещении» своего повествования на шкале времени. Очевидно, это не случайно. Прогнозам фантастов суждено сбываться ранее намеченных сроков. Время не обгоняет фантастов. Просто оно течет быстрее, чем это им кажется. Оно становится все более емким. Сначала «эпохами» были тысячелетия, потом столетия. Атомная эпоха потребовала уже десятки лет, космическая — годы. Будущее, наверное, станет листать эпохи, как листки календаря...

«Туманность Андромеды» — роман о бесклассовом, интернациональном обществе, о великом братстве разума. Разве это не воплощение мечты лучших людей прошлого? Разве это не цель нашего времени?

Он появился удивительно вовремя. Чуть раньше он выглядел бы как очередная утопия с весьма произвольной конструкцией социальных институтов будущего. Появись он в середине шестидесятых годов, капитан звездолета Эрг Ноор оценивался бы уже читателем, знающим Юрия Гагарина. Вероятно, в этом случае писатель сделал бы своего героя несколько иным, более соответствующим духу времени...

И вместе с тем книга Ефремова и сегодня глубоко современна! И будет современна завтра. Она не только дышит насущными идеями сегодняшнего дня, она живет вместе с нами.

«Еще не была окончена публикация этого романа в журнале, а искусственные спутники уже начали стремительный облет вокруг нашей планеты, — говорится в авторском предисловии к первому изданию книги. — Перед лицом этого неопровержимого факта с радостью сознаешь, что идеи, лежащие в основе романа, — правильны... Чудесное и быстрое исполнение одной мечты из «Туманности Андромеды» ставит передо мной вопрос: насколько верно развернуты в романе исторические перспективы будущего? Еще в процессе писания я изменял время действия в сторону его приближения к нашей эпохе... При доработке романа я сократил намеченный срок сначала на тысячелетие. Но запуск искусственных спутников Земли подсказывает мне, что события романа могли бы совершиться еще раньше».

«Туманность Андромеды» родилась на пороге штурма космического пространства, когда слово «космонавт» было полностью монополизировано фантастами. Теперь космонавт — профессия, звание; мы привыкли видеть это слово в газетах, слышать по радио. Даже проблема связи с братьями по разуму из фантастического ведомства перешла к ученым, которые ежедневно посылают в направлении Альфы Центавра и Тау Кита радиосигналы на волне излучения космического водорода. Все это как будто бы серьезные испытания для научно-фантастической книги. Так и подмывает сказать, что «время обгоняет фантастов».

Возьмем для примера главу «Симфония фа-минор цветовой тональности 4,750 мю», посвященную цветомузыке будущего. Сегодняшним читателем она воспринимается в сравнении с реальными цветомузыкальными концертами.

Но разве это что-нибудь меняет? Разве теперь мы с меньшим удовольствием читаем о «вселенско-спиральном» творении Зига Зора, чем несколько лет назад? Или накопленные в последнее время сведения

об эволюции звезд, о гиперонных сгустках или гравитационном коллапсе что-либо существенно меняют в нашем восприятии сцен борьбы экипажа «Тантры» с чудовищным притяжением Железной Звезды? Очевидно, дело не только, вернее не столько, во внешнем фоне, сколько в достоверности описываемых ситуаций, динамике развития характеров, жизненных конфликтов.

Что меняется от того, что сегодня физики подбираются к таким тайнам пространства — времени и вещества поля, какие, наверное, и не мерещились Мвену Масу или Рен Бозу? Очарование романа не ослабевает от времени.

«Туманность Андромеды» — это будущее, но не столько аналитически предвидимое, сколько желаемое, смутно угадываемое, тревожно и маняще мерцающее в глубинах сердца. Это будущее, каким его видит Ефремов и каким оно ассоциативно встает в мозгу читателя. Это похоже с поэзией. Но на первый план здесь выступают не изысканные метафоры или полутона символов, а весь комплекс приемов художественной прозы, помноженный на логику ученого. Вот где истинное место тех или иных ошеломительных гипотез и обильных фантастических неологизмов! Попробуйте их убрать, и вся повествовательная ткань увлекательного романа рассыплется. В чем же здесь дело? Нет ли какой-то потаенной обратной связи между поэзией человеческих отношений и этим величественным фоном, на котором разворачивается грандиозная эпопея эры Великого Кольца? Эта обратная связь и является одним из главных орудий творческой лаборатории Ивана Антоновича Ефремова. Ее трудно определить, далеко не всегда она прослеживается достаточно явно... Но истоки ее более или менее ясны. Она рождается на стыках поэзии и науки, как зародыши новых путей познания мира синтетическим методом науки и искусства. Отсюда же происходит и удивительная реальность, неожиданное правдоподобие самых порой фантастических сцен.

Лучшая, на наш взгляд, глава романа, повествующая о Тибетском опыте, оставляет не менее сильное

впечатление, чем рассказ «Олгой хорхой»: просто нельзя поверить, что это «только» выдуманно, а не взято из жизни. И опять-таки весь секрет в чудесном синтезе. Вековая и никогда не покидающая человеческое подсознание мечта о бессмертии, стихийное влечение к невозможному, жажда идеальной, самой совершенной любви — все эти могучие аккорды отзываются в душах читателей. Так создается настроение, тонкое и чуткое, как струна. И чтобы не спугнуть, не расстроить его, нужно максимальное приближение к действительности. Оно достигается за счет блестящего видения самых мельчайших деталей, неотличимой от «строгой» науки наукообразности. Но даже всего этого было бы мало, если бы писатель ошибся только в одном: в выборе пути, по которому должно идти познание. Там, где кончается власть художника и интуиция поэта, начинается ученый. И, улавливая идеи, которые носят в грозовой атмосфере сегодняшней теоретической физики, доктор наук Ефремов дает в руки Рен Боза власть над временем и пространством. Чуть-чуть переиграть, сказать на одно слово больше, попытаться ярче обрисовать то, что вообще нельзя передать на человеческом языке, — и очарование тайны разлетится.

Вот он, приблизительный многоступенчатый механизм создания моста через невозможность, музыки дальних сфер и звездной тоски. Да было ли оно, это великое мгновение? Или все одна только иллюзия, прекрасная галлюцинация, оставившая в зале Тибетской обсерватории запах далекого, как безвременье, океана? Мы так и не узнаем об этом, как не узнали и герои романа. Так создается эффект присутствия, так повелительно и незаметно читатель вовлекается в развитие действия, как соучастник, а иногда и как творец. Элемент недосказанности позволяет конструировать возможные события в зависимости от индивидуальных особенностей того или иного читателя. Вот почему не смолкают споры вокруг произведений Ефремова. И не будут смолкать. Ведь очень редко можно сказать, кто прав на поле битвы, где схлестнулись не только интеллекты и вкусы, но и характеры.

Роман «Туманность Андромеды» породил целый поток эпигонской литературы. Мало кто из фантастов избежал в своем творчестве влияния этого замечательного произведения. Одно время казалось, что фантасты долго еще будут находиться в плену ефремовского «местного колорита». Однако этого не произошло. Очень скоро выяснилось, что подражать Ефремову нельзя. Даже наиболее талантливые попытки выглядели в лучшем случае пародиями. Вероятно, это закономерно. «Туманность Андромеды» не только явилась той блистательной гранью, которая отделила зарождавшуюся тогда молодую советскую фантастику от фантастики ближнего прицела, но и сама явилась эпохой в развитии фантастики. Поэтому возврат к ней бесплоден и невозможен.

В творчестве Ефремова «Туманность Андромеды» по праву занимает ведущее место. Мы ясно видим преемственность идей, все круче разворачивающих свои витки от «Звездных кораблей» к «Туманности Андромеды».

Воинствующий, часто даже декларативный антропоцентризм вызывает ожесточенную полемику и яростные словесные битвы...

Кипучий талант писателя не терпит равнодушия, и книги Ефремова никого не оставляют равнодушными, вне зависимости от того, разделяют или нет читатели идеи писателя. В этом еще одна, может быть самая сильная, черта его таланта.

И очень символично, что в день запуска первого искусственного спутника писатель получил телеграмму, в которой его поздравляли с началом эры Велико-го Кольца.

М. ЕМЦЕВ, Е. ПАРНОВ

A horizontal line passes through the center of a dark, textured circle. The text is centered within the circle.

**Звезд-
ные
корабли**

У порога открытия

Когда вы приехали, Алексей Петрович? Тут много людей вас спрашивали.

— Сегодня. Но для всех меня еще нет. И закройте, пожалуйста, окно в первой комнате.

Вошедший снял старый военный плащ, вытер платком лицо, пригладил свои легкие светлые волосы, сильно поредевшие на темени, сел в кресло, закурил, опять встал и начал ходить по комнате, загроможденной шкафами и столами.

— Неужели возможно?! — подумал он вслух.

Подожел к одному из шкафов, с усилием распахнул высокую дубовую дверцу. Белые поперечины лотков выглянули неожиданно светло из темной глубины шкафа. На одном лотке стояла кубическая коробочка из желтого, блестящего, твердого, как кость, картона. Поперек обращенной к дверце грани куба проходила наклейка серой бумаги, покрытая жирными черными китайскими иероглифами. Кружки почтовых штемпелей были разбросаны там и сям по поверхности коробочки.

Длинные бледные пальцы человека слабо коснулись картона.

— Тао-Ли, неизвестный друг! Пришло время действовать.

Тихо закрыв дверцы шкафа, профессор Шатров взял потертый портфель, извлек из него поврежденную сыростью тетрадь в сером гранитолевом переплете. Осторожно разделяя слипшиеся листы, профессор просматривал через увеличительное стекло ряды цифр и время от времени делал какие-то вычисления в большом блокноте.

Груда окурков и горелых спичек росла в пепельнице; воздух в кабинете посинел от табачного дыма.

Необычайно ясные глаза Шатрова блестели под густыми бровями. Высокий лоб мыслителя, квадратные челюсти и резко очерченные ноздри усиливали общее впечатление незаурядной умственной силы, придавая профессору черты фанатика.

Наконец ученый отодвинул тетрадь.

— Да, семьдесят миллионов лет! Семьдесят миллионов! Ок! — Шатров сделал рукой резкий жест, как бы протыкая что-то перед собой, оглянулся, хитро прищурился и снова громко сказал: — Семьдесят миллионов!.. Только не бояться!

Профессор неторопливо и методично убрал свой лисьменный стол, оделся и пошел домой.

Шатров быстро вошел в свою комнату, окинул взглядом размещенные во всех углах «бронзюшки», как он пазывал свою коллекцию художественной бронзы, уселся за покрытый блестящей черной клеенкой стол, где бронзовый краб нес на своей спине огромную чернильницу, и раскрыл альбом.

Прекрасный художник-самоучка, он всегда находил успокоение в рисовании. Но сейчас даже хитро задуманная композиция не помогла ему справиться с нервным возбуждением. Шатров захлопнул альбом, вышел из-за стола и достал пачку истрепанных нот. Скоро старенькая фисгармония заполнила комнату невучими звуками брамсовского интермеццо. Играл Шатров плохо и редко, но всегда смело брался за трудные для исполнения вещи, не смущаясь своей неумелостью,

так как играл только наедине с самим собой. Близорук щурясь на нотные строчки, профессор вспомнил все подробности своей необычайной для него, кабинетного схимника, недавней поездки.

Бывший ученик Шатрова, перешедший на астрономическое отделение, разрабатывал оригинальную теорию движения солнечной системы в пространстве. Между профессором и Виктором (так звали бывшего ученика) установились прочные дружеские отношения. В самом начале войны Виктор ушел добровольцем на фронт, был отправлен в танковое училище, где проходил длительную подготовку. В это время он занимался и своей теорией. В начале 1943 года Шатров получил от Виктора письмо. Ученик сообщал, что ему удалось закончить свою работу. Тетрадь с подробным изложением теории Виктор обещал выслать Шатрову немедленно, как только перепишет все начисто. Это было последнее письмо, полученное Шатровым. Вскоре его ученик погиб в грандиозной танковой битве.

Шатров так и не получил обещанной тетради. Он предпринял энергичные розыски, не давшие результатов, и, наконец, решил, что танковую часть Виктора ввели в бой так стремительно, что ученик его попросту не успел послать ему свои вычисления. Неожиданно, уже после окончания войны, Шатрову удалось разыскать майора, начальника покойного Виктора. Майор участвовал в том самом бою, где был убит Виктор, и теперь лечился в Ленинграде, где работал сам Шатров. Новый знакомый уверил профессора, что танк Виктора, сильно разбитый прямым попаданием, не горел и поэтому есть надежда разыскать бумаги покойного, если только они находились в танке. Танк, как думал майор, должен был и теперь стоять на месте сражения, так как оно было вскоре сильно заминировано. Профессор и майор совершили совместную поездку на место гибели Виктора.

И сейчас перед Шатровым из-за строчек потрепанных нот вставали картины только что пережитого.

— Стойте, профессор! Дальше ни шагу! — кричал оставший майор.

Шатров послушно остановился, горбясь и склоняя вперед голову, сухой и быстрый.

Впереди, на залитом солнцем поле, неподвижно стояла высокая сочная трава. Жемчужные капли росы искрились на листьях, на пушистых шапочках сладко пахнущих белых цветов, на конических лиловых соцветиях иван-чая. Насекомые, согревшиеся под утренним солнцем, деловито жужжали над высокой и яркой травой. Дальше лес, иссеченный снарядами три года назад, раскидывал тень своей зелени, прорванной неровными и частыми просветами, напоминавшими о медленно закрывающихся ранах войны. Поле было полно буйной растительной жизни. Но там, в гуще некошенной травы, скрывалась смерть, настороженная рукою врага, еще не уничтоженная, не побежденная временем и природой.

Быстро растущая трава скрыла израпennую землю, изрытую снарядами, минами и бомбами, вспаханную гусеницами танков, усеянную осколками и политую кровью...

Шатров увидел разбитые танки. Полускрытые бурьяном, они мрачно горбились среди цветущего поля, с потоками красной ржавчины на развороченной броне, с приподнятыми или опущенными пушками. Направо, в маленькой впадине, чернели три скупившиеся машины, обгоревшие и неподвижные. Немецкие пушки смотрели прямо на Шатрова, будто мертвая злоба и теперь еще заставляла их яростно устремляться к белым и свежим березкам опушки.

Дальше, на небольшом холме, один танк вздыбился вверх, надвинувшись на другую, повалившуюся набок машину. За зарослями иван-чая была видна лишь часть ее башни с грязно-белым крестом. Налево широкая пятнистая серо-рыжая масса «фердинанда» склоняла вниз длинный ствол орудия, утопавший концом в гуще травы.

Цветущее поле не пересекалось ни одной тропинкой, ни одного следа человека или зверя не было видно в плотной заросли бурьяна, ни звука не доносилось оттуда. Только встревоженная сойка резко трещала где-то сверху да издали доносился шум трактора.

Майор взобрался на поваленный ствол дерева и долго стоял неподвижно. Молчали и двое провожатых и шофер майора, отдавая дань уважения сражавшемуся здесь советскому человеку...

Шатрову невольно вспомнилась полная торжественной печали латинская надпись, обычно помещавшаяся в старину над входами в анатомические театры: «*Nis locus est, ubi mors gaudet succurrere vitam*», в переводе означавшая: «Это — место, где смерть ликует, помогая жизни».

К майору подошел маленького роста сержант — начальник группы саперов. Веселость его показалась Шатрову неуместной.

— Можно начинать, товарищ гвардии майор? — звонко спросил сержант. — Откуда поведем?

— Отсюда. — Майор ткнул палкой в куст боярышника. — Направление — точно на ту березку...

Сержант и приехавшие с ним четыре бойца приступили к разминированию.

— Где же тот танк... Виктора? — тихо спросил Шатров. — Я вижу только немецкие.

— Сюда посмотрите, — повел рукой майор налево, — вот вдоль этой группы осин. Видите — там маленькая березка на холме? Да? А правее ее — танк.

Шатров старательно присмотрелся. Небольшая береза, чудом уцелевшая на поле сражения, едва трепетала своими свежими нежными листочками. И среди бурьяна в двух метрах от нее выступала грудa искорканного металла, издалека казавшаяся лишь красным пятном с черными провалами.

— Видите? — спросил майор и на утвердительный жест профессора добавил: — А еще левее, туда, вперед, — там мой танк. Вот тот, черно-красный, горелый. В тот день я...

Майор неожиданно замолчал, и Шатров так и не дождался окончания начатой фразы.

— Готово! — К ним подошел кончивший работу сержант.

Профессор и майор направились к желанной цели. Танк показался Шатрову похожим на огромный искорканный череп, зияющий черными дырами больших

проломов. Броня, погнутая, закругленная и оплавленная, багровела кровоподтеками ржавчины.

Майор с помощью своего шофера взобрался на разбитую машину, долго рассматривал что-то внутри, засунув голову в открытый люк. Шатров вскарабкался следом и стал на расколотой лобовой броне против майора. Тот высвободил голову, сощурился на свету и угрюмо сказал:

— Самому вам лезть незначем. Подождите, мы с сержантом все осмотрим. Если уж не найдем, тогда, чтобы убедиться, пожалуйста.

Ловкий сержант быстро нырнул в машину и помог влезть майору. Внутри танка воздух был душный, пропитанный прелью и слабо отдавал запахом машинного масла. Майор для верности зажег фонарик, хотя внутрь машины проникал свет через пробоины. Он стоял согнувшись, стараясь в хаосе изорванного металла сообразить, что было полностью уничтожено. Майор пробовал поставить себя на место командира танка, вынужденного спрятать в нем ценную для себя вещь, и припаялся последовательно осматривать все карманы, гнезда и закоулки. Сержант проник в моторное отделение, долго ворочался и кричал там.

Шатров перемикался снаружи. На броне танка под его подошвами скрипел песок.

Майор уже устал от бесплодных поисков, как вдруг заметил на уцелевшем сиденье планшетку, засунутую позади подушки, у перекладки слинки. Он быстро вытащил ее. Кожа, побелевшая и вздувшаяся, оказалась неповрежденной; сквозь мутную сетку целлулоида проглядывала испорченная плесенью карта. Майор нахмурился, предчувствуя разочарование, с усилием отстегнул заржавевшие кнопки. Под картой, сложенной в несколько раз, была серая тетрадь в твердом гранитолевом переплете.

— Так, так! — не удержался майор.

— Нашли? — озабоченно склонился над люком Шатров.

— Нашли что-то, смотрите, — и майор подал в люк планшетку.

Шатров поспешно вытащил тетрадь, осторожно

раскрыл слипшиеся листы на середине, увидел ряды цифр, написанные почерком Виктора, и вскрикнул от радости.

Майор вылез наружу.

Поднявшийся легкий ветер принес медовый запах цветов. Тонкая береза шелестела и склонялась над танком, словно в неутешной печали. В вышине медленно плыли белые плотные облака, и вдали, сонный и мерный, слышался крик кукушки...

Шатров не заметил, как тихо раскрылась дверь и вошла жена. Она с тревогой взглянула добрыми голубыми глазами на мужа, застывшего в раздумье, опустив руки на клавиши.

— Будем обедать, Алеша?

Шатров закрыл фисгармонию.

— Ты что-то задумал опять, не так ли? — тихо спросила жена, доставая тарелки из буфета.

— Я еду послезавтра в обсерваторию, к Бельскому, на два-три дня.

— Не узнаю тебя, Алеша. Ты такой домосед, я месяцами вижу только твою спину, согнутую над столом, и вдруг... Что с тобой случилось? Я в этом вижу влияние...

— Конечно, Давыдова? — рассмеялся Шатров. — Ей-ей, нет, Олюшка, он ничего не знает. Ведь мы с ним не виделись с сорок первого года.

— Но переписывается-то вы каждую неделю!

— Превеличение, Олюшка. Давыдов сейчас в Америке, на конгрессе геологов... Да, кстати напомнила — он на днях возвращается. Сегодня же напишу ему.

— Устал я, должно быть... И старею... Голова седеет, лысеет и... дурест, — бормотал Шатров про себя, ежедневно пересматривая бумаги на столе или начиная писать.

Он давно уже чувствовал вялость. Паутина однообразных ежедневных занятий плелась годами, цепко окутывая мозг. Мысль не взлетала более, далеко про-

стирая свои могучие крылья. Подобно лошади под тяжким грузом, она переступала уверенно, медленно и понуро. Шатров понимал, что его состояние вызвано накопившейся усталостью. Друзья и коллеги давно уже советовали ему развлечься, отдохнуть. Но профессор не умел ни отдыхать, ни интересоваться чем-то посторонним.

— Оставьте! В театре не был двадцать лет, на даче отродясь не жил, — угрюмо твердил он своим друзьям.

И в то же время ученый понимал, что расплачивается за свое длительное самоограничение, за нарочитое сужение круга интересов, расплачивается отсутствием силы и смелости мысли. Самоограничение, давая возможность большой концентрации мысли, в то же время как бы запирало его наглухо в темную комнату, отделяя от многообразного и широкого мира. Нужно было разорвать этот плен рутины.

Шатров отправился в Пулковскую обсерваторию, только что отстроенную после варварского разрушения ее немцами.

Прием, оказанный Шатрову в обсерватории, был сердечным и любезным. Профессора приютил сам директор, академик Бельский, в одной из комнат своего небольшого дома. Шатров присматривался к непривычному для него распорядку жизни сотрудников, поздно начинавших работу после ночных наблюдений. На третий день приезда Шатрова оказалось, что один из наиболее мощных телескопов свободен и ночь благоприятствует наблюдениям. Бельский вызвался быть проводником Шатрова по тем областям неба, которые упоминались в рукописи Виктора.

Помещение большого телескопа скорее походило на цех крупного завода, чем на научную лабораторию. Сложные металлические конструкции были непонятны далекому от техники Шатрову, и он подумал, что его друг профессор Давыдов, любитель всяких машин, гораздо лучше оценил бы виденное. В этой круглой башне было множество пультов с электрическими приборами. Помощник Бельского уверенно и ловко управлял различными рубильниками и кнопками. Глухо загревели где-то вдали большие электромоторы, башня

повернулась, массивный телескоп, подобный орудию с ажурными стенками, наклонился ниже к горизонту. Гул моторов смолк и сменился тонким завыванием — это заработали какие-то меньшие и близкие к Шатрову двигатели. Движение телескопа сделалось почти незаметным. Бельский пригласил Шатрова подняться по легкой лесенке из дюралья. Шатров удивился, найдя на площадке удобное кресло, привинченное к настилу и достаточно широкое, чтобы вместить обоих ученых. Рядом был столик с какими-то приборами. Бельский выдвинул назад, к себе, металлическую штангу, снабженную на концах двумя биноклями, похожими на те, которыми постоянно пользовался в своей лаборатории Шатров.

— Прибор для одновременного двойного наблюдения, — пояснил Бельский. — Мы будем смотреть оба на одно и то же изображение, получающееся в телескопе.

— Я знаю, такие же приборы применяются и у нас, биологов, — отвечал Шатров.

Но в глубине души профессор недоумевал. Он представлял себе астрономическую обсерваторию в виде темной башни, где астроном, скорчившись под телескопом, в ночной тишине глядит одним глазом на звезды. Здесь же башня была хотя и слабо, но освещена, только площадка, на которой они находились, затенялась большими экранами. Он сидел не впризу, а вверху, в удобном кресле, за столиком; и перед ним находился прибор, который он привык видеть на лабораторных столах. Право же, можно подумать, что он в кабинете, а не у телескопа в астрономической башне...

Как бы угадывая его мысли, Бельский сказал:

— Мы теперь мало пользуемся визуальными наблюдениями: глаз скоро утомляется, малочувствителен и не сохраняет виденного. Современная астрономическая работа вся идет на фотоснимках, особенно звездная астрономия, которой вы интересуетесь. Глаз требуется для выбора объекта съемки, и то не всегда... Ну, вы хотели посмотреть для начала на какую-нибудь звезду. Вот вам красивая двойная звезда —

голубая и желтая — в созвездии Геркулеса. Регулируйте по своим глазам так же, как и обычно. Впрочем, подождите. Я лучше совсем выключу свет, пусть ваши глаза привыкнут...

Шатров прильнул к объективам бинокюляра, умело и быстро отрегулировал винты. В центре черного круга поля зрения ярко сияли две очень близкие друг к другу звезды. Шатров сразу понял, что телескоп вовсе не увеличивает звезды, как планеты или Луну. Он не в силах увеличить их, настолько велики расстояния, отделяющие их от Земли. Телескоп делает их яркими, более отчетливо видимыми, собирая и концентрируя лучи. Поэтому в телескоп видны миллионы слабых звезд, вовсе недоступных невооруженному глазу.

Перед Шатовым, окруженные глубокой чернотой, горели два маленьких ярких огонька красивого голубого и желтого цвета, несравненно ярче самых лучших драгоценных камней. Эти крошечные светящиеся точки давали ни с чем не сравнимое ощущение одновременно чистейшего света и безмерной удаленности; они были погружены в глубочайшую пучину темноты, пронзенную их лучами. Шатров долго не мог оторваться от этих огней далеких миров, но Бельский, лениво откинувшийся в кресле, поторопил его:

— Продолжим наш обзор. Не скоро выдастся такая прекрасная ночь, да и телескоп будет занят. Вы хотели посмотреть центр нашей вселенной, ту ось, вокруг которой вращается «звездное колесо» нашей галактики?

Снова завывли моторы. Шатров ощутил движение площадки. В стеклах бинокюляра возник рой тусклых огоньков. Бельский не совсем остановил движение телескопа. Огромная машина двигалась незаметно и беззвучно, а перед глазами Шатрова медленно проплывали участки Млечного Пути в области созвездий Стрельца и Змееносца.

Короткие пояснения Бельского помогали Шатову быстро ориентироваться и понимать видимое.

Тускло светящийся звездный туман Млечного Пути рассыпался неисчислимым роем огоньков. Этот рой сгустился в большое облако, удлинненное и пересеченное

двумя темными полосами. Вокруг ярко горели, как бы выпирая из глубин пространства, отдельные редкие звезды, более близкие к Земле.

Бельский остановил телескоп и повысил увеличение. Теперь в поле зрения было почти целиком звездное облако — плотная светящаяся масса, в которой отдельные звезды были неразличимы. Вокруг нее ройлись, ступаясь и разрежаясь, миллионы звезд. При виде этого обилия миров, не уступающих нашему Солнцу в размерах и яркости, Шатров ощутил смутное угнетение.

— В этом направлении — центр галактики, — пояснил Бельский, — на расстоянии в тридцать пять тысяч световых лет. Самый центр для нас невидим. Вот здесь, направо, черное пятно чудовищных размеров: это масса темной материи, закрывающей центр галактики. Но вокруг него обращаются все звезды нашей вселенной, вокруг него летит и Солнце со скоростью почти трехсот километров в секунду. Если бы не было темной завесы, Млечный Путь здесь был бы несравненно ярче и наше ночное небо казалось бы не черным, а пепельным... Поехали дальше...

Телескоп снова двинулся.

Шатров увидел черные прогалины в звездных роях протяжением в миллионы километров.

— Это облака темной пыли и мелкой обломочной материи, — пояснил Бельский. — Отдельные звезды просвечивают сквозь них ультрафиолетовыми и инфракрасными лучами, как это установлено фотографией на специальных пластинках...

Шатрова поразила одна большая туманность. Похожая на клуб светящегося дыма, испещренная глубочайшими черными провалами, она висела в пространстве, подобная разметанному вихрем облаку. Сверху и справа от нее клубились очень тусклые, серые клоуны, уходившие туда, в бездонные межзвездные пропасти. Жутко было представить себе огромные размеры этого облака пылевой материи, отражавшего свет дальних звезд. В любом из черных провалов утонула бы незаметно вся наша солнечная система.

Заглянем теперь за пределы нашей галактики, — сказал Бельский.

В поле зрения перед Шатровым возникла глубокая тьма. Едва уловимые светлые точки, такие слабые, что их свет умирал в глазу, почти не вызывая зрительного ощущения, редко-редко встречались в неизмеримой глубине.

— Это то, что отделяет нашу галактику от других, подобных ей, звездных островов. То, что вы видите, — не звезды, а туманности, целые звездные миры, чрезвычайно удаленные от нас. Здесь, в направлении на созвездие Пегаса, открываются перед нами самые глубокие известные нам части пространства. Сейчас мы посмотрим на одну из наиболее близких к нам галактик, размерами и формой похожую на нашу исполняющую звездную систему. Она состоит из миллиардов отдельных звезд различной величины и яркости, имеет такие же облака темной материи, такую же полосу этой материи, стелющуюся в экваториальной плоскости, и так же окружена шаровыми звездными скоплениями. Это так называемая туманность в созвездии Андромеды. Она косо наклонена к нам, так что мы видим ее отчасти с ребра, отчасти с плоскости...

Шатров увидел бледно светящееся облако в форме удлинённого овала. Приглядываясь, он смог различить светящиеся полосы, расположенные спирально и разделенные черными промежутками.

В центре туманности видна была плотная светящаяся масса, очевидно, более густых звездных скоплений, слившихся в одно целое на колоссальном расстоянии. От нее отходили едва уловимые, спирально загибающиеся выросты. Вокруг этой плотной массы, отделенные темными кольцами, шли полосы более разреженные и тусклые, а на самом краю, в особенности у нижнего края поля зрения, кольцевые полосы разрывались на ряд округлых пятнышек.

— Смотрите, смотрите! Вам как палеонтологу это должно быть особенно интересно. Ведь свет, который сейчас попадает к вам в глаза, ушел от этой галактики миллион лет тому назад. Еще человека-то на Земле не было!

— И это одна из близких к нам галактик! — ужаснулся Шатров.

— Ну конечно! Мы знаем уже такие, которые расположены в расстояниях порядка пятисот миллионов световых лет. Почти пятьсот миллионов лет бежит свет со скоростью в десять триллионов километров в год. Вы видели такие галактики в созвездии Пегаса...

— Непостижимо! Можете не говорить — все равно нельзя представить себе подобные расстояния. Бесконечные, неизмеримые глубины...

Бельский слегка щелкнул пальцами.

— Мы, астрономы, теперь увереннее ориентируемся в пространстве, хотя многого еще не понимаем. Но вот смотрите... Наш телескоп направлен на туманность Андромеды. Неподалеку лежит созвездие Треугольника — сюда, левее и ниже к горизонту. В нем красивая, ясно видная туманность «М-33» — самая близкая к нам галактика. Если мы повернем телескоп точно в противоположную сторону, туда, к Большой Медведице и Гончим Псам, то увидим две очень слабые и далекие галактики, в точности соответствующие расположению галактик Андромеды и «М-33».

Бельский еще долго показывал Шатрову звездное небо. Наконец Шатров горячо поблагодарил своего звездного Вергилия, вернулся к себе и улегся в постель, но долго не мог заснуть.

В закрытых глазах ройлись тысячи светил, плыли колоссальные облака звездных скоплений, черные завесы холодной материи, гигантские хлопья святащегося газа.

И все это — простирающееся на биллионы и триллионы километров, рассеянное в чудовищной холодной пустоте, разделенное невообразимыми пространствами, в безоглядном мраке которых мчатся лишь потоки смертоносных излучений.

Звезды — огромные стяжения материи, материи, сдавливаемой силой тяготения и под действием непомерного давления развивающей высокую температуру. От высокой температуры действуют цепные атомные реакции, усиливающие выделение энергии. Чтобы звезды могли существовать, не взрываясь, в равновесии,

энергия должна в колоссальных количествах выбрасываться в пространство в виде тепла, света, космических лучей... И вокруг этих звезд, словно вокруг силовых станций, работающих на атомной энергии, вращаются согреваемые ими планеты.

В чудовищных глубинах пространства несутся эти планетные системы, вместе с миллиардами одиночных звезд и темной, остывшей материей составляющие огромную, похожую на колесо систему — галактику. Иногда звезды сближаются и снова расходятся на миллиарды лет, точно корабли галактики. И в еще более огромном пространстве отдельные галактики также подобны еще большим кораблям, светящим друг другу своими огнями в неизмеримом океане тьмы и невообразимого холода.

Чувство, похожее на ужас, овладело Шатровым, когда он живо и ярко представил себе вселенную с ее безнадежным смертельным холодом пустоты, с редко рассеянными в ней не менее смертоносными массами материи, раскаленной до невообразимых температур. Представил себе недоступные никаким силам расстояния, невероятную длительность совершающихся процессов, в которых пылинки, подобные Земле, имеют совершенно ничтожное значение.

И в то же время гордое восхищение перед умом человека прогоняло страшный облик звездной вселенной. Жизнь — скоротечная, настолько хрупкая, что может существовать только на планетах, подобных Земле, — горит крохотными огоньками где-то в черных и мертвых глубинах пространства.

Вся стойкость и сила жизни — в ее сложнейшей организации, которую мы едва начали понимать, — организации, приобретенной миллионами лет исторического развития, борьбы внутренних противоречий, бесконечной смены устаревших форм новыми, более совершенными.

В этом сила жизни, ее преимущество перед неживой материей, косно участвующей в космических процессах, не претерпевающей великого усложнения и усовершенствования. И, несмотря на грозную враждебность космических сил, жизнь продолжается, разви-

вается и, наконец, рождает мысль, овладевающую силами природы, анализирующую ее законы и с их же помощью побеждающую природу.

У нас на Земле и там, в глубинах пространства, расцветает жизнь — могучий источник мысли и воли, который впоследствии превратится в поток, широко разлившийся по вселенной. Поток, который соединит отдельные ручейки в могучий океан мысли. Тому залогом открытие, заключенное в коробке Тао-Ли...

И Шатров понял, что впечатления, пережитые им ночью, вновь разбудили застывшую было силу его творческой мысли.

Он будет действовать дальше, не боясь нового, как бы невероятно оно ни было.

Старший помощник капитана парохода «Витим» небрежно облокотился на сверкавшие в солнечных лучах поручни. Большой пароход словно уснул на мерно колыхавшейся зеленой воде, окруженный медленно перебегавшими большими бликами света. Рядом густо дымил длинный, высоконосый английский пароход, лениво кивая двумя белыми крестами массивных мачт.

Южный край бухты, почти прямой и черный от глубокой тени, обрывался стеной красно-фиолетовых гор, изборозжденных лиловыми тенями.

Офицер услышал внизу твердые шаги и увидел на трапе мостика массивную голову и широкие плечи профессора Давыдова.

— Что так рано, Илья Андреевич? — приветствовал он ученого.

Давыдов прищурился, молча осмотрел солнечную даль, а потом взглянул на улыбавшегося старшего помощника.

— Хочу попрощаться с Гавайями. Хорошее место, приятное место... Скоро уходим?

— Хозяина нет — оформляет дела на берегу. А так все готово. Вернется капитан, сейчас же пойдем. Прямо домой!

Профессор кивнул головой и полез в карман за па-

пирсами. Он наслаждался отдыхом, днями вынужденного безделья, редкими в жизни настоящего ученого. Давыдов возвращался из Сан-Франциско, куда ездил делегатом на съезд геологов и палеонтологов — исследователей прошлого Земли.

Ученому хотелось проделать обратный путь на своем, советском пароходе, и «Витим» подвернулся очень кстати. Еще более приятным был заход на Гавайские острова. Давыдову за время стоянки удалось познакомиться с природой этой страны, окруженной необъятными водными просторами Тихого океана. И сейчас, оглядываясь кругом, он ощущал еще большее удовольствие от сознания скорого возвращения на Родину. Много интересных мыслей накопилось за дни неторопливого, тихого раздумья. Новые соображения теснились в голове ученого, властно требуя выхода — проверки, сопоставлений, дальнейшего развития. Но этого нельзя было сделать здесь, в каюте парохода: не было под рукой нужных записей, книг, коллекций...

Давыдов погладил пальцами висок, что означало у профессора затруднение или досаду...

Правсе выдававшегося угла бетонного пирса как-то внезапно начиналась широкая аллея пальм; густые перистые кроны их отливали светлой бронзой, прикрывая красивые белые дома с пестрыми цветниками. Дальше, на выступе берега, прямо к воде подступала зелень низких деревьев. Там едва покачивалась голубая, с черными полосами лодка. Несколько юношей и девушек в лодке подставляли утреннему солнцу свои загорелые стройные тела, громко пересмеиваясь перед купаньем.

В прозрачном воздухе дальнзоркие глаза профессора различали все подробности близкого берега. Давыдов обратил внимание на круглую клумбу, в центре которой возвышалось странное растение. Внизу густой щеткой торчали ножевидные серебряные листья. Пад листьями почти на высоту человеческого роста поднималось красное соцветие в форме веретена.

— Вы не знаете, что это за растение? — спросил заинтересованный профессор у старшего помощника.

— Не знаю, — беслечно ответил молодой моряк. — Видел его, слышал, что это какая-то редкость у них

считается... А скажите, Илья Андреевич, верно, что вы были моряком в молодости?

Недовольный переменой разговора, профессор нахмурился.

— Был. Какое это сейчас имеет значение? — буркнул он. — Вы лучше...

Где-то за строениями слева завыл гудок, гулко раскатившийся по тихой воде.

Старший помощник сразу насторожился. Давыдов недоуменно огляделся.

Тот же покой раннего утра реял над маленьким городом и бухтой, широко раскрытой в голубую даль океана. Профессор перевел взгляд на лодку с купальщиками.

Смуглая девушка, очевидно туземка, выпрямилась на корме, приветливо помахав русским морякам высоко поднятой рукой, и прыгнула. Красные цветы ее купального костюма разбили изумрудную стеклянистую воду и скрылись. Легкая моторка быстро промчалась в гавань. Минуту спустя на пристани появился автомобиль, из него выскочил капитан «Витима» и бегом устремился на свой корабль. Вереница флагов поднялась и затрепетала на сигнальной мачте. Капитан, задыхаясь, взлетел на мостик, стирая лившийся по лицу пот прямо рукавом белоснежного кителя.

— Что случилось? — начал старший помощник. — Я не разбираю этого снг...

— Аврал! — рявкнул капитан. — Аврал! — и схватился за ручку машинного телеграфа. — Готова машина?

Капитан склонился к переговорной трубе и бросил туда ряд отрывистых приказаний:

— Всех наверх! Задрать люки! Очистить палубу! Отдать швартовы!

— Russians, what schall you do?!* — вдруг тревожно проревел рупор с соседнего корабля.

— Go ahead!** — немедленно ответил капитан «Витима».

* Русские, что вы собираетесь делать?!

** Идти навстречу!

— Well! At full spread!* — с большей уверенностью откликнулся англичанин.

Глухо зажурчала вода под кормой, корпус «Витима» дрогнул, пристань медленно поплыла вправо. Тревожная беготня на палубе смущала Давыдова. Он несколько раз бросал вопросительные взгляды на капитана, но тот, поглощенный маневрированием корабля, казалось, не замечал ничего кругом.

А море по-прежнему плескалось спокойно и мерно, ни одного облака не было видно в знойном и чистом небе.

«Витим» развернулся и, набирая ход, двинулся на встречу простору океана.

Капитан перевел дух, достал из кармана платок. Окинув зорким взглядом палубу, он понял, что все тревожно ждут его разъяснений.

— Идет гигантская приливная волна от норд-оста. Я полагаю, единственное спасение судна — встретить ее в море, на полном ходу машин... Подальше от берега!

Капитан повернулся к отдалявшейся пристани, как бы оценивая расстояние.

Старший помощник, моментально исчезнувший с мостика для работы на палубе, теперь снова поднялся сюда, красный от возбуждения.

Давыдов посмотрел вперед и увидел несколько рядов больших волн, бешено мчавшихся к земле. А за ними, как главные силы за передовыми отрядами, стирая голубое сияние далекого моря, тяжело неся плоский серый холм гигантского вала.

— Команде укрыться внизу! — приказал капитан, резко двинув ручку телеграфа.

Передние волны по мере приближения к земле вырастали и заострялись. «Витим» резко дернулся носом, взлетел вверх и нырнул прямо под гребень следующей волны. Мягкий тяжелый шлепок отдался в поручнях мостика, крепко зажатых в руках Давыдова. Палуба ушла под воду, облако сверкающих водяных брызг туманом встало перед мостиком. Через

* Правильно! На полной скорости!

секунду «Витим» вынырнул, нос его опять понесся вверх. Мощные машины содрогались глубоко вниз, отчаянно сопротивляясь силе волн, задерживавших корабль, гнавших его к берегу, стремившихся разбить «Витим» о твердую грудь земли.

Ни одного пятна пены не белело на обрыве исполинского вала, который поднимался со зловещим хрипом и становился все круче. Тусклый блеск водяной стены, стремительно надвигавшейся, массивной и непроницаемой, напомнил Давыдову кручи базальтовых скал в горах Приморья. Тяжкая, как базальт, волна вздымалась все выше, заслоняя небо и солнце; ее заостряющаяся вершина всплыла над передней мачтой «Витима». Зловещий сумрак сгущался у подножия водяной горы, в черной глубокой яме, куда соскальзывало судно, как будто покорно склонявшееся под смертельный удар.

Люди на мостике невольно опустили головы перед лицом стихии, готовый обрушиться на них. Корабль судорожно дернулся, грубо задержанный в своем стремлении вперед, к океану. Шесть тысяч лошадиных сил, вращавших винты под кормой, были смяты чудовищно превосходившей их мощью.

Первый толчок придавил людей к поручням, и сейчас же ревущая вода обрушилась на мостик откуда-то сверху, оглушая и ослепляя.

Цепляясь изо всех сил за поручни, полузадохшийся профессор всем телом ощутил, как заскрежетал корпус корабля, как накренился «Витим» на левый борт, выпрямился, перевалился на правый и снова стал выпрямляться, в то же время вставая из поглотившей его пучины. Медленно-медленно корабль поднимался вверх и вдруг быстро взлетел из клубящегося серого хаоса к яркому безмятежному небу.

Оглушительный рев прекратился с потрясающей внезапностью. С гребня исполинской волны широко раскинулось море, и корабль плавно понесся носом вниз по спине ушедшего к берегу вала. Новые гряды волн шли навстречу с моря, но по сравнению с побежденным чудовищем они казались уже нестрашными. Капитан шумно отфыркнулся и удовлетворенно чих-

нул. Давыдов, мокрый до нитки, протер глаза, увидел справа быстро нырявший в волнах английский пароход и, словно что-то вспомнив, устремился к концу мостика, преодолевая стеснявшую движения липкость мокрой одежды. Оттуда хорошо были видны только что покинутые пристань и город. С ужасом смотрел ученый, как гигантский вал еще больше вырос у самого берега, как стена движущейся воды заслонила от моря и зелень садов, и белые домики города, и прямые, четкие линии пристаней...

— Вторая! Вторая! — завопил старший помощник прямо над ухом Давыдова.

Действительно, второй гигантский вал несясь на судно. Его приближение не было замечено, словно громадная волна тайно подкралась, внезапно вспучившись со дна океана.

С хрипящим ревом поднимался этот закругленный сверху водяной хребет, как будто рыча от накипевшего в нем бешенства. И опять остановленное судно судорожно заметалось под тяжестью чудовищной волны, отчаянно борясь за свое существование. Вал скользнул за корму, череда его меньших спутников предстала перед «Витимом». Две-три минуты отдыха — и третья исполинская волна вздыбилась над морем. На этот раз машины, послушные телеграфу в руке капитана, своевременно сработали назад, толчок был мягче, и корабль легче поднялся на гребень волны.

Эта борьба с таинственными волнами при странном отсутствии ветра и ясном солнечном дне продолжалась около часа. «Витим», начисто обмытый, отделавшийся небольшими повреждениями, еще долго покачивался на ровной зыби, пока капитан не убедился, что опасность миновала, и не повернул корабль обратно в порт.

Всего два часа назад Давыдов любовался красивым городком с мостика «Витима». Теперь берег был неузнаваем. Исчезли пестрые цветники, правильные аллеи. Вместо них груды поваленных балок, куски изуродованных крыш и обломки вперемешку с корявыми безлистными сучьями обозначали место, где были прибрежные дома. Густая роща у края бухты, там, где

купалась веселая молодежь, превратилась в болото с редкими расщепленными пнями. Несколько больших каменных домов, стоявших вдоль пристани, угрюмо смотрели черными провалами вырванных окон. А у подножья их громоздились наваленные как попало разбитые береговые домики и лавки. Налево по асфальту улицы широкой грядой валялись самые различные вещи человеческого обихода.

Большой моторный катер, повалившийся набок, увенчивал все это скопище обломков, словно памятник победы грозного моря.

Извиваясь по слоям свеженанесенного песка, повсюду текли ручьи соленой воды, поблескивая на солнце. Жалкие фигурки людей копошились среди развалин, отыскивая погибших или спасая остатки своего имущества.

Потрясенные советские моряки молчаливо столпились на палубе и хмуро смотрели на берег, не в силах радоваться собственному спасению. Едва только «Витим» снова пришвартовался к уцелевшей бетонной пристани и капитан обратился к команде с призывом помочь жителям, как на корабле, кроме вахтенных, не осталось ни одного человека.

Давыдов вернулся на корабль вместе с командой только к ночи, угрюмо умылся, перевязал пораненную руку и долго ходил по палубе, дымя папиросой.

В назначенное время профессор направился в носовую часть судна, где должна была состояться его лекция. Не успел еще пострадавший от страшных волн остров скрыться за горизонтом, как к Давыдову явился второй механик, председатель судкома, и упросил его «рассказать ребятам, что это такое было». Никогда еще профессор не выступал в такой своеобразной обстановке. Беседу решили провести прямо на палубе. Слушатели собрались толпой, сидя, стоя и лежа у первого трюма, а Давыдов опирался на закрытую чехлом лебедку, служившую ему кафедрой. Безмятежно спокойный океан не задерживал хода стремившегося к родине корабля.

Профессор рассказал морякам о Тихом океане — гигантском углублении на поверхности Земли, занятом величайшей водной массой планеты. Вокруг этого углубления, недалеко от материков, кольцом проходят цепи исполинских складок земной коры, медленно выпучивающихся со дна глубочайших впадин. Все цепи островов — Алеутских, Японских, Зондских — именно и представляют собою образующиеся в настоящий момент складки. Смятие складок неуклонно продолжается; каждая складка, вершина которой и есть тот или другой из перечисленных островов, поднимается все выше, иногда со скоростью до двух метров в год, и в то же время все более наклоняется в сторону океана.

— Представьте себе, — продолжал профессор, — что вода океана отхлынула куда-нибудь на миг. Тогда вы увидите на месте островов гряды высоких гор, наклоненных к центру океана и грозно нависающих над впадинами, подобно застывшим волнам. Противоположный, обращенный к материку, скат менее крут, но также образует довольно глубокую впадину, заполненную морем. Таково, например, Японское море. Вдоль обращенных к материку скатов располагаются цепи вулканов. Давление внутри складок настолько велико, что расплавляет породы их внутреннего ядра, прорывающиеся сквозь трещины в виде расплавленных лав. Впадины с океанской стороны проседают все глубже под давлением подножия складок, и вдоль них располагаются центры крупных землетрясений.

Одно из таких землетрясений и было причиной вчерашнего бедствия. Где-то на севере, наверное в алеутской пучине, у подножия алеутских складок, под давлением их просел участок дна океана, вызвав сильное землетрясение под водой. Толчок, один или несколько, вызвал образование исполинской волны, покотившейся по океану на юг за тысячи миль от места своего возникновения и через несколько часов достигнувшей Гаванских островов. В открытом океане эта волна для нашего «Витима» прошла бы незамеченной — ее поперечник настолько велик (около ста пятидесяти километров), что подъем судна на всю ее высоту никак

бы не почувствовался. Другое дело — около суши. Когда эта масса воды, катящаяся по океану, встречает препятствие, она подымается, растет и обрушивается на берег с невероятной силой. Да что говорить — все мы видели, что наделала волна! Поэтому вид и характер волны определяются подводной отмелью берега.

Подобные волны вовсе не так редки на Тихом океане именно потому, что здесь идут процессы формирования современных складок в земной коре... За последние сто двадцать лет Гавайские острова подвергались нашествию волн двадцать шесть раз. Волны шли с разных сторон — и от Алеутских островов, как паша, и от Японских, и от Камчатки, от Филиппин, от Соломоновых, от Южной Америки и даже со стороны Мексики. Последняя по времени волна была в ноябре тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Средняя скорость хода волн исчисляется примерно от трехсот до пятисот узлов...

Заинтересованные моряки задали Давыдову много вопросов, и беседа затянулась бы на несколько часов, если бы смена вахт не разогнала собрание. Профессор еще долго расхаживал под навесом тента, хмуясь и кривя губы в напряженном раздумье.

Мгновенное разрушение прекрасного острова оставило глубокий след в душе ученого. И почти все вопросы, заданные ему моряками, как-то совпадали с направлением его собственных мыслей. Нужно знать не только, как идет это тихоокеанское складкообразование, но и почему развивается этот процесс. Какие причины там, в глубине Земли, вызывают эти медленные могучие движения, сжимающие огромные толщи пород в складки, выпячивающие их все выше на поверхность Земли? Какими ничтожными сведениями располагаем мы о глубинах нашей планеты, о состоянии вещества там, о физических или химических процессах, совершающихся под давлением в миллионы атмосфер, под тысячекилометровыми толщами неизвестного состава!

Достаточно незначительных молекулярных перегруппировок, ничтожного увеличения объема этих невообразимых масс, чтобы на тонкой пленке известной нам земной коры произошли громадные сдвиги, что-

бы кора, разломанная на куски, была поднята на десятки километров в высоту. Однако мы знаем, что этого не бывает, значит вещество внутри планеты находится в спокойном уравновешенном состоянии.

Только время от времени, с промежутками в миллионы лет, какими-то полосами, поясами горные породы размягчаются, сминаются в складки, частично расплавляясь и изливаясь в вулканических извержениях. И потом все это, смятое и раздавленное, выпирает на поверхность огромным валом.

Действие воды и атмосферы расчленяет вал на системы долин и горных хребтов, образуя то, что мы называем горными странами.

Самое удивительное, что вулканические очаги и эти зоны смятия пород залегают сравнительно неглубоко — на несколько десятков километров от земной поверхности, в то время как центральные части планеты скрыты под слоем вещества в три тысячи километров толщины, по-видимому находящегося в длительном покое.

Давыдов подошел к борту, как бы стараясь мысленно пронизать толщу воды океана и его дно, чтобы разгадать происходящее на глубине шестидесяти километров...

Твердое, остывшее вещество нашей планеты облачено в форму устойчивых, нераспадающихся химических элементов — тех девяноста двух кирпичей, из которых состоит вся вселенная. Эти элементы здесь, на Земле, устойчивы и неизменны в противоположность звездам, где идут процессы перехода элементов из неустойчивой формы в устойчивую, цепные атомные реакции с выделением колоссальных количеств энергии — тепла, света и других не менее мощных излучений. А что, если в массе остывшего вещества Земли остались еще неустойчивые элементы, огарки когда-то бывших процессов атомных превращений той эпохи, когда наша планета сама была сгустком раскаленной звездной материи? Элементы эти рассеяны и потому бездействуют до того времени, пока в бесконечных перемещениях и перегруппировках вещества не создадутся достаточно крупные скопления элементов очень

большого атомного веса, как уран или торий, или еще другие, пока неизвестные нам неустойчивые, легко распадающиеся элементы.

Тогда могут, как мы знаем теперь, развиваться мощные цепные реакции распада, выделяющие массу энергии и тем самым смещающие участки земной коры.

Значит, неизвестные нам силы движений земной коры являются отголоском бесконечно давно затухших атомных превращений звездного вещества. Но если это так, если горообразование на Земле обязано глубинным атомным реакциям, то у нас есть надежда в будущем овладеть этими очагами атомных реакций. Искать их возле поднимающихся складчатых гор и вулканических областей, вот как здесь, на Тихом океане... Возможно, что в моменты наибольшего развития глубинных цепных реакций на поверхности прорываются мощные излучения, по которым можно нащупать область атомного распада.

Но в таком случае в прошлые геологические эпохи эти излучения могли оказывать большое воздействие на живое население планет в местах, где происходило образование складок и гор.

Давыдов вспомнил про гигантские скопления костей вымерших ящеров, изучением которых занимался в Средней Азии, тщетно пытаясь дать удовлетворительное объяснение накоплению остатков миллионов ящеров в одних и тех же местах.

Инстинктом ученого он чувствовал важность своих догадок.

Весь уйдя в мысли, он забыл о времени и, только случайно взглянув на часы, понял, что пропустил обед, и крепко выругался.

Звездные пришельцы

Шатров остановился перед дверью со стеклянной дощечкой: «Заведующий отделом проф. И. А. Давыдов», переложил в другую руку большую коробку, хитро усмехнулся и резко постучал. Низкий и сильный голос недовольно рявкнул: «Да!» Шатров вошел в кабинет по обыкновению быстро, слегка согнувшись и блестя глазами исподлобья.

— Вот это да! — взревел, вскакивая, сидевший за рукописью хозяин кабинета. — Никак не ждал! Сколько лет, дорогой друже!

Шатров поставил коробку на стол, друзья крепко обнялись и расцеловались.

Сухой, среднего роста, Шатров казался совсем небольшим рядом с громоздкой фигурой Давыдова. Друзья во многом были противоположны. Огромного роста и атлетического сложения, Давыдов казался более медлительным и добродушным в отличие от нервного, быстрого и угрюмоватого приятеля. Лицо Давыдова, с резким, неправильным носом, с покатым лбом, под шапкой густых волос, ничем не походило на лицо Шатрова. И только глаза обоих друзей, светлые, ясные и пронизательные, были сходны в чем-то, не сразу уловимом,

скорее всего — в одинаковом выражении напряженной мысли и воли, исходившем из них.

Давыдов усадил Шатрова, оба закурили и стали оживленно обмениваться накопившимися за ряд лет впечатлениями, не высказанными в письмах. Наконец Давыдов погладил пальцами за ухом, встал и извлек из кармана легкого пальто порядочных размеров сверток. Он развернул его и положил перед Шатовым.

— Слушайте-ка, Алексей Петров, извольте съесть... Не возражать! — вдруг зыкнул он на протестующий жест Шатрова, и оба рассмеялись.

— Совсем как в сороковом, — развеселился Шатов, — опять забыли съесть! Попадет?

Давыдов закатился хохотом.

— Попадет, если домой принесу. Будьте добры, уважьте, «как в сороковом».

— Сейчас мы его, — резко двинул рукой Шатов, — ок!

— Ну конечно, и «ок» этот по-прежнему! Как приятно слышать!.. Слушайте, Алексей Петрович, пойдем в музей, покажу интересные новости... Есть для вас работа...

— Нет, Илья Андреевич, у меня ведь очень важное дело. Нужно крепко потолковать с вами, нужна ваша голова. Она работает хорошо, без промаха...

— Интересно! — Давыдов провел пальцем по последней строчке рукописи и сложил исписанные листы. — Кстати, письмо ваше получил неделю назад и еще не собрался ответить. Не одобряю...

— Не одобряете моих жалоб? Минута жизни трудная, — слегка смутившись, виновато произнес Шатов. — Я позаимствовал у вас одну философскую идею, которая часто мне помогает. Но для ее применения надо иметь некоторую силу духа. А бывает, что ослабеешь...

— Какую такую идею? — недоуменно спросил Давыдов.

— Она выражается только одним магическим словом «ништо». Мне так часто не хватало вашего «ништо» в военные годы...

Давыдов без удержу хохотал и, отдышавшись, еле выговорил:

— Именно ништо. Будем работать дальше. Оно, конечно, бывает трудно. Наука наша очень хлопотна — тут и раскопки, и огромные коллекции, и сложная обработка, а работников мало, совсем мало. Приходится непродуктивно тратить время, смотреть за пустяковыми вещами... Но у вас ведь был важный разговор. А я отклонился в сторону.

— Разговор будет необыкновенный. У меня в руках — невероятное, настолько невероятное, что я никому, кроме вас, не решился бы сказать о нем.

Наступила очередь Давыдова выказать нетерпение. Шатров хитро улыбнулся, как при входе в кабинет, и, развернув свой пакет, извлек из него большую кубическую коробку из желтого картона, украшенную китайскими иероглифами и почтовыми штемпелями.

— Вы помните Тао-Ли, Илья Андреевич?

— Как же! Это молодой китайский палеонтолог, очень способный. Убит в тысяча девятьсот сороковом году фашистскими бандитами при возвращении из экспедиции. Погиб за свободный Китай!

— Совершенно верно. Я описывал некоторые его материалы, состоял с ним в переписке. Он собирался приехать к нам... Так мы и не встретились! — вздохнул Шатров. — Короче говоря, из своей последней экспедиции он прислал мне посылку с необычайно любопытной вещью. Посылка эта вот, на столе. При ней короткая записка с обещанием подробного письма, написать которое ему не удалось. Его убили в Сычуани, на пути в Чунцин.

— А где он был в экспедиции? — спросил Давыдов.

— В провинции Сикан.

— Ну и ну! Однако забрался. Погодите — это горный узел на восточном конце Гималайской дуги, между нею и Сычуаньскими горами... Да ведь знаменитый Кам, куда стремился Пржевальский, это тоже там!

Шатров одобрительно посмотрел на друга.

— Ей-ей, в географии с вами не потягаться! Я с картой в руках насилу разобрался. Кам — это

северо-западная часть Сикана, и, между прочим, Тао-Ли вел исследования именно в Каме, на востоке его, в районе Эн-Да.

— Ясно, ясно. Показывайте, что у вас за штука. Оттуда можно ждать чего угодно!

Шатров извлек из коробки нечто завернутое в несколько слоев тонкой бумаги, развернул шелестящую бумагу и, наконец, подал Давыдову обломок твердой ископаемой кости, на первый взгляд бесформенной.

Давыдов повернул раза два тяжелый светло-серый кусок и сказал:

— Кусок затылочной части черепа крупного хищного динозавра. Что же тут особенно удивительного?

Шатров молчал. Давыдов еще раз осмотрел кость и внезапно издал глухое восклицание. Положив обломок на стол, он поспешно вытащил из желтого полированного ящичка биноклярную лупу, выдвинул плечо штатива, прикрепил тубус. Широкая спина профессора согнулась над прибором, он прильнул глазами к двойному окуляру, сунув под луну свои большие руки с зажатою в них костью динозавра. Некоторое время в кабинете царило молчание. Шатров чиркнул спичкой. Тогда Давыдов поднял от бинокля расширившиеся от изумления глаза.

— Невероятно! Не могу подыскать объяснение. Череп пробит насквозь в самой толще кости. Отверстие настолько узко, что не могло быть сделано рогом или зубом какого-нибудь животного. Если бы это была болезнь — некроз, костоеда, — тогда края несли бы следы болезненных изменений. Нет, это отверстие было пробито! Пробито в живой кости! Несомненно. Обе стенки черепа. Насквозь, точно пулей. Да, если бы это не было бредом, я сказал бы, что пулей... Впрочем, нет, отверстие не круглое — это овальная узенькая щель, точно вырезанная и потом уже, в процессе окаменения кости, заполнившаяся рыхлой породой.

Давыдов резко оттолкнул штатив бинокля.

— Поскольку я не склонен был до сих пор к бредовым видениям и явно трезв, то могу лишь сказать — странный случай. Необъяснимый случай!

Он холодно посмотрел на Шатрова. Тот вытащил из коробки второй пакет, снова зашелестел бумагой.

— Я не могу спорить с вами, — медленно сказал Шатров, — это действительно случай, и если хорошенько посоображать, то можно найти ему даже не одно объяснение. Но второй такой же случай заставит вас отказаться от сомнений. Вот он, второй случай, — ок!

На стол перед Давыдовым легла вторая кость — плоская, с изломанными краями.

Давыдов затаился, должно быть, очень глубоко папирсой, побагровел и закашлялся.

— Обломок левой лопатки хищного динозавра, — говорил Шатров, склоняясь через плечо приятеля, — но не того животного, чей череп. Это более старый и крупный индивид...

Давыдов согласно кивнул головой, не отрывая глаз от маленького овального отверстия в костяной пластине — остатке лопатки могучего ящера.

— То же самое, то же самое! — взволнованно шептал он, водя пальцем по краю загадочного отверстия.

— Теперь записка Тао-Ли, — методически продолжал Шатров, скрывая радостное торжество.

Ему, уже нерезжившему потрясающее значение открытия, было легче сохранять хладнокровие.

Вместо плавной русской речи в кабинете зазвучали отрывистые английские слова. Шатров медленно прочитал короткое сообщение погибшего ученого:

— «...В сорока милях к югу от Энъ-Да, в системе левых притоков Меконга, я наткнулся на обширную котловину, ныне занятую долиной речки Чжу-Чже-Чу. Это межгорная впадина, грабен, залитая покровом третичной лавы.

Там, где ущелье реки прорезает насквозь лавовый покров, видно, что он всего в тридцать футов мощности. Под ним лежат рыхлые песчаники, содержащие множество костей динозавров, среди которых я открыл образцы со странными повреждениями. Два из них я посылаю вам, пораженный своей находкой настолько, что мне необходима уверенность в том, что ошибки нет. Не все повреждения одного типа. Есть образцы,

в которых часть кости как бы срезана огромным ножом, но также, несомненно, по живой кости, до гибели животного, вернее в момент ее. Я везу в Чунцин более тридцати таких образцов, собранных в разных местах долины, где обнаружено большое количество динозавров, причем их полных скелетов. Этикетки с точными данными места — при образцах.

Я настолько спешу отправить вам эту посылку, что не успел написать подробное письмо. Его я пошлю, когда вернусь в более комфортабельную обстановку в Сычуани».

Шатров замолчал.

— Все? — нетерпеливо спросил Давыдов.

— Все. Коротко настолько, насколько велико значение его находки!

— Погодите, Алексей Петрович, дайте прийти в себя! Это сон какой-то. Сядем спокойно и обсудим. А то у меня все в голове завертелось, одурел.

— Очень хорошо вас понимаю, Илья Андреевич. Надо признаться, что ученому для выводов из этого факта требуется большая смелость. Ломка всех установившихся представлений... Я не так смел в своих работах, как вы, но тут и вы спасовали...

— Хорошо, давайте рассуждать смело, благо мы наедине и никто не подумает, что два палеонтологических кита, мягко выражаясь, рехнулись. Начинаю! Итак, эти хищные динозавры были убиты каким-то могучим оружием. Его пробивная способность, видимо, превосходила мощные современные ружья. Такое оружие могло создать только мыслящее существо, вдохновленное на высокой ступени культуры. Верно?

— Безусловно. Ergo — человек! — вставил Шатров.

— Так. Но эти динозавры жили в меловом периоде, скажем семьдесят миллионов лет назад. Все факты нашей науки неопровержимо, несомненно говорят, что человек появился на Земле как одно из последних звеньев великой цепи развития животного мира шестьдесят девять миллионов лет спустя, да еще много сотен тысяч лет пребывал в животном состоянии, пока его последний вид не научился мыслить и трудиться.

Раньше человек возникнуть не мог, а человек, вооруженный техникой, — тем более. Это абсолютно исключено. Следовательно, вывод может быть только один: те, кто убил динозавров, не родились на Земле. Они пришли из другого мира...

— Да, из другого, — твердо сказал Шатров. — И я...

— Одну минуту. Пока еще все вразумительно. Но дальше уже становится невероятным. Последние достижения астрономии и астрофизики изменили старые представления. Много романов было написано на тему о пришельцах из других миров. Правда, еще недавние утверждения большинства ученых, что наша солнечная система планет есть исключительное явление, ныне отвергнуты. Теперь мы имеем основание предполагать, что многие звезды имеют планетные системы. И так как число звезд во вселенной бесконечно велико, то и число планетных систем чудовищно. Следовательно, считать дальше, что жизнь на нашей планете есть исключительная прерогатива Земли, не приходится. Смело можно сказать, что в пространстве вселенной есть много жизни. Можно утверждать не менее смело, что повсюду жизнь предельно расширяет путь эволюционного развития и, следовательно, вполне возможно появление мыслящих существ. Все это так. Но в то же самое время мы знаем теперь, что расстояния до ближайших звезд с планетными системами чрезвычайно велики. Настолько, что требуются сотни и тысячи лет полета со скоростью светового луча, то есть трехсот тысяч километров в секунду. Такой скорости живое существо — хрупкая, крайне хрупкая организация материи — выдержать не может. А в нашей планетной системе, кроме нашей Земли, только Марс и Венера дают надежды. Но надежды слабые. На Венере слишком горячо, вращается она медленно, атмосфера ее густа и без свободного кислорода. Вряд ли жизнь смогла развиться на Венере, и совершенно исключено там присутствие мыслящих существ с высокой культурой. Также и Марс. Его атмосфера слишком тонка и разрежена, тепла там мало, и если жизнь существует, то в каких-то бедных, угнетенных формах. Я не сомневаюсь, что там нет буйной энергии развития жизни,

которая на нашей Земле смогла выработать человека. О далеких больших планетах я и не говорю: Сатурн, Юпитер, Уран, Нептун — это страшные миры, холодные, темные, как нижние круги Дантова ада. Возьмите, например, Сатурн — в центре планеты скалистое ядро, на котором лежит огромной толщины слой льда. Радиус планеты около шестидесяти тысяч километров. И все это окутано густой атмосферой в двадцать пять тысяч километров толщины, непроницаемой для солнечных лучей и богатой ядовитыми газами — аммиаком и метаном. Значит, под такой атмосферой — вечный мрак при морозе в сто пятьдесят градусов и давлении в миллион атмосфер... Жутко представить себе...

— Я не знал кое-чего из того, что вы сказали, — перебил Шатров, — но также решил, что в нашей планетной системе нет собратов нам по мысли. И я...

— Вот видите. На наших планетах, следовательно, нет, а с далеких звездных систем прилетать невозможно. Тогда откуда же могли взяться эти пришельцы? Вот в чем невероятность!

— Вы меня не дослушали, Илья Андреевич! Я хоть не обладаю вашей эрудицией в самых различных областях, но сообразил в общем то же самое. Звезды ведь не неподвижны. Внутри нашей галактики они перемещаются, сама галактика вращается да еще вся целиком куда-то движется, как и все великое множество других галактик. За миллионы лет могли происходить существенные сближения и расхождения звезд...

— Ну, это вряд ли нам поможет. Ведь пространство галактики настолько велико, что сближение именно нашей солнечной системы с другими имеет вероятность практически нулевую. Да и как разгадать эти звездные пути?

— И это верно, но верно лишь в том случае, если движения звезд не закономерны, не подчинены каким-то определенным путям. А если они закономерны? И если эту закономерность можно вычислить?

— Мм!... — скептически промычал Давыдов.

— Ладно, я открываю свои карты. Один мой бывший ученик, сбсжавший с третьего курса на матема-

тические науки, в астрономию, занялся вопросом движения нашей солнечной системы в пределах галактики и создал интересную, хорошо обоснованную теорию. Буду краток. Наша солнечная система описывает внутри галактики огромную эллиптическую орбиту с периодом обращения в двести двадцать миллионов лет. Эта орбита несколько наклонена относительно горизонтальной плоскости звездного «колеса» нашей галактики. Поэтому Солнце с планетами в определенный период прорезает завесу черного вещества — пылевой и обломочной застывшей материи, — стелющуюся в экваториальной плоскости «колеса» галактики. Тогда оно приближается к сгущенным звездным системам центральных областей, вроде, скажем, созвездия Стрельца. А в этом случае возможно сближение нашей солнечной системы с другими неизвестными системами, сближение настолько значительное, что перелет становится реальным.

Давыдов, не шевелясь, слушал друга, рука его застыла на штанге бинокюляра.

— Такова теория, — продолжал Шатров. — Я только что вернулся с места гибели своего бывшего ученика, где разыскал его рукопись. Он погиб в сорок третьем году... — Шатров остановился, зажег папиросу. — Так, теория показывает нам только возможность, — подчеркнул он последнее слово, — но еще не дает права считать невероятное за реальный факт. Но когда мы видим сцепление двух совершенно независимых наблюдений, это показывает, что мы на верном пути. — Шатров картинно выпрямился и задрал вверх подбородок. — В теории моего ученика прямо сказано, что приближение солнечной системы к центральным сгущениям галактики произошло примерно семьдесят миллионов лет назад!

— Ехидная сила! — употребил Давыдов свое излюбленное ругательство.

Шатров торжественно продолжал:

— Одно невероятное, сцепившись с другим, превращается в реальное событие. Я полагаю, что вправе утверждать: в меловом периоде произошло сближение нашей планетной системы с другой, населенной мысля-

щими существами — людьми в смысле интеллекта, и они переправились со своей системы на нашу, как с корабля на корабль в океане. А затем в громадном протяжении протекшего времени эти корабли разошлись на невероятное расстояние. Они — те, с другой звезды — были на нашей Земле недолго и не оставили поэтому заметных следов. Но они были, и они были способны преодолевать межзвездное пространство за семьдесят миллионов лет до того, как мы также подошли к этому... Имеете возражения?

Давыдов встал, молча поглядел на друга и протянул руку:

— Вы меня убедили, Алексей Петрович. Не все еще ясно — ну, например, зачем им было попадать сюда, именно на нашу Землю, эту маленькую козявку среди звезд и планет? Есть и еще вопросы, но основное, по-моему, достаточно убедительно. Неслыханно, псевдовероятно, но реально. Однако как вы думаете: можно ли опубликовать?

Шатров замотал головой:

— Ни в коем случае! Поспешность убьет все. Для такого открытия она недопустима.

— Верно, верно, друже. Всегда умнее выждать, чем забегать вперед. Но выждать подготовленными ко всему! Необходимо добыть аргументы настолько веские, как наш «аргумент» в Ленинграде!

Шатров вспомнил «аргумент», который хранился в углу кабинета Давыдова со время их совместной работы.

Это была массивная железная стойка от каркаса скелета, которой Давыдов грозился вразумлять упрямого и увлекающегося друга при их постоянных спорах. Шатров невольно улыбнулся:

— Как же, помню! Вот именно. Отсюда и начинается вторая часть моего дела к вам. Я не геолог, не полевой работник — кабинетный схимник. А это предприятие под силу только вам и никому другому. Ваш авторитет...

— Ха-ха! Словом, надо раскапывать место побоища звездных пришельцев с динозаврами... Ну и ну!

Давыдов задумался, потом медленно заговорил:

— Интересное место этот Сикан. А для нас, палеонтологов, там ведь черт знает что! Вы знаете, конечно, Алексей Петрович, что там одновременно существовали в конце третичного периода древние и новые формы вымерших млекопитающих. Дикая смесь того, что в других местах Земли вымерло уже десятки миллионов лет, с тем, что недавно появилось. А само то место! — воодушевился Давыдов. — Высокие снеговые горы, холодные плоскогорья, сухие и пустынные, а между ними — глубочайшие долины с роскошной тропической растительностью. Непроходимые пропасти, разобщающие селения. От одной деревеньки до другой, скажем, два километра, но между ними лежит чудовищно глубокая долина, и жители этих двух селений никогда не встречаются друг с другом, хотя и могут видеть соседей издали. Странные, неизвестные еще науке звери живут в густых лесах, на дне долин, а наверху воют холодные бури. Там начинаются величайшие реки Индии, Китая, Сиама — Брампутра, Янцзы, Меконг. Изумительное место! Но представляете себе этот стык Тибета, Индии, Сиама, Бирмы и Китая? Хо-хо! Разве наши «друзья» пустят туда ученых-большевиков? Где уж пытаться науке проникнуть туда, где владеют враждебная дипломатия, политиканские пройдохи! — Давыдов вытаскил огромные старые часы. — Еще нет двух! Что значит большое переживание: кажется, будто весь день прошел! — Он встал и подал Шатрову кольцо с ключами. — Коробку спрячете в этот шкаф, слева... Что бы там ни было, но мы обязаны сделать все, что возможно. Пойдем узнаем, не примет ли нас Тушилов. Вы надолго в Москву, Алексей Петрович? До выяснения? Значит, с неделю пробудете, раньше вряд ли что-нибудь решится. Оставайтесь у меня, конечно? Я сейчас позвоню секретарю и потом домой, что задержимся.

В просторной, скромно меблированной квартире Давыдова было тихо. Сквозь огромные окна проникал синеватый полусвет летних сумерек. Шатров долго ходил взад и вперед, сгорбившись и молча. Давыдов

угрюмо откинулся в кресле перед своим большим письменным столом.

Друзья размышляли, каждый по-своему. Не хотелось зажигать света, как будто медленно наступающая в комнате темнота умеряла их огорчение.

— Завтра я уеду, — наконец проговорил Шатров, — больше мне нельзя задерживаться, да и не к чему. Отказ бесповоротный. Впрочем, вряд ли могло быть иначе. Наши потомки разберут это дело, когда исчезнут проклятые эти границы и все прочее пещерное старье!

Давыдов, не отвечая, смотрел в окно, где над крышей соседнего дома робко загорались мелкие и тусклые звезды городского неба.

— Горько стоять, как нищему, у порога великого открытия и не иметь возможности войти! — опять заговорил Шатров. — Не будет мне теперь покоя до конца дней и не утешат никакие другие достижения!

Давыдов вдруг потряс над головой сжатыми кулаками.

— Мы не можем поступиться этим! И нам помогут! Черт с ним, с Камом! В конце-то концов — какая уверенность, что там, где сохранились остатки убитых «ими» динозавров, мы найдем следы «их» самих? Никакой. Раз «они» явились к нам зачем-то, то вовсе не обязательно «им» было сидеть на одном месте. Почему бы не поискать в меловых отложениях у нас? И заранее могу сказать: если подобные остатки есть, то их можно найти только в системах высоких и молодых горных хребтов. В Каме находка не случайна. Почему? Да потому, что там, где земная кора расколота на бесчисленные небольшие участки, из которых одни поднимаются, другие опускаются, — только там разные маленькие и случайные отложения могут сохраниться от неминуемых перемиываний и размываний. Если какая-нибудь маленькая впадина начала опускаться еще в мелу и потом так и осталась впадиной среди гор, там, под слоями все нарастающих наносов, может уцелеть то, что в других местах, на равнине, будет перемыто, переотложено и разрушено. У нас есть подходящие для этого места в горах Казахстана, Кирги-

зии, Узбекистана, вообще Средней Азии. Эти горы как раз относятся к великой эпохе альпийского горообразования, начавшегося в конце мелового периода. У нас есть где искать, но надо знать, что искать, иначе...

— Ей-ей, не понимаю вас, Илья Андреевич! — перебил Шатров. — Разве не ясно, что, вернее — кого искать?

— Вот и неверно. Нам надо решить, каков облик этих пришельцев, что они такое — может быть, протоплазма какая-нибудь, не могущая сохраниться? Это раз. И что они делали здесь — два. Первое поможет понять, с какими остатками мы можем столкнуться при раскопках, второе — где легче можно натолкнуться на их остатки, если они есть вообще. По каким местам нашей планеты должны они были бродить? Ох, если вдуматься, наше предприятие понахивает безнадёжностью... Но это, конечно, не значит отказаться! Так вот, разделите задачу, как в добрые старые времена, когда писали совместные работы. Вы берете биологическую сторону — первый вопрос. Я возьму второй и вообще всю геологию, направление и развитие поисков. Кое-какие мыслишки у меня есть — ведь я исследовал все наши громадные среднеазиатские местонахождения динозавров.

— Вы задали мне нелегкую задачу! — воскликнул Шатров. — Мало ли какие формы жизни могли существовать в иных мирах! Тут, пожалуй, никому не под силу решить что-либо определенное, ей-ей.

— Гниль, гнусь и жалкая интеллигентщина! — внезапно разъярился Давыдов. — Конечно, задача трудна, потому что нет фактов, надо идти только умозрительно. Вся надежда на мощь ума. Проломить закрытую стену. Но если ваша голова не сообразит ничего путного, то кто же еще из нашего наличного состава одолеет это? А потом, о разных формах жизни — всяких там каменистых или металлических существах — это вы оставьте писателям. Нам не к лицу. Помните об энергетике жизни — она сложилась не случайно, а вполне закономерно. Основные положения, по-моему, следующие, и из них нам и надо исходить,

чтобы оставаться учеными до конца. Строение живых существ не случайно. Во-первых, единство материи вселенной доказано — всюду и везде девятиюсто два элемента, как и на нашей Земле. Доказана общность химических и физических законов во всех глубинах мирового пространства. А если так, то, — Давыдов грохнул кулаком по столу, — живое вещество, состоящее из наиболее сложных молекул, в основе своей должно иметь углерод — элемент, способный образовывать сложные соединения. Во-вторых, основа жизни есть использование энергии излучения Солнца, использование наиболее распространенных и эффективных химических кислородных реакций. Так?

— Все равно, — кивнул Шатров, — по пока...

— Одну минуту. Чем сложнее строение молекул, тем легче они распадаются при повышении температуры. В веществе раскаленных звезд вообще нет химических соединений. В менее сильно нагретых мирах, как, например, в спектрах холодных красных звезд, в солнечных пятнах, мы обнаруживаем лишь простейшие химические соединения. Поэтому можно утверждать, что появление жизни в любой самой необычайной ее форме может быть только при сравнительно низкой температуре. Но не очень низкой, иначе движение молекул замедлится чересчур сильно, химические реакции перестанут происходить и энергия, нужная для жизни, не будет производиться. Следовательно, заранее, без всяких особых допущений, можно говорить об узких температурных пределах существования живых организмов. Не буду утруждать вас длительными рассуждениями, вы и так легко поймете, когда я скажу, что эти температурные пределы определяются еще точнее: это те пределы, в которых существует жидкая вода. Вода — носитель основных растворов, посредством которых осуществляется жизнедеятельность организма.

Жизнь для своего появления и постепенно нарастающего усложнения требует длительного исторического, эволюционного развития. Следовательно, условия, необходимые для ее существования, должны быть устойчивыми, длительными во времени, в узких преде-

лах температуры, давления, излучения и всего того, что мы понимаем под физическими условиями на поверхности Земли.

А что касается мысли, она может появиться только у весьма сложного организма, с высокой энергетикой, — организма, в известной мере независимого от окружающей среды. Значит, для появления мыслящих существ пределы уже — это как бы узкий коридор, проходящий через время и пространство.

Возьмите, например, растения с их синтезом углерода при помощи света. Это энергетика более низкого порядка, чем у животных с их кислородным горением. Поэтому растения хотя и достигают колоссальных размеров, но при условии неподвижности. Движения могучего и быстрого, как у животного, у больших растений быть не может. Не та машина, грубо говоря.

Итак, жизнь в той же общей форме и тех же условиях, как на Земле, не случайна, а закономерна. Только такая жизнь может проходить длительный путь исторического усовершенствования, эволюции. Следовательно, вопрос сводится к оценке возможных эволюционных путей от простейших существ до мыслящего животного. Все другие решения — бред, беспочвенное фантазирование неведь!

— Строго, Илья Андреевич! Я вовсе не отказываюсь думать над этим вопросом. И все, что придет в голову, буду сообщать вам...

— Илья Андреевич, вас к телефону. Уже который раз звонят, но вы отсутствовали несколько дней...

Давыдов яростно крикнул, оторвавшись от корректуры. Большая куча гранок топорщилась на столе с приколотым сверху листом: «Проф. Давыдову, срочно! Просьба не задерживать!» Под гранками лежали две статьи, присланные на отзыв и уже задержанные профессором. За несколько дней, потраченных на попытку добиться разрешения экспедиции в Кам, накопилось много срочной работы. Той работы, которая обленяет каждого крупного ученого и не имеет прямого отношения к его исследованиям. На квартире Давыдова ле-

жала толстая диссертация, рецензии ожидал диссертант в срочном порядке. Через три часа должно было состояться длинное заседание. Явился препаратор с просьбой осмотреть работу и дать указания для ее продолжения. И в то же время нужно было написать несколько писем для осуществления необычайного шатровского дела.

Профессор, вернувшись к столу после разговора по телефону, схватился за корректуру. Перо чиркало сердито и резко, отрывистые ругательства сыпались на корректоров. Наконец у Давыдова строчки стали сливаться в глазах, он пропустил две поправки и понял, что нужно сделать перерыв. Давыдов потер глаза, потянулся и вдруг запел громко и неимоверно фальшиво однообразный, унылый мотив:

— «Ой ты, Волга-матушка, русская река, пожалей, кормилица, силу бурлака!»

В приоткрытую дверь стукнули. Вошел профессор Кольцов, заместитель директора института, в котором работал Давыдов. На лице Кольцова, обрамленном короткой бородкой, блуждала язвительная усмешка, а темные глаза печально смотрели из-под длинных, загнутых, как у женщины, ресниц.

— Жалобно поете, сэр! — усмехнулся Кольцов.

— Еще бы! Невпроворот работы, мелких делишек, к настоящему делу не подойти. Чем старше становишься, тем больше наматывается разной чепухи, а силы уже не те, ночами трудно сидеть. Мышиная возня! — проревел Давыдов.

— Пффф, сколько шуму! — поморщился Кольцов. — Вы тащить можете, сэр, у вас фигура могучая — статуя командора. Ха-ха-ха! Вот вам письмо от Корпаченко из Алма-Аты. Оно вас, думаю, заинтересует.

Небо над крышами посветлело, наступивший рано летний день боролся с желтым светом настольной лампы у раскрытого настежь окна. Давыдов закурил. Папироса уже потеряла всякий вкус, табак тяжело оседал на утомленное сердце. Но намеченная программа была выполнена — одиннадцать писем к геологам,

работавшим в области меловых отложений Средней Азии, лежали на загроможденном бумагами и книгами столе. Оставалось запечатать конверты, и тогда письма уйдут с утренней почтой. Давыдов принялся надписывать адреса и не заметил, как в комнату вошла жена, по-детски протирая кулачками заспанные глаза.

— Как тебе не стыдно! — негодуяюще воскликнула она. — Рассветает! А где же обещание не сидеть почтами? Ведь сам жаловался на усталость, на потерю работоспособности... Фу, как нехорошо!

— Я уже кончил, вот видишь — пять конвертов надпишу, и все, — виновато оправдывался Давыдов. — И больше я не буду сидеть. Это надо было во что бы то ни стало сделать... Иди спи, маленькая, я сейчас лягу.

Давыдов надписал последний конверт и погасил лампу. Бледный свет и прохладный воздух утра заполнили комнату бесстрастной ясностью.

Давыдов посмотрел на небо, потер лоб. Внезапно поставленная им задача поисков звездных пришельцев в горных котловинах Средней Азии предстала во всей своей необъятной величине.

В самом деле, если сравнительно часто находятся остатки ископаемых животных, то ведь потому, что миллиарды их жили на поверхности Земли и многие остатки неизбежно попадали в условия, способствующие их сохранению и окаменению. Но пришельцев из чужого мира не могло быть много. Даже если следы их сохранились где-то, то найти эти следы в огромных массах осадочных отложений, в тысячах кубических километров горных пород можно только при раскопках колоссального объема. Тысячи людей должны просматривать тысячи кубометров пород, сотни мощных экскаваторов — снимать верхние пласты. Химера! Ни одна страна в мире, как бы богата она ни была, не может тратить миллиарды рублей на раскопки такого масштаба. А обычные палеонтологические раскопки, даже самые крупные, с вскрытием площадок в триста-четыреста квадратных метров, — капля в море, пустяк при поставленной задаче. Вероятность, равная нулю.

Истина, обнаженная и беспощадная, заставила

опуститься усталую голову Давыдова. Его попытки показались ему смехотворными, планы — безнадежными.

Шатров был прав, более прав, оценивая своим ясным умом всю негодность средств, имевшихся в их распоряжении.

«Ехидная сила! — мысленно выругался Давыдов. — Не уснешь теперь вовсе: одолеют проклятые сомнения. Что бы еще сделать, отвлечься? Да, вот письмо, переданное Кольцовым, еще не просмотрел».

Профессор извлек из портфеля письмо известного геолога, работавшего в Казахской академии наук. Тот писал в институт о том, что в текущем году начинаются грандиозные работы в ряде больших межгорных котловин Тянь-Шаня — народная стройка целой сети крупных каналов и гидроэлектростанций. Два из этих строителей — кстати, наиболее крупные: номер два — в пизовых реки Чу и номер пять — в области Каркаринской котловины — вскроют частично верхнемеловые отложения, в которых известны большие скопления костей динозавров. Поэтому необходимо организовать постоянное наблюдение палеонтологов во время производства земляных работ. Необходимо связаться с Госпланом и после этого координировать действия непосредственно с начальниками строителей...

По мере чтения письма отступала безнадежность, заполнившая душу Давыдова. Он понял, что ему на помощь приходит редкостная удача. Интересы его науки совпали с производственными интересами страны, и теперь огромная мощь труда осуществит такие раскопки, какие даже не снились ни одному ученому! Пожалуй, есть надежда проверить невероятную находку Тао-Ли и, если опять повезет, подарить человечеству ясное доказательство того, что оно не одиноко во вселенной!

Солнце, свежее и яркое, вставало над городом, облака казались полосами лиловой пены на прозрачной золотой воде. Шум просыпающегося города несся в комнату.

Давыдов встал, жадно вдохнул несколько раз свежий воздух, задернул портьеру и стал раздеваться.

Шатров смял и бросил в корзину только что законченный рисунок черепа. Потом извлек из груды книг на столе брошюру и задумался, не раскрывая книги.

Тяжелая дорога — путь новых исканий! Редкие взлеты мысли — как сказочно легкие прыжки над пропастью грубых ошибок. И все время тащиться по крутым склонам медленного восхождения под тяжким бременем фактов, задерживающих, влекущих назад, вниз... Ничего! Поставленная задача велика и важна! А те, кто был здесь семьдесят миллионов лет назад? Бесстрашная воля и ум человека не испугались даже грозных межзвездных пространств. Те, неведомые, сумели переброситься с одного звездного корабля на другой в то время, когда они на огромных скоростях расходились друг с другом. Не испугались того, что каждая секунда времени удаляла их на сотни километров от родной планеты. И, выполнив какую-то задачу, сумели вернуться — да, конечно, вернулись, ибо те великие изменения, которые человек производит в природе, не ускользнули бы от нас, изучающих теперь, семьдесят миллионов лет спустя, свою планету.

Если мы до сих пор не нашли этих изменений, то пришельцы были на Земле очень короткое время, неведомые гости неведомого мира!

Хорошо! Он будет размышлять дальше над своей долей задачи, искать возможные облики людей иных миров. И скоро он сообщит Давыдову... Но Давыдов... Он пишет ему регулярно о чем угодно, кроме самого интересного: как идут поиски. Полтора года прошло уже с момента памятного разговора в Москве над пробитыми костями вымерших ящеров. Видимо, ничего не удалось большому другу...

В этот самый момент машина Давыдова быстро шла по пыльной, выбитой дороге. Болесая пыль бежала под дергающийся вперед и назад свет фар, облаком взвивалась позади, застилая звезды у низкого горизонта.

Вдали перед ветровым стеклом машины вставало в ночи красноватое обширное сияние. Оттуда доно-

сился низкий гул, прорывавшийся сквозь шум мотора...

Через полчаса Давыдов в сопровождении прораба и своего сотрудника, прикомандированного к стройке, направлялся к северному концу участка, слегка оглушенный исполнинским размахом работы.

Тысячесвечные фонари на высоких столбах казались окруженными легким туманом, облако более густой пыли окутывало левую сторону участка. Там скрежет, грохот и лязг мощных экскаваторов совершенно заглушали стук сотен вагонеток, с шумом опрокидывавшихся на откаточной горке.

Толща отложений была глубоко прорезана ложем будущего канала. Двухметровые стены высились по сторонам; на их ровных, точно оглаженных исполнинским пожом крутых скатах выступали мощные галечники, целые нагромождения валунов, сменявшиеся желтыми песками и слоистыми песчаниками с миллионами блессток слюды и гипса.

Ночь, расстилавшаяся вокруг в просторах пустынной степи, здесь не существовала, как не существовала и самая степь. Здесь был особый мир напряженного гигантского труда, по-своему изменивший лицо древней казахстанской пустыни.

Давыдов проходил мимо загорелых, покрытых потом и пылью людей, не обращавших на него никакого внимания. Отбойные молотки сотрясались в умелых руках, разрыхляя выступы твердых скал. Грузные, похожие на огромные железные скелеты машины тяжело ворочались в пыли. Большие грузовики стадами толкались у погрузочных конвейеров, без конца ссылавших убираемый грунт.

— Вот это раскопки, Илья Андреевич! — прокричал сотрудник Давыдова.

Профессор весело усмехнулся и хотел что-то сказать, но в этот момент застланное пылью небо осветилось широкой дугой неяркой вспышки, тяжкий гул передался по земле.

— Взрыв на выброс, — пояснил прораб. — Выкинули разом сотни три тысяч кубометров. Там, на восьмом участке, готовят канавку для экскаваторов.

Давыдов оглядел «канавку», вдоль которой шел. Она тянулась насколько хватал глаз в рядах фонарей, прямо и неуклонно рассекая стену, на севере расширяясь в котлован чуть не полкилометра в поперечнике. Там было вскрыто кладбище динозавров — колоссальное нагромождение огромных окаменелых костей. Кости тянулись грядой поперек всего котлована и, по видимому, еще далеко за его пределами. Они беспорядочно громоздились, подобные обрубкам бревен, наваленные друг на друга слоем в восемь метров толщины, смешанные с небольшим количеством крупной гальки. Здесь не было цельных скелетов, только обломки костей разной величины и разных пород вымерших ящеров, перемешанные как попало. Экскаваторы врезались в это скопление остатков сотен тысяч чудовищ, разгребая и расчищая площадь котлована. Разбросанные и наваленные горами кости утрюмо чернели на краю выемки в тусклом свете начинающегося утра...

Высоко подымавшееся солнце жгло уже в полную силу. Груды черных костей раскались, как в банной печи.

— Можно считать осмотр оконченным, — сказал Давыдов, беспрерывно вытирая мокрое от пота лицо. — Здесь то же самое, что и на втором участке. Вторая гряда костей. Я исследовал двадцать лет назад к северу отсюда, в урочище Бозабы, на правом берегу Чу, еще большую гряду костей, в тридцать километров в длину. Подобные гигантские кладбища есть и в долине реки Или, и в Каратау, и около Ташкента. И все они такие — из беспорядочно перемешанных миллионов костей, но ни одного целого скелета или черепа. Для изучения материал почти непригоден. Это остатки размытых когда-то кладбищ динозавров, кладбищ, которые превосходят всякое воображение по своим размерам.

— У вас какие-нибудь новые соображения относительно этих «полей смерти», Илья Андреевич? — спросил помощник. — В опубликованных работах вы...

— Высказался неясно? — перебил Давыдов. — Не

только неясно, но и неверно. Я тогда не представлял себе полностью масштабов явления.

— А теперь что вы думаете, Илья Андреевич?

— Не знаю, просто не знаю и не думаю! — резко сказал Давыдов. — Ну, хорошо, нужно идти. Если я через три часа уеду, то к вечеру буду на Луговой. Поезд в Москву идет в час ночи.

— А мне продолжать наблюдения?

— Разумеется. Подыщите помощников для разборки костей. В массе обломков кое-что попадается и путное. Наконец, на других участках опять могут встретиться новые скопления. Хотя, если будут продолжаться галечники и конгломераты, то все будет то же самое. Я не надеюсь уже на это строительство. Вот номер пять — там другой характер отложений: пески и гравий, песчаники почти без гальки. Отложения мелких, спокойных потоков и даже частично ветровые. Но Старожилов оттуда за полгода работ не сообщил ничего интересного. Сидит безрезультатно, захандрил, бедняга...

В большой комнате для занятий аспирантов находилось трое молодых людей. Один, взгромоздясь на стол, оживленно беседовал с девушкой, сидящей в углу, за маленьким столиком.

— Настоящий исторический момент, — говорил сидевший на столе, яростно теребя свои густые рыжеватые волосы, — определяет очень многое в будущей судьбе человечества. Атомная энергия в руках агрессоров угрожает гибелью цивилизации, всем достижениям культуры. Наши геология и палеонтология вовсе не самое важное, и это-то заставляет меня сомневаться, правильно ли я выбрал специальность. Я чувствую себя как-то в стороне от настоящей жизни. Хочется быть в рядах тех, кто создает атомную энергетику для нашей родины. Страна социализма должна иметь самую могучую и передовую физику. Верно, Женья?

— Все это верно, — отвечала ему девушка, — но если кто неспособен к математике. Я вот не люблю ее — как же я могу работать по физике?

— Не так страшно. По-моему, для некоторых разделов физики вовсе не требуется много математики... Ты что качаешь головой? — повернулся он к другому аспиранту, молчаливо прислушивавшемуся к разговору.

— А все-таки как интересна палеонтология! — вздохнула девушка. — Конечно, физика важнее. Но мне кажется, и тут можно принести много пользы... Знание...

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату влетела худенькая, стройная девушка со свертком миллиметровки в руках.

— Ребята, приехал Илья Андреевич! Я видела его в канцелярии. Сказал — сейчас к нам зайдет. Надо приготовиться! А вы тут разговорами занимаетесь с Мишкой!

Женя оглянулась на дверь.

— Мы с Михаилом о серьезных вещах говорили.

— Знаю, о каких серьезных вещах: бросать палеонтологию, идти заниматься атомной энергией. Так тебя сразу и возьмут. Гений пронадевает непризнанный! Давайте-ка спросим у Ильи Андреевича, как он к этому делу отнесется. Он, когда сердитый, говорят, мастер ругаться черными словами.

— Ты с ума сошла, Том! — заволновался Михаил. — Разве можно сказать большому ученому — мы, мол, не считаем его науку важной! Мы, его аспиранты!

— А вот возьму и спрошу! — заупрямилась Тамара. — Надо, наконец, поставить точку на всех ваших разговорах. Ты Женю ими замучил, да и мне надоело...

В дверь громко постучали. Михаил мгновенно спрыгнул со стола, Женя невольно поправила волосы. Вошел Давыдов, широко улыбаясь, бодрый и громоздкий, поздоровался, в нескольких словах рассказал о своей поездке.

— А теперь вы рассказывайте. Какие достижения и вопросы? Начнем хотя бы с вас, Тамара Николаевна!

Тамара улыбнулась слегка смущенно.

— А можно вас сначала спросить по общему вопросу, Илья Андреевич? — начала она. — Вы не торопитесь?

Михаил за спиной Давыдова в комическом ужасе закатил глаза.

— Нисколько не тороплюсь, — ответил Давыдов. — И вы знаете, я люблю, когда меня спрашивают.

— Илья Андреевич, Михаил... мы все обсуждали, правильно ли сделали выбор специальности. В такое время наши ископаемые кости... Вот Михаил говорит — надо бы заниматься физикой... И мы были на докладе Петрова — не совсем понятно, но страшно интересно! — Тамара выпалила все это одним духом, запнулась, вздохнула и поспешно закончила: — Я хотела спросить ваше мнение по этому вопросу. Что вы нам посоветуете?

Давыдов стал серьезным, нахмурился и, против ожидания Тамары, нисколько не рассердился. Он медленно вытащил портсигар.

— Окно открыто, значит можно курить. Вопрос серьезный. Я хорошо вас понимаю. Во время крупных переворотов в технике те дисциплины, которые стоят в стороне, должны казаться неважными. И вы, молодежь, естественно, колеблетесь, несмотря на уже приобретенную специальность. Я бы тоже колебался... Но вот что я вам скажу...

Давыдов зажег папиросу, задумчиво посмотрел на поднимавшийся вверх дым.

— Есть люди, — медленно начал профессор, — безразличные в выборе научного пути. Случай, выгода — и они будут заниматься чем угодно. И даже с большим успехом, с хорошими результатами. Но я не считаю их настоящими учеными. Все-таки выбор науки, что там ни говори, определяется личными склонностями, способностями и вкусами. Только тогда, когда ваш ум будет требовать знания, ловить его, как задыхающийся ловит воздух, тогда вы будете подлинными творцами науки, не щадящими сил в своем движении вперед, сливающими свою личность с наукой. Я сам вначале колебался. По образованию я инженер, люблю технику, и все же основные мои склонности — исторические. Вот я и занимаюсь древнейшей историей Земли и жизни — худо ли, хорошо ли, но это заполняет всю мою жизнь целиком. Конечно, может быть, жаль, что

я не физик, не творю важнейшее для настоящего момента, но тут дело в комбинации моих способностей и интересов, которые принесут наибольший эффект, если будут гармонизировать с избранным путем. Больше всего бойтесь сомнения, холодности, неполноценности — а стоит ли, а зачем? Тогда грош вам цена!..

Потом, не стоит приуменьшать значение нашей науки. Ее «завтрашний день» дальше, чем у других отраслей знания, она сделается необходимой позже других, но сделается, когда мы сможем вплотную взяться за человека. Наш организм — это исторически сложившаяся сложнейшая комбинация эволюционных наслоений от рыбы до высшего млекопитающего. И понять биологию человека по-настоящему без изучения всей эволюционной лестницы нельзя. А от этого целиком зависит медицина будущего, сохранение человека как вида и еще многое другое. Сейчас эти вопросы еще далеки от нас, но приближаются с каждым днем. И мы готовим для них точную основу знания. Бросить наше дело нельзя еще и потому, что человеку, строящему будущее, необходим общий подъем культуры, знания и широкий кругозор. Наука имеет свои законы развития, не всегда совпадающие с практическими требованиями сегодняшнего дня. И ученый не может быть врагом современности, но и не может быть только в современности. Он должен быть впереди, иначе он будет только чиновником. Без современности — фантазер, без будущего — тушица. А ведь еще Петр Великий это хорошо понимал. Вспомните его указ о непременном сборе ископаемых костей — это в те-то тяжелые времена, в бедной и бескультурной стране!

Давыдов потушил папиросу и по рассеянности бросил ее на пол. Аспиранты этого не заметили. Женя перегнулась боком через стол, глядя на Давыдова. Тамара стояла с победно поднятой головой, а Михаил хмуро опустил глаза.

— Теперь о другой стороне вашего вопроса, — продолжал Давыдов. — Тут тоже не следует преувеличивать. Сила атомного оружия, безусловно, очень велика, но отнюдь не абсолютна. Говорить о гибели цивилизации и безразлично опускать руки нельзя — так посту-

пают многие интеллигенты на Западе, пытаясь оправдать свое бездействие. И без того сейчас там культура сильно отстает от техники. Люди приобретают все большую власть над природой, забывая о необходимости воспитания и переделки самого человека, часто недалеко ушедшего от своих предков по уровню общественного сознания. А вы, советская молодежь, хотите быть бойцами за культуру, за будущее счастье человечества. Тогда верьте в могущество нашей страны и, не колеблясь, идите по выбранному пути! Возможно, что впереди, вряд ли очень скоро, — новая грозная война, решающая схватка старого с новым. Делая наше дело, мы будем бороться за нашу культуру. Благородная задача — отстоять ее от варварства, вооруженного последним словом техники! Потом, представляете ли вы как следует, что такое атомная энергия сейчас? Большая часть элементов из числа всех девяноста двух обладает весьма и весьма устойчивыми ядрами. Чтобы разбить их, нужно приложить энергию, большую, чем мы получим от их распада. И это не случайно. За миллиарды лет формирования вещества нашей планеты, как и других планет, в процессах изменения звездного вещества произошел как бы отбор — все неустойчивое распалось, перегорело, так сказать, перешло в устойчивые формы. Менее стойки по отношению к распаду — элементы начала менделеевской таблицы, вплоть до кислорода, особенно литий, бериллий, бор, углерод. Но атомная машина, работающая на этих элементах, будет действовать только в условиях колоссальных масс вещества, чудовищных температур и давлений. В звездах именно эти элементы и составляют основу их энергетики. Мы пока еще не можем их использовать и, по-моему, не скоро сможем — нужны особые количественные условия для их цепных реакций. Сейчас мы подошли к использованию цепных реакций в элементах самого конца менделеевской таблицы, самых тяжелых по своим атомным весам. Это тоже не случайно — самые тяжелые элементы очень богаты нейтронами и легко распадаются, осуществляя цепную нейтронную реакцию — единственную, которую мы можем технически использовать в настоящий момент.

И этот распад отнюдь не следует представлять как полный распад всего атома полностью. Атом тяжелого элемента как бы раскалывается на две части, каждая из которых дает устойчивые элементы середины менделеевской таблицы. При этом освобождается частично энергия, которая и есть энергия атомной бомбы. Тут еще очень далеко до полного распада и не менее далеко до цепной реакции с устойчивыми элементами.

Пока наше овладение атомной энергией сводится к овладению, еще далеко не полному, способностью самого тяжелого элемента, урана — последнего в таблице, — распадаться на два более легких элемента. Это еще не есть овладение энергией любого вещества, так, как вам представляется. Уран по своему положению в таблице находится на самом пределе естественных устойчивых элементов. Вы знаете, что можно повысить атомный вес урана и получить искусственные элементы, выходящие уже за пределы таблицы, — нептуний и плутоний, девяносто третий и девяносто четвертый искусственные элементы. Уран можно превращать и дальше, создавая элементы девяносто пятый и девяносто шестой — америций и кюрий, и так далее — до сорого или больше номера.

Все они неустойчивы, подвергаются полураспаду. Энергия полураспада плутония и составляет взрывную силу атомных бомб, так же как и энергия неустойчивой формы урана — так называемого изотопа двести тридцать пять. Несомненно, в космических процессах превращения материи ранее существовали элементы более тяжелые, чем уран, но впоследствии они перешли в устойчивые формы основных девяноста двух. Поэтому уран мы можем рассматривать как остаток этих сверхтяжелых элементов, уцелевший вследствие своего рассеянного состояния, вдобавок встречающийся в верхних зонах земной коры, где он устойчив в условиях сравнительно небольших температур и давлений. Уран и, вероятно, второй близкий к нему тяжелый элемент, торий, надолго останутся основой атомной энергии, ибо между использованием способности урана к полураспаду и использованием энергии вещества других элементов лежит глубокая пропасть, которую мы вряд ли ско-

ро перейдем. Но уран и торий — крайне редкие элементы, запасы их в мире очень незначительны. Отсюда следует, что пока накопление запасов взрывчатого вещества для атомных бомб и ракет весьма ограничено...

— Вас к телефону, Илья Андреевич, — вызов с междугородной! — послышался голос из-за двери.

— Сейчас, сейчас! — Давыдов с мучительным выражением наморщил лоб. — Ну, вот то, что я хотел вам рассказать об атомной энергии... Урана немного, его запасы могут быть израсходованы очень быстро. Поэтому, глядя в будущее, мы должны изыскать крупные запасы этого драгоценного вещества. И мы... — Профессор вдруг умолк, поглаживая виски и глядя остановившимся взором поверх голов своих собеседников. — Крупные запасы урана... огарки формирования планеты, — тихо забормотал Давыдов. — Эх, черт и трижды черт! Так...

Профессор словно неоперхнулся и быстро вышел из аспирантской комнаты.

— Что это случилось с Ильей Андреевичем? — воскликнула Тамара, нарушая общее недоуменное молчание. — Я могу поклясться, что он чуть было не сказал черного слова!

— Что ты выдумываешь, Тамара! — негодуя возразила Женья. — Просто его перебили с этим несчастным телефоном. И все нам испортили... Так интересно он говорил.

— Уверяю тебя, что с ним что-то произошло. Тебе из-за шкафа не было видно. Он изменился в лице, будто привидение увидел.

— Верно, верно, Том, — поддержал Михаил, — я тоже заметил. Может быть, ему пришла в голову интересная мысль?

Догодка Михаила была правильной. Давыдов шагал по коридору, и все его мысли сосредоточились вокруг внезапно возникшей догадки. Ученый перенесся на два года назад, когда под впечатлением страшной волны, разрушившей остров, он всматривался с борта парохода в глубину океана и в мозгу его формировалась еще робкая идея о силах, вызывающих движения земной коры. С тех пор он непрерывно подбирал факты и размыш-

лял, постепенно переходя от этих явлений современности к гораздо более крупным во времени и пространстве горообразовательным процессам прошлого. И теперь разве не сама судьба дает ему в руки доказательство правильности его предположения?

Давыдов взял трубку. Ответа не было, но он механически продолжал прижимать трубку к уху, думая о своем. Двадцать лет мучила Давыдова загадка «полей смерти» динозавров в Средней Азии. Вдоль подножия Тянь-Шаня тянутся гигантские скопления костей огромных ящеров. Миллионы особей самого различного возраста погребены в этих скоплениях. Но раньше они были еще гораздо больше, так как мы имеем дело лишь с остаточными местонахождениями, размытыми в третичное время при дальнейшем поднятии гор. Что могло вызвать такую массовую гибель именно в этом месте? Не вымирание же вдруг от каких-то неизвестных причин! Нет, массовая гибель динозавров совпала по времени с началом великой альпийской эпохи горообразования, поднявшей хребты: Тянь-Шань, Гималаи, Кавказ и Альпы. Совпала и в пространстве, территориально. Тогда, семьдесят миллионов лет назад, в конце мелового периода, эти хребты медленно вснучивались рядами параллельных складок — совсем так, как это происходит сейчас на Тихом океане. Разница была только в том, что тянь-шаньские складки мелового периода образовывались не в океане, а на суше, по окраине моря, и эта область была населена наземными животными. Кроме того, в меловую эпоху складкообразование имело гораздо больший масштаб, чем теперь. Одни и те же процессы образования гор тогда и теперь обязаны силам уранового распада в глубинах земной коры или, вернее, распада сверхтяжелых элементов вообще. Если это предположение верно, то нет ничего невероятного, что энергия цепных реакций в некоторых областях в какие-то моменты прорывалась наружу, хотя бы в виде мощного излучения. Образовался обширный район, в течение тысячелетий смертельный для живого населения, и здесь животные гибли миллионами, снова и снова передвигаясь сюда из безопасных областей.

Ничто, разумеется, не могло предупредить безмозглых ящеров о неизбежной гибели. Более мелкие остатки не сохранились в процессах перемыва, а прочные, огромные кости динозавров и сейчас удивляют нас своими непомерными количествами. Такое совпадение не случайно!..

«А что, если не случайно и другое совпадение? Почему мы нашли следы звездных пришельцев тоже в области горных поднятий того времени?»

Мощное излучение, губительное для динозавров, разумеется, можно уловить прибором. Тогда, если «они» бродили там, где тысячелетия спустя началась массовая гибель динозавров, значит «они» искали источники атомной энергии... Может быть, для возвращения обратно, на свою планету... Но если это так, то — черт возьми! — два важнейших следствия: нам нужно искать следы звездных пришельцев, этих небесных гостей Земли, именно здесь, вдоль Тянь-Шаня и Гималаев — самых молодых горообразовательных зон Земли. Именно там, где мы их и ищем! И второе — если горообразовательные процессы и вулканизм возникают потому, что в земной коре время от времени создаются концентрации урана или других сверхтяжелых элементов, вступающих в цепную реакцию, то можно ожидать нахождения остатков этих концентраций на доступных нам глубинах земной коры в соответствующих географических районах... Вот если бы удалось найти еще раз следы небесных гостей в областях горообразования, у меня была бы уже уверенность в том, что...»

— Говорите! — неожиданно раздался в трубке голос. — Соединяю с Алма-Атой!

Давыдов вздрогнул, ход мыслей разом остановился. Алма-Ата могла сообщить важные новости со строительства каналов.

Далекий, но отчетливый голос назвал его имя. Давыдов узнал ученого секретаря Геологического института.

— Илья Андреевич, утром звонил Старожилов со строительства номер пять. Там обнаружены скелеты динозавров, не то поврежденные, не то неповрежденные, я не разобрал из-за плохой слышимости. Старо-

жилов просил меня связаться с вами. Он считает ваш приезд необходимым. Что ему передать?

— Передайте, что вылетчу с завтрашним самолетом! — быстро сказал Давыдов.

— У меня еще к вам два дела, — продолжал секретарь, — но поскольку вы будете у нас, на месте поговорим. Значит, ждем. Привет!

— Преогромное спасибо! — радостно закричал в трубку Давыдов. — Привет всем... До свиданья!

Давыдов поспешил к Кольцову, попросив завхоза заказать билет в аэропорту.

Глаза разума

орога вилась берегом узкой речки. Высокие стены ущелья перекрещивались вдали своими откосами, круто сбегавшими к руслу справа и слева.

Самый близкий откос сурово чернел в теневой полосе слева; четкие стрелы елей выстроились в ряд вдоль иззубренного скалистого ребра. Следующие вверх по долине откосы становились все светлее, дальние окутывались жемчужной дымкой и казались легкими. Немного в стороне возвышался далекий, одетый снегом зубец, вдали переходивший в могучий гребень. Снег сползал продольными белыми полосами по его серому каменистому скату, а вверху, где ослепительно чистая толща снега плавно сглаживала выступы скал, большое плотное облако медленно плыло, как белая баржа, волоча свое широкое днище по снежному полю седловины хребта.

Дорога обогнула крутой обрыв и начала подниматься к перевалу, извиваясь и горбясь. Машина была разогреваясь; чистый холодный ветер бил прямо навстречу, плотными струями врываясь в щели приоткрытых стекол.

Давыдов не заметил, как поднялись

на перевал, и угадал его по затихшему мотору. Машина понеслась вниз, туда, где развевалась обширная, ровная, как стол, долина, окруженная тройным кольцом горных уступов.

Внизу, то изрытые причудливыми промоинами, то выступающие узкими башнями и округленными куполами, протянулись красные песчаники и глины. Второй уступ массивных пород был испещрен щетиными лентами горных елей, казавшихся почти черными на серо-фиолетовой поверхности склонов. И выше всего, победно сияя своей недоступной белизной, тянулся пальчатый ряд снеговых вершин, словно стена исполинского замка, надежно огорожившая долину.

А там, внизу, отчетливо виднелись борозда, расправшая ровную стену, насыпь огромной плотины, груды земли, глубокие котлованы, домики поселка и ряды длинных белых палаток.

Давыдов уже привык к поражавшему его вначале зрелищу большой стройки, но сейчас он с волнением смотрел на ажурные плетения каркасов бетонных конструкций. Здесь, по-видимому, и есть головная гидростанция.

В одном из котлованов обнаружены скелеты динозавров, кладбище, образовавшееся тогда, когда вокруг не стояли эти высокие горы. Они поднялись позже — силами мощных атомных реакций, происходивших в глубинах земной коры. Но излучение могло прорываться и тут и привлечь звездных пришельцев в их поисках запасов атомной энергии.

Машина остановилась возле длинного беленого дома.

— Приехали, товарищ Давыдов, — сказал шофер, отворяя дверцу. — Вы задремали маленько? Дорога хорошая, можно поспать...

Давыдов очнулся, вылез из машины, увидел спившего к нему Старожилова. Скуластое лицо научного сотрудника заросло до глаз густейшей щетиной, серый рабочий костюм весь пропитался желтой пылью. Голубые глаза его радостно сияли.

— Начальник (когда-то Старожилов, еще студен-

том, много ездил с Давыдовым и с тех пор упорно называл его начальником, как бы отстаивая свое право на походную дружбу), я вас, пожалуй, обрадую! Долго ждал — и дождался! Отдохните, покушайте, и поедем. Это крайний южный котлован, с километр отсюда...

— Нет уж, я вовсе не устал. Везите немедленно! — прервал Давыдов.

Старожилов еще шире улыбнулся.

— Великолепно, начальник! — вскричал он, втискиваясь в машину и стараясь не замечать недовольно косившегося на него шофера, который явно не доверял чистоте одежды Старожилова.

— Мы натолкнулись на остатки динозавров сразу же, как вскрыли большой пласт золотого плотного песка, вклинившийся с юга, — спешил рассказать Старожилов. — Сначала мы обнаружили несколько разрозненных костей, потом вскрыли огромный скелет моноклона прекрасной сохранности. Череп его оказался пробитым, да, насквозь пробитым, Илья Андреевич, что вы думаете... Узенькая овальная дырочка!

Давыдов побледнел, нервно дергая углом рта.

— И что дальше? — выдавил он из себя.

— Дальше на большой площади ничего не встретилось. А позавчера у самой границы котлована опять нашли кости — грудой, но не разрозненные. Впечатление такое, что лежат кучей несколько скелетов. Странно: хищники и травоядные вместе. Я определил по задней лапе крупного карнозавра, и тут же торчат копыта какого-то цератопса*. Некоторые кости переломаны, точно ударом страшной силы. Я не решился раскапывать эту грудку без вас... Сюда, правее, там съезд на дно, — обернулся Старожилов к шоферу. — И налево.

Через несколько минут Давыдов склонился над огромным скелетом, белые кости которого резко выде-

* Цератопс — собирательное название рогатых травоядных динозавров.

лялись на желтом песке. Старожилы тщательно расчистил его сверху и покрыл для сохранности лаком, оставив до приезда Давыдова.

Давыдов прошел мимо вытянутого хвоста и судорожно скрюченных лап, опустился на колени над безобразной громадной головой с длинным, похожим на кинжал рогом, венчавшим клювообразную морду.

Костяные кольца для защиты глаз, сохранившиеся в пустых орбитах черепа, придавали чудовищу выражение навсегда застывшей свирепости.

Профессор скоро нашел ниже левого глаза овальное отверстие, знакомое по костям из Сикана, найденным Тао-Ли. Оно пронизывало череп насквозь; выходное отверстие располагалось на темени, позади правой орбиты, еще погруженной в породу.

Да, несомненно, «они» были и здесь! Решение искать в пределах Союза было правильным. Но какие еще следы пришельцев могут быть обнаружены, да и остались ли эти следы?

Давыдов осмотрел край скопления скелетов, обнаруженный в стене котлована. На тех костях, которые были уже вскрыты, не было признаков ранений. Те переломы, о которых рассказывал Старожилы, оказались посмертными. Кости были сломаны уже после захоронения в песках, вследствие осадки и уплотнения пород, как это часто бывает.

Давыдов распорядился снять породу над скоплением костей и постепенно расчищать кости сверху, сразу на всей площади скопления.

— Надо бы захватить пошире, чтобы оконтурить все вокруг, — с сомнением в голосе произнес профессор, — но у нас не хватит средств, чтобы раскопать такую громадную площадку. Здесь нужно тысяч пять кубометров съёмки.

— Напрасно беспокоитесь, начальник! — широко осклабился Старожилы. — Рабочие здесь так заинтересовались находками рогатых «крокодилов», как они их зовут, что сами предложили мне помочь «развлекать соответствующе» это место. Так и сказал один бригадир на моем докладе. Послезавтра воскресенье, и на раскопки выйдут девятьсот человек.

— Девятьсот?! Ехидная сила! — вскричал Давыдов.

— Нет уж, не ехидная, а просто — сила! — гордо ответил Старожилов. — Администрация предоставляет нам шесть экскаваторов, транспортеры, грузовики — словом, все необходимое. Такую раскопку устроим, что в истории не слыхивали!

Профессор выругался от восхищения. Сам труд во всем его величии шел на помощь науке, бескорыстно и могуче. Давыдов почувствовал небывалую уверенность в успехах своих поисков. Десятки тысяч тонн земли, прятаншей в себе научную тайну, теперь казались вовсе не такими страшными. Забыв обо всех сомнениях, трудностях и невзгодах, Давыдов показался себе невероятно сильным. С такой поддержкой он заставит ответить эти козьи массы песков, мертво пролежавшие семьдесят миллионов лет... Давыдову даже не пришло в голову, что раскопки могут оказаться безрезультатными в смысле следов звездных пришельцев. Он не мог сейчас представить себе этого. Особенно когда в полутораста метрах позади лежал скелет ящера, убитого человеческим оружием...

— Намечайте площадь раскопок, начальник! — раздался голос Старожилова. — Имейте в виду, что граница золотых песков идет екось, простирается с северо-запада на юго-восток. Левее вклинивается полоса песков речного происхождения.

Профессор взобрался на склон котлована и долго смотрел, соображая и подсчитывая, на участок нетронутой степной почвы, удалявшейся к уступам гор.

— Что, если мы возьмем квадрат вот от того столба направо и сюда?

— Тогда левый угол зацепит речные пески, — возразил Старожилов.

— Прекрасно! Я именно этого и хочу, чтобы мы прошлись берегом древнего потока. Около когда-то бывшей воды... Ну, давайте обмерим да поставим вешки. Рулетка у вас с собой?

— Зачем рулетка? Шагами обмерим, не скупитесь, начальник! Съемку-то сделаем после вскрытия.

— Постараюсь не скупиться, — улыбнулся про-

фессор энтузиазму сотрудника. — Начнем. Идите вон туда, к холмику... Мне хочется сегодня успеть телеграфировать профессору Шатрову.

На месте, где двенадцать дней назад Давыдов с помощником мерили шагами кочковатую полынную степь, раскинулась громадная выемка в девять метров глубины. Ветер крутил в ней столбы пыли, вздымавшейся со сглаженной и подсохшей поверхности плотно слежавшихся меловых песков. Вдоль восточного края выемки желтая окраска пород изменялась, переходя в серый, стальной цвет. Старожилы расхаживали взад и вперед, распорядясь отрядом своих помощников, перебиравших и перекапывавших пески, рассчитавших найденные скелеты. Давыдов вызвал из Москвы всех препараторов института и своих четырех аспирантов, отозвал со строительства номер два научного сотрудника, работавшего там. Тридцать рабочих под наблюдением всех десяти сотрудников вскрывали толщу костеносных песков, продвигаясь все ближе к границе серых пород, где встречались только обломки костей и большие окаменелые стволы хвойных деревьев.

Знойное солнце жестоко палило сверху, песок был горяч, но это нисколько не смущало увлеченных своей работой людей.

Давыдов спустился в выемку и остановился около большого скопления, обнаруженного еще в котловане. Там оказалось шесть скелетов динозавров, перепутавшихся своими костями. В шестидесяти метрах к востоку был вскрыт скелет гигантского хищника, одиноко лежавший недалеко от границы речных песков. Вблизи него нашли еще три скелета небольших хищных ящеров, размерами с собаку. Больше на всем протяжении выемки ничего не было найдено, не находилось и костей, пробитых таинственным оружием. Давыдов с тревогой осматривал раскопанную часть выемки, как будто подсчитывал оставшиеся шансы.

— Илья Андреевич, подойдите к нам, — донесся голос Жени, — мы нашли черепаху!

Давыдов обернулся и медленно пошел на зов, к скелету хищного динозавра. Женя с Михаилом второй день обкапывали и очищали громадную голову с раскрывшейся пастью, наполненной страшными загнутыми зубами.

Женя поднялась навстречу профессору, сморщилась от боли в затекших ногах, но сейчас же радостно улыбнулась.

Белый платок подчеркивал загар ее лица, покрытого крошечными росинками пота.

— Вот тут, — показала Женя препаровальным инструментом в глубь ямы, — черепаха. Она лежит почти под черепом. Спускайтесь к нам! — И девушка легко спрыгнула вниз. — Я расчистила сверху карапакс*, — продолжала Женя. — Он очень странный — с каким-то перламутровым отливом, и скульптура необычная.

Давыдов с трудом согнул свое массивное тело в тесной траншее, заглядывая под гигантский череп хищного динозавра. Из сыроватой и потому более темной породы выступал маленький купол около двадцати сантиметров в поперечнике. Поверхность этого купола была покрыта орнаментом из ямок и бороздок, хранивших следы радиального расположения. Цвет кости был необычный — очень темный, фиолетовый, почти черный, резко отделявшийся от белых костей черепа динозавра. Необычным был и перламутровый блеск этой странной кости — гладкая, точно полированная, она смутно светилась в тени на дне ямы.

У Давыдова все расплылось в глазах. Кряхтя, он приблизил лицо к странной находке, с величайшей осторожностью счищая песчинки концами пальцев. Профессор заметил шов между отдельными костями, проходивший посредине купола, и второй, пересекающий его поперек, ближе к одному краю.

— Позовите Старожилова скорее! — поднял Давыдов побагровевшее от прилива крови лицо. — И работчих сюда!

* Карапакс — верхний щит черепашьего панциря.

Жене передалось волнение ученого. Звонкий голос девушки понесся над изрытыми песками. Старожилов прибежал молниеносно, как показалось Давыдову, погруженному в рассматривание странной находки.

Терпеливо, медлительно и нежно профессор и его сотрудник принялись снимать породу вокруг темно-фиолетового куполка. С боков кость не распирилась в глубину, стенки купола стали отвесными и превратились в неправильное, слегка сдавленное полушарие. Давыдов, очищавший свою сторону, вдруг почувствовал, что препаровальная игла погрузилась в податливую рыхлость песка, точно кость окончилась в этом месте. Некоторое время профессор осторожно нащупывал границы и, наконец решившись, вращательным движением иглы быстро разрыхлил породу. Песок смел мягкой кистью. Нижний край кости здесь оказался закругленным и утолщенным двумя широкими дужками, врезанными в стенку полушария.

Рев, вырвавшийся из широкой груди Давыдова, заставил вздрогнуть стеснившихся около него сотрудников.

— Череп, череп! — заорал профессор, уверенно врезаясь в породу своим инструментом.

Действительно, освобожденные от породы большие пустые глазницы обозначались совершенно отчетливо. Теперь ясно выступил широкий и крутой лоб. Загадочный купол был просто верхней частью черепа, подобного человеческому, немного больших, чем у среднего человека, размеров.

— Попался, небесный зверь или человек! — с бесконечным удовлетворением сказал профессор, с усилием разгибаясь и потирая виски.

Голова закружилась, и он тяжело привалился к стене ямы. Старожилов поспешно схватил профессора за локоть, но тот нетерпеливо отстранил его.

— Действуйте! Приготовьте большую коробку, вату, клей — череп пужно поскорее вынуть. По-видимому, он прочен. Отделяйте осторожно, дальше вглубь должны быть кости скелета, его скелета. Пусть рабочие снимают послойно всю породу вокруг. Скелет

динозавра сразу же разобрать и удалить. Перекопайте все — каждый сантиметр этого участка. Весь песок нужно просеять...

Шатров спешил по длинному коридору института, не отзываясь на приветствия встречавшихся с ним сотрудников. Он оказался перед той самой дверью, в которую входил с коробкой Тао-Ли два с половиной года назад. Но сейчас Шатров не медлил у входа, не улыбался лукаво перед тем, как поразить друга неожиданностью приезда. Со строгим, сосредоточенным лицом он вбежал прямо в кабинет.

Давыдов немедленно отложил в сторону бумагу, на которой записывал какие-то расчеты.

— Алексей Петрович! Вы прямо дилкурьер! — загудел он, как в бочку. — Для вас такая скорость даже неприлична... Когда вы получили мое письмо с описанием всех обстоятельств находки?

— Вчера утром. Выехал в пять часов. Но, ей-ей, я на вас обижен: будто вы не могли сообщить мне раньше! Зачем было писать уже *post factum*? То вы неистовствовали, требуя от меня предполагаемого облика небесного зверя, а когда нашли, молчали до конца раскопок!

Шатров рассерженно дернул плечом и забегал по кабинету.

— Не сердитесь, Алексей Петрович. Я тоже хотел сделать вам сюрприз. Что из того, если бы вы узнали на две недели раньше? Только волновались бы и томилась, изнывая от нетерпения в своем Ленинграде.

— Я приехал бы туда, ей-ей! — сердито крикнул Шатров.

— Приехали бы? — изумился Давыдов. — На раскопки? Право, вы совсем переменились, а я не знал.

Шатров не выдержал и улыбнулся.

— Ну, вот так лучше, дорогой друг. Зато вы увидите небесную бестию сию же минуту. — Давыдов направился к шкафу, взялся за ручку, веселый и тор-

жественный. — Как это по-вашему — ок! — Давыдов потянул дверцу, она раскрылась...

— Стойте, Илья Андреевич! — вскричал Шатров. — Подождите! Закройте!

Удивленный, Давыдов послушно закрыл шкаф.

— Я не успел вам прислать свои предположения, — пояснил Шатров, — теперь я хочу потерпеть еще несколько минут и прочесть их вам, прежде чем увижу череп небесного пришельца. Очень интересная проверка: может ли наш ум предвидеть далеко, верен ли путь аналогий, исходящих из законов нашей планеты, для других миров?

— Превосходно придумали! Давайте!

Давыдов, как бы для верности, запер шкаф на ключ и подошел к столу. Шатров извлек большие листы бумаги, исписанные его ровным, довольно крупным, удивительно четким почерком.

— Я не буду читать всего, не терпится, — сознался он. — Просмотрим лишь общие выводы. Помните, мы согласились, что общая схема животной жизни, основанная на белковой молекуле и энергии кислорода, должна быть общей во вселенной. Мы согласились на том, что вещества, слагающие организм, использованы не случайно, а в силу своей распространенности и своих химических свойств. Мы согласились также, что планета, наиболее пригодная для жизни в любой планетной системе, должна быть сходна с нашей Землей. Во-первых, в смысле тепловой энергии, получаемой от своего Солнца; если оно больше и ярче нашего, эта планета должна быть дальше; если Солнце меньше и холоднее — условия нагрева, подобные Земле, могут быть на более близкой к нему планете. Правда, огромное большинство звезд подобно именно нашему Солнцу...

Во-вторых, эта планета должна быть достаточно велика, чтобы притяжением своей массы удерживать вокруг себя достаточно мощную атмосферу, защищающую от холода мирового пространства и убийственных космических излучений. И не слишком велика, чтобы могла потерять во время начальной стадии своего существования, еще в раскаленном виде, значи-

тельную часть газов, молекулы которых рассеялись бы в мировом пространстве. Иначе вокруг планеты получится слишком густая атмосфера, непроницаемая для Солнца и полная вредных газов.

В-третьих, скорость вращения вокруг своей оси также должна быть близкой к скорости вращения Земли. Если вращение очень медленное, получится убийственный для жизни перегрев одной стороны и сильное охлаждение другой; если очень быстрое, нарушатся условия равновесия планеты такой величины, она потеряет атмосферу, сплющится и в конце концов разлетится на экваторе.

Его — сила тяжести, температура и давление атмосферы на поверхность такой планеты должны быть, по существу, приблизительно одинаковыми с нашей Землей.

Таковы основные предпосылки. Следовательно, вопрос в основных путях эволюции, создающих мыслящее существо. Каково оно? Что требуется для развития большого мозга, для его независимой работы, для мышления? Прежде всего должны быть развиты мощные органы чувств, и из них наиболее — зрение, зрение двуглазое, стереоскопическое, могущее охватывать пространство, точно фиксировать находящиеся в нем предметы, составлять точное представление об их форме и расположении. Излишне говорить, что голова должна находиться на переднем конце тела, прежде всего соприкасающемся с окружающим, несущим органы чувств, которые опять-таки должны быть в наибольшей близости к мозгу для экономии в передаче раздражения. Далее, мыслящее существо должно хорошо передвигаться, иметь сложные конечности, способные выполнять работу, ибо только через работу, через трудовые навыки происходит осмысливание окружающего мира и превращение животного в человека. При этом размеры мыслящего существа не могут быть маленькими, потому что в маленьком организме не имеется условий для развития мощного мозга, нет нужных запасов энергии. Вдобавок маленькое животное слишком зависит от пустяковых случайностей на поверхности планеты: ветер, дождь и то-

му подобное — для него уже катастрофические бедствия. А для того чтобы осмысливать мир, нужно быть в известной степени независимым от сил природы. Поэтому мыслящее животное должно иметь подвижность, достаточные размеры и силу, ergo — обладать внутренним скелетом, подобным нашим позвоночным животным. Слишком большим оно также быть не может: тогда нарушатся оптимальные условия стойкости и соразмерности организма, необходимые для несения колоссальной дополнительной нагрузки — мозга.

Я слишком распростираюсь... Короче, мыслящее животное должно быть позвоночным, иметь голову и быть величиной примерно с нас. Все эти черты человека не случайны. Но ведь мозг может развиваться тогда, когда голова не является орудием, не отягощена рогами, зубами, мощными челюстями, не роет землю, не хватается добычу. Это возможно, если в природе имеется достаточно питательная растительная еда; например, для нашего человека большую роль сыграло появление плодовых растений. Это освободило его организм от бесконечного пожирания растительной массы, на что были обречены травоядные, а также от удела хищников — погони и убивания живой добычи. Хищное животное хотя и ест питательное мясо, но должно обладать орудиями нападения и убийства, мешающими развитию мозга. Когда есть плоды, тогда челюсти могут быть сравнительно слабыми, может развиваться огромный купол мозгового черепа, подавляющий собсю морду. Тут можно еще очень много сказать о том, каковы должны быть конечности, но это ясно и так: свобода движений и способность держать орудие, пользоваться орудием, изготовлять орудие. Без орудия нет и не может быть человека. Отсюда последнее: назначение конечностей должно быть раздельным — одни должны выполнять функцию передвижения — ноги, другие быть органами хватания — руками, сложными и многообразными в своих движениях. Все это связано с тем, что голова должна быть поднята от земли, иначе ослабнет способность восприятия окружающего мира.

Вывод — форма человека, его облик как мыслящего животного не случаен, он наиболее соответствует организму, обладающему огромным мыслящим мозгом. Между враждебными жизни силами космоса есть лишь узкие коридоры, которые использует жизнь, и эти коридоры строго определяют ее облик. Поэтому всякое другое мыслящее существо должно обладать многими чертами строения, сходными с человеческими, особенно в черепе. Да, череп, безусловно, должен быть человекоподобен. Таковы вкратце мои выводы. — Шатров умолк. Сдерживаемое нетерпение прорвалось паружу: — Теперь давайте небесного зверя, скорее!

— Сию минуту! — Давыдов остановился у шкафа. — Должен сказать, Алексей Петрович, что вы глубоко правы. Это изумительно! В такие минуты чувствуешь, как могуча наука, чудесное мышление человека...

— Ладно, сейчас увидим. Давайте его.

Давыдов извлек из шкафа широкий лоток.

Перед Шатровым оказался страшный темно-фиолетовый череп, покрытый орнаментом из ямок и бороздок, углубленных в кость. Мощный костяной купол —местилище мозга — был совершенно подобен человеческому, так же как и огромные глазные впадины, направленные прямо вперед и разделенные узким костным мостиком переносицы. Вполне человеческими были и круглый, крутой затылок и короткая, почти отвесная лицевая кость, ушедшая под огромный, надвинутый на нее лоб. Но вместо выступающих носовых костей была треугольная ямка. От основания ямки верхняя челюсть, клювообразная, слегка загнутая вниз на конце, резко выдвигалась вперед. Нижняя челюсть соответствовала верхней и также не имела ни малейшего следа зубов. Ее суставные концы упирались почти горизонтально в ямки на концах широких отростков, спускавшихся вниз впереди круглых больших отверстий по бокам черепа, под висками.

— Он прочен? — тихо спросил Шатров и после утвердительного кивка Давыдова взял череп в руки. — Вместо зубов, видимо, режущий роговой чехол, как у черепахи? — спросил Шатров и, не дожидаясь

ответа, продолжал: — Строение челюстей, носа, слухового аппарата довольно примитивно... Эти ямки на костях, вся скульптура показывают, что кожа очень плотно прилежала к кости, без подкожного мышечного слоя. Такая кожа вряд ли могла иметь волосы. А отдельные кости... в них, конечно, нужно поразобраться, но смотрите: челюсть из двух костей: это тоже более примитивно, чем у человека...

— Значит, их эволюционный путь до мыслящего существа был короче, — вставил Давыдов.

— Именно так. Там, на их планете, могли быть несколько иная природная обстановка, другой ход геологических процессов, другие условия естественного отбора. Вот почему, если возраст разных планетных систем, как и звезд, примерно одинаков, они опередили нас на семьдесят миллионов лет! Интересно, вы исследовали состав этой кости?

— Точно — нет. Но все же знаю, что она в основном не из фосфорнокислого кальция, как у нас, а...

— Из кремния? — быстро перебил Шатров.

— Вы правы. И это понятно: кремний по химическим свойствам во многом аналогичен углероду и вполне может быть использован в биологических процессах.

— Но скелет? Другие кости? Неужели ничего не нашли?

— Абсолютно ничего, кроме... — Давыдов вытащил из шкафа второй лоток, — вот этого.

Перед Шатровым оказались два небольших металлических обломка и круглый диск около двенадцати сантиметров в диаметре. Маленькие обломки имели грани одинаковых размеров, но обратно расположенные на каждом куске. В общем каждый обломок походил на усеченную семигранную призму.

Металл по тяжести походил на свинец, но отличался большей твердостью и желтовато-белым цветом.

— Отгадайте, что это такое, — предложил Давыдов, подбрасывая на ладони тяжелый кусочек.

— Почему я знаю? Сплав какой-нибудь... — буркнул Шатров. — Впрочем, если вы спрашиваете, наверное, что-либо не совсем обыкновенное.

— Да, это гафний, редкий металл, похожий по свойствам на медь, по тяжелее ее и несравненно более тугоплавкий. И у него есть еще одно интересное свойство: большая способность испускать электроны при высоких температурах. Это кое-что значит, особенно если вы посмотрите еще это странное зеркало.

Шатров взял металлический диск, тоже оказавшийся крайне тяжелым. Край диска был закруглен и имел одиннадцать глубоких насечек, располагавшихся по окружности диска на одинаковых расстояниях. С одной стороны поверхность диска была слегка углублена, отполирована и очень тверда. Это был прозрачный, как стекло, слой, под которым виднелся чистый серебристо-белый металл, с одного края разъединенный бурым налетом. Прозрачный слой охватывался кольцом твердого сине-серого металла, из которого, собственно, и состоял весь диск. На обратной стороне диска, в центре, располагался кружок такого же прозрачного вещества, покрытого матовым налетом, с выпуклой, а не с вогнутой, как на другой стороне, поверхностью. Диаметр этого кружка не превышал шести сантиметров. Вокруг него был тот же сине-серый металл, по которому кольцом шли вырезанные или выбитые звездочки с разным числом лучей, от трех до одиннадцати. Эти звездочки располагались без видимого порядка, но были разграничены двумя спиральными линиями, вписанными одна в другую.

— Металл, из которого состоит диск, — тантал, твердый, необычайно стойкий. Прозрачная пленка сделана из неизвестного химического соединения. Простой качественный анализ не дал результатов, а более сложное исследование я еще не успел сделать. Но металл под пленкой — это индий, замечательный металл.

— Чем замечательный? — не замедлил с вопросом Шатров.

— Этот металл и в наших приборах — лучший показатель наличия нейтронного излучения. А что это индий, я знаю точно, потому что решил высверлить вот здесь для анализа...

— Ведь звездочки — это письмена, или что они такое? — взволнованно спросил Шатров.

— Может быть, письмена, может быть, цифры, а возможно, и схема прибора. Но боюсь, что этого мы никогда не узнаем.

— И это все?

— Все. Разве вам мало, жадный вы человек? И без того у вас в руках такое, что все человечество взволнуется.

— Но все ли вы там перекопали? — не унимался Шатров. — Почему же с черепом нет скелета? Не может быть, чтобы скелета не было...

— Скелет, конечно, был — ведь у бескостного существа не могло быть и черепа. Перекопано все, даже пески просеяны. Но вряд ли там сохранилось еще что-нибудь...

— Почему вы так уверены, Илья Андреевич? Что дает вам право...

— Простое рассуждение. Мы напали на остаток катастрофы, происшедшей семьдесят миллионов лет назад. Если бы не случилось катастрофы, мы никогда не нашли бы черепа и вообще каких-либо остатков, кроме этих убитых динозавров. Их-то мы, несомненно, еще будем встречать. Я уверен, что «они», — Давыдов указал на череп, недвижно обращавший к друзьям свои орбиты, — были у нас очень недолго, не сколько лет, не больше, и снова улетели к себе. Как я пришел к этому заключению, расскажу после. Посмотрите сюда, — Давыдов развернул большой лист миллиметровки, — вот план раскопок. «Он», — профессор указал на череп, — находился примерно здесь, около берега речного потока, с каким-то своим прибором и с оружием, по-видимому использовавшим атомную энергию. «Они» знали ее и пользовались ею, это несомненно, это доказывается вообще «их» присутствием здесь. С помощью оружия «он» убил моноклона с большого расстояния. По-видимому, динозавры «им» здорово досаждали. Потом «он» занялся каким-то делом и подвергся нападению гигантского хищного ящера. Замедлил ли «он» пустить в ход оружие или оно испортилось, мы не узнаем. Ясно только одно:

хищное чудовище было убито всего в нескольких шагах от этого небесного пришельца и мертвое рухнуло прямо на «него». «Его» оружие или сломалось, или взорвалось. Поломка прибора освободила скрытый в нем заряд энергии, и, видимо, образовалось небольшое поле смертоносного излучения. В этом поле погибло несколько случайно попавших в него динозавров — вот эта груда скелетов. На другую сторону, здесь, с юга, излучение не распространялось или было слабее. Отсюда подобрались мелкие хищники, растащившие кости скелета небесного пришельца. Череп остался то ли потому, что он был велик для них, то ли был придавлен тяжестью головы динозавра. Впрочем, и часть стервятников погибла — вот здесь три маленьких скелета. Все это происходило на дюнных прибрежных песках, и ветер очень скоро захоронил все следы происшедшей трагедии.

— А приборы, оружие? — скептически опустил углы рта Шатров.

— Обратите внимание — остались куски и части, сделанные из чрезвычайно стойких металлов. Все остальное без следа исчезло, окислилось, распалось, растворилось за десятки миллионов лет. Металлы ведь не кости, они не способны окаменевать, пропитываться минеральными веществами, цементировать вокруг себя породу. Кроме того, прибор мог быть разорван и разбросан при взрыве или порче оружия, что еще больше способствовало исчезновению металлических частей.

— Схема ваша верна, нужно думать, — согласился Шатров. — Теперь вам как можно скорее нужно изучить череп, проанализировать эволюционный путь, отраженный в структуре костных элементов, и опубликовать. Ведь такая статья как гром грянет!..

Выпуклые светлые глаза Шатрова не могли оторваться от темного черепа небесного пришельца.

Давыдов обнял друга за плечи и слегка потряс.

— Я не опубликую описания этого черепа.

Шатров изумленно дернулся, но Давыдов крепко прижал его к себе и, прежде чем тот успел что-либо сказать, закончил:

— Изучите и опишете его в ы! Вам по праву принадлежит эта честь. Не возражать! — рявкнул он на Шатрова. — Или вы забыли мое упрямство?

— Но, но... — Шатров не находил слов.

— Вот вам и «но». Геологический отчет о раскопках и выводы о катастрофе, с упоминанием всех моих сотрудников, особенно той, которая обнаружила череп, — он готов, вот он. Опубликуйте его под моей фамилией вместе с вашим описанием черепа. Так будет справедливо. Верно, Алексей Петрович? — перешел на мягкий, задумчивый тон Давыдов. — У меня есть другое большое дело. Помните, вы удачно сказали, как одно невероятное зацепляется за другое и становится реальностью. Реальность перед вами — череп небесной бестии. Но эта реальность, в свою очередь, вызывает другое невероятное, зацепляется за него, цепь протягивается дальше. И я хочу протянуть цепь дальше!

— Допустим, что так, хотя и не понимаю вас. Но тут пахнет, и очень заметно, самопожертвованием. Я не могу принять...

— Не нужно, Алексей Петрович! Поверьте, старый друг, я совершенно искренен. Разве мы не делились за всю нашу совместную работу интересными материалами? Позже вы поймете, что и тут произошел такой же раздел. Я не хочу забирать себе всего, да и не к чему. Мы одинаково смотрим на науку, и для нас обоих важнее всего ее движение...

Растроганный, Шатров опустил голову. Он не умел выражать чувства, особенно свои глубокие переживания. И сейчас он молча стоял перед огромным другом, весело смотревшим на него. Шатров невольно коснулся рукой притягивавшего его черепа обитателя «звездного корабля». Корабль ушел в неимоверную глубину пространства, стал недостижимым, абсолютно недостижимым никаким силам, машинам, мыслям. И все же вот его несомненный, неоспоримый след. Доказательство, что жизнь проходит неизбежную эволюцию, неотвратимое усовершенствование, пусть чрезвычайно долгим и тяжким путем. В этом движении — закон жизни, необходимое условие ее существования.

И если оно не прерывается какими-нибудь случайностями космоса, то в неизбежном результате — рождение мысли, становление человека и далее — общество, техника, борьба с грозной мощью вселенной. И эта борьба может идти далеко — пришелец из другого мира тому залогом. Если бы «они» появились на Земле не тогда, а теперь, как много нового узнали бы мы!..

Шатров обернулся к другу спокойно и открыто:

— Я принимаю ваше... предложение. Пусть будет так. Мне, конечно, придется съездить в Ленинград, устроить дела и спешно вернуться. Работать надо здесь. Возить подобную драгоценность недопустимо... Только почему, Илья Андреевич, вы зовете его небесной бестией? Как-то нехорошо звучит — непочтительно.

— Я просто не могу подобрать названия. Ведь нельзя называть его человеком, если соблюдать научную терминологию. Это человек по мысли, по технике, общественности, но ведь он выработался на иной анатомической основе. Его организм явно не родствен нашему. Это другой зверь. Вот я и зову его небесным зверем — «бестия целестис» по-латыни. Можно взять греческий корень для родового названия — пусть будет «терион целестис». Пожалуй, так звучит лучше. А настоящее название — это уж ваша забота.

— Но все-таки, Илья Андреевич, — помолчав, сказал Шатров, — что же останется вам самому?

— Милый друг, я сказал, что протяну цепь дальше. Давно уже думаю я о роли атомных реакций в геологических процессах. А теперь наше необычайное открытие вывело меня из орбиты обычного, подняло на высокий уровень мысли, придало смелости в заключениях, расширило границы представлений. И я хочу попытаться доказать возможность использования могучих источников атомной энергии в глубинах земной коры. Разработать глубинную геологию, чтобы приблизить ее к практической осуществимости... А вы, ваше дело — эволюция жизни и становление мысли уже не только в пределах нашей Земли, но во всей вселенной. Показать этот процесс, дать людям картину великих возможностей, стоящих перед ними.

Опрокинуть малодушных скептиков и убогих маловеров, каких еще немало в науке, этим светлым торжеством мысли!

Давыдов замолк. Шатров смотрел на друга, как будто впервые увидел его.

— Да что мы стоим? — наконец произнес Давыдов. — Сядем, успокоимся. Я устал.

Оба ученых тихо уселись, закурили и, как по команде, задумчиво уставились на череп, в пустые орбиты странного существа.

В кабинете воцарилось молчание.

Давыдов смотрел на выпуклый, изрытый мелкими ямками лоб, представляя себе, что когда-то, безмерно давно, за этой костной стенкой работал большой человеческий мозг. Какие представления о мире, чувства и знания наполняли эту странную голову? Что хранила память жителя чужого мира, какие образы с его родной планеты носил он по нашей Земле? Знал ли он тоску по родному миру, жажду великих истин, любовь к прекрасному? Каковы были человеческие отношения там, у них, какой общественный строй, достигли ли они высших его ступеней, когда вся планета стала одной трудовой семьей, без угнетения и эксплуатации, без дикой бессмысленности войн, расточающих силы человечества и энергетические запасы планеты? К какому полу принадлежал этот гость звездного корабля, навсегда оставшийся на чужой для него Земле?

Череп смотрел на Давыдова пусто и безответно, как символ молчания и загадки. «Ничего этого мы не узнаем, — думал профессор, — но мы, люди Земли, тоже имеем могучий мозг и можем о многом догадаться. Вы явились сюда. Но просторы нашей Земли были заселены лишь страшными чудовищами, воплощением бессмысленной силы. В тупой злобе и бесстрашии чудовища представляли грозную опасность, а вас было немного. Кучка пришельцев, скитавшихся в неведомом мире в поисках могучего источника энергии, в поисках собратьев по мысли...»

Шатров осторожно пошевелился. Его нервная натура протестовала против продолжительного бездей-

ствия. Он искоса посмотрел на задумавшегося Давыдова, тихо взял со стола тяжелый диск и принялся рассматривать странный предмет с зоркой наблюдательностью опытного исследователя. Продвинув диск в яркий круг света специальной микроскопической лампы, профессор поворачивал остаток неведомого прибора во все стороны, пытаясь уловить еще не замеченные детали конструкции. Внезапно Шатров уловил внутри кружка на оборотной стороне диска нечто проступавшее под матовой пленкой. Ученый затаив дыхание пытался рассмотреть это, подставляя диск свету под разными углами. И вдруг сквозь мутную пленку, наложенную временем на прозрачное вещество кружка, Шатрову почудились глаза, взглянувшие ему прямо в лицо. Сдавленно крикнув, профессор упустил тяжелый диск, и он с грохотом упал на стол.

Давыдов подскочил, как подброшенный пружиной, помяная своего излюбленного черта. Но Шатров не обратил внимания на гнев друга. Он уже понял, и новая догадка заставила прерваться его дыхание.

— Илья Андреевич, — закричал Шатров, — есть у вас что-нибудь для полировки? Мелкий карборунд или лучше крокус? И замша?

— Конечно, есть и то и другое. Но что это с вами стряслось, черт и трижды черт?!

— Дайте мне скорее, Илья Андреевич! Не расстраивайтесь! Где это у вас?

Давыдову передалось волнение Шатрова. Он встал, широко шагнул и зацепился за ковер. Профессор сердито пнул завернувшийся край и скрылся за дверью. Шатров вцепился в диск, осторожно пробуя ногтем выпуклую поверхность маленького кружка...

— Вот вам, — Давыдов поставил на стол банки с порошками, чашки с водой и спиртом, положил кусок кожи.

Шатров торопливо, но умело приготовил кашицу из полировального порошка, намазал на кожу и принялся тереть поверхность кружка размеренным вращательным движением. Давыдов с жадным интересом следил за работой друга.

— Этот прозрачный, неизвестный нам состав необычайно стоек, — пояснил Шатров, не прекращая работы. — Но он, без сомнения, должен быть прозрачен, как стекло, и, следовательно, иметь полированную поверхность. А тут, видите, поверхность стала матовой — она изъедена песком за миллионы лет лежания в породе. Даже это стойкое вещество поддалось... Но если снова отполировать его, то оно опять станет прозрачным.

— Прозрачным? И что же дальше? — усомнился Давыдов. — Вот с другой стороны диска прозрачность сохранилась. Ну, виден слой индия, и все...

— А здесь есть изображение! — возбужденно воскликнул Шатров. — Я видел, видел глаза! И я уверен, что здесь скрыт портрет звездного пришельца, может быть, того самого, чей череп перед нами. Зачем он тут — может быть, опознавательный знак на аппарате или такой у них обычай, — этого мы не узнаем. Впрочем, оно и не важно в сравнении с тем, что вообще нам удалось найти изображение... Посмотрите на форму поверхности — это же оптическая линза... Э, полируется хорошо! — продолжал профессор, пробуя пальцем кружок.

Давыдов, перегнувшись через плечо Шатрова, нетерпеливо глядел на диск — на нем под полосами мокрой красной кашицы проступал все более чистый стеклянный отблеск.

Наконец Шатров удовлетворенно вздохнул, стер полировочную массу, смочил кружок спиртом и несколько минут тер его сухой замшей.

— Готово! Ок! — Он поднес диск к свету, придав ему надлежащее положение, чтобы свет отражался прямо на смотрящих.

Оба профессора невольно содрогнулись. Из глубины совершенно прозрачного слоя, увеличенное неведомым оптическим ухищрением до своих естественных размеров, на них взглянуло странное, но, несомненно, человеческое лицо. Неизвестным способом изображение было сделано рельефным, а главное — необыкновенно, невероятно живым. Казалось, живое существо смотрит, отделенное только прозрачной степ-

кой оптической линзы. И прежде всего, подавляя все остальные впечатления, в упор смотрели громадные выпуклые глаза. Они были, как озера вечной тайны мироздания, пронизанные умом и напряженной волей, двумя мощными лучами, стремившимися вперед, через стеклянную преграду, в бесконечные дали пространства. В этих глазах был свет безмерного мужества разума, сознающего беспощадные законы вселенной, вечно быющего в муках и радости познания.

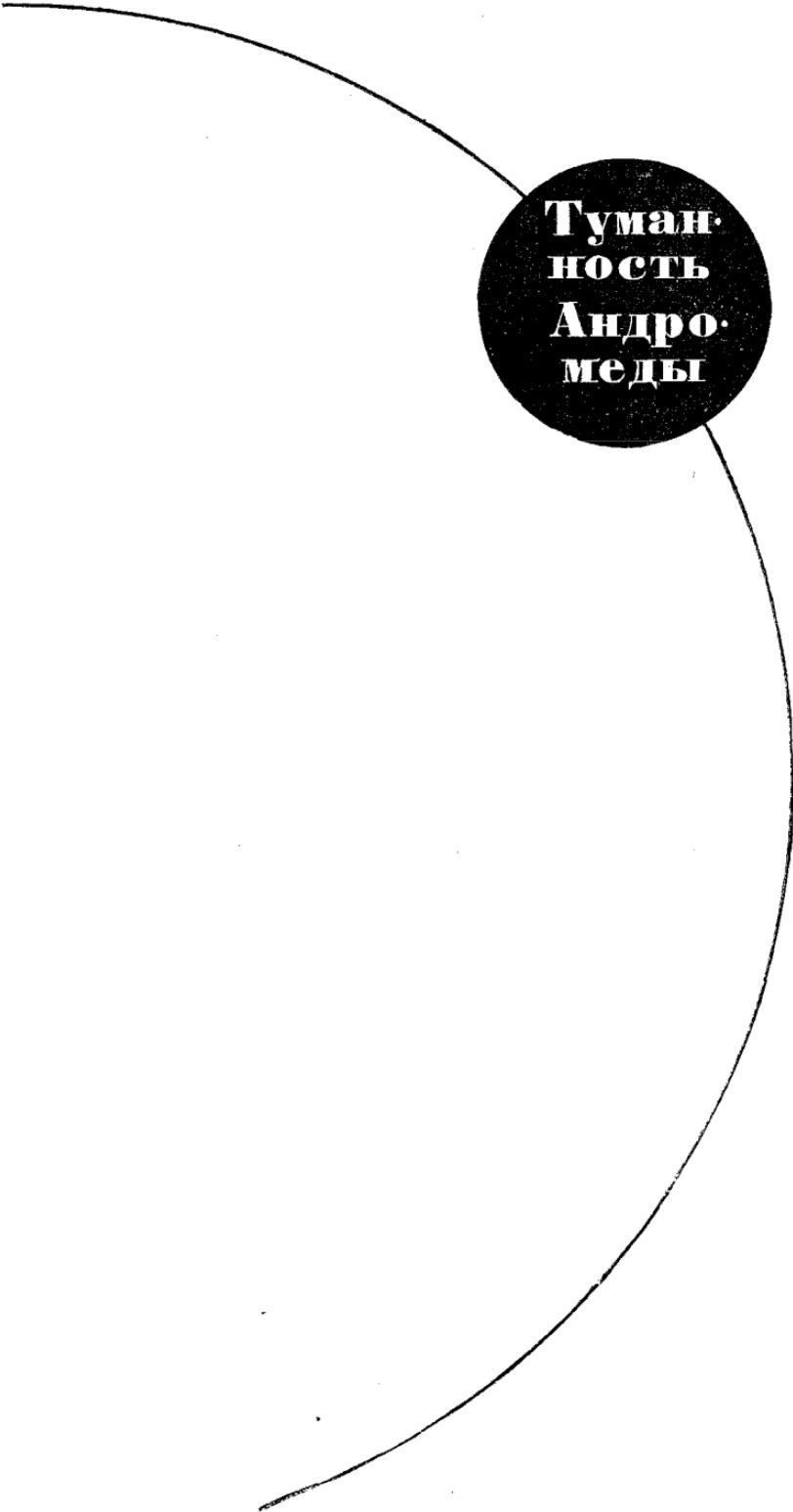
И взгляды ученых Земли, скрестившись с этим необычайным взором, глядевшим из бездны времен, не опустились в смущении. Шатрова и Давыдова пронизало радостное торжество. Мысль, пусть разбросанная на недоступно далеких друг от друга мирах, не погибла без следа во времени и пространстве. Нет, само существование жизни было залогом конечной победы мысли над вселенной, залогом того, что в разных уголках мирового пространства идет великий процесс эволюции, становления высшей формы материи и творческая работа познания...

Преодолев первое впечатление от смотрящих глаз звездного пришельца, ученые стали рассматривать его лицо. Большеглазая круглая голова с безволосой, толстой и гладкой кожей не казалась уродливой или отвратительной. Могучий, широкий и выпуклый лоб нес в себе столько интеллектуального, человеческого, равно как и удивительные глаза, что они подавляли непривычные очертания нижней части лица. Отсутствие ушей и носа, клювообразный безгубый рот сами по себе были неприятны, но не могли уничтожить ощущения, что неведомое существо было близким человеку, понятным и не чуждым. Великое братство по духу и мысли с людьми Земли безотчетно сказывалось в облике гостя нашей планеты. Шатров и Давыдов увидели в этом залог того, что обитатели различных «звездных кораблей» поймут друг друга, когда будет побеждено разделяющее миры пространство, когда состоится, наконец, встреча мысли, разбросанной на далеких планетных островках во вселенной. Ученым хотелось думать, что это случится скоро, но ум гово-

рил о тысячелетиях познания, нужных еще для великого расширения нашего мира.

И прежде всего нужно объединить народы собственной планеты в единую братскую семью, уничтожить неравенство, угнетение и расовые предрассудки, а потом уже уверенно идти к объединению разных миров. Иначе человечество будет не в силах совершить величайший подвиг покорения грозных межзвездных пространств, не сможет справиться с убийственными силами космоса, грозящими живой материи, осмелившейся покинуть свою защищенную атмосферой планету. Во имя этой первой ступени нужно работать, отдавая все силы души и тела осуществлению этого необходимого условия для великого будущего людей Земли!

**Туман·
ность
Андро·
меды**

Железная звезда

тусклом свете, отражавшемся от потолка, шкалы приборов казались галереей портретов. Круглые были лукавы, поперечно-овальные расплывались в наглом самодовольстве, квадратные застыли в тупой уверенности. Мерцавшие внутри них синие, голубые, оранжевые, зеленые огоньки подчеркивали впечатление.

В центре выгнутого пульта выделялся широкий и багряный циферблат. Перед ним в неудобной позе склонилась девушка. Она забыла про стоявшее рядом кресло и приблизила голову к стеклу. Красный отблеск сделал старше и суровее юное лицо, очертил резкие тени вокруг выступавших полноватых губ, заострил чуть вздернутый нос. Широкие нахмуренные брови стали глубоко черными, придав глазам мрачное, обреченное выражение.

Тонкое пение счетчиков прервалось негромким металлическим лязгом. Девушка вздрогнула, выпрямилась и заломила тонкие руки, выгибая уставшую спину.

Позади щелкнула дверь, возникла крупная тень, превратилась в человека с отрывистыми и точными движениями. Всныхнул золотистый свет, и густые тем-

но-рыжие волосы девушки словно заискрились. Ее глаза тоже загорелись, с тревогой и любовью обратившись к вошедшему:

— Неужели вы не уснули? Сто часов без сна!..

— Плохой пример? — не улыбаясь, но весело спросил вошедший. В его голосе проскальзывали высокие металлические ноты, будто склепывавшие речь.

— Все другие спят, — несмело произнесла девушка, — и... ничего не знают, добавила она вполголоса.

— Не бойтесь говорить. Товарищи спят, и сейчас нас только двое бодрствующих в космосе, и до Земли пятьдесят миллиардов километров — всего полтора парсека!

— И анамезона только на один разгон! — Ужас и восторг звучали в возгласе девушки.

Двумя стремительными шагами начальник тридцать седьмой звездной экспедиции Эрг Ноор достиг багряного циферблата.

— Пятый круг!

— Да, вошли в пятый. И... ничего. — Девушка бросила красноречивый взгляд на звуковой рупор автомата-присемника.

— Видите, спать нельзя. Надо продумать все варианты, все возможности. К концу пятого круга должно быть решение.

— Но это еще сто десять часов...

— Хорошо, посплю здесь в кресле, когда кончится действие спорамина. Я принял его сутки назад.

Девушка что-то сосредоточенно соображала и, наконец, решила:

— Может быть, уменьшить радиус круга? Вдруг у них авария передатчика?

— Нельзя! Уменьшить радиус, не сбавляя скорости, — мгновенное разрушение корабля. Убавить скорость и... потом без анамезона... полтора парсека со скоростью древнейших лунных ракет? Через сто тысяч лет приблизимся к нашей солнечной системе.

— Понимаю... Но не могли они...

— Не могли. В незапамятные времена люди могли

совершать небрежность или обманывать друг друга и себя. Но не теперь!

— Я не о том, — обида прозвучала в резком ответе девушки. — Я хотела сказать, что «Альграб», может быть, тоже ищет нас, уклонившись от курса.

— Так сильно уклониться он не мог. Не мог не отправиться в рассчитанное и назначенное время. Если бы случилось невероятное и вышли из строя оба передатчика, то звездолет, без сомнения, стал бы пересекать круг диаметрально, и мы услышали бы его на планетарном приеме. Ошибиться нельзя — вот она, условленная планета!

Эрг Ноор указал на зеркальные экраны в глубоких нишах со всех четырех сторон поста управления. В глубочайшей черноте горели бесчисленные звезды. На левом переднем экране быстро пролетел маленький серый диск, едва освещенный своим светилом, очень удаленным отсюда, от края системы Б-7336-С+ +87-А.

— Наши бомбовые маяки работают отчетливо, хотя мы сбросили их четыре независимых года назад. — Эрг Ноор указал на четкую полоску света вдоль длинного стекла в левой стене. — «Альграб» должен был быть здесь уже три месяца тому назад. Это значит, — Ноор поколебался, как бы не решаясь произнести приговор, — «Альграб» погиб!

— А если не погиб, а поврежден метеоритом и не может развивать скорость?.. — возразила рыжеволосая девушка.

— Не может развивать скорость! — повторил Эрг Ноор. — Да разве это не то же самое, если между кораблем и целью встанут тысячелетия пути? Только хуже — смерть придет не сразу, пройдут годы обреченной безнадежности. Может быть, они позовут — тогда узнаем... лет через шесть... на Земле.

Стремительным движением Эрг Ноор вытянул складное кресло из-под стола электронной расчетной машины. Это была малая модель «МНУ-11». До сих пор из-за большого веса, размеров и хрупкости нельзя было устанавливать на звездолетах электронную машину-мозг типа «ИТУ» для всесторонних опера-

ций и полностью поручить ему управление звездолетом. В посту управления требовалось присутствие дежурного навигатора, тем более что точная ориентировка курса корабля на столь далекие расстояния была невозможна.

Руки начальника экспедиции замелькали с быстротой пианиста над рукоятками и кнопками расчетной машины. Бледное, с резкими чертами лицо застыло в каменной неподвижности, высокий лоб, упрямо наклоненный над пультом, казалось, бросал вызов силам стихийной судьбы, угрожавшим живому миру, забравшемуся в запретные глубины пространства.

Низа Крит, юный астронавигатор, впервые появившаяся в звездную экспедицию, затихла не дыша, наблюдая за Ноором. Какой он спокойный, полный энергии и ума, любимый человек!.. Любимый давно уже, все пять лет. Нет смысла скрывать от него... И он знает, Низа чувствует это... Сейчас, когда случилось это несчастье, ей выпала радость дежурить вместе с ним. Три месяца наедине, пока остальной экипаж звездолета погружен в глубокий гипнотический сон. Еще осталось тринадцать дней, потом заснут они — на полгода, пока не пройдут еще две смены дежурных: навигаторов, астрономов и механиков. Другие — биологи, геологи, чья работа начинается только на месте прибытия, — могут спать и дольше, тогда как астрономы — о, у них самый напряженный труд!

Эрг Ноор поднялся, и мысли Низы оборвались.

— Я пойду в кабину звездных карт. Ваш отдых через... — он взглянул на циферблат зависимых часов, — девять часов. Успею выспаться перед тем как сменить вас.

— Я не устала, я буду здесь, сколько понадобится, — только бы вы смогли отдохнуть!

Эрг Ноор нахмурился, желая возразить, но уступил нежности слов и золотисто-карих глаз, доверчиво обращенных к нему, улыбнулся и молча вышел.

Низа уселась в кресло, привычным взглядом окинула приборы и глубоко задумалась.

Над ней чернели отражательные экраны, через которые центральный пост управления совершал обзор

бездны, окружавшей корабль. Разноцветные огоньки звезд казались иглами света, пронзавшими глаз насквозь.

Звездолет обгонял планету, и ее тяготение заставляло корабль качаться вдоль изменчивого напряжения поля гравитации. И недобрые величественные звезды в отражательных экранах совершали дикие скачки. Рисунки созвездий сменялись с незапоминаемой быстротой.

Планета К-2-2Н-88, далекая от своего светила, холодная, безжизненная, была известна как удобное место для randevu звездолетов... для встречи, которая не состоялась. Пятый круг... И Низа представила себе свой корабль, несущийся с уменьшенной скоростью по чудовищному кругу, радиусом в миллиард километров, непрерывно обгоняя ползущую как черепашка планету. Через сто десять часов корабль закончит пятый круг... И что тогда? Могучий ум Эрга Ноора сейчас собрал все силы в поисках наилучшего выхода. Начальник экспедиции и командир корабля ошибаться не может — иначе звездолет первого класса «Тантра» с экипажем из лучших ученых никогда не вернется из бездны пространства! Но Эрг Ноор не ошибется...

Низа Крит вдруг почувствовала отвратительное, дурнотное состояние, которое означало, что звездолет отклонился от курса на ничтожную долю градуса, допустимую только на уменьшенной скорости, иначе его хрупкого живого груза не осталось бы в живых. Едва рассеялся серый туман в глазах девушки, как дурнота наступила снова — корабль вернулся на курс. Это неимоверно чувствительные докаторы нащупали в черной бездне впереди метеорит — главную опасность звездолетов. Электронные машины, управляющие кораблем (ибо только они могут проделывать все манипуляции с необходимой быстротой — человеческие нервы не годятся для космических скоростей), в миллионную долю секунды отклонили «Тантру» и, когда опасность миновала, столь же быстро вернули на прежний курс.

«Что же помешало таким же машинам спасти

«Альграб»?» — подумала пришедшая в себя Низа. Он наверняка поврежден метеоритом. Эрг Ноор говорил, что до сих пор каждый десятый звездолет гибнет от метеоритов, несмотря на изобретение столь чувствительных локаторов, как прибор Волла Хода и защитные энергетические покрывала, отбрасывающие мелкие частицы. Гибель «Альграба» поставила их самих в рискованное положение, когда казалось, что все хорошо продумано и предусмотрено. Девушка стала вспоминать все случившееся с момента отлета.

Тридцать седьмая звездная экспедиция была направлена на планетную систему близкой звезды в созвездии Змееносца, единственная населенная планета которой — Зирда давно говорила с Землей и другими мирами по Великому Кольцу. Внезапно она замолчала. Более сорока лет не поступало ни одного сообщения. Долг Земли, как ближайшей к Зирде планеты Кольца, был — выяснить, что случилось. Поэтому в экспедицию вошли несколько выдающихся ученых. Их нервная система, как показали многочисленные испытания, оказалась способной вынести годы заключения в звездолете. Запас горючего для двигателей — апамезона, то есть вещества с разрушенными мезонными связями ядер, обладавшего световой скоростью истечения, был взят в обрест не из-за веса апамезона, а вследствие огромного объема контейнеров хранения. Запас апамезона рассчитывали пополнить на Зирде. На случай, если с планетой произошло бы что-либо серьезное, звездолет второго класса «Альграб» должен был встретить «Тантру» у орбиты планеты K2-2H-88.

Низа чутким ухом уловила изменившийся тон настройки поля искусственного тяготения. Диски трех приборов справа замигали неровно, включился электронный щуп правого борта. На засветившемся экране появился угловатый блестящий кусок. Он двигался, как снаряд, прямо на «Тантру» и, следовательно, находился далеко. Это был гигантский обломок вещества, какие встречались необычайно редко в космическом пространстве, и Низа поспешила определить его объем, массу, скорость и направление полета. Только

когда щелкнула автоматическая катушка журнала наблюдений, Низа вернулась к своим воспоминаниям.

Самым острым из них было мрачное кроваво-красное солнце, вырвавшееся в поле зрения экранов в последние месяцы четвертого года пути. Четвертого для всех обитателей звездолета, несшегося со скоростью $\frac{5}{6}$ абсолютной единицы — скорости света. На Земле прошло уже около семи лет, называвшихся независимыми.

Фильтры экранов, щадя человеческие глаза, изменяли цвет и силу лучей любого светила. Оно становилось таким, каким виделось сквозь толстую земную атмосферу с ее озонным и водяным защитными экранами. Неопишуемый призрачно фиолетовый свет высокотемпературных светил казался голубым или белым, угрюмые серо-розовые звезды становились веселыми, золотисто-желтыми, наподобие нашего Солнца. Здесь горящее победным ярко-алым огнем светило принимало глубокий кровавый тон, в котором земной наблюдатель привык видеть звезды спектрального класса М5. Планета находилась гораздо ближе к своему солнцу, чем наша Земля — к своему. По мере приближения к Зирде ее светило стало огромным алым диском, посылавшим массу тепловых лучей.

За два месяца до подхода к Зирде «Тантра» приняла попытки связаться с внешней станцией планеты. Здесь была только одна станция на небольшом, лишенном атмосферы природном спутнике, находившемся ближе к Зирде, чем Луна к Земле.

Звездолет продолжал звать и тогда, когда до планеты осталось тридцать миллионов километров и чудовищная скорость «Тантры» замедлилась до трех тысяч километров в секунду. Дежурила Низа, но и весь экипаж бодрствовал, сидя в ожидании перед экранами в центральном посту управления.

Низа звала, увеличивая мощность передачи и бросая вперед веерные лучи.

Наконец они увидели крохотную блестящую точку спутника. Звездолет стал описывать орбиту вокруг планеты, постепенно приближаясь к ней по спирали и уравнивая свою скорость со скоростью спутника. «Тант-

ра» и спутник как бы сцепились невидимым канатом, и звездолет повис над быстро бегущей по своей орбите маленькой планеткой. Электронные стереотелескопы корабля теперь прощупывали поверхность спутника. И внезапно перед экипажем «Тантры» появилось незабываемое зрелище.

Огромное плоское стеклянное здание горело в отблесках кровавого солнца. Прямо под крышей находилось нечто вроде большого зала собраний. Там застыло в неподвижности множество существ, не похожих на землян, но, несомненно, людей. Астроном экспедиции Пур Хисс, новичок в космосе, заменивший перед самым отъездом испытанного работника, волнуясь, продолжал углублять фокус инструмента. Ряды смутно видимых под стеклом людей оставались совершенно неподвижными. Пур Хисс повысил увеличение. Стало видно возвышение, обрамленное пультами приборов, с длинным столом, на котором, скрестив ноги, перед аудиторией сидел человек с безумным, устремленным вдаль взором пугающих глаз.

— Они мертвы, заморожены! — воскликнул Эрг Ноор.

Звездолет продолжал висеть над спутником Зирды, и четырнадцать пар глаз, не отрываясь, следили за стеклянной могилой — это действительно была могила. Сколько лет сидят здесь эти мертвецы? Семьдесят лет назад замолчала планета, если прибавить шесть лет полета лучей — три четверти века...

Все взгляды обратились к начальнику. Эрг Ноор, бледный, всматривался в палевую дымку атмосферы планеты. Сквозь нее тускло просвечивали едва заметные штрихи гор, отблески морей, но ничто не давало ответа, за которым они явились сюда.

— Станция погибла и не восстановлена за семьдесят пять лет! Это означает катастрофу на планете. Надо спускаться, пробивать атмосферу, может быть сесть. Здесь собрались все — я спрашиваю мнения Совета...

Возражать стал только астроном Пур Хисс. Низа с негодованием рассматривала его большой хищный нос и низко посаженные некрасивые уши.

— Если на планете катастрофа, то никаких шансов на получение анамнеза у нас нет. Облет планеты на небольшой высоте и тем более приземление уменьшат наш резерв планетарного горючего. Кроме того, неизвестно, что случилось. Могут быть мощные излучения, которые погубят нас.

Остальные члены экспедиции поддержали начальника.

— Никакие планетные излучения не опасны кораблю с космической защитой. Выяснить, что случилось, — разве не за этим мы посланы сюда? Что ответит Земля Великому Кольцу? Установить факт — еще очень мало, надо объяснить его. Простите мне эти ученические рассуждения! — говорил Эрг Ноор, и обычные металлические нотки в его голосе зазвенели насмешкой. — Вряд ли мы сможем уклониться от своего прямого долга...

— Температура верхних слоев атмосферы нормальна! — радостно воскликнула Низа.

Эрг Ноор улынулся и стал снижаться осторожно, виток за витком, замедляя спиральный бег звездолета, приближавшегося к поверхности планеты. Зирда была немного меньше Земли, и на низком облете не требовалось очень большой скорости. Астрономы и геолог сверяли карты планеты с тем, что наблюдали оптические приборы «Тантры». Материки сохранили в точности прежние очертания, моря спокойно блестели в красном солнце. Не изменили свои формы и горные хребты, известные по прежним снимкам, — только планета молчала.

Тридцать пять часов люди не покидали своих наблюдательных постов.

Состав атмосферы, излучение красного светила — все совпадало с прежними данными о Зирде. Эрг Ноор раскрыл справочник по Зирде и отыскивал столбец данных по ее стратосфере. Ионизация оказалась выше обычной. Смутная и тревожная догадка начала созреть в уме Ноора.

На шестом витке спусковой спирали стали видны очертания больших городов. По-прежнему ни одного сигнала не прозвучало в приемниках звездолета.

Низа Крит сменилась, чтобы поесть, и, кажется, задремала. Ей показалось, что она спала всего несколько минут. Звездолет шел над ночной стороной Зирды не быстрее обычного земного спиролета. Здесь внизу должны были расстилаться города, заводы, порты. Ни единого огонька не мелькнуло в крошечной тьме, как ни выслеживали их в мощные оптические стереотелескопы. Сотрясающий гром рассекаемой звездолетом атмосферы должен был слышаться на десятки километров.

Прошел час. Не вспыхнуло ни одного огня. Томительное ожидание становилось невыносимым. Ноор включил предупредительные сирены. Ужасный вой понесся над черной бездной внизу, и люди Земли надеялись, что он, слившись с грохотом воздуха, будет услышан загадочно молчавшими обитателями Зирды.

Крыло огненного света смахнуло зловещую тьму. «Тантра» вышла на освещенную сторону планеты. Внизу продолжала расстилаться бархатистая чернота. Быстро увеличенные снимки показали, что это сплошной ковер цветов, похожих на бархатно-черные маки Земли. Заросли черных маков протянулись на тысячи километров, заменив собою все — леса, кустарник, тростники, травы. Как ребра громадных скелетов, виднелись среди черного ковра улицы городов, красными ранами ржавели железные конструкции. Нигде ни живого существа, ни деревца — только одни-единственные черные маки!

«Тантра» сбросила бомбовую наблюдательную станцию и снова вошла в ночь. Спустя шесть часов станция-робот доложила состав воздуха, температуру, давление и прочие условия на поверхности почвы. Все было нормальным для планеты, за исключением повышенной радиоактивности.

— Чудовищная трагедия! — сдавленно пробормотал биолог экспедиции Эон Тал, записывая последние данные станции. — Они убили сами себя и всю свою планету!

— Неужели? — скрывая наворачивающиеся слезы, спросила Низа. — Так ужасно! Ведь ионизация вовсе не так сильна.

— Прошло уже порядочно лет, — сурово ответил биолог. Его горбоносое лицо черкеса, мужественное, несмотря на молодость, сделалось грозным. — Такой радиоактивный распад тем и опасен, что накапливается незаметно. Столетия общее количество излучения могло увеличиваться кор за кором, как мы называем биодозы облучения, а потом сразу качественный скачок! Разваливающаяся наследственность, прекращение воспроизведения потомства, плюс лучевые эпидемии... Это случается не в первый раз — Кольцу известны подобные катастрофы...

— Например, так называемая «Планета лилового солнца», — раздался позади голос Эрга Ноора.

— Трагично, что ее странное солнце обеспечивало обитателям очень высокую энергетику, — заметил угрюмый Пур Хисс, — при светимости в семьдесят восемь наших солнц и спектральном классе А нуль...

— Где эта планета? — осведомился биолог Эон Тал. — Не та ли, которую Совет собирается заселять?

— Та самая. В память ее назван был «Альграб».

— Звезда Альграб, иначе Дельта Ворона! — воскликнул биолог. — Но до нее очень далеко!

— Сорок шесть парсек. Но мы строим все более дальние звездолеты...

Биолог кивнул головой и пробормотал, что вряд ли следовало называть звездолет именем погибшей планеты.

— Но звезда не погибла, да и планета цела. Не пройдет и века, как мы засеем и заселим ее, — уверенно ответил Эрг Ноор.

Он решил на трудный маневр — изменить орбитальный путь звездолета с широтного на меридиональный, вдоль оси вращения Зирды. Как уйти от планеты, не выяснив, все ли погибли? Может быть, оставшиеся в живых не могут призвать на помощь звездолет из-за разрушения энергостанций и порчи приборов?

Не впервые видела Низа Эрга Ноора за пультом управления в момент ответственного маневра. С непроницаемо твердым лицом, с резкими, всегда точными движениями он казался ей легендарным героем.

И снова «Тантра» совершала безнадежный путь вокруг Зирды, на этот раз от полюса к полюсу. Кое-где, особенно в средних широтах, появились широкие зоны обнаженной почвы. Там в воздухе висел желтый туман, сквозь который просвечивали рябью гигантские гряды развеваемых ветром красных песков.

А дальше опять простирались траурные бархатные покрывала черных маков — единственных растений, устоявших против радиоактивности или давших под ее влиянием жизнеспособную мутацию.

Все стало ясно. Искать где-то в мертвых развалинах анамезонное горючее, горючее, запасенное для гостей из иных миров по рекомендации Великого Кольца (Зирда не имела еще звездолетов, а только планетолеты), было не только безнадежно, но и опасно. «Тантра» принялась медленно раскручивать спираль и полетела в обратную сторону, от планеты. Набрав скорость в семнадцать километров в секунду на ионно-триггерных или планетарных моторах, употреблявшихся для полетов между планетами, взлетов и посадок, звездолет ушел от умершей планеты. «Тантра» взяла курс на необитаемую, известную только под условным шифром систему, где были сброшены бомбовые маяки и где должен был ожидать «Альграб». Включились анамезонные двигатели. Их сила за пятьдесят два часа разогнала звездолет до его нормальной скорости в девятьсот миллионов километров в час. До места встречи осталось пятнадцать месяцев пути, или одиннадцать по зависимому времени корабля. Весь экипаж, за исключением дежурных, мог погружаться в сон. Но еще месяц шло общее обсуждение, расчеты и подготовка доклада Совету. Из данных справочников по Зирде извлекли упоминания о рискованных опытах с частично распадавшимися атомными горючими. Нашли выступления видных ученых погибшей планеты, предупреждавших о появлении признаков вредного влияния на жизнь и настаивавших на прекращении опытов. Сто восемнадцать лет назад по Великому Кольцу было послано краткое предупреждение, достаточное для людей высокого разума, но, видимо, не принятое всерьез правительством Зирды.

Не оставалось сомнения, что Зирда погибла от накопления вредной радиации после многочисленных неосторожных опытов и опрометчивого применения опасных видов ядерной энергии вместо мудрого использования других, менее вредных.

Давно уже разрешилась загадка, дважды экипаж звездолета сменял трехмесячный сон на столь же длительную нормальную жизнь.

А сейчас уже много суток «Тантра» описывает круги вокруг серой планеты, и с каждым часом уменьшается надежда на встречу с «Альграбом». Подходит что-то грозное...

Эрг Ноор остановился на пороге, глядя на задумавшуюся Низу. Ее склоненная голова с копной густых волос походила на пушистый золотой цветок... Задорный мальчишеский профиль, косовато посаженные глаза, часто щурившиеся от сдерживаемого смеха, а сейчас широко раскрытые, пытающие неизвестное с тревогой и мужеством! Девочка сама не отдает себе отчета, какой большой внутренней поддержкой она со своей беззаветной любовью стала для него. Ему, который, несмотря на долгие годы испытаний, закаливших волю и чувства, все же устает быть начальником, готовым в любую минуту принять на себя любую ответственность за людей, корабль, успех экспедиции. Там, на Земле, давно уже не осталось столь единоличной ответственности — всегда принимает решение та группа людей, которая и призвана выполнять работу. А если случается что-либо особенное, мгновенно можно получить любой совет, самую сложную консультацию. Здесь советов получать негде, и командиры звездолетов пользуются особыми правами. Было бы легче, если бы такая ответственность длилась два-три года, а не десять-пятнадцать лет — средний срок звездной экспедиции!

Он шагнул в центральный пост.

Низа вскочила навстречу Эргу Ноору.

— Я подобрал все нужные материалы и карты, — сказал он, — зададим работу машине!

Начальник экспедиции вытянулся в кресле и медленно переворачивал металлические листки, называя

цифры координат, напряжение магнитных, электрических и гравитационных полей, мощность потоков космических частиц, скорость и плотность метеорных струй. Низа, вся сжавшись от напряжения, нажимала кнопки и поворачивала выключатели расчетной машины. Эрг Ноор получил серию ответов, нахмурился и задумался.

— На нашем пути есть сильное поле тяготения — область скопления темного вещества в Скорпионе, около звезды 6555-ЦР+11-ПКУ, — заговорил Ноор. — Чтобы избежать траты горючего, следует отклониться сюда, к Змее. В старину летали безмоторным полетом, используя гравитационные поля в качестве ускорителей, по их краям...

— Можем ли мы применить этот способ? — спросила Низа.

— Нет, для этого наши звездолеты слишком быстры. Скорость в пять шестых абсолютной единицы, или двести пятьдесят тысяч километров в секунду, увеличила бы в земном поле тяготения наш вес в двенадцать тысяч раз — следовательно, превратила бы всю экспедицию в пыль. Мы можем лететь так только в пространстве космоса, вдали от больших скоплений материи. Как только звездолет начинает входить в гравитационное поле, так приходится снижать скорость тем сильнее, чем сильнее поле.

— Следовательно, тут противоречие, — Низа подернула рукой голову, — чем сильнее поле тяготения, тем медленнее надо лететь!

— Это верно лишь для громадных субсветовых скоростей, когда звездолет сам становится подобным световому лучу и может двигаться только по прямой или по так называемой кривой равных напряжений.

— Если я правильно поняла, вам надо нацелить наш «луч» — «Тантру» — прямо на солнечную систему.

— В этом вся огромная трудность звездоплавания. Точный прицел на ту или другую звезду практически невозможен, хотя мы применяем все мыслимые исправления расчетов. Приходится все время пути ис-

числять накапливающуюся ошибку, меняя курс корабля, почему и невозможно полностью автоматизированное управление. А теперь у нас опасное положение. Остановка или хотя бы сильное замедление полета для нас после разгона будут равны смерти, так как снова набрать скорость будет уже нечем. Вот опасность, смотрите: область $344+2U$ совсем не исследована. Здесь нет звезд, нет обитаемых планет, известно только гравитационное поле — вот его край. С окончательным решением подождем астрономов — после пятого круга мы разбудим всех, а пока... — начальник экспедиции потер виски и зевнул.

— Действие спорамина кончается, — воскликнула Низа, — вы можете отдохнуть!

— Хорошо, я устроюсь здесь, в этом кресле. Вдруг случится чудо — хоть бы один звук!

В тоне Эрга Ноора мелькнуло что-то заставившее сердце Низы забиться от нежности. Захотелось прижать к себе эту упрямую голову, гладить темные волосы с преждевременной проседью...

Низа встала, тщательно сложила справочные листы и потушила свет, оставив только слабое зеленое освещение вдоль панелей с приборами и часами. Звездолет шел совершенно спокойно в полнейшей пустоте пространства, огибая свой исполинский круг. Рыжеволосый астронавигатор неслышно заняла свое место у «мозга» громадного корабля. Привычно тихо цели приборы, настроенные на определенную мелодию, — малейший непорядок отозвался бы фальшивой нотой. Но тихая мелодия лилась в нужной тональности. Изредка повторялись негромкие удары, похожие на звуки гонга, — это включался вспомогательный планетарный мотор, направлявший курс «Тантры» по кривой. Грозные анамезонные двигатели молчали. Покой долгой ночи царил в сонном звездолете, как будто не было серьезной опасности, нависшей над кораблем и его обитателями. Вот-вот в рупоре приемника зазвучат долгожданные позывные и два корабля начнут тормозить свой неимоверно быстрый полет, сблизятся на параллельных курсах и, наконец, точно уравняют свои скорости и как бы улягутся рядом. Широкая

трубчатая галерея соединит оба корабельных мирка, и «Тантра» вновь обретет свою исполинскую силу.

В глубине души Низа была спокойна: она верила в своего командира. Пять лет путешествия не были ни долги, ни томительны. Особенно после того, как пришла к Низе любовь... Но и ранее захватывающе интересные наблюдения, электронные записи книг, музыки и фильмов давали возможность непрерывно пополнять свои знания и не так чувствовать утрату своей прекрасной Земли, пропавшей, как песчинка, в глубинах бесконечной тьмы. Спутники были людьми огромных познаний, а когда нервы утомлялись впечатлениями или долгой напряженной работой... что ж, в продолжительном сне, поддерживаемом настройкой на гипнотические колебания, большие куски времени проваливались в небытие, пролетая мгновенно. И рядом с любимым Низа была счастлива. Ее тревожило только сознание, что другим было труднее и особенно ему, Эргу Ноору. Если бы только она могла!.. Нет, что может молодой, совсем еще невежественный астронавигатор рядом с такими людьми! Но, может быть, помогала ее нежность, всегдашнее напряжение доброй воли, горячее желание отдать все, чтобы облегчить этот тяжкий труд.

Начальник экспедиции проснулся и поднял отяжелевшую голову. Ровная мелодия звучала по-прежнему, все так же прерываемая редкими ударами планетарного двигателя. Низа Крит находилась у приборов, слегка сгорбившись, с тенями усталости на юном лице. Эрг Ноор бросил взгляд на зависимые часы звездолетного времени и одним упругим рывком поднялся из глубокого кресла.

— Я проспал четырнадцать часов! И вы, Низа, не разбудили меня! Это... — Он осекся, встретившись с ее радостной улыбкой. — Сейчас же на отдых!

— Можно я посиплю здесь, как вы? — попросила девушка, сбегала за едой, умылась и устроилась в кресле.

Ее блестящие, обведенные темными кругами карие глаза украдкой следили за Эргом Ноором, когда тот, освеженный волновым душем, занял ее место у прибо-

ров. Проверив показания индикаторов ОЭС — охраны электронных связей, он начал расхаживать стремительными шагами.

— Почему не спите? — повелительно спросил он астронавигатора.

Та тряхнула рыжими кудрями, уже требовавшими очередной стрижки, — женщины во внеземных экспедициях не носили длинных волос.

— Я думаю... — нерешительно начала она, — и сейчас, на грани опасности, преклоняюсь перед могуществом и величием человека, проникнувшего далеко в глубины пространств. Вам здесь многое привычно, а я первый раз в космосе. Подумать только — я участник грандиозного пути через звезды к новым мирам!

Эрг Ноор слабо улыбнулся и потер лоб.

— Я должен вас разочаровать — вернее, показать истинный масштаб нашего могущества. Вот, — он остановился у просктора, и на задней стенке рубки появилась светящаяся спираль Галактики.

Эрг Ноор показал на едва заметную среди окружающего мрака разлохмаченную краевую ветвь спирали из редких звезд, казавшихся тусклой пылью.

— Вот пустынная область Галактики, бедная светом и жизнью окраина, где находится наша солнечная система и мы сейчас. Но и эта ветвь, видите, простирается от Лебеда до Кнля Корабля и, вдобавок к общей удаленности от центральных зон, содержит затемняющее облако, здесь... Чтобы пройти вдоль этой ветви, нашей «Тантре» понадобится около сорока тысяч независимых лет. Черный прогал пустого пространства, отделяющий нашу ветвь от соседней, мы пересекли бы за четыре тысячи лет. Видите, наши полеты в безмерные глубины пространства — это пока еще топтание на крохотном пятнышке, диаметром в полсотни световых лет! Как мало знали бы мы о мире, если бы не могущество Кольца! Сообщения, образы, мысли, посланные из непобедимого для человеческой короткой жизни пространства, рано или поздно достигают нас, и мы познаем все более отдаленные миры.

Все больше накапливается знаний, и эта работа идет непрерывно!

Низа притихла.

— Первые межзвездные полеты... — задумчиво продолжал Эрг Ноор. — Небольшие корабли, не обладавшие ни скоростью, ни мощными защитными устройствами. Да и жили наши предки вдвое меньше нас — вот когда было истинное величие человека!

Низа вздернула голову, как обычно, когда выказывала свое несогласие.

— Потом, когда найдут иные способы побеждать пространство, а не ломиться прямо сквозь него, скажут про вас — вот герои, завоевавшие космос такими первобытными средствами!

Начальник экспедиции весело улыбнулся и протянул руку к девушке.

— И про вас, Низа!

Та вспыхнула.

— Я горжусь тем, что я здесь, вместе с вами! И готова отдать все, чтобы снова и снова побывать в космосе.

— Да, я знаю, — задумчиво сказал Эрг Ноор. — Но не все так думают!..

Девушка женским чутьем поняла мысли начальника. В его каюте есть два стереопортрета в чудесном фиолетово-золотистом цвете. На обоих — она, красавица Веда Конг, историк древнего мира, с прозрачным взглядом голубых, как земное небо, глаз под крылатым взмахом длинных бровей. Загорелая, ослепительно улыбающаяся, подняв руки к пепельным волосам. И хохочущая на медной корабельной пушке — памятнике незапамятной древности.

Эрг Ноор, утратив стремительность, медленно сел напротив астронавигатора.

— Если бы вы знали, Низа, как грубо судьба погубила мою мечту там, на Зирде! — вдруг глухо сказал он и осторожно положил пальцы на рукоятку пушки анамезонных двигателей, как будто собираясь предельно ускорить стремительный бег звездолета.

— Если бы Зирда не погибла и мы могли получить горючее, — продолжал он в ответ на немой вопрос со-

беседницы, — я повел бы экспедицию дальше. Так было условлено с Советом. Зирда сообщила бы на Землю, что требовалось, а «Тантра» ушла с теми, кто захотел... Оставшихся взял бы «Альграв», который после дежурства здесь был бы вызван к Зирде.

— Но кто бы остался на Зирде? — возмущенно воскликнула девушка. — Разве Пур Хисс? Он большой ученый, неужели его не повлекло бы знание?

— А вы, Низа?

— Я? Конечно!

— Но... куда? — вдруг твердо спросил Эрг Ноор, пристально глядя на девушку.

— Куда угодно, хоть... — она показала на черную бездну между двумя рукавами звездной спирали Галактики, возвратив Ноору такой же пристальный взгляд.

— О, не так далеко. Вы знаете, Низа, милый астронавигатор, что около восьмидесяти пяти лет назад была тридцать четвертая звездная экспедиция, прозванная «Ступенчатой». Три звездолета, снабжая друг друга горючим, отдалялись все дальше от Земли в направлении созвездия Лиры. Те два, что не несли экипажа исследователей, отдали анамезон и возвратились обратно. Так восходили на высочайшие горы спортсмены-альпинисты. Наконец третий, «Парус»...

— Тот, не вернувшийся!.. — взволнованно шепнула Низа.

— Да, «Парус» не вернулся. Но он дошел до цели и погиб на обратном пути, успев послать сообщение. Целью была большая планетарная система голубой звезды Веги или Альфы Лиры. Сколько человеческих глаз в бесчисленных поколениях любовалось этой яркой синей звездой северного неба! Вега отстоит на восемь парсеков, или на тридцать один год пути по независимому времени, и люди еще не отдалялись от нашего Солнца на такие расстояния. Как бы то ни было, «Парус» достиг цели... Причина его гибели неизвестна — метеорит или крупная неисправность. Возможно, что он сейчас еще несется в пространстве и герои, которых мы считаем мертвыми, еще живут...

— Как ужасно!

— Такова судьба каждого звездолета, который не может идти с субсветовой скоростью. Между ним и родной планетой сразу встают тысячелетия пути.

— Что сообщил «Парус»? — быстро спросила девушка.

— Очень немного. Сообщение прерывалось и потом совсем пропало. Я помню его дословно: «Я Парус, я Парус, иду от Веги двадцать шесть лет... достаточно... буду ждать... четыре планеты Веги... ничего нет прекраснее... какое счастье!..»

— Но они звали на помощь, где-то хотели ждать!

— Конечно, на помощь, иначе звездолет не стал бы расходовать чудовищную энергию на посылку сообщения. Что же было делать — больше ни слова от «Паруса» не поступило.

— Двадцать шесть независимых лет обратного пути. До Солнца осталось около пяти лет... Корабль был где-то в нашем районе или еще ближе к Земле.

— Вряд ли... Разве в том случае, если превысил нормальную скорость и шел близко к квантовому пределу. Но это очень опасно!

Эрг Ноор коротко пояснил расчетные основания разрушительного скачка в состоянии материи по приближении к скорости света, но заметил, что девушка слушает невнимательно.

— Я поняла вас! — воскликнула она, едва начальник экспедиции закончил свои объяснения. — Я поняла бы сразу, но гибель звездолета мне заслонила смысл... Это всегда так ужасно, и с этим невозможно примириться!

— Теперь до вас дошло основное в сообщении, — хмуро сказал Эрг Ноор. — Они открыли какие-то особенно прекрасные миры. И я давно уже мечтаю повторить путь «Паруса» — усовершенствованный, это может сделать теперь и один корабль. С юности я живу мечтой о Веге — спнем солище с прекрасными планетами!

— Увидеть такие миры... — прерывающимся голосом произнесла Ница. — Но чтобы вернуться, надо шестьдесят земных, или сорок зависимых, лет... Тогда это... полжизни.

— Да, большие достижения требуют больших жертв. Но для меня это даже не жертва. Моя жизнь на Земле была лишь короткими остановками на звездных дорогах. Ведь я родился на звездолете!

— Как это могло случиться? — поразилась девушка.

— Тридцать пятая звездная состояла из четырех кораблей. На одном из них моя мать была астрономом. Я родился на полпути к двойной звезде МН19026 + + 7А1 и тем самым дважды нарушил законы. Дважды потому, что рос и воспитывался у родителей на звездолете, а не в школе. Что было делать! Когда экспедиция вернулась на Землю, мне было уже восемнадцать лет. В подвиги Геркулеса — совершеннолетия — мне засчитали то, что я обучился искусству вести звездолет и стал астронавигатором.

— Но я все-таки не понимаю... — начала Низа.

— Мою мать? Станете старше — поймете! Тогда сыворотка АТ-Анти-Тья еще не могла долго сохраняться. Врачи не знали этого... Как бы то ни было, меня приносили сюда в такой же пост управления, и я таращил свои полубессмысленные глазенки на экраны, следя за качающимися в них звездами. Мы летели в направлении Теты Волка, где оказалась близкая к Солнцу двойная звезда. Два карлика — синий и оранжевый, скрытые темным облаком. Первым сознательным впечатлением было небо безжизненной планеты, которое я наблюдал из-под стеклянного купола временной станции. На планетах двойных звезд обычно не бывает жизни из-за неправильности их орбит. Экспедиция совершила высадку и в течение семи месяцев вела горные исследования. Там, насколько помню, оказалось чудовищное богатство платины, осмия и иридия. Невероятно тяжелые кубики иридия стали моими игрушками. И это небо, первое мое небо, — черное, с чистыми огоньками немигающих звезд и двумя солнцами невообразимой красоты — ярко-оранжевым и густо-синим. Помню, что иногда потоки их лучей перекрещивались, и тогда на нашу планету лился такой могучий и веселый зеленый свет, что я кричал и пел от восторга!.. — Эрг Ноор закончил: — Доволь-

но, я увлекся воспоминаниями, а вам давно пора отдыхать.

— Продолжайте, я никогда не слышала ничего интереснее, — взмолилась Низа, но начальник оказался непреклонен.

Он принес пульсирующий гипнотизатор, и от повелительных ли глаз или от снотворного прибора девушка уснула так крепко, что очнулась накануне поворота на шестой круг. Уже по холодному лицу начальника Низа поняла, что «Альграб» так и не появился.

— Вы проснулись в нужное время! — объявил он, едва Низа, приведя себя в порядок, вернулась после электрического и волнового купания. — Включайте музыку и свет пробуждения. Всем!

Низа быстро нажала ряд кнопок, и во всех каютах звездолета, где спали члены экспедиции, стали перемежаться вспышки света и раздалась особая, постепенно усиливающаяся музыка низких вибрирующих аккордов. Началось постепенное осторожное пробуждение заторможенной нервной системы и возвращение ее к нормальной деятельности. Спустя пять часов в центральном посту управления звездолета собрались все окончательно пришедшие в себя участники экспедиции, подкрепленные едой и нервными стимуляторами.

Известие о гибели вспомогательного звездолета каждый принял по-разному. Как и ожидал Эрг Ноор, экспедиция оказалась на высоте положения. Ни слова отчаяния, ни взгляда испуга. Пур Хисс, проявивший себя не слишком храбрым на Зирде, не дрогнув, встретил сообщение. Молодая Лума Ласви — врач экспедиции — только чуть побледнела и украдкой облизнула пересохшие губы.

— Вспомним о погибших товарищах! — сказал начальник, включая экран проектора, на котором появился «Альграб», снятый перед отлетом «Тантры».

Все встали. Медленно сменялись на экране фотографии то серьезных, то улыбающихся людей — семи человек экипажа «Альграба». Эрг Ноор называл каждого по имени, и путешественники отдавали прощаль-

ное приветствие погибшему. Таков был обычай астролетчиков. Звездолеты, отправлявшиеся совместно, всегда имели комплекты фотографий всех людей экспедиции. Исчезнувшие корабли могли долго скитаться в космическом пространстве, и их экипажи еще долго могли оставаться в живых. Это не имело значения — корабль никогда не возвращался. Разыскать его, подать помощь не было никакой реальной возможности. Конструкция машин кораблей достигла уже такого совершенства, что мелкие поломки почти никогда не случались или легко подвергались исправлению. Серьезная авария машин еще ни разу не была ликвидирована в космосе. Иногда корабли успевали, как «Парус», передать последнее сообщение. По большей же части сообщения не достигали цели из-за невероятной трудности их точно ориентировать. Передачи Великого Кольца за тысячелетия разведали точные направления и могли, кроме того, варьировать их, передавая с планеты на планету. Звездолеты обычно падалились в неизученных областях, где направления передачи могли быть лишь случайно угаданы.

Среди астролетчиков господствовало убеждение, что в космосе существуют, кроме всего, какие-то нейтральные поля или нуль-области, в которых все излучения и сообщения тонут, как камни в воде. Но астрофизики до сих пор считали нуль-поля досужей выдумкой склонных к чудовищным фантазиям путешественников космоса.

После печального обряда и совещания, не занявшего много времени, Эрг Ноор включил анамезонные двигатели. Через двое суток они замолчали, и звездолет стал приближаться к родной планете на двадцать один миллиард километров в сутки. До Солнца осталось приблизительно шесть земных (независимых) лет пути. В центральном посту и библиотеке-лаборатории закипела работа: вычислялся и прокладывался новый курс.

Надо было пролететь все шесть лет, расходуя анамезон только на исправление курса корабля. Иными словами, следовало вести звездолет, тщательно сберегая ускорение. Всех тревожила неисследованная об-

ласть $344 + 2U$ между Солнцем и «Тантрой», обойти которую никак не удавалось: по сторонам ее до Солнца встречались зоны свободных метеоритов, кроме того, при повороте корабль лишился ускорения.

Спустя два месяца вычисленная линия полета была готова. «Тантра» стала описывать пологую кривую равного напряжения.

Великолепный корабль был в полной исправности, скорость полета держалась в вычисленных пределах. Теперь только время — около четырех зависимых лет полета — лежало между звездолетом и Родиной.

Эрг Ноор и Низа, отдежурившие свой срок и усталые, погрузились в долгий сон. Вместе с ними ушли во временное небытие два астронома, геолог, биолог, врач и четыре инженера.

В дежурство вступила следующая очередь — опытный астронавигатор Пел Лин, проделывавший свою вторую экспедицию, астроном Ингрид Дитра и добровольно присоединившийся к ним электронный инженер Кэй Бэр. Ингрид, с разрешения Пела Лина, часто удалялась в библиотеку рядом с постом управления. Вместе с Кэй Бэром, своим давним другом, она писала монументальную симфонию «Гибель планеты», вдохновленная трагической Зирдой. Пел Лин, устав от музыки приборов и созерцания черных провалов космоса, усаживал за пульт Ингрид, а сам с увлечением принимался за расшифровку таинственных надписей, доставленных с загадочно покинутой обитателями планеты в системе ближайших звезд Центавра. Он верил в успех своего невозможного предприятия.

Еще два раза сменялись дежурные, звездолет приблизился к Земле почти на десять тысяч миллиардов километров, а анамезонные моторы включались всего на несколько часов.

Подходило к концу дежурство группы Пела Лина, четвертого с тех пор, как «Тантра» ушла с места несостоявшейся встречи с «Альграбом».

Астроном Ингрид Дитра, закончив вычисления, вернулась к Пелу Лину, меланхолически следившему за непрерывным трепетанием красных стрелок измерителей напряжения гравитации на голубых градуи-

рованных дужках. Обычное замедление психических реакций, которого не избегали самые крепкие люди, сказывалось во второй половине дежурства. Звездолет месяцы и годы шел под автоматическим управлением по заданному курсу. Если внезапно случалось какое-нибудь из ряда вон выходящее происшествие, непосильное для суждения управляющего звездолетом автомата, то обычно оно вело к гибели корабля, ибо не спасало и вмешательство людей. Человеческий мозг, как бы хорошо тренирован он ни был, не мог реагировать с необходимой скоростью.

— По-моему, мы давно углубились в неизученный район 344 + 2У. Начальник хотел дежурить здесь сам, — обратилась Ингрид к астронавигатору.

Пел Лин взглянул на счетчик дней.

— Два дня еще, и нам все равно сменяться. Пока не предвидится ничего, что стоило бы внимания. Доведем дежурство до конца?

Ингрид согласно кивнула. Из кормовых помещений вышел Кэй Бэр и занял свое обычное кресло около стойки механизмов равновесия. Пел Лин зевнул и поднялся.

— Я посилю несколько часов, — обратился он к Ингрид.

Та послушно перешла от своего стола вперед к пульту управления.

«Тантра» шла, не раскачиваясь, в абсолютной пустоте. Ни одного, даже далекого, метеорита не обнаруживалось сверхчувствительными приборами Волла Хоуда. Курс звездолета лежал сейчас немного в сторону от Солнца — примерно на полтора года полета. Экраны переднего обзора чернели поразительной пустотой — казалось, звездолет направлялся в самое сердце тьмы. Только из боковых телескопов по-прежнему вонзались в экраны иглы света бесчисленных звезд.

Странное тревожное ощущение пробежало по нервам астронома. Ингрид вернулась к своим машинам и телескопам, снова и снова проверяя их показания и картируя неизвестный район. Все было спокойно, а между тем Ингрид не могла оторвать глаз от злобущей тьмы перед носом корабля. Кэй Бэр заметил ее

беспокойство и долго прислушивался и приглядывался к приборам.

— Не нахожу ничего, — наконец заметил он. — Что тебе показалось?

— Сама не знаю, тревожит эта необычайная тьма впереди. Мне кажется, что наш корабль идет прямоком в темную туманность.

— Темное облако должно быть здесь, — подтвердил Кэй Бэр, — но мы только «чиркнем» по его краю. Так и вычислено! Напряжение поля тяготения возрастает равномерно и слабо. На пути через этот район мы обязательно должны приблизиться к какому-то гравитационному центру. Не все ли равно — темному или светящему?

— Все это так, — более спокойно сказала Ингрид.

— Тогда о чем ты тревожишься? Мы идем по заданному курсу даже быстрее намеченного. Если ничего не изменится, то мы дойдем до Тритона даже с нашей нехваткой горючего.

Ингрид почувствовала, как радость загорается в ней при одной мысли о Тритоне, спутнике Нептуна, и станции звездолетов, построенной на нем на внешней окраине солнечной системы. Попасть на Тритон значило вернуться домой...

— Я думал, мы с тобой займемся музыкой, но Лин ушел отдыхать. Он будет спать часов шесть-семь, а я пока подумаю один над оркестровкой финала второй части — знаешь, где у нас никак не удастся интегральное вступление угрозы. Вот это... — Кэй пропел несколько нот.

— Ди-и, ди-и, да-ра-ра, — внезапно откликнулись, казалось, сами стены поста управления.

Ингрид вздрогнула и оглянулась, но через мгновение сообразила. Напряжение поля тяготения возросло, и приборы откликнулись изменением мелодии аппарата искусственной гравитации.

— Забавное совпадение! — слегка виповато расмеялась она.

— Пришло усиление гравитации, как и нужно для темного облака. Теперь ты можешь быть совершенно спокойна, и пусть себе Лин спит.

С этими словами Кэй Бэр вышел из поста управления. В ярко освещенной библиотеке он уселся за маленький электронный скрипко-рояль и весь ушел в работу. Вероятно, прошло несколько часов, когда герметическая дверь библиотеки распахнулась и появилась Ингрид.

— Кэй, милый, разбуди Лина.

— Что случилось?

— Напряжение поля тяготения нарастает больше, чем должно быть по расчетам.

— А впереди?

— По-прежнему тьма! — Ингрид скрылась.

Кэй Бэр разбудил астронавигатора. Тот вскочил и ринулся в центральный пост к приборам.

— Ничего угрожающего нет. Только откуда здесь такое поле тяготения? Для темного облака оно слишком мощно, а звезды здесь нет... — Лин подумал и нажал кнопку пробуждения каюты начальника экспедиции, еще подумал и включил каюту Низы Крит.

— Если ничего не произойдет, тогда они попросту сменят нас, — пояснил он встревоженной Ингрид.

— А если произойдет? Эрг Ноор сможет прийти к нормали только через пять часов. Что делать?

— Ждать, — спокойно ответил астронавигатор. — Что может случиться за пять часов здесь, так далеко от всех звездных систем?..

Тональность звучания приборов непрерывно понижалась без отсчетов, говоря об изменении обстановки полета. Напряженное ожидание потянулось медленно. Два часа прошли, точно целая смена. Пел Лин внешне оставался спокоен, но волнение Ингрид уже захватило Кэй Бэра. Он часто оглядывался на дверь рубки управления, ожидая, как всегда, стремительного появления Эрга Ноора, хотя и знал, что пробуждение от долговременного сна идет медленно.

Продолжительный звонок заставил всех вздрогнуть. Ингрид уцепилась за Кэй Бэра.

— «Тантра» в опасности! Напряжение поля стало в два раза выше расчетного!

Астронавигатор побледнел. Подшло неожиданное — оно требовало немедленного решения. Судьба

звездолета находилась в его руках. Неуклонно увеличивавшееся тяготение требовало замедления хода корабля не только из-за возрастания тяжести в корабле, но и потому, что, очевидно, прямо по курсу находилось большое скопление плотной материи. Но после замедления набирать новое ускорение было нечем! Пел Лин стиснул зубы и повернул рукоятку включения ионных планетарных двигателей-тормозов. Звонкие удары влились в мелодию приборов, заглушая тревожный звон аппарата, вычислявшего соотношение силы тяготения и скорости. Звонок выключился, и стрелки подтвердили успех — скорость снова стала безопасной, придя к норме с возраставшей гравитацией. Но едва Пел Лин выключил торможение, как звон раздался снова. Это грозная сила тяготения требовала замедления хода. Стало очевидно, что звездолет шел прямо к могучему центру тяготения.

Астронавигатор не решился изменить курс — производство большого труда и величайшей точности. Пользуясь планетарными двигателями, он тормозил звездолет, хотя уже становилась очевидной ошибка курса, проложенного через неведомую массу материи.

— Поле тяготения велико, — вполголоса заметила Ингрид. — Может быть...

— Надо еще замедлить ход, чтобы повернуть! — воскликнул астронавигатор. — Но чем же потом ускорить полет?... — Губительная нерешительность прозвучала в его словах.

— Мы уже пронизали внешнюю вихревую зону, — отозвалась Ингрид, — идет непрерывное и быстрое нарастание гравитации.

Посыпались частые звенящие удары — планетарные моторы заработали автоматически, когда управлявшая кораблем электронная машина почувствовала впереди огромное скопление материи. «Тантра» принялась раскачиваться. Как ни замедлял свой ход звездолет, но люди в посту управления начали терять сознание. Ингрид упала на колени, Пел Лин в своем кресле старался поднять налившуюся свинцом голову. Кэй Бэр ощутил бессмысленный, животный страх и детскую беспомощность.

Удары двигателей зачастили и перешли в непрерывный гром. Электронный «мозг» корабля вел борьбу вместо своих полубесчувственных хозяев, по-своему могучий, но недалекий, так как не мог предвидеть сложных последствий и придумать выход из исключительных случаев.

Раскачивание «Тантры» ослабело. Стерженьки, показывавшие запасы планетарных ионных зарядов, быстро поползли вниз. Очнувшийся Пел Лин понял, что странное увеличение тяготения идет так быстро, что надо принимать экстренные меры для остановки корабля и затем резкого изменения курса.

Пел Лин передвинул рукоятку анамезонных двигателей. Четыре высоких цилиндра из нитрида бора, видимые в специальную прорезь пульта, засветились изнутри. Яркое зеленое пламя забило в них бешеной молнией, заструилось и закрутилось четырьмя плотными спиралями. Там, в носовой части корабля, сильное магнитное поле облекло стенки моторных сопел, спасая их от немедленного разрушения.

Астронавигатор передвинул рукоять дальше. Сквозь зеленую вихревую стенку стал виден направляющий луч — сероватый поток К-частиц. Еще движение, и вдоль серого луча прорезалась ослепительная фиолетовая молния — сигнал, что анамезон начал свое стремительное истечение. Весь корпус звездолета откликнулся почти неслышной, трудно переносимой высокочастотной вибрацией...

Эрг Ноор, приняв необходимую дозу пищи, лежал в полусне под невыразимо приятным электромассажем нервной системы. Медленно отходила пелена забвения, еще окутывавшая мозг и тело. Пробуждающая мелодия звучала мажорнее в парастающей частоте ритма...

Внезапно что-то недоброе вторглось извне, прервало радость пробуждения от девятидневного сна. Эрг Ноор осознал себя начальником экспедиции и принялся отчаянно бороться, пытаясь вернуть нормальное сознание. Наконец он сообразил, что звездолет экстренно тормозится анамезонными двигателями, — следовательно, что-то случилось. Он попытался встать. Но те-

до еще не слушалось, ноги подогнулись, и он мешком упал на пол своей каюты. Спустя какое-то время ему удалось проползти до двери, открыть ее. Сознание пробивалось сквозь туман сна — в коридоре Эрг Ноор поднялся на четвереньки и ввалился в центральный пост.

Уставившиеся на экраны и циферблаты люди испуганно оглянулись и подскочили к начальнику. Тот, не в силах встать, выговорил:

— Экраны, передние... переключите на инфракрасную... остановите... моторы!

Боразоновые цилиндры погасли одновременно с умолкшей вибрацией корпуса. На правом переднем экране появилась огромная звезда, светившая тусклым красно-коричневым светом. На мгновение все оцепенели, не сводя глаз с громадного диска, возникшего из тьмы прямо перед носом корабля.

— О, глупец! — горестно воскликнул Пел Лин. — Я был убежден, что мы около темного облака! А это...

— Железная звезда! — с ужасом воскликнула Ингрид Дитра.

Эрг Ноор, придерживаясь за спинку кресла, встал с пола.

— Да, это железная звезда, — медленно сказал он, — ужас астролетчиков!

Никто не подозревал о ее существовании в этом районе, и взоры всех обратились к нему со страхом и надеждой.

— Я думал только об облаке, — тихо и виновато сказал Пел Лин.

— Темное облако с такой силой гравитации должно внутри состоять из твердых, сравнительно крупных частиц, и «Тантра» уже погибла бы. Избежать столкновения в таком роде невозможно, — твердо и тихо сказал начальник.

— Но резкие изменения напряжения поля, как-то завихрения? Разве это не прямое указание на облако?

— Или на то, что у звезды есть планета; может быть, не одна...

Астронавигатор так закусил губу, что выступила кровь. Начальник ободряюще кивнул головой и сам нажал кнопки пробуждения.

— Быстрее сводку наблюдений! Вычислим изогравы!

Звездолет опять покачнулся. В экране с колоссальной быстротой мелькнуло что-то невероятно огромное, пронеслось назад и исчезло.

— Вот и ответ... Обогнали планету. Скорее, скорее за работу! — Взгляд начальника упал на счетчики горючего. Он хотел что-то сказать и умолк.

Эпсилон Тукана

ослышался тихий стеклянный звон. По прозрачной перегородке заискрились разноцветные блики. Заведующий внешними станциями Великого Кольца Дар Ветер продолжал следить за светом Спиральной Дороги. Ее гигантская дуга горбилась в высоте, прочерчивая по краю моря матово-желтую полосу отражения. Не отрывая от нее взгляда, Дар Ветер вытянул руку и переставил рычажок на Р — размышление не окончилось. Сегодня в жизни этого человека происходила крупная перемена. Утром из жилого пояса южного полушария прибыл его преемник Мвен Мас, выбранный Советом Звездоплавания. Последнюю передачу по Кольцу они проведут вместе, потом... Вот это «потом» и оставалось еще нерешенным. Шесть лет он выдерживал свою, требовавшую неимоверного напряжения работу, для которой подбирались люди выдающихся способностей, отличавшиеся великолепной памятью и широтой, энциклопедичностью познаний. Когда со злобным упорством стали повторяться приступы равнодушия к работе и жизни — одного из самых тяжелых заболеваний человека — Эвда Наль, знаменитый пси-

хиатр, исследовала его. Испытанный старый способ — музыка грустных аккордов в пронизанной успокоительными волнами комнате голубых снов — не помог. Осталось лишь переменить род деятельности и лечиться физическим трудом там, где нужна была еще повседневная и ежечасная мускульная работа. Его милый друг — историк Веда Конг вчера предложила работать у нее раскопщиком. На археологических раскопках машины не могли проделывать всю работу — конечный этап выполнялся человеческими руками. В добровольцах недостатка не было, но Веда обещала ему долгую поездку в область древних степей, в близости с природой.

Если бы Веда Конг!.. Впрочем, она знает все до конца. Веда любит Эрга Ноора, члена Совета Звездоплавания, начальника тридцать седьмой звездной экспедиции. Эрг Ноор должен был дать знать о себе с планеты Зирда. Но если нет никакого сообщения, а все расчеты межзвездных полетов исключительно точны, не годится думать о завоевании любви Веды! Вектор дружбы — вот все, что связывает ее с ним. И все же он поедет работать с нею!

Дар Ветер передвинул рычаг, нажал кнопку, и комната залилась ярким светом. Хрустальное окно составляло стену развернутого на простор помещения, вознесенного над землей и морем. Поворотом другого рычажка Дар Ветер наклонил эту стену на себя, и помещение открылось звездному небу, отрезав металлической рамой огни дорог, строений и маяки морского побережья внизу.

Циферблат галактических часов с тремя концентрическими кольцами делений приковал внимание Дар Ветра. Передача информации по Великому Кольцу шла по галактическому времени, каждую стотысячную галактической секунды или раз в восемь дней, сорок пять раз в год по земному счету времени. Один оборот Галактики вокруг оси составлял галактические сутки.

Очередная и последняя для него передача наступала в девять часов утра по времени Тибетской обсерватории, следовательно, в два часа ночи здесь, на Средизем-

номорской обсерватории Совета. Осталось немногим больше двух часов.

Прибор на столе зазвонил и замигал снова. За перегородкой показался человек в светлой, отливавшей шелковистым блеском одежде.

— Мы приготовились к передаче и приему, — коротко бросил он, не выказывая никаких внешних знаков почтительности, хотя во взгляде скрывалось восхищение начальником.

Дар Ветер молчал, молчал и помощник, стоя в свободной позе, с гордой осанкой.

— В кубическом зале? — наконец спросил Дар Ветер и, получив утвердительный ответ, осведомился, где Мвен Мас.

— У аппарата утренней свежести. Принимает настройку после дороги. К тому же, мне кажется, он взволнован...

— Я бы волновался на его месте тоже, — задумчиво произнес Дар Ветер. — Так было шесть лет назад...

Помощник покраснел. Он с юношеским пылом сочувствовал своему начальнику, быть может сознавая, что сам когда-то пройдет через радости и горе большой работы и великой ответственности. Заведующий внешними станциями ничем не выразил своих переживаний — считалось неприличным обнаруживать их в его годы.

— Когда Мвен Мас появится, сразу ведите его ко мне.

Помощник удалился. Дар Ветер подошел к углу, где прозрачная перегородка была зачернена от потолка до пола, и широким жестом раскрыл две створки, заделанные в панели из дерева. Вспыхнул свет, исходящий откуда-то из глубины похожего на зеркало экрана.

Заведующий внешними станциями с помощью отдельной клеммы включил «вектор дружбы» — прямое соединение, проводившееся между связанными глубокой дружбой людьми, чтобы общаться между собою в любой момент. Вектор дружбы соединял несколько

мест постоянного пребывания человека — жилище, место работы, излюбленный уголок отдыха.

Экран засветился, в глубине его обозначились знакомые сочетания высоких панелей с бесчисленными столбцами закодированных обозначений электронных фильмов, заменивших архаические фотокопии книг. Когда человечество перешло на единый алфавит, названный линейным по отсутствию сложных знаков, фильмирование даже старых книг стало еще более простым и доступным автоматическим машинам. Синие, зеленые, красные полосы — знаки центральных фильмов, где хранились научные исследования, давно уже издававшиеся всего в десятке экземпляров. Стоило набрать условный ряд знаков, и хранилище-фильмотека автоматически передавало полный текст книги-фильма. Эта машина и была личной библиотекой Веды. Легкий щелчок — изображение погасло и вновь засветилось, показав другую комнату, также пустую. Со вторым щелчком прибор перенес изображение в зал со слабо освещенными столиками-пультами. Сидевшая у ближайшего стола женщина подняла голову, и Дар Ветер узнал милое узкое лицо с большими серыми глазами. Белозубая улыбка крупного, смело очерченного рта приподнимала щеки холмиками по сторонам чуть вздернутого носа с детски закругленным кончиком, и от этого лицо становилось еще мягче и приятливее.

— Веда, осталось два часа. Надо переодеться, а мне хотелось, чтобы вы пришли в обсерваторию пораньше.

Женщина на экране подняла руки к густым светлопепельным волосам.

— Повинуюсь, мой Ветер, — тихо рассмеялась она, — иду домой.

Ухо Дар Ветра не обманула веселость тона.

— Храбрая Веда, успокойтесь. Каждый, кто выступает по Великому Кольцу, когда-нибудь выступал впервыс...

— Не тратьте слов, чтобы развлечь меня, — упрямо подняла голову Веда Конг, — я скоро буду.

Экран погас. Дар Ветер прикрыл створки и повернулся, чтобы встретить своего заместителя. Мвен Мас

вошел широкими шагами. Черты лица и темно-коричневый цвет гладкой блестящей кожи показывали его происхождение от негритянских предков. Белый плащ спадал тяжелыми складками с могучих плеч. Мвен Мас сжал обе ладони Дар Ветра в своих крепких худых руках. Оба начальника внешних станций — бывший и будущий — были очень высокими. Ветер, чья родословная шла от русского народа, казался шире и массивнее более стройного африканца.

— Мне кажется, сегодня должно произойти нечто важное, — начал Мвен Мас с той доверчивой прямо-той, которая отличала людей эры Великого Кольца.

Дар Ветер пожал плечами.

— Важное произойдет для всех трех. Я отдам мою работу, вы ее возьмете, а Веда Конг впервые будет говорить со вселенной.

— Она очень красива? — полувопросом, полуутверждением откликнулся Мвен Мас.

— Увидите. Впрочем, в сегодняшней передаче нет ничего особенного. Веда прочтет лекцию по нашей истории для планеты КРЗ 664456 + БШ 3252.

Мвен Мас проделал в уме поразительно быстрое вычисление.

— Созвездие Единорога, звезда Росс 614 — планетная система известна с незапамятных времен, но они ничем себя не проявляли. Я люблю старинные названия и слова, — с чуть заметной ноткой извинения добавил он.

Дар Ветер подумал, что Совет умеет выбирать людей. Вслух он сказал:

— Тогда вам будет хорошо с Юнием Антом — заведующим электронными запоминающими машинами. Он величает себя заведующим лампами памяти. Не от лампы — убогого светильника древности, а от первых электронных приборов, неуклюжих в стеклянных колпаках, с выкачаным воздухом, напоминавших тогдашние электрические светильники.

Мвен Мас рассмеялся так задушевно и открыто, что Дар Ветер почувствовал, как растет его симпатия к этому человеку.

— Лампы памяти! Наши памятные сети — коридо-

ры в километры длиной, составленные из миллиардов элементов-клеточек! Но, — спохватился он, — я даю волю своим чувствам, а не уяснил необходимого. Когда заговорила Росс 614?

— Пятьдесят два года назад. С тех пор они овладели языком Великого Кольца. До них всего четыре парсека. Лекцию Веды они получают через тринадцать лет.

— А потом?

— После лекции — прием. Через наших старых друзей мы получим какие-нибудь новости по Кольцу.

— Через шестьдесят один Лебедя?

— Ну конечно. Или иногда через сто семь Змееносца, пользуясь вашей старинной терминологией.

Вошел человек в той же серебристой одежде Совета Звездоплавания, как и помощник Дар Ветра. Невысокий, живой и горбоносый, он располагал к себе внимательным взглядом темных, как вишни, глаз. Вошедший потер ладонью свою круглую гладкую голову.

— Я Юний Ант, — назвал он себя высоким резким голосом, очевидно адресуясь к Мвену Масу.

Тот почтительно приветствовал его. Заведующие памятными машинами превосходили всех ученостью. Они решали, что из полученных сообщений следует увековечить в памятных машинах, что направить в линии общей информации или дворцы творчества.

— Еще один из бреваннов, — проворчал Юний Ант, пожимая руку новому знакомцу.

— Что такое? — не понял Мвен Мас.

— Моя выдумка. На латинском языке. Так я прозвал всех недолго живущих — работников внешних станций, летчиков межзвездного флота, техников заводов звездолетных двигателей. Ну, и нас с вами. Мы тоже не живем больше половины нормальной продолжительности жизни. Что делать, зато интересно! Где Веда?

— Хотела быть пораньше... — начал Дар Ветер.

Его слова были заглушены тревожными музыкальными аккордами, раздавшимися вслед за звонким щелчком на циферблате часов Галактики.

— Предупредительный по всей Земле. Всем энергостанциям, всем заводам, сетевому транспорту и радио-

станциям. Через полчаса прекратить отпуск энергии и наконить ее в емкостных конденсаторах достаточно, чтобы пробить атмосферу каналом направленного излучения. Передача возьмет сорок три процента земной энергии. Прием — лишь на поддержание канала, восемь процентов, — пояснял Дар Ветер.

— Именно так я себе и представлял это, — кивал головой Мвен Мас.

Вдруг его сосредоточенный взгляд загорелся восхищением. Дар Ветер оглянулся. Не замеченная ими, у святающей прозрачной колонны стояла Веда Конг. Для выступления она надела лучший из нарядов, наиболее красивший женщину и изобретенный тысячи лет назад, в эпоху критской культуры.

Мвен Мас, впервые видевший ученого-историка, рассматривал ее с нескрываемым восхищением.

Веда подняла встревоженные глаза на Дар Ветра.

— Хорошо, — ответил он на немой вопрос своего прекрасного друга.

— Я много раз выступала, но не так, — заговорила Веда Конг.

— Совет следует обычаю. Сообщения для разных планет всегда читали красивые женщины. Это дает представление о чувстве прекрасного обитателей нашего мира, вообще говорит о многом, — продолжал Дар Ветер.

— Совет не ошибся выбором! — воскликнул Мвен Мас.

Веда проникательно посмотрела на африканца.

— Вы одиноки? — тихо спросила она и, получив утвердительный кивок Мвена Маса, рассмеялась.

— Вы хотели поговорить со мной, — повернулась она к Дар Ветру.

Друзья вышли на широкую кольцевую террасу, и Веда с наслаждением подставила лицо свежему морскому ветру.

Заведующий внешними станциями рассказал о своем решении ехать на раскопки, о колебаниях между тридцать восьмой звездной экспедицией, антарктическими подводными рудниками и археологией.

— О нет, только не звездная! — воскликнула Веда, и Дар Ветер ощутил свою бестактность. Увлеченный переживаниями, он нечаянно задел больное место в душе Веды.

Ему на помощь пришла мелодия тревожных аккордов, донесшаяся на балкон.

— Пора, полчаса до включения в Кольцо! — Дар Ветер осторожно взял Веду Конг за руку. В сопровождении остальных они спустились на движущейся лестнице в глубокое подземелье — высеченную в скале кубическую комнату.

Здесь не было ничего, кроме приборов. Матовые панели черных стен казались бархатными. Их прорезали четкие линии хрустальных полос. Золотистые, зеленые, голубые и оранжевые огоньки слабо освещали шкалы, знаки, цифры. Изумрудные острия стрелок дрожали у черных полукружий, словно все эти широкие стены находились в напряженном, трепетном ожидании.

Несколько кресел, большой стол черного дерева, частично вдвинутый в огромный, мерцающий жемчужным отблеском полусферический экран, обведенный массивной золотой рамой.

Дар Ветер знаком подозвал к себе Мвена Маса, указав другим на высокие черные кресла. Мвен Мас приблизился, ступая осторожно, на носках, как некогда ходили его предки в спаленных солнцем саваннах, подкрадываясь к огромным и свирепым зверям. Мвен Мас затаил дыхание. Отсюда, из неприступного каменного погребца, сейчас раскроется окно в бесконечные просторы космоса, и люди соединятся мыслями и знаниями со своими братьями на других мирах. Представители земного человечества перед вселенной — сейчас они, пять человек. Но с завтрашнего дня ему, Мвену Масу, придется руководить этой связью. Ему будут вверены все рычаги величайшей силы. Легкий озноб пробежал по спине африканца. Пожалуй, он только сейчас понял, какое бремя ответственности он взвалил на себя, дав согласие Совету. И когда он взглянул на Дар Ветра, неторопливо действовавшего рукоятками управления, то в его взоре мелькнуло выражение, похожее

на восторг, светившийся в глазах молодого помощника Дар Ветра.

Раздался тяжелый, грозный звон, будто зазвучала массивная медь. Дар Ветер быстро повернулся и передвинул длинный рычаг. Звон умолк, и Веда Конг увидела, что узкая панель на правой стене осветилась на всю высоту комнаты. Стена как будто провалилась, исчезла в беспредельной дали. Открылся призрачный контур пирамидальной горной вершины, увенчанной исполинским каменным кругом. Ниже этой колоссальной шапки сплавленного камня кое-где виднелись пятна чистейшего горного снега.

Мвен Мас узнал вторую из высочайших гор Африки — Кению.

Снова тяжкий медный удар потряс подземную комнату, заставляя находившихся там людей настораживаться и напрягать все внимание.

Дар Ветер взял руку Мвена Маса и положил ее на горящую гранатовым глазом круглую рукоятку. Мвен Мас послушно передвинул ее до упора. Теперь вся сила Земли, вся энергия, получаемая с тысячи семисот шестидесяти могучих электростанций, перебросилась на экватор, к горе пятикилометровой высоты. Над ее вершиной за клубилось разноцветное сияние, стусилось в шар и вдруг устремилось вверх, точно копьё в вертикальном полете, пронизывающее глубины неба. Над сиянием встала толкая колонна, похожая на вихревой столб, — смерч. По столбу струилась вверх, спирально завиваясь по его поверхности, ослепительно светящаяся голубая дымка.

Направленное излучение пронизывало земную атмосферу, образуя постоянный канал для приема и передачи на внешние станции, служивший вместо провода. Там, на высоте тридцати шести тысяч километров над Землей, висел суточный спутник — большая станция, обращавшаяся вокруг планеты за сутки в плоскости экватора и оттого как бы неподвижно стоявшая над горой Кения в Восточной Африке — точкой, выбранной для постоянного сообщения с внешними станциями. Другой большой спутник вращался на высоте пятидесяти семи тысяч километров через по-

люсы по меридиану и сообщался с Тибетской приемопередающей обсерваторией. Там условия образования передаточного канала были лучшими, но зато отсутствовало постоянное сообщение. Эти два больших спутника соединялись еще с несколькими автоматическими станциями, располагавшимися вокруг всей Земли.

Узкая панель справа погасла — канал включился в приемную станцию спутника. Теперь засветился жемчужный, оправленный в золото экран. В центре его появилась причудливо увеличенная фигура, стала яснее, улыбнулась громадным ртом. Гур Ган, один из наблюдателей суточного спутника, вырос на экране сказочным исполином. Он весело кивнул и, вытянув трехметровую руку, включил все окружение внешних станций нашей планеты. Оно сомкнулось воедино посланной с Земли силой. Во все стороны вселенной устремились чувствительные глаза приемников. Тусклая красная звезда в созвездии Едипорога, с планет которой недавно раздался призыв, лучше фиксировалась со спутника 57, и Гур Ган соединился с ним. Только три четверти часа мог продолжаться невидимый контакт Земли и другой звезды. Нельзя было терять ни минуты этого драгоценного времени.

По знаку Дар Ветра Веда Конг встала на отливавший синим круг металла перед экраном. Невидимые лучи падали мощным каскадом сверху и заметно углубили оттенок ее загорелой кожи. Беззвучно заработали электронные машины, переводившие речь Веды на язык Великого Кольца. Через тринадцать лет приемники планеты темно-красной звезды запишут посылаемые колебания общеизвестными символами, и, если там говорят, электронные переводные машины обратят символы в звук живой чужой речи.

«Жаль только, — думал Дар Ветер, — что те, далекие, не услышат звучного, мягкого голоса женщины Земли, не поймут его выразительности. Кто знает, как устроены их уши? Могут быть разные типы слуха. Только зрение, повсюду использующее проникающую атмосферу часть электромагнитных колебаний, почти одинаково во всей вселенной, и они увидят очаровательную, горящую волнением Веду».

Дар Ветер, не сводя глаз с полуприкрытого прядью волос маленького уха Веды, стал прислушиваться к ее лекции.

Веда Конг сжато и ясно рассказывала про основные вехи истории человечества. О древних эпсхах существования человечества, о разобщенности больших и малых народов, сталкивавшихся в экономической и идейной вражде, разделявшей их страны; она говорила очень коротко. Эти эпохи получили собирательное название ЭРМ — эры Разобщенного Мира. Но не перечисление истребительных войн, ужасных страданий или якобы великих правителей, наполнявшее древние исторические книги, оставшиеся от Античных веков, Темных веков или веков Капитализма, интересовало людей эры Великого Кольца. Гораздо важнее была противоречивая история развития производительных сил вместе с формированием идей, искусства, знания, духовной борьбы за настоящего человека и человечество. Развитие потребности созидания новых представлений о мире и общественных отношениях, долге, правах и счастье человека, из которых выросло и расцвело на всей планете могучее дерево коммунистического общества.

В последний век ЭРМ, так называемый век Расщепления, люди, наконец, поняли, что все их бедствия происходят от стихийно сложившегося еще с диких времен устройства общества, поняли, что вся сила, все будущее человечества — в труде, в соединенных усилиях миллионов свободных от угнетения людей, в науке и переустройстве жизни на научных основах. Были поняты основные законы общественного развития, диалектически противоречивый ход истории, необходимость воспитания строгой общественной дисциплины, тем более важной, чем больше увеличивалось население планеты.

Борьба старых и новых идей обострилась в век Расщепления и привела к тому, что весь мир раскололся на два лагеря — старых, капиталистических, и новых, социалистических, государств с различными экономическими устройствами. Открытие к тому времени первых видов атомной энергии и упорство защитников

старого мира едва не привело все человечество к крупнейшей катастрофе.

Но новое общественное устройство не могло не победить, хотя эта победа задержалась из-за отсталости воспитания общественного сознания. Переустройство мира на коммунистических основах немыслимо без коренного изменения экономики, с исчезновением нищеты, голода и тяжелого, изнурительного труда. Но изменение экономики потребовало очень сложного управления производством и распределением и было невозможно без воспитания общественного сознания каждого человека.

Коммунистическое общество не сразу охватило все народы и страны. Искоренение вражды и особенно лжи, накопившейся от враждебной пропаганды во время идейной борьбы века Расщепления, потребовало гигантских усилий. Немало совершилось ошибок и на пути развития новых человеческих отношений. Кое-где случались восстания, поднимавшиеся отсталыми приверженцами старого, которые по невежеству пытались найти в воскрешении прошлого легкие выходы из трудностей, стоявших перед человечеством.

Но неизбежно и неуклонно новое устройство жизни распространилось на всю Землю, и самые различные народы и расы стали единой, дружной и мудрой семьей.

Так началась ЭМВ — эра Мирового Воссоединения, состоявшая из веков Союза Стран, Разных Языков, Борьбы за Энергию и Общего Языка.

Общественное развитие все ускорялось, и каждая новая эпоха проходила быстрее предыдущей. Власть человека над природой стала расти гигантскими шагами.

В древних утопических фантазиях о прекрасном будущем люди мечтали о постепенном освобождении человека от труда. Писатели обещали, что за короткий труд — два-три часа на общее благо — человечество сможет обеспечить себя всем необходимым, а в оставшее время предаваться счастливому ничегонеделанию.

Эти представления возникли из отвращения к тяжелому и вынужденному труду древности.

Скоро люди поняли, что труд — счастье, так же как и непрестанная борьба с природой, преодоление препятствий, решение новых и новых задач развития науки и экономики. Труд в полную меру сил, только творческий, соответствующий врожденным способностям и вкусам, многообразный и время от времени перемежающийся — вот что нужно человеку. Развитие кибернетики — техники автоматического управления, широкое образование и интеллигентность, отличное физическое воспитание каждого человека позволили менять профессии, быстро овладевать другими и без конца разнообразить трудовую деятельность, находя в ней все большее удовлетворение. Все шире развивавшаяся наука охватила всю человеческую жизнь, и творческие радости открывателя новых тайн природы стали доступны огромному числу людей. Искусство взяло на себя очень большую долю в деле общественного воспитания и устройства жизни. Пришла самая великолепная во всей истории человечества ЭОТ — эра Общего Труда с ее веками Упрощения Вещей, Переустройства, Первого Изобилия и Космоса.

Изобретение уплотнения электричества, приведшее к созданию аккумуляторов огромной емкости и компактных, но мощных электромоторов, было крупнейшей технической революцией нового времени. Еще раньше научились с помощью полупроводников вязать сложнейшие сети слабых токов и создавать самоуправляющиеся кибернетические машины. Техника стала тончайшей, ювелирной, высоким искусством и вместе с тем подчинила себе мощности космического масштаба.

Но требование дать каждому все вызвало необходимость существенно упростить обиход человека. Человек перестал быть рабом вещей, а разработка деталей стандартов позволила создавать любые вещи и машины из сравнительно немногих основных конструктивных элементов, подобно тому, как все великое разнообразие живых организмов строится из небольшого разнообразия клеток; клетка — из белков, белки —

из протеинов и т. д. Одно только прекращение невероятной расточительности питания прежних веков обеспечило пищей миллиарды людей.

Все силы общества, расходовавшиеся в древности на создание военных машин, содержание не занятых полезным трудом огромных армий, политическую пропаганду и показную мишуру, были брошены на устройство жизни и развитие научных знаний.

По знаку Веды Конг Дар Ветер нажал кнопку, и возле нее появился большой глобус.

— Мы начали, — продолжала Веда, — с полного перераспределения жилых и промышленных зон планеты...

Коричневые полосы на глобусе вдоль тридцатых градусов широты в северном и южном полушариях означают непрерывную цепь городских поселений, сосредоточенных у берегов теплых морей, в зоне мягкого климата без зимы. Человечество перестало расходовать колоссальную энергию на обогревание жилищ в зимние периоды, на изготовление громоздкой одежды. Наиболее плотное население сосредоточилось у колыбели человеческой культуры — Средиземного моря. Субтропический пояс расширился втрое после растопления полярных шапок.

На север от северного жилого пояса простирается гигантская зона лугов и степей, где пасутся бесчисленные стада домашних животных.

К югу (в северном полушарии) и к северу (в южном) были пояса сухих и жарких пустынь, ныне превращенных в сады. Здесь прежде находились поля термоэлектрических станций, собиравших солнечную энергию.

В зоне тропиков сосредоточено производство растительного питания и древесины, в тысячи раз более выгодное, чем в холодных климатических зонах. Давно уже, после открытия искусственного получения углеводов — сахаров — из солнечного света и углекислоты, мы перестали возделывать сахароносные растения. Дешевое промышленное производство полноценных питательных белков нам еще не под силу, поэтому мы разводим богатые белком культурные

растения и грибки на суше и колоссальные поля водорослей в океанах. Простой способ искусственного производства пищевых жиров получен благодаря информации Великого Кольца, любые витамины и гормоны производятся в любом количестве из каменного угля. Сельское хозяйство нового мира освободилось от необходимости добывать все без исключения питательные продукты, как это было в старину. Пределов производства сахаров, жиров и витаминов для нас практически нет. Для производства одних лишь белков имеются гигантские площади суши и моря. Человечество давно освободилось от страха голода, десятки тысячелетий господствовавшего над людьми.

Одна из главных радостей человека — стремление путешествовать, передвигаться с места на место, унаследована от предков — бродячих охотников, собирателей скудной пищи. Теперь всю планету обвивает Спиральная Дорога, исполинскими мостами соединяющая через проливы все материки. — Веда провела пальцем по серебристой нити и повернула глобус. — По Спиральной Дороге непрерывно движутся электропоезда. Сотни тысяч людей могут очень быстро перенестись из жилой зоны в степную, полевую, горную, где нет постоянных городов, а лишь временные лагеря мастеров животноводства, посевов, лесной и горной промышленности. Полная автоматизация всех заводов и энергостанций сделала ненужным строительство при них городов или больших селений — там находятся лишь дома для немногих дежурных: наблюдателей, механиков и монтеров.

Планомерная организация жизни, наконец, прекратила убийственную гонку скорости — строительство все более и более быстрых транспортных машин. По Спиральной Дороге поезда проходят двести километров в час. Только в случае какого-либо несчастья пользуются скоростными кораблями, мчащимися тысячи километров в час.

Несколько сот лет назад мы улучшили лик нашей планеты. Еще в век Расщепления совершилось открытие внутриатомной энергии. Тогда же научились освобождать некую ничтожную долю ее и превращать

в тепловую вспышку, убийственные свойства которой были немедленно использованы в качестве военного оружия. Накопились огромные запасы бомб, которые потом, при наступлении коммунизма, пытались использовать для производства энергии. Очень большая опасность излучения и его влияние на жизнь была скоро понята и поставила узкие пределы старой ядерной энергетике. Почти одновременно астрономы открыли путем изучения физики далеких звезд два новых пути получения внутриатомной энергии — К_у и Ф, гораздо более действенные и не оставляющие опасных продуктов распада.

Оба эти способа используются нами и теперь, хотя для звездолетных двигателей применяется еще один вид ядерной энергии — анимезонный, ставший известным при наблюдении больших звезд Галактики через Великое Кольцо.

Все накопленные издавна запасы старых термо-ядерных материалов — радиоактивных изотопов урана, тория, водорода, кобальта, лития — было решено уничтожить, как только додумались до способа выбросить продукты их распада за пределы земной атмосферы. Тогда в век Переустройства были сделаны искусственные солнца, «подвешенные» над полярными областями. Мы сильно уменьшили ледяные шапки, образовавшиеся на полюсах Земли в четвертичную эпоху оледенения, и изменили климат всей планеты. Вода в океанах поднялась на семь метров, в атмосферной циркуляции резко сократились полярные фронты и ослабли кольца пассатных ветров, высушивавших зоны пустынь на границе тропиков. Почти прекратились и ураганные ветры, вообще всякие бурные нарушения погоды.

До шестидесятых параллелей дошли теплые степи, а луга и леса умеренного пояса пересекли семидесятую широту.

Антарктический материк, на три четверти освобожденный ото льда, оказался рудной сокровищницей человечества — там сохранились нетронутыми горные богатства, на всех других материках сильно выработанные после безрассудного распыления металлов

в повсеместных и сокрушительных войнах прошлого. Через Антарктиду же удалось замкнуть Спиральную Дорогу.

Еще до этого капитального изменения климата были прорыты огромные каналы и прорезаны горные хребты для уравнивания циркуляции водных и воздушных масс планеты. Вечные диэлектрические насосы помогли обводнить даже высокогорные пустыни Азии.

Возможности производства продуктов питания выросли во много раз, новые земли стали удобными для жизни. Теплые внутренние моря стали использоваться для выращивания богатых белком водорослей.

Старые, опасные и хрупкие планетолеты все же дали возможность достигнуть ближайших планет нашей системы. Землю охватил пояс искусственных спутников, с которых люди вплотную ознакомились с космосом. И тут четыреста восемь лет назад случилось событие настолько важное, что ознаменовало новую эру в существовании человечества — ЭВК, эру Великого Кольца.

Давно мысль людей билась над передачей на дальнее расстояние изображений, звуков, энергии. Сотни тысяч талантливейших ученых работали в особой организации, называющейся и до сих пор Академией Направленных Излучений, пока не добились возможности дальних направленных передач энергии без каких-либо проводников. Это стало возможным, когда нашли обходный путь закона — поток энергии пропорционален синусу угла расхождения лучей. Тогда параллельные пучки излучений обеспечили постоянное сообщение с искусственными спутниками, а следовательно, и со всем космосом. Защищающий жизнь экран ионизированной атмосферы служил вечным препятствием к передачам и приемам из пространства. Давно-давно, еще в конце эры Разобщенного Мира, наши ученые установили, что потоки мощных радиоизлучений изливаются на Землю из космоса. Вместе с общим излучением созвездий и галактик до нас доходили призывы из космоса и передачи по Великому Кольцу, искаженные и полупогашенные в атмосфере.

Мы тогда не понимали их, хотя уже научились улавливать эти таинственные сигналы, считая их за излучения мертвой материи.

Ученый Кам Алат, индеец по происхождению, догадался провести на искусственных спутниках опыты с приемниками изображений, с бесконечным терпением десятки лет осваивая все новые комбинации диапазонов.

Кам Алат уловил передачу с планетной системы двойной звезды, называвшейся издавна 61 Лебеда. На экране появился не похожий на нас, но, несомненно, человек и указал на надпись, сделанную символами Великого Кольца. Надпись сумели прочесть только через девяносто лет, и она украшает на нашем земном языке памятник Кам Алату: «Привет вам, братья, вступившие в нашу семью! Разделенные пространством и временем, мы соединились разумом в кольцо великой силы».

Язык символов, чертежей и карт Великого Кольца оказался легко постигаемым на том уровне развития человечества. Через двести лет мы могли уже переговариваться при помощи переводных машин с планетными системами ближайших звезд, получать и передавать целые картины разнообразной жизни разных миров. Только недавно мы приняли весть с четырнадцати планет большого центра жизни Денеба в Лебеде — колоссальной звезды светимостью в четыре тысячи восемьсот солнц, находящейся от нас на расстоянии в сто двадцать два парсека. Развитие мысли там шло иным путем, но достигло нашего уровня.

А с древних миров — шаровых скоплений нашей галактики и колоссальной обитаемой области вокруг галактического центра — идут из безмерной дали странные картины и зрелища, еще не понятые, не расшифрованные нами. Записанные памятными машинами, они передаются в Академию Пределов Знания — так называется научная организация, работающая над проблемами, едва-едва намечающимися нашей наукой. Мы пытаемся понять далеко ушедшую от нас за миллионы лет мысль, вероятно отличающуюся от нашей благодаря другим путям исторического разви-

тия жизни от низших органических форм к высшим, мыслящим существам.

Веда Конг отвернулась от экрана, в который смотрела, словно загипнотизированная, и бросила вопросительный взгляд на Дар Ветра. Тот улыбнулся и одобрительно кивнул головой. Веда гордо подняла лицо, протянула вперед руки и обратилась к тем невидимым и неведомым, которые через тринадцать лет получат ее слова и увидят ее облик:

— Такова наша история, трудная, сложная и долгая дорога восхождения к высотам знания. Мы зовем вас — сливайтесь с нами в Великом Кольце, чтобы нести во все концы необъятной вселенной могучую силу разума, побеждая косную неживую материю!

Голос Веды торжествующе зазвенел, обретя силу всех поколений земных людей, ныне поднявшихся так, что их помыслы обращались уже за пределы собственной Галактики к другим звездным островам вселенной.

Протяжный звон — это Дар Ветер передвинул рукоятку и выключил передающий поток энергии. Экран погас. На прозрачной панели справа остался светящийся столб несущего канала.

Веда, усталая и тихая, свернулась в клубочек в глубине большого кресла. Дар Ветер усадил за стол управления Мвена Маса, а сам склонился над его плечом. В полной тишине лишь иногда чуть слышно пощелкивали стопоры рукояток. Внезапно экран в золотой оправе исчез, и невероятная глубина раскрылась на его месте. Веда Конг, впервые видевшая это чудо, громко вздохнула. Действительно, даже хорошо знавшему путь сложной интерференции световых волн, каким достигалась такая широта и глубина обзора, зрелище всегда казалось поразительным.

Темная поверхность чужой планеты приближалась издалека, вырастая с каждой секундой. Это была чрезвычайно редкая система двойной звезды, где два солнца уравнивали себя таким образом, что орбита их планеты оказалась правильной и на ней могла возникнуть жизнь. Оба солнца — оранжевое и алое, меньшие, чем наше, освещали казавшиеся красными

льды застывшего моря. На краю плоских черных гор в загадочных фиолетовых отблесках виднелось гигантское приземистое здание. Луч зрения уперся в площадку на его крыше, как бы пронизал ее, и все увидели серокожего человека с круглыми, как у совы, глазами, обведенными кольцами серебристого пуха. Его рост был велик, но тело очень тонко, с длинными, словно щупальца, конечностями. Человек неслело боднул головой, будто отдал поспешный поклон, и, устремив на экран свои бесстрастные, точно объективы, глаза, открыл безгубый рот, прикрытый похожим на нос клапаном мягкой кожи. Тотчас зазвучал мелодичный и нежный голос переводящей машины:

— Заф Фтет, заведующий внешней информацией шестьдесят один Лебеда. Сегодня мы передаем для желтой звезды СТЛ 3388+04ЖФ... Передаем для...

Дар Ветер и Юний Ант переглянулись, а Мвен Мас на секунду сжал запястье Дар Ветра. Это были галактические позывные Земли, вернее солнечной планетной системы. Когда-то она считалась наблюдателями иных миров единым большим спутником, обращавшимся вокруг Солнца за пятьдесят девять земных лет. Один раз за этот период случается совместное противостояние Юпитера и Сатурна, сдвигающее Солнце заметно для астрономов ближних звезд. В ту же ошибку впадали и наши астрономы в отношении многих планетных систем, присутствие которых у разных звезд было открыто еще в давние времена.

Юний Ант более поспешно, чем в начале передачи, проверил настройку памятной машины и показания бдительных часовых исправности — приборов ОЭС.

Бесстрастный голос электронного переводчика продолжал:

— Мы приняли вполне хорошую передачу от звезды... — снова посыпался ряд цифр и отрывистых звуков, — случайно, не во время передач Великого Кольца. Они не расшифровали языка Кольца и тратят напрасно энергию, передавая в часы молчания. Мы отвечали им в периоды их собственных передач — результаты станут известны приблизительно через три десятых секунды... — Голос замолк. Сигнальные приборы

продолжали гореть, за исключением угасшего зеленого глазка.

— Это еще невыясненные перерывы в передаче, может быть, прохождение легендарного нейтрального поля астролетчиков между нами, — пояснил Веда Юний Ант.

— Три десятых галактической секунды — это ждать около шестисот лет, — хмуро буркнул Дар Ветер. — Интересно, зачем это нам?

— Насколько я понял, звезда, с которой они связались, — Эпсилон Тукана, созвездия южного неба, — откликнулся Мвен Мас, — отстоящая на девяносто парсеков, что близко к пределу нашей постоянной связи. Дальше Денеба мы ее еще не установили.

— Но мы принимаем и центр Галактики и шаровые скопления? — спросила Веда Конг.

— Нерегулярно, случайным приемом или через памятные машины других членов Кольца, образующих протянутую в пространство Галактики цепь, — ответил Мвен Мас.

— Сообщения, посланные тысячи и десятки тысяч лет назад, не теряются в пространстве и в конце концов достигают нас, — добавил Юний Ант.

— Но это значит, что мы судим о жизни и познаниях людей иных, очень далеких миров, с опозданием, например, для зоны центра Галактики на двадцать тысяч лет?

— Да, безразлично, передается ли это памятными записями близких миров или улавливается нашими станциями, мы видим дальние миры такими, какими они были в очень древние времена. Видим давным-давно умерших и забытых в своем мире людей.

— Неужели мы, достигшие столь большой власти над природой, здесь бессильны? — ребячески возмутилась Веда. — Неужели нельзя достигнуть дальних миров другим путем, иным, чем волновой, или фотонный, луч, орудием?

— Как я понимаю вас, Веда! — воскликнул Мвен Мас.

— В Академии Пределов Знания занимаются проектами преодоления пространства, времени, тяготе-

ния — глубинами основ космоса, — вмещался Дар Ветер, — только они не дошли до стадии опытов и не смогли...

Внезапно зеленый глаз вспыхнул, и Веда вновь ощутила головокружение от углубившегося в бездну пространства экрана.

Резко ограниченные края изображения показывали, что это запись памятной машины, а не прямо уловленная передача.

Сначала показалась поверхность планеты, видимая, конечно, с внешней станции-спутника. Громадное бледно-фиолетовое, призрачное от неимоверного накала солнце заливало пронизывающими лучами синий облачный покров ее атмосферы.

— Так и есть — светило планеты Эпсилон Тукана, высокотемпературная звезда класса В9, — светимость семьдесят восемь наших солнц, — прошептал Мвен Мас.

Дар Ветер и Юний Ант утвердительно кивнули.

Зрелище изменилось, как бы сузившись и спустившись почти на самую почву неведомого мира.

Высоко поднимались округлые купола гор, казавшихся отлитыми из меди. Неизвестная порода, или металл зернистого строения, рдела огнем под удивительно белым сверкающим светом голубого солнца. Даже в несовершенной передаче приборов неведомый мир блистал торжественно, с каким-то победным величием.

Отблески лучей окаймляли контуры медных гор серебристо-розовой короной, отражавшейся широкой дорогой на медленных волнах фиолетового моря. Веда цвета густого аметиста казалась тяжелой и вспыхивала изнутри красными огнями, как скоплениями живых маленьких глаз. Волны лизали массивное подножие исполинской статуи, стоявшей далеко от берега в гордом одиночестве. Женщина, изваянная из темно-красного камня, запрокинула голову и, словно в экстазе, тянулась простертыми руками к пламенной глубине неба. Она вполне могла бы быть дочерью Земли — полное сходство с нашими людьми потрясало не меньше, чем поразительная красота изваяния. В ее фигуре,

точно исполнившаяся мечта скульпторов Земли, сочетались могучая сила и одухотворенность каждой линии лица и тела. Полированный красный камень статуи источал из себя пламя неведомой и оттого таинственной и влекущей жизни.

Пять людей Земли безмолвно смотрели на изумительный новый мир. Только из широкой груди Мвена Маса вырвался долгий вздох — при первом же взгляде на статую каждый нерв его напрягся в радостном ожидании.

Против статуи, на берегу, резные серебряные башни отмечали начало широкой белой лестницы, взброшенной свободно над чащей стройных деревьев с бирюзовой листвой.

— Они должны звенеть! — шепнул Дар Ветер в ухо Веды, указывая на башни, и та согласно наклонила голову.

Передаточный аппарат новой планеты продолжал последовательно и беззвучно разворачивать новые картины.

На секунду мелькнули белые стены с широкими выступами, прорезанные порталом из голубого камня, и экран раскрылся в высоком помещении, залитом сильным светом. Матово-жемчужная окраска изборозженных желобками стен сообщала необыкновенную четкость всему находившемуся в зале. Внимание привлекавала группа людей, стоявших перед полированной изумрудной панелью.

Пламенный красный цвет их кожи соответствовал цвету статуи в море. В нем не было ничего необычайного для Земли — некоторые племена индейцев Центральной Америки, судя по сохранившимся от древности цветным снимкам, обладали почти такой же, менее глубокого тона, кожей.

В зале находились две женщины и двое мужчин. Обе пары носили разные одежды. Стоявшие ближе к зеленой панели отличались золотистыми короткими одеяниями, похожими на изящные комбинезоны, снабженные песколькими застёжками. У других двух были окутывавшие их с головы до пят одинаковые плащи такого же жемчужного оттенка, как и стены.

Стоявшие у панели проделывали плавные движения, прикасаясь к косым струнам, натянутым у ее левого края. Стена полированного изумруда или стекла становилась прозрачной. В такт их движениям в кристалле плыли, сменяя друг друга, четкие изображения. Они исчезали и возникали быстро, так что даже тренированным наблюдателям — Юнию Анту и Дар Ветру — было трудно полностью понять их смысл.

В чередовании медных гор, фиолетового океана и бирюзовых лесов улавливалась история планеты. Цепь животных и растительных форм, иногда чудовищно непонятных, иногда прекрасных, проходила призраками прошлого. Многие животные и растения казались похожими на тех, чьи остатки сохранила летопись пластов земной коры. Долго тянулась восходящая лестница форм жизни — совершенствующейся живой материи. Бесконечно долгий путь развития ощущался еще более длинным, трудным и мучительным, чем известная каждому жителю Земли его собственная родословная.

В призрачном сиянии замелькали новые картины: огни больших костров, нагромождения каменных глыб на равнинах, битвы со свирепыми зверями, торжественные обряды похорон и религиозных служб. Во всю панель выросла фигура мужчины, прикрытого плащом из пестрой шкуры. Опираясь одной рукой на копьё и подняв другую к звездам широким обнимающим жестом, он наступил ногой на шею поверженного чудовища с жесткой гривой вдоль спины и оскаленными длинными клыками. На заднем плане стояла цепь женщин и мужчин, попарно взявшихся за руки и, казалось, что-то напевавших.

Изображение исчезло, на месте живых видений возникла темная поверхность полированного камня.

Тогда двое в золотистых одеждах отступили направо, а их место заняла вторая пара. Неудовимо быстрым движением плащи были отброшены, и на жемчужном фоне стен живым пламенем возникли темно-красные тела. Мужчина протянул обе руки к женщине, она ответила ему улыбкой гордой и ослепительной радос-

ти. И в жемчужном зале неимоверно далекого мира двое начали медленный танец. Вероятно, это не был танец ради танца, а скорее ритмическое позирование. Танцующие, очевидно, ставили себе целью показать совершенство, красоту линий и пластическую гибкость своих тел. Но в ритмической смене движений угадывалась величавая и в то же время грустная музыка, как будто воспоминание о великой лестнице безыменных и неисчислимых жертв развития жизни, приведшего к столь прекрасному мыслящему существу — человеку.

Мвену Масу показалось, что он слышит мелодию — веер высоких чистых нот, опирающийся на гулкий и мерный ритм низких звуков. Веда Конг стиснула руку Дар Ветру, который не обратил на это внимания. Юний Ант смотрел, не шевелясь и не дыша, а на его огромном лбу проступили капельки пота.

Люди Тукана были так похожи на людей Земли, что постепенно утрачивалось впечатление иного мира. Но красные люди обладали такой отточенной красотой тела, какая не была еще достигнута на Земле и жила в мечтах и творениях художников, воплощаясь в небольшом числе необычайно красивых людей.

«Чем труднее и дольше был путь слепой животной эволюции до мыслящего существа, тем целесообразнее и разработаннее высшие формы жизни и, следовательно, тем прекраснее, — думал Дар Ветер. — Давно уже люди Земли поняли, что красота — это инстинктивно воспринимаемая целесообразность строения, приспособления к определенному назначению. Чем разнообразнее назначение, тем красивее форма — эти красные люди, вероятно, более разносторонни и ловки, чем мы. Может быть, их цивилизация шла больше за счет развития самого человека, его духовного и физического могущества и меньше за счет техники? Наша культура долго оставалась насквозь технической и только с приходом коммунистического общества окончательно встала на путь совершенствования самого человека, а не только его машин, домов, еды и развлечений».

Танец прекратился. Юная краснокожая женщина вышла на середину зала, и луч зрения прибора сосредоточился на ней одной. Ее раскинутые руки и лицо поднялись к потолку зала.

Невольно глаза людей Земли последовали за ее взглядом. Потолка не было совсем, или по очень искусно созданной оптической иллюзии там находилось звездное небо с настолько яркими и крупными звездами, что, вероятно, это было лишь изображение. Сочетания чуждых созвездий не вызывали никаких знакомых ассоциаций. Девушка взмахнула рукой, и на указательном пальце ее левой руки появился синий шарик. Из него ударил серебристый луч, ставший громадной указкой. Круглое светящееся пятнышко на конце луча останавливалось то на одной, то на другой звезде потолка. И тотчас изумрудная панель показывала неподвижное изображение, данное очень широким планом. Медленно перемещался указательный луч, и так же медленно возникали видения пустынных или населенных жизнью планет. С тягостной безотрадностью горели каменные или песчаные пространства под красными, голубыми, фиолетовыми, желтыми солнцами. Иногда лучи странного свинцово-серого светила вызывали к жизни на своих планетах плоские купола и спирали, насыщенные электричеством и плававшие, подобно медузам, в густой оранжевой атмосфере или океане. В мире красного солнца росли невообразимой высоты деревья со скользкой черной корой, тянувшие к небу, словно в отчаянии, миллиарды кривых ветвей. Другие планеты были сплошь залиты темной водой. Громадные живые острова, то ли животные, то ли растительные, плавали повсюду, колыхая в спокойной глади бесчисленные мохнатые щупальца.

— У них нет поблизости планет с высшими формами жизни, — вдруг сказал Юний Ант, неотрывно следивший за картой незнакомого звездного неба.

— Нет, — возразил Дар Ветер, — с одной стороны у них лежит плоская звездная система, одна из позднейших образований Галактики. Но мы знаем, что плоские и сферические системы, новые и древние,

нередко чередуются. И действительно, со стороны Эридана у них есть система с мыслящей жизнью, входящая в Кольцо.

— ВВР 4955 + МО 3529... и так далее, — вставил Мвен Мас. — Но почему же они не знают о ней?

— Система вошла в Великое Кольцо двести семьдесят пять лет назад, а это сообщение отправлено раньше, — ответил Дар Ветер.

— Неужели они ничего не знают о Великом Кольце? — прошептала Веда Конг.

— Теперь, наверное, знают, — отозвался Дар Ветер, — ведь то, что мы видим, произошло триста лет назад.

— Восемьдесят восемь парсеков, — пророкотал низкий голос Мвена Маса, — восемьдесят восемь. Все, кого мы видели, давно уже мертвы.

И, словно подтверждая его слова, видение чудесного мира погасло, потух и зеленый указатель связи. Передача по Великому Кольцу окончилась.

С минуту все находились в оцепенении. Первым опомнился Дар Ветер. Досадливо закусив губу, он поспешно передвинул гранатовую рукоятку. Выключение столба направленной энергии отозвалось густым медным гулом, предупреждающим инженеров энергостанций о том, что необходимо снова разлить могучий поток по его обычным каналам. Только продолжав все операции с приборами, заведующий внешними станциями обернулся к своим товарищам.

Юний Ант, высоко подняв брови, перебирал исцирканные листочки.

— Часть мемограммы (памятной записи) со звездной картой на потолке надо сейчас же отправить в Институт Южного Неба! — обратился он к молодому помощнику Дар Ветра.

Тот посмотрел на Юния Анта удивленно, как будто проснувшись от необычайного сна.

Суровый ученый затаил усмешку — разве видение не было в самом деле грезой о прекрасном мире, посланной в пространство три века назад? Грезой, которую так осязаемо увидят сейчас миллиарды людей на Земле и на станциях Луны, Марса и Венеры.

— Вы были правы, Мвен Мас, — улыбнулся Дар Ветер, — объявив еще до передачи, что сегодня случится необыкновенное. Впервые за восемьсот лет существования для нас Великого Кольца из глубин вселенной явилась планета с братьями не только по разуму, но и по телу. Я весь наполнен радостью открытия! Хорошо началась ваша деятельность! Древние люди сочли бы это счастливым предзнаменованием, или, как скажут наши психологи, случилось совпадение обстоятельств, благоприятствующее уверенности и подъему в дальнейшей работе...

Дар Ветер спохватился, нервная реакция сделала его многословным. Излишества речи в эру Великого Кольца считались одним из самых позорных недостатков человека, и заведующий внешними станциями умолял, не закончив фразы.

— Да, да! — рассеянно отозвался Мвен Мас.

Юний Авт уловил нотку отрешенности в его голосе и замедленных движениях и насторожился. Веда Конг тихо провела пальцем по кисти Дар Ветра и кивнула на африканца.

«Может быть, он чересчур впечатлителен?» — мелькнуло в уме Дар Ветра, и он пристально посмотрел на своего преемника.

Но Мвен Мас, почувствовав скрытое недоумение собеседников, выпрямился и стал прежним, внимательным знатоком своего дела. Движущаяся лестница перенесла их наверх, к широким окнам и звездному небу, снова ставшему столь же далеким, как и во все тридцать тысячелетий существования человека, — вернее, его вида, называвшегося Хомо сапиенс — Человеком мудрым.

Мвен Мас и Дар Ветер должны были остаться.

Веда Конг шепнула Дар Ветру, что никогда не забудет этой ночи.

— Я сама показалась себе такой жалкой! — заключила она, улыбаясь наперекор этим грустным словам.

Дар Ветер понял, что она имеет в виду, и отрицательно покачал головой.

— А я уверен, что если бы красная женщина увидела вас, Веда, то она гордилась бы своей сестрой.

Право, наша Земля не хуже их мира! — Лицо Дар Ветра засветилось любовью.

— Ну, это вашими глазами, милый друг, — улыбнулась Веда. — Вы спросите Мвена Маса!.. — Она путя прикрыла глаза ладонью и скрылась в изгибе стены.

Когда Мвен Мас, наконец, остался один, наступило утро. В прохладном неподвижном воздухе разлился сероватый свет, море и небо приняли одинаковую хрустальную прозрачность: серебристую у моря, с розовым оттенком у неба.

Мвен Мас долго стоял на балконе обсерватории, глядя в полужнакомые очертания зданий.

На невысоком плато поодаль высилась гигантская алюминиевая арка, перечеркнутая девятью параллельными рядами алюминиевых полос, разделенных промежутками опалово-кремовых и серебристо-белых пластических стекол — здание Совета Звездоплавания. Перед ним стоял памятник первым людям, вышедшим на просторы космоса. Склон крутейшей горы в облаках и вихрях заканчивался звездолетом старинного типа — рыбообразной ракетой, нацелившей свой заостренный нос в еще недоступную высоту. Цепочка, поддерживая друг друга, с неимоверными усилиями карабкалась вверх, спирально обвивая подножие памятника, — летчики ракетных кораблей, физики, астрономы, биологи, смелые писатели-фантасты... Рассвет уже рдел на корпусе древнего звездолета и на легких ажурных контурах зданий, а Мвен Мас все еще мерил балкон широкими шагами. Еще ни разу он не испытывал такого потрясения. Воспитанный в общих правилах эры Великого Кольца, он прошел суровую физическую закалку и с успехом выполнил свои подвиги Геркулеса. Так в память прекрасных мифов древней Эллады назывались трудные дела, выполнявшиеся каждым молодым человеком в конце школьного периода. Если юноша справлялся с подвигами, то считался достойным приступить к высшей ступени образования.

Мвен Мас устроил водоснабжение рудника в Западном Тибете, восстановил араукариевый лес на плоскогорье Нахэбта в Южной Америке и истреблял акул,

вновь появившихся у берегов Австралии. Его жизненная закалка и выдающиеся способности позволили ему выдержать многие годы настойчивого учения и подготовить себя к тяжелой и ответственной деятельности. Сегодня, в первый же час его новой работы, случилась встреча с родным Земле миром, и в его душе появилось что-то новое. С тревогой Мвен Мас чувствовал, что в нем открылась какая-то бездна, над которой он ходил все годы своей жизни, не подозревая о ее существовании. Так непереносимо сильна жажда новой встречи с планетой звезды Эпсилон Тукана — этим миром, будто возникшим по воле лучших сказок земного человечества. Не забыть ему краснокожей девушки, ее простертых рук, нежных полураскрывшихся губ!..

И то, что чудовищное расстояние в двести девяносто световых лет, недоступное никаким возможностям земной техники, отделяло его от чудесного мира, не ослабляло, а только усиливало жгучую мечту.

В душе Мвена Маса выросло нечто живущее теперь само по себе и непокорное контролю воли и спокойного разума. Африканец еще никогда не любил, почти отшельнически погрузившись в занятия, и не испытывал ничего похожего на тревогу и небывалую радость, зароненную в его душу сегодняшней встречей через громадные поля пространства и времени.

В плену тьмы

а оранжевых столбиках указателей ананезонного горючего черные толстые стрелки стояли на нулях. Курс звездолета пока не отклонялся от железной звезды, так как скорость была еще велика и корабль неуклонно приближался к жуткому, не видимому для человеческих глаз светилу.

Эрг Ноор с помощью астронавигатора, дрожа от напряжения и слабости, уселся за счетную машину. Планетарные двигатели, отключенные от робота-рулевого, утихли.

— Ингрид, что такое железная звезда? — тихо спросил Кэй Бэр, все это время недвижно простоявший за спиной астронома.

— Невидимая звезда спектрального класса Т, погасшая, но еще не остывшая окончательно или не разогревшаяся снова. Она светит длинноволновыми колебаниями тепловой части спектра — черным для нас инфракрасным светом и становится видимой лишь через электронный инвертор. Сова, видящая тепловые инфракрасные лучи, могла бы ее обнаружить.

— Почему же она железная?

— На всех, какие сейчас изучены,

в спектре много железа. По-видимому, его много и в составе светила. Поэтому, если звезда велика, то ее масса и поле тяготения огромны. Боюсь, что мы встретимся именно с такой...

— Что же теперь?

— Не знаю. Видишь сам — у нас нет горючего. Но мы продолжаем лететь прямо на звезду. Надо затормозить «Тантру» до скорости в одну тысячную абсолютной, при которой возможно достаточное угловое отклонение. Если не хватит и планетарного горючего, то звездолет будет постепенно приближаться к звезде, пока не упадет. — Ингрид нервно дернула головой, и Бэр ласково погладил ее руку.

Начальник экспедиции перешел к пульту управления и сосредоточился на приборах. Молчали все, не смея дышать, молчала и только что проснувшаяся Низа Крит, инстинктивно поняв всю опасность положения. Горючего могло хватить лишь на замедление корабля, но с большой потерей скорости звездолету становилось все труднее вырваться без моторов из цепкого притяжения железной звезды. Если бы «Тантра» не подошла так близко и Лин сообразил бы вовремя... Впрочем, какое утешение в этих пустых «если»?

Прошло около трех часов, и Эрг Ноор, наконец, решился. «Тантра» содрогнулась от мощных толчков триггерных моторов. Ход корабля замедлялся час, другой, третий, четвертый. Неуловимое движение начальника — ужасная дурнота у всех людей. Страшное коричневое светило исчезло из переднего экрана, переместилось на второй. Незримые цепи тяготения продолжали тянуться к кораблю, отражаясь в приборах. Он рванул рукоятки к себе — двигатели остановились.

— Вырвались! — с облегчением шепнул Пел Лин.

Начальник медленно перевел взгляд на него:

— Нет! Остался лишь запретный запас горючего для орбитального обращения и посадки.

— Что же делать?

— Ждать! Я отклонил немного звездолет. Но мы проходим слишком близко. Идет борьба между тяго-

тением звезды и уменьшающейся скоростью «Тантры». Она летит сейчас, как лунная ракета, и, если успеет отдалиться, тогда мы пойдем к Солнцу. Правда, время путешествия сильно возрастет. Лет через тридцать мы пошлем сигнал вызова, а еще через восемь лет придет помощь...

— Тридцать восемь лет! — едва слышно шепнул Бэр на ухо Ингрид.

Та резко дернула его за рукав и отвернулась.

Эрг Ноор откинулся в кресле и опустил руки на колени. Молчали люди, тихо пели приборы. Другая, нестройная и оттого казавшаяся угрожающей мелодия вплеталась в песнь настройки навигационных приборов. Почти физически ощутимый зов железной звезды, реальная сила ее черной массы, гнавшей за потерявшим свою мощь кораблем.

Щеки Низы Крит горели, сердце учащенно колотилось. Девушке становилось невыносимо это бездейственное ожидание.

...Медленно проходили часы. Один за другим в центральном посту появлялись проснувшиеся члены экспедиции. Число молчальников увеличивалось, пока все четырнадцать человек не оказались в сборе.

Нарастающее замедление полета стало меньше скорости убегания. «Тантра» не могла уйти от железной звезды. Забывшие о сне и пище люди не покидали поста управления много тоскливых часов, в которые курс «Тантры» искривлялся все более, пока корабль не понесся по роковому орбитальному эллипсу. Судьба «Тантры» стала ясна каждому.

Внезапный вопль заставил всех вздрогнуть. Астроном Пур Хисс вскочил и взмахнул руками. Его искаженное лицо стало неузнаваемым. Страх, жалость к самому себе и жажда мести стерли всякие следы мысли с лица ученого.

— Он, это он, — завопил Пур Хисс, показывая на Пела Лина, — тупица, пень, безмозглый червяк!.. — Астроном захлебнулся, стараясь припомнить давно выпшедшие из употребления бранные слова пращуров.

Стоявшая рядом Низа брезгливо отодвинулась. Эрг Ноор поднялся.

— Осуждение товарища ничему не поможет. Пропли времена, когда ошибки могли быть намеренными. А в этом случае, — Ноор небрежно повертел рукоятками счетной машины, — как видите, вероятность ошибки здесь тридцать процентов. Если добавить к этому неизбежную депрессию конца дежурства и еще потрясение от раскачки звездолета, я не сомневаюсь, что вы, Пур Хисс, сделали бы ту же ошибку.

— А вы? — с меньшей яростью выкрикнул астроном.

— Я — нет. Мне пришлось видеть недалеко такое же чудовище в тридцать шестой звездной... Я виноват — надеясь сам вести звездолет в неизученном районе, я не предусмотрел всего, ограничившись простой инструкцией.

— Как вы могли знать, что они без вас заберутся в этот район?! — воскликнула Низа.

— Я должен был это знать, — твердо ответил Эрг Ноор, отклоняя дружескую помощь Низы, — об этом есть смысл говорить лишь на Земле...

— На Земле! — возопил Пур Хисс, и даже Пел Лин озадаченно нахмурился. — Говорить это, когда все потеряно и впереди только гибель.

— Впереди не гибель, а большая борьба, — твердо ответил Эрг Ноор, опускаясь в кресло перед столом. — Садитесь! Спешить некуда, пока «Тантра» не сделает полтора оборота...

Присутствующие безмолвно повиновались, а Низа обменялась улыбкой с биологом — торжествующей, несмотря на всю безнадежность момента.

— У звезды, несомненно, есть планета, я предполагаю — даже две, судя по кривизне изограв. Планеты, как видите, — начальник экспедиции быстро набросал аккуратную схему, — должны быть большими и, следовательно, обладать атмосферой. Нам нет пока необходимости садиться — у нас еще много атомарного твердого кислорода.

Эрг Ноор умолк, собираясь с мыслями.

— Мы станем спутником планеты, описывая вокруг нее орбиту. Если атмосфера планеты окажется годной и мы израсходуем свой воздух, планетарного горючего

хватит, чтобы сесть и чтобы позвать, — продолжал он. — За полгода мы вычислим направление, передадим результаты Зирды, вызовем спасательный звездолет и выручим наш корабль.

— Если выручим... — покривился Пур Хисс, сдерживая загоревшуюся радость.

— Да, если! — согласился Эрг Ноор. — Но это ясная цель. Надо собрать все силы на ее достижение. Вы, Пур Хисс и Ингрид, ведите наблюдения и расчеты размеров планет. Бэр и Низа, по массе планет вычислите скорость убегания, а по ней — орбитальную скорость и оптимальный радиант обращения звездолета.

Исследователи стали готовиться на всякий случай и к посадке. Биолог, геолог и врач готовили к сбрасыванию разведочную станцию-робота, механики настраивали посадочные локаторы и прожекторы, собирали ракету-спутника для передачи сообщения на Землю.

После испытанного ужаса и безнадёжности работа шла особенно споро и прерывалась лишь во время качания звездолета в завихрениях гравитации. Но «Тантра» уже так сильно убавила скорость, что ее колебания больше не были убийственны для людей.

Пур Хисс и Ингрид определили наличие двух планет. От приближения к внешней пришлось отказаться — огромная, холодная, окутанная мощной, вероятно, ядовитой атмосферой, она грозила гибелью. Если выбирать род смерти, то, пожалуй, лучше было бы сгореть у поверхности железной звезды, чем утонуть во тьме аммиачной атмосферы, вонзив корабль в тысячекилометровую толщу льда. Такие же страшные исполинские планеты были и в солнечной системе — Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун.

«Тантра» неуклонно приближалась к звезде. Через девятнадцать суток выяснились размеры внутренней планеты — она была больше Земли. Находясь на близком расстоянии от своего железного солища, планета с бешеной скоростью неслась по своей орбите — ее год был вряд ли больше двух-трех земных месяцев. Невидимая звезда Т, вероятно, достаточно обогревала ее своими черными лучами — при наличии атмосферы

там могла быть жизнь. В этом случае посадка становилась особенно опасной...

Чужая, развивавшаяся в условиях иных планет, другими путями эволюции, жизнь в общей для космоса форме белковых тел была чрезвычайно вредна для обитателей Земли. Защитные приспособления организмов от вредных отбросов, от болезнетворных бактерий, выработанные за миллионы веков на нашей планете, были беспомощны против чужих форм жизни. В равной степени жизнь с других планет подвергалась опасности на нашей Земле.

Основная деятельность животной жизни: убивая — пожирать и пожирая — убивать, при соприкосновении животных разных миров проявлялась с удручающе обнаженной жестокостью. Невероятные болезни, молниеносные эпидемии, чудовищно размножившиеся вредители, ужасные повреждения сопутствовали первым исследованиям обитаемых, но безлюдных планет. Да и населенные мыслящими людьми миры предпринимали множество опытов и предварительно готовились, прежде чем вступить в прямую звездолетную связь. На нашей Земле, удаленной от центральных, обильных жизнью сгущенных зон Галактики, еще не бывало гостей с планет других звезд, представителей иных цивилизаций. Совет Звездоплавания только недавно закончил подготовку к приему друзей с недалеких звезд из Змееносца, Лебедя, Большой Медведицы и Райской Птицы.

Эрг Ноор, озабоченный возможной встречей с неизвестной жизнью, распорядился приготовить средства биологической защиты.

Наконец «Тантра» уравнила свою орбитальную скорость со скоростью внутренней планеты железной звезды и начала вращаться вокруг нее. Расплывчатая, бурая, с отсветом огромной кроваво-коричневой звезды, поверхность планеты — вернее, ее атмосферы — становилась видимой только в электронном инверторе. Все без исключения члены экспедиции были заняты у приборов.

— Температура поверхностных слоев на освещенной стороне триста двадцать градусов Кельвина!

— Вращение вокруг оси — приближенно двадцать суток!

— Локаторы дают наличие воды и суши...

— Толщина атмосферы — тысяча семьсот километров.

— Уточненная масса — сорок три целых две десятых земной.

Сообщения поступали непрерывно, и характер планеты становился все яснее.

Эрг Ноор сводил получаемые цифры, собирая материал для вычисления орбитального режима. Сорок три и две десятых земных масс — планета была велика. Сила ее тяготения придавит корабль к почве. В беспомощных насекомых на клей превратятся люди...

Начальник экспедиции вспомнил страшные рассказы — полулегенды, полубыли — о старых звездолетах, по разным причинам попадавших на громадные планеты. Тогда корабли с малыми скоростями, со слабым горючим часто гибли. Рев моторов и судорожное содрогание корабля, который, не в силах вырваться, как бы прилипал к поверхности планеты. Звездолет оставался целым, но хрустели ломавшиеся кости людей — неопишущий ужас, переданный в отрывочных воплях последних прощальных сообщений...

Экипажу «Тантры» не грозила такая участь, пока они будут вращаться вокруг планеты. Но если придется сесть на ее поверхность, то только очень сильные люди смогут таскать тяжесть своего живого веса в этом будущем их пристанище. Пристанище, назначенное им на десятки лет жизни... Смогут ли они выжить в таких условиях? Под гнетом давящей тяжести, в вечном мраке инфракрасного черного солнца, в плотной атмосфере? Но как бы то ни было — это не гибель, это надежда на спасение, и выбора нет!

«Тантра» описывала свою орбиту близко к границе атмосферы. Сотрудники экспедиции не могли упустить случая исследовать доселе неведомую планету, находившуюся сравнительно недалеко от Земли. Освещенная — вернее нагретая — сторона планеты отличалась от теневой не только гораздо более высокой

температурой, но и громадными скоплениями электричества, мешавшими даже мощным локаторам, показания которых искажались до неузнаваемости. Эрг Ноор решил вести изучение планеты с помощью бомбовых станций. Сбросили физическую станцию, и автомат доложил о поразительном наличии свободного кислорода в неоновом-азотной атмосфере, присутствии водяных паров и температуре в двенадцать градусов тепла. Эти условия были в общем сходны с земными. Только давление толстой атмосферы превышало нормальное давление Земли в один и четыре десятых раза да сила тяжести больше чем в два с половиной раза превосходила земную.

— Здесь можно жить! — слабо улыбнулся биолог, передавая начальнику сообщения станции.

К пятнадцатому обороту звездолета подготовили станцию-бомбу с мощным телепередатчиком. Однако вторая физическая станция, сброшенная в тень, когда планета повернулась на сто двадцать градусов, исчезла, не подав сигналов.

— Угодила в океан, — закусив губу от досады, констатировала геолог Бина Лед.

— Придется прощупать главным локатором, прежде чем сбрасывать робота-телевизор! У нас их только два!

«Тантра», испуская пучок направленного радионизлучения, вращалась над планетой, прощупывая смутные из-за искажений контуры материков и морей. Обрисовались очертания огромной равнины, вдавшейся в океан или разделявшей два океана почти на экваторе планеты. Звездолет описывал лучом зигзаги, захватывая полосу в двести километров шириной. Внезапно экран локатора вспыхнул яркой точкой. Свисток, хлестнувший по напряженным нервам, подтвердил, что это не галлюцинация.

— Металл! — воскликнула геолог. — Открытое месторождение.

Эрг Ноор покачал головой:

— Как ни мгновенна была вспышка, я успел заметить определенность ее контуров. Это или большой кусок металла — метеорит, или...

— Корабль! — одновременно вмешались Низа и биолог.

— Фантастика! — отрезал Пур Хисс.

— Может быть, действительность, — возразил Эрг Ноор.

— Все равно спор бесполезен, — не сдавался Пур Хисс. — Ничем нельзя проверить. Не будем же мы садиться...

— Проверим через три часа, когда придем снова к этой равнине. Обратите внимание: металлическая вещь находится на равнине, которую выбрал бы и я для посадки... Мы сбросим телевизорную станцию именно туда. Поставьте луч локатора на шестисекундное упреждение!

План, намеченный начальником экспедиций, удался, и «Тантра» вторично ушла в трехчасовой облет темной планеты. Теперь, при подходе к материковой равнине, корабль встретило донесение телеробота. Люди впились в загоревшийся экран. Щелкнул, включившись, и незаметно заматался зрительный луч, подобно человеческому глазу, очертивший контуры предметов там, далеко внизу, в тысячекилометровой темной бездне. Кэй Бэр отчетливо представил, как поворачивается похожая на маяк головка станции, высунувшаяся из твердого панциря. В зоне, освещенной лучом автомата, бежали по экрану, тут же фотографируемые, невысокие обрывы, холмы, черные извивы промоин. Внезапно через экран пронеслось видение сверкающего рыбообразного контура, и снова расстелилась отброшенная лучом тьма с вырванными из нее уступами плоскогорья.

— Звездолет! — выдохнули сразу несколько ртов.

Экран погас, «Тантра» снова отдалилась от телепередатчика, но биолог Эон Тал уже фиксировал ленту электронного снимка. Дрожащими от нетерпения пальцами он сунул ленту в проектор полусферического экрана. Внутренние стенки полого полушария отразили увеличенное изображение.

Знакомые сигарообразные очертания носового отсека, вздутая кормовая часть, высокий гребень приемника равновесия... Как ни невероятно было это зрелище,

как ни немыслима, ни невозможна встреча на планете тьмы — это действительно был земной звездолет! Он стоял горизонтально, в положении нормальной посадки, подпертый мощными стойками, неповрежденный, как будто только что опустился на планету железной звезды.

«Тантра», описывая свои очень быстрые из-за близости к планете круги, посылала сигналы, остававшиеся безответными. Прошло несколько часов. В центральном посту снова собрались все четырнадцать человек экспедиции. Тогда Эрг Ноор, сидевший в глубоком раздумье, встал.

— Я предполагаю посадить «Тантру». Может быть, наши братья нуждаются в помощи; может быть, их корабль поврежден и не может идти к Земле. Тогда мы возьмем их, погрузим анамезон и спасемся сами. Сажать спасательную ракету нет смысла. Она ничего не сможет сделать для снабжения нас горючим, а энергии израсходует столько, что нечем будет послать сигнал на Землю.

— А если они сами очутились здесь из-за нехватки анамезона? — осторожно спросил Пел Лин.

— Тогда у них должны остаться ионные планетарные заряды — они не могли израсходовать все полностью. Видите, звездолет сидит правильно — значит, они садились на планетарных моторах. Мы возьмем ионное горючее, взлетим снова и, перейдя на орбитальное положение, будем звать и ждать помощи с Земли. В случае удачи пройдет всего восемь лет. А если удастся достать анамезон — тогда мы победили.

— Может быть, планетарное горючее у них не ионные заряды, а фотонные? — усомнился один из инженеров.

— Мы можем использовать его в главных двигателях, если переставить из вспомогательных чашечные отражатели.

— Остается риск посадки на тяжелую планету и риск пребывания на ней, — проворчал Пур Хисс. — Страшно подумать об этом мире мрака!

— Риск, конечно, остается, но он существует в самой основе нашего положения, и мы его вряд ли уве-

личиваем. А планета, на которой сидит наш звездолет, не так уж плоха. Только бы сохранить корабли!

Эрг Ноор кинул взгляд на циферблат уравнивателя скоростей и быстро подошел к пульта. С минуту начальник экспедиции стоял перед рычагами и верньерами управления.

Низа Крит подошла к начальнику, смело взяла его правую руку и приложила ладонью к своей гладкой щеке, горячий от волнения. Эрг Ноор благодарно кивнул, погладил пышные волосы девушки и выпрямился.

— Идем в нижние слои атмосферы и на посадку! — громко сказал он, включая сигнал.

Вой пронесся по кораблю, и люди нспешно разбежались по местам.

Эрг Ноор опустился в мягкое посадочное кресло, поднявшееся из люка перед пультом. Загремели удары планетарных двигателей, и звездолет с воем кинулся вниз, навстречу скалам и океанам неведомой планеты.

Локаторы и инфракрасные отражатели прощупывали первозданный мрак внизу, красные огни горели на шкале высоты у заданной цифры — пятнадцати тысяч метров. Гор выше десяти километров не приходилось ожидать на планете, где вода и нагрев черного солнца работали над выравниванием поверхности, как и на Земле.

Первый же облет обнаружил на большей части планеты вместо гор лишь незначительные возвышенности, немного большие, чем на Марсе. Видимо, деятельность внутренних сил, создающих горные поднятия, почти совсем прекратилась или приостановилась.

Эрг Ноор передвинул ограничитель высоты полета на две тысячи метров и включил мощные прожекторы. Под звездолетом простирался огромный океан — подлинное море ужаса. Беспросветно черные волны вздымались и опадали над неведомыми глубинами.

Биолог, вытирая выступивший от усилий пот, старался поймать отраженный от волн световой зайчик в прибор, определяющий ничтожнейшие колебания отражательной способности — альбедо, чтобы определить соленость или минерализацию этого моря мрака.

Блестящая чернота воды сменилась чернотой матовой — началась суша. Скрещенные лучи прожекторов распахивали узкую дорогу между стенами тьмы. На ней проступали неожиданные краски — то желтоватые пятна песка, то серовато-зеленая поверхность скалистых пологих гряд.

«Тантра», послушная искусной руке, понеслась над материком.

Наконец Эрг Ноор обнаружил ту самую равнину. Ее нельзя было назвать плоскогорьем. Но было очевидно, что возможные приливы и бури темного моря не могут достичь этой равнины, поднимавшейся над низменными участками суши на высоту примерно ста метров.

Передний локатор левого борта дал свисток. «Тантра» нацелилась прожекторами. Теперь совершенно отчетливо стал виден звездолет первого класса. Покрытие его носовой части из кристаллически перестроенного анизотропного иридия сверкало в лучах прожектора, как новое. Около корабля не было видно временных построек, не горело никаких огней — темный и безжизненный стоял звездолет, никак не реагируя на приближение собрата. Лучи прожекторов пробежали дальше, сверкнули, отразившись, как от синего зеркала, от колоссального диска со спиральными выступами. Диск стоял наклонно, на ребре, частично погруженный в черную почву. На мгновение наблюдателям показалось, что за диском торчат какие-то скалы, а дальше сгущается черная тьма. Там, вероятно, был обрыв или спуск куда-то на низменность...

Оглушительный вой «Тантры» сотряс ее корпус. Эрг Ноор хотел сесть поближе к обнаруженному звездолету и предупреждал людей, которые могли оказаться в смертоносной зоне, радиусом около тысячи метров от места посадки. Слышимый даже внутри корабля, прокатился чудовищный гром планетарных моторов, в экранах появилось облако раскаленных частиц почвы. Пол стал круто подниматься вверх и заваливаться назад. Бесшумно и плавно гидравлические шарниры повернули сиденья кресел перпендикулярно к ставшим отвесными стенам.

Гигантские коленчатые упоры отскочили от корпуса и, растопырившись, приняли на себя первое прикосновение к почве чужого мира. Толчок, удар, толчок — «Тантра» раскачивалась носовой частью и замерла одновременно с полной остановкой двигателей. Эрг Ноор поднял руку к пульту, оказавшемуся над головой, повернул рычаг выключения упоров. Медленно, короткими толчками, звездолет стал оседать носом, пока не принял прежнего горизонтального положения. Посадка окончилась. Как всегда, она давала настолько сильную встряску человеческому организму, что астролетчики должны были некоторое время приходить в себя, полулежа в своих креслах.

Страшная тяжесть придавила каждого. Как после тяжелой болезни, люди едва могли приподняться. Однако неугомонный биолог успел взять пробу воздуха.

— Годен для дыхания, — сообщил он. — Сейчас произведу микроскопическое исследование!

— Не нужно, — отозвался Эрг Ноор, расстегивая упаковку посадочного кресла. — Без скафандров нельзя покидать корабля. Здесь могут быть очень опасные споры и вирусы.

В шлюзовой каюте у выхода были заранее приготовлены биологические скафандры и «прыгающие скелеты» — стальные, обшитые кожей каркасы с электродвигателем, пружинами и амортизаторами для индивидуального передвижения при увеличенной силе тяжести, которые надевались поверх скафандров.

Всем не терпелось почувствовать под ногами почву, пусть чужую, после шести лет скитания в межзвездных безднах. Кэй Бэр, Пур Хисс, Ингрид, врач Лума и два механика-инженера должны были оставаться в звездолете, чтобы вести дежурство у радио, прожекторов и приборов.

Низа стояла в стороне со шлемом в руках.

— Откуда нерешительность, Низа? — окликнул девушку начальник, проверявший свою радиостанцию в верхушке шлема. — Идемте к звездолету!

— Я... — девушка замаялась. — Мне кажется, он мертвый, стоит здесь уже давно. Еще одна катастрофа, еще жертва беспощадного космоса — я понимаю,

это неизбежно, но всегда тяжело... особенно после Зирды, после «Альграба»...

— Может быть, смерть этого звездолета даст нам жизнь, — откликнулся Пур Хисс, поворачивая обзорную короткофокусную трубу по направлению корабля, по-прежнему остававшегося неосвещенным.

Восемь путешественников выкарабкались в переходную камеру и остановились в ожидании.

— Включите воздух! — скомандовал Эрг Ноор оставшимся в корабле, которых уже отделила непроницаемая стена.

Только после того как давление в камере достигло десяти атмосфер и стало выше наружного, гидравлические домкраты выдавили плотно припаявшуюся дверь. Давление воздуха почти выбросило людей из камеры, не давая ничему вредному из чужого мира проникнуть внутрь кусочка Земли. Дверь стремительно захлопнулась. Луч прожектора проложил яркую дорогу, по которой исследователи заковыляли на своих пружинных ногах, едва волоча свои тяжелые тела. В конце светового пути возвышался огромный корабль. Полтора километра показались необычайно длинными и от нетерпения и от жестокой тряски неуклюжих скачков по неровной, усеянной мелкими камнями почве, сильно нагретой черным солнцем.

Сквозь толстую атмосферу, изобилующую влагой, звезды просвечивали бледными, расплывчатыми пятнами. Вместо сияющего величием космоса небо планеты передавало лишь намеки на созвездия. Их красноватые тусклые фонарики не могли бороться с тьмой на почве планеты.

В окружающем глубочайшем мраке корабль выделялся особенно рельефно. Толстый слой боразоно-циркониевого лака местами истерся на обшивке. Вероятно, звездолет долго странствовал в космосе.

Эон Тал издал восклицание, отдавшееся во всех телефонах. Он показал рукой на открытую дверь, зияющую черным пятном, и спущенный вниз малый подъемник. На почве около подъемника и под кораблем торчали, несомненно, растения. Толстые стебли поднимали на высоту почти метра черные, параболические.

чески углубленные чаши, зазубренные по краю, точно шестерни, — не то листья, не то цветы. Скопище черных неподвижных шестерней выглядело зловеще. Еще больше настораживало немое зияние двери. Нетронутые растения и открытая дверь — значит, давно уже люди не пользовались этим путем, не охраняют свой маленький земной мирок от чужого.

Эрг Ноор, Эон и Низа вошли в подъемник. Начальник повернул пусковой рычаг. С легким скрежетом механизм заработал и послушно вознес троих исследователей в раскрытую настежь переходную камеру. Следом поднялись и остальные. Эрг Ноор передал на «Тантру» просьбу погасить прожектор. Мгновенно маленькая кучка людей затерялась в бездне тьмы. Мир железного солнца надвинулся вплотную, как будто желая растворить в себе слабый очаг земной жизни, приникший к почве громадной темной планеты.

Зажгли вращающиеся на верху племов фонарики. Дверь из переходной камеры внутрь корабля оказалась закрытой, но не запертой и легко подалась. Исследователи вошли в средний коридор, свободно ориентируясь во тьме проходов. Конструкция звездолета отличалась от «Тантры» лишь в незначительных деталях.

— Корабль построен несколько десятков лет назад, — сказал Эрг Ноор, приближаясь к Низе.

Девушка оглянулась. Сквозь силиколы плема полуосвещенное лицо начальника казалось загадочным.

— Невозможная мысль, — продолжал Эрг Ноор, — вдруг это...

— «Парус»! — воскликнула Низа, забыв о микрофоне, и увидела, что все обернулись к ней.

Группа разведчиков проникла в главное помещение корабля — библиотеку-лабораторию и затем ближе к носу, в центральный пост управления. Ковыляя в своем скелетообразном каркасе, шатаясь и ударяясь о стены, начальник экспедиции добрался до главного распределительного щита. Освещение звездолета оказалось включенным, но тока не было. В темноте помещений продолжали светиться лишь фосфоресцирую-

щие указатели и значки. Эрг Ноор нашел аварийную клемму, и тут, на удивление всем, загорелся тусклый, ноказавшийся ослепительным, свет. Должно быть, он вспыхнул и у подъемника, потому что в телефонах шлемов зазвучал голос Пур Хисса, осведомившегося о ходе осмотра. Ему ответила геолог, тогда как начальник застыл на пороге центрального поста. Проследив глазами за его взглядом, Низа увидела наверху, между передними экранами, двойную надпись — на земном языке и кодом Великого Кольца — «Парус». Ниже под чертой шли галактические позывные Земли и координаты солнечной системы.

Исчезнувший восемьдесят лет назад звездолет нашелся в неведомой ранее системе черного солнца, так долго считавшейся лишь темным облаком.

Осмотр помещений звездолета не помог понять, куда делись люди. Кислородные резервуары не были исчерпаны, запасов воды и пищи могло хватить еще на несколько лет, но нигде не было ни следов, ни останков экипажа «Паруса».

Странные темные натеки виднелись кое-где в коридорах, в центральном посту и библиотеке. На полу в библиотеке тоже было пятно — оно коробилось многослойной пленкой, как если бы здесь высохло что-то пролитое. В кормовом машинном посту перед распахнутой дверью задней переборки свисали оборванные провода, а массивные стойки охладителей из фосфористой бронзы сильно погнулись. Так как в остальном корабль был совершенно цел, то эти повреждения, требовавшие большой силы удара, остались непонятными. Исследователи выбились из сил, но не нашли ничего, что могло бы объяснить исчезновение и несомненную гибель экипажа «Паруса».

Попутно пришло другое, чрезвычайно важное открытие — запасы анамезона и планетарных ионных зарядов, сохранившиеся на корабле, обеспечивали взлет «Тантры» с тяжелой планеты и путь до Земли.

Переданное немедленно на «Тантру» сообщение сняло сознание обреченности, овладевшее людьми после пленения их корабля железной звездой. Отпала необходимость длительной работы по передаче сооб-

щения на Землю. Зато предстоял огромный труд по перегрузке контейнеров с анамезоном. Нелегкая сама по себе задача, здесь, на планете почти с тройной земной тяжестью, превращалась в дело, требовавшее высокой инженерной изобретательности. Но люди эпохи Кольца не боялись трудных умственных задач, а радовались им.

Биолог вынул из магнитофона в центральном посту незаконченную катушку полетного дневника. Эрг Ноор с геологом открыли герметически запертый главный сейф, хранивший результаты экспедиции «Паруса». Люди поволокли на себе значительный груз — множество рулонов фотонно-магнитных фильмов, дневники, астрономические наблюдения и вычисления. Сами будучи исследователями, члены экспедиции не могли даже на короткий срок оставить столь драгоценную находку.

Едва живые от усталости разведчики встретились в библиотеке «Тантры» с товарищами. Здесь, в привычной обстановке, за удобным столом под ярким светом, могильная тьма окружавшего мрака и мертвый, покинутый звездолет стали видением ночного кошмара. Только давило тяготение страшной планеты, и при каждом движении то один, то другой из исследователей морщился от боли. Без практики было очень трудно координировать свои движения с движением рычагов стального «скелета». От этого ходьба сопровождалась толчками и жестоким встряхиванием. Даже из короткого похода люди вернулись основательно избитыми. У геолога Бины Лед, по-видимому, получилось легкое сотрясение мозга, но и она отказалась уйти, не прослушав последней катушки корабельного дневника. Низа ожидала от этой восьмьдесят лет хранившейся в мертвом корабле на жуткой планете записи чего-то невероятного. Ей представлялись хриплые призывы о помощи, вопли страдания, трагические прощальные слова. Девушка вздрогнула, когда из аппарата раздался звучный и холодный голос. Даже Эрг Ноор, великий знаток всего, что касалось межзвездных полетов, не знал никого из экипажа «Паруса». Укомплектованный исключительно молодежью, этот звездолет отправился

в свой бесконечно отважный рейс на Вегу, не передав в Совет Звездоплавания обычного фильма о людях экипажа.

Неизвестный голос излагал события, случившиеся семь месяцев спустя после передачи последнего сообщения на Землю. Еще четверть века до этого, при пересечении пояса космического льда на краю системы Веги, «Парус» был поврежден. Пробоину в кормовой части удалось заделать и продолжать путь, но она нарушила точнейшую регулировку защитного поля моторов. После длившейся двадцать лет борьбы двигатели пришлось остановить. Еще пять лет «Парус» летел по инерции, пока не уклонился в сторону по естественной неточности курса. Тогда было послано первое сообщение. Звездолет собирался послать второе сообщение, когда попал в систему железной звезды. Дальше получилось, как и с «Тантрой», с той лишь разницей, что корабль без ходовых моторов, раз затормозившись, улететь совсем не мог. Он не смог сделаться спутником планеты, так как ускорительные планетарные моторы, находившиеся в корме, пришли в такую же негодность, как и анамезонные. «Парус» благополучно сел на низкое плато вблизи моря. Экипаж принялся выполнять три стоявшие перед ним задачи: попытку отремонтировать двигатели, посылку призыва на Землю и изучение неведомой планеты. Не успели еще собрать ракетную башенку, как люди начали непонятным образом исчезать. Посланные на розыски тоже не возвращались. Исследование планеты прекратили, покидать корабль для строительства башенки стади только все вместе и подолгу отсиживались в наглухо запертом корабле в перерывах между невероятно изнурительной от силы тяжести работой. Торопясь отправить ракету, они даже не предприняли изучение чужого звездолета, поблизости от «Паруса», по-видимому находившегося здесь уже давно.

«Этот диск!» — мелькнуло в уме у Низы. Она встретила глазами с начальником, и тот, поняв ее мысли, кивнул утвердительно головой. Из четырнадцати человек экипажа «Паруса» осталось в живых восемь. Дальше в дневнике следовал примерно трех-

дневный перерыв, после которого сообщение передавал высокий молодой женский голос:

«Сегодня, двенадцатого числа, седьмого месяца триста двадцать третьего года Кольца, мы, все оставшиеся, закончили подготовку ракеты-передатчика. Завтра в это время...»

Кэй Бэр инстинктивно взглянул на часовую градуировку вдоль перематывавшейся ленты — пять часов утра по времени «Паруса» и, кто знает, сколько по этой планете...

«Мы отправим надежно рассчитанное... — голос прервался, затем снова возник, более глухой и слабый, как если бы говорившая отвернулась от приемника. — Включаю! Еще!..»

Прибор смолк, но лента продолжала перематываться. Слушавшие обменялись тревожными взглядами.

— Что-то случилось!.. — начала Ингрид Дитра.

Из магнитофона полетели торопливые, сдавленные слова: «Спаслись двое... Ланк не допрыгнула... подъемник... дверь не смогли закрыть, только вторую! Механик Сах Ктон пополз к двигателям... ударим планетарными... они, кроме ярости и ужаса, — ничто! Да, ничто!..»

Лента некоторое время вращалась беззвучно, затем тот же голос заговорил снова.

«Кажется, Ктон не успел. Я одна, но я придумала. Прежде чем начну, — голос окреп и зазвучал с убедительной силой: — Братья, если вы найдете «Парус», предупреждаю, не покидайте корабля никогда.

Говорившая громко вздохнула и сказала негромко, как бы самой себе:

«Надо узнать про Ктона. Вернусь, объясню подробнее...»

Щелчок — и лента продолжала сматываться еще около двадцати минут до конца катушки. Но напрасно ожидали внимательные уши — неизвестной не пришлось ничего объяснить, как, вероятно, не пришлось и вернуться.

Эрг Ноор выключил аппарат и обратился к своим товарищам:

— Наши погибшие сестры и братья спасают нас! Разве не чувствуете вы руку сильного человека Земли? На корабле оказался анамезон. Теперь мы получили предупреждение о смертельной опасности, подстерегающей здесь нас! Я не знаю, что это такое, но, наверное, — это живые существа планеты. Будь это космические, стихийные силы, они не только убили бы людей, но повредили и корабль. Получив такую помощь, нам было бы стыдно теперь не спастись и не донести до Земли открытия «Паруса» и свои. Пусть великие труды погибших, их полувековая борьба с космосом не пропадут даром.

— Как же вы думаете заpastись горючим, не выходя из корабля? — спросил Кэй Бэр.

— Почему не выходя из корабля? Вы знаете, что это невозможно и нам придется выходить и работать снаружи. Но мы предупреждены и примем меры...

— Я догадываюсь, — сказал биолог Эон Тал, — барраж вокруг места работы.

— Не только, но и всего пути между кораблями! — добавил Пур Хисс.

— Конечно! Так как мы не знаем, что нас подстерегает, то барраж сделаем двойной — излучением и током. Протянем провода, по всему пути создадим световой коридор. За «Парусом» стоит неиспользованная ракета — в ней хватит энергии на все время работы.

Голова Бины Лед со стуком ударилась о стол. Врач и второй астроном придвинулись, преодолевая тяжесть, к бесчувственному товарищу.

— Ничего! — объявила Лума Ласви. — Сотрясение и перенапряжение. Помогите мне дотащить Бину до постели.

И это простое дело могло бы отнять слишком много времени, если бы механик Тарон не догадался приспособить автоматическую тележку робота. С помощью ее всех восьмерых разведчиков развезли по постелям — пора было отдохнуть, иначе перенапряжение не приспособленного к новым условиям организма обернется болезнью. В трудный момент экспедиции каждый человек стал незаменим.

Вскоре две автоматические тележки для универсальных перевозок и дорожных работ, сцепленные вместе, принялись выравнивать дорогу между звездолетами. Мощные кабели протянулись по обеим сторонам намеченного пути. У обоих звездолетов установили наблюдательные башенки с толстыми колпаками из силикобора. В них сидели наблюдатели, посылавшие время от времени вдоль пути веера смертоносных жестких излучений из пульсационных камер. Во все время работы не угасал ни на секунду свет сильных прожекторов. В киле «Паруса» открыли главный люк, разобрали переборки и приготовили к спуску на тележки четыре контейнера с анамезоном и тридцать цилиндров с ионными зарядами. Погрузка их на «Тантру» являлась гораздо более сложной задачей. Звездолет нельзя было открыть, как мертвый «Парус», и тем самым впустить в него наверняка убийственные порождения чужой жизни. Поэтому люк только подготовили и, раскрыв внутренние переборки, перевезли с «Паруса» запасные баллоны с жидким воздухом. По задуманному плану, с момента открытия люка и до окончания погрузки контейнеров приемную шахту следовало непрерывно продуть сильным напором сжатого воздуха. Кроме того, борт корабля прикрывался каскадным излучением.

Люди постепенно осваивались с работой в стальных «скелетах», немного привыкли к почти тройной силе тяжести. Ослабли нестерпимые боли во всех костях, начавшиеся вскоре после посадки.

Прошло несколько земных дней. Тайнственное «ничто» не появлялось. Температура окружающего воздуха стала резко падать. Поднялся ураганный ветер, крепчавший с каждым часом. Это заходило черное солнце — планета поворачивалась, и материк, на котором стояли звездолеты, уходил на «ночную» сторону. Охлаждение благодаря конвекционным токам, теплоотдаче океана и толстой атмосферной шубе было не резким, но все же к середине планетной «ночи» наступил сильный мороз. Работы продолжались с включенными обогревателями скафандров. Первый контейнер удалось спустить из «Паруса» и довести до «Тант-

ры», когда на «восходе» разбушевался новый ураган, гораздо сильнее закатного. Температура быстро поднялась выше нуля, струи плотного воздуха несли огромное количество влаги, молнии сотрясали небо. Ураган настолько усилился, что звездолет стал вздрагивать от напора чудовищного ветра. Все усилия людей сосредоточились на укреплении контейнера под килем «Тантры». Устрашающий рев урагана нарастал, на плоскогорье крутились опасные столбчатые вихри, очень похожие на земные торнадо. В полосе света вырос огромный смерч из снега и пыли, упирившийся воронкой вершины в пятнистый и темный низкий небосвод. Под его напором провода высоковольтного тока оборвались, голубоватые вспышки замыканий засверкали среди сворачивавшихся кольцами проволок. Желтоватый огонь прожектора у «Паруса» погас, как задутый ветром.

Эрг Ноор отдал распоряжение укрыться в корабле, прекратив работу.

— Но там остался наблюдатель! — воскликнула геолог Бина Лед, указывая на едва заметный огонек силикоборовой башенки.

— Я знаю. Там Низа, и сейчас отправлюсь туда, — ответил начальник экспедиции.

— Ток выключился, и «ничто» вступило в свои права, — серьезно возразила Бина.

— Если ураган действует на нас, то, несомненно, он действует и на это «ничто». Я уверен, что, пока буря не ослабеет, опасности нет. А я здесь так тяжел, что меня не сдует, если я, прижавшись к почве, проползу. Давно уже хотелось подстеречь «ничто» в башенке!

— Разрешите мне с вами? — предложил биолог.

— Пойдемте, но только вы — более никто. Вам же это нужно.

Два человека долго ползли, цепляясь за неровности и трещины камней, стараясь не попасться на дороге вихревых столбов. Ураган упорно силился оторвать их от почвы, перевернуть и покатить. Один раз это ему удалось, но Эрг Ноор ухватил катящегося Эона, нава-

лился животом и уцепился руками в когтистых перчатках за край большого камня.

Низа открыла люк своей башенки, и двое по очереди протиснулись в него. Здесь было тепло и тихо, башенка стояла прочно, надежно укрепленная.

Рыжекудрая девушка-астронавигатор и хмурилась и радовалась приходу товарищей. Низа честно призналась, что провести сутки наедине с бурей на чужой планете было бы неприятно.

Эрг Ноор сообщил на «Тантру» о благополучном переходе, и прожектор корабля погас. Теперь в первобытном мраке светился только слабенький огонек внутри башенки. Почва дрожала от порывов бури, ударов молний и шестивия грозных смерчей. Низа сидела на вращающемся стуле, опершись спиной на реостат. Начальник и биолог уселись у ее ног на кольцевидный выступ основания башенки. Толстые в своих скафандрах, они занимали почти все место.

— Предлагаю поспать, — негромко зазвучал в телефонах голос Эрга Ноора. — До черного рассвета еще верных двенадцать часов, только тогда ураган стихнет и станет тепло.

Его товарищи охотно согласились. Придавленные тройной тяжестью, скорчившиеся в скафандрах, стиснутых жесткими каркасами, в теплой башенке, сотрясаемой бурей, люди спали — так велики приспособляемость человеческого организма и скрытые в нем силы сопротивления.

Время от времени Низа просыпалась, передавала дежурному на «Тантре» успокоительные сведения и дремала снова. Ураган заметно ослабел, содрогания почвы прекратились. Теперь могло появиться «ничто», или, вернее, «нечто». Наблюдатели башенки приняли ПВ — пилюли внимания, чтобы взбодрить угнетенную нервную систему.

— Мне не дает покоя чужой звездолет, — призналась Низа. — Мне так хочется узнать, кто «они», откуда, как попали сюда...

— И мне тоже, — ответил Эрг Ноор. — Давно уже по Великому Кольцу передавались рассказы о железных звездах и их планетах-ловушках. Там,

в более населенных частях Галактики, где корабли летали уже давно и часто, есть планеты погибших звездолетов. Много старинных кораблей прилипало к этим планетам, много потрясающих историй рассказывается о них — теперь почти преданий, легенд о тяжком завоевании космоса. Может быть, на этой планете есть звездолеты еще более древних времен, хотя в нашей редко населенной области встреча трех кораблей — явление совершенно исключительное. В окрестностях нашего Солнца до сих пор не было известно ни одной железной звезды — мы открыли первую.

— Вы думаете предпринять исследование звездолета-диска? — спросил биолог.

— Обязательно! Как может простить себе ученый упущение такой возможности! Дисковые звездолеты в смежных с нами населенных областях неизвестны. Это какой-то дальний, может быть, странствовавший в Галактике несколько тысячелетий после гибели экипажа или непоправимой порчи. Может быть, многие передачи по Кольцу станут нам понятнее после получения тех материалов, которые мы доставим с этого корабля. Странная форма у него — дисковидная спираль, ребра на его поверхности очень выпуклы. Как только кончим перегрузку «Паруса», займемся чужаком — сейчас пока нельзя оторвать ни одного человека.

— Но мы обследовали «Парус» за несколько часов....

— Я рассматривал диск в стереотелескоп. Он заперт, нигде не видно никакого отверстия. Проникнуть внутрь любого космического корабля, надежно защищенного от сил, много более могучих, чем все земные стихии, очень трудно. Попробуйте пробиться в запертую «Тантру», сквозь ее броню из металла с перестроенной внутренней кристаллической структурой, сквозь верхнее борозонное покрытие — это задача хуже осады крепости. Еще труднее, когда корабль совершенно чужой, с неизвестными принципами устройства. Но мы попытаемся его разгадать.

— А когда мы посмотрим найденное в «Парусе»? — спросила Низа. — Там должны быть потрясающе инте-

ресные наблюдения тех прекрасных миров, о которых шла речь в сообщении.

Телефон донес добродушный смехок начальника:

— Я, мечтавший с детства о Веге, больше всего сгораю от нетерпения. Но для этого у нас будет много времени на пути домой. Прежде всего — вырваться из этого мрака, со дна преисподней, как говорили в старину. Исследователи «Паруса» не делали посадки, иначе мы нашли бы множество вещей с тех планет в коллекционных кладовых корабля. Вспомните, мы обнаружили, несмотря на тщательный осмотр, только фильмы, измерения и записи съемок, пробы воздуха и баллоны с взрывной пылью...

Эрг Ноор умолк и прислушался. Даже чуткие микрофоны не доносили ветрового шума — буря стихла. Снаружи сквозь почву слышался скрежещущий шорох передававшийся стенкам башенки.

Начальник двинул рукой, и понявшая его без слов Низа выключила освещение. Мрак в нагретой инфракрасным излучением башенке казался плотным, как черная жидкость, будто сооружение стояло на дне океана. Сквозь прозрачную твердь силикоборового колпака замелькали вспышки коричневых огоньков, отчетливо видимых людьми. Огоньки загорались, на секунду образуя маленькую звездочку с темно-красными или темно-зелеными лучами, гасли и опять появлялись. Звездочки вытягивались цепочками, которые изгибались, свивались в кольца и восьмерки, беззвучно скользили по гладкой, твердой, как алмаз, поверхности колпака. Люди в башенке ощутили странную резь в глазах, острую мгновенную боль вдоль крупных нервов тела, точно короткие лучи коричневых звездочек иглами втыкались в нервные стволы.

— Низа, — прошептал Эрг Ноор, — передвиньте регулятор на полный накал и сразу включите свет.

Башенка осветилась ярким голубым земным светом. Ослепленные им люди не увидели ничего — вернее, почти ничего. Низа и Эон успели заметить, или это только показалось, что мрак с правой стороны башенки не сразу исчез, а на мгновение остался каким-то растопыренным, усаженным щупальцами сгустком.

Это «нечто» молниеносно вобрало в себя щупальца и отпрыгнуло назад вместе со стеной тьмы, отброшенной светом. Эрг Ноор ничего не увидел, но не имел оснований не доверять быстрой реакции своих молодых товарищей.

— Может быть, это призраки? — предположила Низа. — Призрачные сгустки тьмы вокруг зарядов какой-то энергии, вроде, например, наших шаровых молний, а вовсе не формы жизни? Если здесь все черное, то и здешние молнии тоже черные.

— Ваша догадка поэтична, — возразил Эрг Ноор, — только она вряд ли верна. Прежде всего «нечто» явно нападало, помогаясь нашей живой плоти. Оно или его собратья уничтожили людей с «Паруса». Если оно организовано и устойчиво, если может двигаться в нужном направлении, накапливать и выделять какую-то энергию, — тогда, конечно, ни о каком воздушном призраке речи быть не может. Это создание живой материи, и оно пытается нас пожрать!

Биолог присоединился к доводам начальника.

— Мне кажется, что здесь, на планете мрака, мрака только для нас, чьи глаза не чувствительны к инфракрасным лучам тепловой части спектра, другие лучи — желтые и голубые — должны очень сильно действовать на это создание. Реакция его так мгновенна, что погибшие товарищи с «Паруса» не могли ничего заметить, освещая место нападения... А когда замечали, то было поздно, и умиравшие уже не могли ничего рассказать...

— Сейчас мы повторим опыт, как ни неприятно приближение этого.

Низа выключила свет, и снова трое наблюдателей сидели в непроглядной темноте, поджидая создания мира тьмы.

— Чем вооружено оно? Почему его приближение чувствуется сквозь колпак и скафандр? — задавал вслух вопросы биолог. — Какой-то особый вид энергии?

— Видов энергии совсем мало, и эта, несомненно, электромагнитная. Но самых различных модификаций ее, бесспорно, существует множество. У этого существа есть оружие, действующее на нашу нервную си-

стему. Можно представить себе, каково прикосновение такого щупальца к незащищенному телу!

Эрг Ноор поежился, а Низа Крит внутренние содрогнулась, заметив цепочки коричневых огоньков, быстро приближавшиеся с трех сторон.

— Существо это не одно! — тихо воскликнул Эон. — Пожалуй, не следует допускать их прикасаться к колпаку.

— Вы правы. Пусть каждый из нас повернется затылком к свету и смотрит только в свою сторону. Низа, включайте!

На этот раз каждый из исследователей успел заметить отдельную подробность, из которых составилось общее представление о существах, похожих на гигантских плоских медуз, плывших на небольшой высоте над почвой, колыхая внизу густой бахромой. Несколько щупалец были короткими по сравнению с размерами существа и достигали в длину не более метра. В острых углах ромбического тела извивались по два щупальца значительно большей длины. У основания щупалец биолог заметил огромные пузыри, чуть светившиеся изнутри и как бы рассылавшие по толще щупальца звездчатые вспышки.

— Наблюдатели, почему вы включаете и выключаете свет? — вдруг возник в шлемах чистый голос Ингрид. — Нужна помощь? Буря кончилась, и мы приступаем к работе. Сейчас придем к вам.

— Ни в коем случае! — строго приказал начальник. — Это очень опасно. Вызовите всех!

Эрг Ноор рассказал о страшных медузах. Посоветовавшись, путешественники решили выдвинуть на тележке часть планетарного двигателя. Огненные струи по триста метров длины понеслись над каменистой равниной, сметая все видимое и невидимое на своем пути. Не прошло и получаса, как люди смогли приступить к починке оборванных кабелей. Защита была восстановлена. Стало очевидно, что анамезон должен быть погружен до наступления планетной ночи. Ценой невероятных усилий это удалось сделать, и изможденные путешественники, плотно закрыв люки, укрылись за несокрушимой броней звездолета, спокойно прислу-

шиваясь к его содроганиям. Микрофоны доносили снаружи рев и грохотание урагана, и от этого маленький, ярко освещенный мирок, недоступный силам тьмы, делался еще уютнее.

Ингрид и Лума раздвинули стереозэкран. Фильм был выбран удачно. Голубая вода Индийского океана занлескалась у ног сидящих в библиотеке. Шли игры Посейдона — мировые соревнования по всем видам водного спорта. В эпоху Кольца все люди дружили с морем так близко, как это могли только народы приморских стран в прошлом. Прыжки, плавание, ныряние на моторных досках, на ветровых плотиках. Тысячи прекрасных юных тел, покрытых загаром. Звонкие песни, смех, торжественная музыка финалов...

Низа склонилась к сидевшему рядом биологу, глубоко задумавшемуся и унесшемуся душой в бесконечную даль, к ласковой родной планете с ее покоренной природой.

— Вы участвовали в таких соревнованиях, Эон?

Биолог взглянул на нее непонимающими глазами.

— А, в этих? Нет, ни разу. Я задумался и сразу не понял.

— Разве вы думали не об этом? — девушка показала на экран. — Правда, необыкновенно свежее восприятие красоты нашего мира после мрака, бури, после электрических черных медуз?

— Да, конечно. И от этого еще больше хочется добыть такую медузу. Я как раз ломал голову над этой задачей.

Низа Крит отвернулась от смеющегося биолога и встретила улыбку Эрга Поора.

— Вы тоже размышляли, как изловить этот черный ужас? — насмешливо спросила она.

— Нет, но думал об исследовании диска-звездолета.

Лукавые огоньки в глазах начальника почти рассердили Низу.

— Теперь мне понятно, почему в древности мужчины занимались войной! Я думала, что это только хвастовство представителей вашего пола... считавшегося сильным в неустроенном обществе.

— Вы не совсем правы, хотя отчасти поняли нашу древнюю психологию. Но у меня так — чем прекраснее и любимее моя планета, тем больше хочется послужить ей. Сажать сады, добывать металлы, энергию, пищу, создавать музыку — так, чтобы я прошел и оставил после себя реальный кусочек сделанного моими руками, головой. Я знаю только космос, искусство звездоплавания и этим могу служить моему человечеству. Но ведь цель — не самый полет, а добыча нового знания, открывание новых миров, из которых когда-нибудь мы сделаем такие же прекрасные планеты, как наша Земля. А вы, Низа, чему вы служите? Почему и вас так влечет тайна звездолета-диска? Только ли одно любопытство?..

Девушка порывистым усилием преодолела тяжесть усталых рук и протянула их начальнику. Тот взял их в свои большие ладони и нежно погладил. Щеки Низы заалели, усталое тело наполнилось новой силой. Как тогда, перед опаснейшей посадкой, она прижалась щекой к руке Эрга Ноора, простив заодно и биологу его кажущуюся измену Земле. Чтобы окончательно доказать свое согласие с обоими, Низа предложила только что пришедшую ей в голову идею. Снабдить один из водяных баков самозахлопывающейся крышкой. Положить туда в виде приманки кусок законсервированного свежим мяса, которое, как исключительное лакомство, составляло небольшую добавку к концентрированной нище астролетчиков. Если черное «нечто» проникнет туда и крышка захлопнется, то через заранее подготовленные краны надо продуть баллон инертным земным газом и заварить наглухо края крышки.

Эон пришел в восторг от изобретательности «рыжеволосой девчонки».

Эрг Ноор, со своей стороны, возился с настройкой человекоподобного робота и подготавливал мощный электрогидравлический резак, с помощью которого он надеялся проникнуть внутрь спиралодиска с далекой звезды.

В уже знакомом мраке стихли бури, мороз сменился теплом — наступил девятисуточный «день». Работы

оставалось на четыре земных дня — погрузка ионных зарядов, некоторых запасов и ценных инструментов. Кроме того, Эрг Ноор считал необходимым взять некоторые личные вещи погибшего экипажа, чтобы после тщательной дезинфекции доставить их на Землю как память родственникам. В эпоху Кольца люди не обременяли себя вещами — переноска их на «Тантру» не составила затруднения.

На пятый день выключили ток, и биолог вместе с двумя добровольцами — Кэй Бэрм и Ингрид — заперся в наблюдательной башенке у «Паруса». Черные существа появились почти немедленно. Биолог приспособил инфракрасный экран и мог следить за убийственными медузами. Вот к баку-ловушке подобралась одна из них; сложив щупальца и свернувшись в округлый ком, она стала пробираться внутрь. Внезапно еще один черный ромб появился у раскрытого устья бака. Первое чудовище растопырило щупальца — вспышки звездчатых огоньков замелькали с неуловимой быстротой, превращаясь в полосы вибрирующего темно-красного света, которые на экране невидимых лучей засверкали зелеными молниями. Первое отодвинулось; тогда второе мгновенно свернулось в ком и упало на дно бака. Биолог протянул руку к кнопке, но Кэй Бэр задержал ее. Первое чудовище тоже свернулось и последовало за вторым. Теперь в баке находились две страшные медузы. Оставалось лишь удивляться, как они могли до такой степени уменьшить свой видимый объем. Нажим кнопки — крышка захлопнулась, и тотчас пять или шесть черных чудовищ облепили со всех сторон огромную, облицованную цирконием посуду. Биолог дал свет, сообщил на «Тантру» просьбу включить защиту. Черные призраки растаяли по своему обыкновению мгновенно, но двое остались в плену под герметической крышкой бака.

Биолог подобрался к баку, притронулся к крышке — и получил такой пронзительный нервный укол, что не сдержался и закричал от неистовой боли. Левая рука его повисла, парализованная.

Механик Тарон надел защитный высокотемпературный скафандр. Лишь тогда удалось продуть бак

чистым земным азотом и заварить крышку. Краны также запаляли, окружили бак куском запасной корабельной изоляции и водворили в коллекционную камеру. Победа была одержана дорогой ценой — паралич руки биолога не проходил, несмотря на усилия врача. Эон Тал сильно страдал, но и не подумал отказаться от похода к спиралодиску. Эрг Ноор, отдавая дань его ненасытному стремлению к исследованиям, не смог оставить его на «Тантре».

Спиралодиск — гость из дальних миров — оказался дальше от «Паруса», чем это показалось путешественникам вначале. В расплывшемся вдаль свете прожекторов они неверно оценили размеры корабля. Это было поистине колоссальное сооружение, не меньше трехсот пятидесяти метров в поперечнике. Пришлось снять кабели с «Паруса», чтобы дотянуть защитную систему до диска. Тайнственный звездолет навис над людьми отвесной стеной, уходившей далеко вверх и терявшейся в пятнистой тьме неба. Угольно-черные тучи клубились, скрывая верхний край исполинского диска. Малахитово-зеленая масса покрывала корпус. Ее сильно растрескавшийся слой был около метра толщины. В зиянии трещин из-под него выглядывал ярко-голубой металл, просвечивавший синим в местах, где стерся малахитовый слой. Обращенная к «Парусу» сторона диска была снабжена спирально свернутым валообразным возвышением, пятнадцати метров в поперечнике и около десяти метров в высоту. Другая сторона звездолета, тонувшая в кремешной тьме, казалась более выпуклой, представляя собой как бы срез пара; присоединенный к диску двадцатиметровой толщины. По этой стороне тоже изгибался спиралью высокий вал, словно на поверхность выступала наружная сторона погруженной в корпус корабля спиральной трубы.

Колоссальный диск глубоко утонул своим краем в почве. У подошвы отвесной металлической стены люди увидели сплавленный камень, растекшийся в стороны, как густая смола.

Много часов затратили исследователи в поисках какого-нибудь входа или люка. Но он был либо скрыт

под малахитовой краской или окалиной, либо вообще запирался так искусно, что люки не оставляли следов на поверхности корабля. Не нашли ни отверстий оптических приборов, ни кранов продувочной системы. Металлическая скала казалась сплошной. Предвидевший это: Эрг Ноор решил вскрыть корпус корабля с помощью электрогидравлического резака, одолевавшего самые твердые и вязкие покрытия земных звездолетов. После короткого совещания все согласились взрезать верхушку спирального вала. Именно там должна была проходить какая-то пустота, труба или кольцевой ход по кораблю, сквозь который можно было рассчитывать добраться до внутренних помещений звездолета без риска упереться в ряд последовательных переборок.

Серьезное изучение спиралодиска могло быть выполнено только специальной экспедицией. Для посылки ее на эту опасную планету следовало доказать, что внутри гостя далеких миров сохранились в неприкосновенности приборы и материалы, что уцелел весь обиход тех, кто вел корабль через такие бездны пространства, перед которыми пути земных звездолетов были лишь первой робкой вылазкой в просторы космоса.

Спиральный вал на другой стороне диска подходил вплотную к почве. Туда подтащили прожектор и высоковольтные провода. Синеватый свет, отраженный от диска, тусклым туманом рассеялся по равнине и достиг темных высоких предметов неопределенных очертаний, вероятно скал, прорезанных воротами бездонной темноты. Ни отсвет туманных звездных пятнышек, ни лучи прожектора не давали ощущения почвы в этих воротах мрака. Вероятно, там и был спуск на низменную равнину, замеченную при посадке «Тантры».

Низко и глухо урча, подползла автоматическая тележка, выгрузившая единственного на корабле универсального робота. Нечувствительный к тройной тяжести, он быстро передвинулся к диску и стал у металлической стены, похожий на толстого человека с короткими ногами, длинным туловищем и громадной, угрожающе наклоненной вперед головой.

Повинуясь управлению Эрга Ноора, робот поднял своими четырьмя верхними конечностями тяжелый резак и стал, широко расставив ноги, готовый к исполнению опасного предприятия.

— Управлять роботом будем только Кэй Бэр и я в скафандрах высшей защиты, — распорядился в телефон начальник экспедиции. — Остальные, в легких биологических скафандрах, отойдите подальше...

Начальник запнулся. Что-то прошло сквозь его сознание, вызвало неизъяснимую тоску в сердце, заставило подогнуться колени. Гордая воля человека сникла, заменившись тупой покорностью. Весь в липком поту, Эрг Ноор безвольно шагнул к черным воротам. Крик Низы, отдавшийся в его телефоне, вернул сознание. Он остановился, но темная сила, возникшая в его психике, снова погнала его вперед.

Вместе с начальником, так же медленно, останавливаясь и, видимо, борясь с собой, пошли Кэй Бэр и Эон Тал — те, что стояли у границы светового круга. Там, в воротах мрака, в клубах тумана возникло движение формы, неизъяснимой для человеческого представления и тем более устрашавшей. Это не была уже знакомая медузообразная тварь; в серой полутени двигался черный крест с широкими лопастями и выпуклым эллипсом посередине. На трех концах креста виднелись линзы, отблескивавшие в свете прожектора, с трудом пробивавшего туман влажных испарений. Основание креста утопало во мраке неосвещенного углубления почвы.

Эрг Ноор шел быстрее других, приблизился к непонятному предмету на сотню шагов и упал. Прежде чем оцепеневшие люди смогли сообразить, что дело идет о жизни и смерти начальника, черный крест стал выше круга протянутых проводов. Он склонился вперед, словно стебель растения, явно намереваясь перескнуться через защитное поле и достичь Эрга Ноора.

Низа с исступлением, придавшим ей силу атлета, подскочила к роботу и завертела рукоятками управления на его затылке. Медленно и как бы неуверенно робот стал поднимать резак. Тогда девушка, отчаяв-

шись в своем умении управлять сложной машиной, прыгнула вперед, прикрывая собою начальника. Из трех оконечностей креста вылетели какие-то змеящиеся светлые струи или молнии. Девушка упала на Эрга Ноора, широко раскинув руки. Но, на счастье, робот уже повернул раструб резака со скрытым внутри острием к центру черного креста. Тот конвульсивно изогнулся, как бы падая навзничь, и скрылся в непроглядной темени у скал. Эрг Ноор и оба его товарища сразу пришли в себя, подняли девушку и отступили за край спиралодиска. Опомнившиеся спутники уже катили импровизированную пушку из планетарного двигателя. С неиспытанным ранее чувством жестокой ярости Эрг Ноор направил сокрушительную струю излучения к скалам-воротам, с особой тщательностью подметая равнину и стараясь не пропустить ни одного квадратного метра почвы. Эон Тал стал на колени перед неподвижной Низой, негромко спрашивая в телефон и стараясь разглядеть ее лицо под силикольным шлемом. Девушка лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Признаков дыхания ни услышать в телефон, ни уловить через скафандр биолог не смог.

— Чудовище убило Низу! — горько вскричал Эон Тал, едва увидев подошедшего Эрга Ноора.

Сквозь узкую смотровую полосу шлема высшей защиты нельзя было рассмотреть глаз начальника.

— Немедленно доставьте ее на «Тантру», к Луме, — в голосе Эрга Ноора более чем когда-либо звучали металлические ноты. — Помогите и вы разобраться в характере поражения... Мы останемся вперестером и доведем до конца исследование. Пусть геолог отправится с вами и собирает все возможные горные породы по пути от диска до «Тантры» — мы не можем задерживаться более на этой планете. Здесь надо вести исследование в танках высшей защиты, а мы только погубим экспедицию. Возьмите третью тележку и поспешите!

Эрг Ноор повернулся и, не оглядываясь, направился к звездолету-диску. «Пушку» выставили вперед. Ставший за нее инженер-механик включал реку огня каждые десять минут, обводя весь полукруг вплоть до

края диска. Робот поднес резак к гребню второй внешней петли спирального вала, который здесь, у погруженного в почву края диска, приходился на уровне груди автомата.

Громкое гудение проникло даже сквозь толщу скафандров высшей защиты. По выбранному участку маляхитового слоя зазмеились мелкие трещины. Куски этой твердой массы отлетали, гулко ударяясь о металлическое тело робота. Боковые движения резака отделили целую плиту слоя, обнажив зернистую поверхность ярко-голубого цвета, приятного даже в свете прожектора. Наметив квадрат, достаточный, чтобы пропустить человека в скафандре, Кэй Бэр заставил робота энергичным нажимом провести глубокий разрез в голубом металле, который не пробил всей его толщи. Робот прочертил вторую линию под углом к первой и стал двигать острием резака назад и вперед, увеличивая напряжение. Разрез в металле углубился более чем на метр. Когда механический помощник прочертил третью сторону квадрата, то разрезы стали расходиться, выворачиваясь наружу.

— Осторожно! Все назад! Падайте! — завопил в микрофон Эрг Ноор, выключая робота и отшатнувшись.

Толстенный кусок металла вдруг отвернулся, как стенка консервной банки. Струя псевдообразимо яркого радужного пламени ударила из отверстия по касательной вдоль спирального вздутия. Только это спасло незадачливых исследователей, да еще то, что голубой металл моментально заплavился и вновь закрыл прорезанное отверстие. От могучего робота остался ком сплавленного металла, из которого жалобно торчали короткие металлические ноги. Эрг Ноор и Кэй Бэр уцелели лишь благодаря предусмотрительно надетым скафандрам. Взрыв отбросил их далеко от странного звездолета, разбросал остальных, опрокинул «пушку» и оборвал высоковольтные кабели.

Очнувшись от потрясения, люди поняли, что остались беззащитными. По счастью, они лежали в свете уцелевшего прожектора. Никто не пострадал, но Эрг Ноор решил, что с них довольно. Бросив ненужные

инструменты, кабели и прожектор, исследователи погрузились на неповрежденную тележку и поспешно отступили к своему звездолету.

Удачное стечение обстоятельств при неосторожном вскрытии чужого звездолета вовсе не зависело от предусмотрительности начальника. Вторая попытка сделать это могла окончиться много плачевнее... А Низа, что она?.. Эрг Ноор надеялся, что скафандр должен был ослабить смертоносную силу черного креста. Не убило же биолога прикосновение к черной медузе. Но здесь, вдали от могущественных земных врачебных институтов, смогут ли они справиться с воздействием неведомого оружия?..

В переходной камере Кэй Бэр приблизился к начальнику и показал на заднюю сторону левого наплечника. Эрг Ноор повернулся к зеркалам, которые всегда находились в переходных камерах для обязательного осмотра самих себя возвращавшимися с чужой планеты. Тонкий лист цирконо-титанового наплечника распоролся. Из рваной борозды торчал кусок небесно-голубого металла, вонзившийся в изоляционную прокладку, но не проткнувший внутреннего слоя скафандра. С трудом удалось вырвать осколок металла. Ценой большой опасности и в конце концов случайно образец загадочного металла спиралодискового звездолета теперь будет доставлен на Землю.

Наконец Эрг Ноор, освобожденный от скафандра, смог войти — вернее, проковылять под давящим тяготением страшной планеты — внутрь своего корабля.

Вся экспедиция ожидала его с огромным нетерпением. Катастрофу у диска наблюдали в стереовизофоны, и не было необходимости спрашивать о результатах попытки.

Река времени

В еда Конг и Дар Ветер стояли на круглой маленькой площадке винтолета, медленно плывшей над бесконечными степями. Легкий ветерок разводил широкие волны по цветущим густым травам. Вдали налево виднелось стадо скота.

Невысокие холмы, тихие реки с широкими долинами — простором и покоем веяло от этого устойчивого и плоского участка земной коры, некогда называвшегося Западно-Сибирской низменностью.

Дар Ветер задумчиво смотрел на землю, когда-то покрытую бесконечными унылыми болотами и редкими чахлыми лесами сибирского севера. Он мысленно видел картину древнего мастера, еще в детстве производшую на него неизгладимое впечатление.

Над излучиной огромной реки, образовавшей высокий мыс, стояла серая от старости деревянная церковь, сиротливо обращенная к простору заречных полей и лугов. Тонкий крест на куполе чернел под рядами низких тяжелых туч. На маленьком кладбище позади церкви кучка берез и ив склоняла под ветром свои растрепанные вершины. Низко опущенные ветви почти касались полуистлевших кре-

стов, поваленных временем и бурями, среди свежей мокрой травы. За рекой громоздились исполинскими серо-фиолетовыми глыбами облака, ощутимо плотные. Широкая река отсвечивала безжалостным железным блеском. Тот же холодный блеск лежал повсюду. Дали и ближний план были мокры от назойливого осеннего дождя холодных и неуютных северных широт. И вся гамма синевато-серо-зеленых красок картины говорила о просторах неурожайной земли, где человеку жить трудно, холодно и голодно, где так чувствуется его одиночество, характерное в давние времена людского неразумия.

Окном в очень далекое прошлое казалась Дар Ветру эта картина в музее в глубине прозрачной защитной брони, обновленная и подсвеченная невидимыми лучами.

Дар Ветер безмолвно оглянулся на Веду. Молодая женщина положила руку на поручень борта платформы. Склонив голову, она сосредоточенно думала, следя за клонящимися по ветру стеблями высоких трав. Ковыль серебрился широкими медленными разливами, неторопливо плыла над стенью круглая площадка винтолета. Маленькие знойные вихри внезапно налетали на путешественников, развеивали волосы и платье Веды, с озорством дули жаром в глаза Дар Ветру. Но автоматический выравниватель работал быстрее мысли, и летящая площадка только вздрагивала или едва заметно покачивалась.

Дар Ветер нагнулся над рамкой курсографа. Полоска карты двигалась быстро, отражая их собственное передвижение, — пожалуй, они забрались слишком далеко на север. Они давно пересекли шестидесятую параллель, прошли над слиянием Иртыша с Обью и приблизились к возвышенностям, называвшимся Сибирскими увалами.

Вот уже четыре месяца работали они на раскопках древних курганов в знойных степях алтайских предгорий. Исследователи прошлого как будто погрузились в те времена, когда лишь редкие отряды вооруженных всадников пересекали южные степи.

Веда повернулась и молча показала вперед. Там,

в струях нагретого воздуха, плавал темный островок, казалось, оторванный от почвы. Спустя несколько минут винтолет приблизился к небольшому холму — вероятно, отвалу когда-то бывшего здесь рудника. Ничего не осталось от строений шахт — только бутор, густо поросший вишенником.

Круглая летящая площадка вдруг резко накренилась. Дар Ветер подхватил Веду за талию и кинулся к поднявшемуся краю платформы. Винтолет выровнялся на долю секунды только для того, чтобы плашмя рухнуть к подножию холма. Сработали амортизаторы, и обратный толчок швырнул Веду и Дар Ветра на склон холма, прямо в чащу жестких кустарников. После минутного молчания по степному безмолвию разнесся низкий грудной смех Веды. Дар Ветер представил себе собственную изумленную и поцарапанную физиономию и принялся вторить Веде в безотчетной радости, что она невредима и что авария обошлась благополучно.

— Недаром винтолетам запрещается лететь выше восьми метров, — слегка задыхаясь, произнесла Веда Конг. — Теперь я понимаю...

— При порче машина сразу валится, и одна надежда на амортизаторы. Ничего не поделаешь, закономерная расплата за легкость и малые размеры. Пожалуй что, нас ожидает еще одна расплата за все благополучные полеты, — с чуть наигранным равнодушием сказал Дар Ветер.

— А именно? — посерьезнела Веда.

— Безупречная работа приборов устойчивости подразумевает большую сложность механизмов. Боюсь, для того чтобы в них разобраться, мне потребуется много времени. Придется выбираться по способу наиболее близких предков...

Веда протянула руку, и Дар Ветер легко поднял молодую женщину. Они спустились к упавшему винтолету, смазали царапины заживляющим раствором, заклеили разорванное платье.

Дар Ветер принялся изучать причины аварии. Как он и догадывался, что-то произошло с автоматическим выравнивателем, блокирующее приспособление которо-

го выключило двигатель. Едва Дар Ветер открыл коробку прибора, как ему стало ясно, что с ремонтом ничего не получится — слишком долго придется вникать в суть сложнейшей электроники. С легким вздохом досады он выпрямил уставшую спину и покосился на куст, под которым доверчиво прикорнула Веда Конг. Жаркая степь насколько хватает глаз была совершенно безлюдна. Две большие хищные птицы медленно кружили над колеблющимся голубоватым маревом...

Послушная машина стала мертвым диском, беспомощно улегшимся на сухой земле. Странное чувство одиночества и оторванности от всего мира подступило к Дар Ветру.

И в то же время он ничего не боялся. Пусть наступит ночь, тогда видимость станет более дальней; они обязательно увидят какие-нибудь огни и пойдут к ним. Они полетели налегке, не захватив ни радиотелефона, ни фонарей, ни еды.

«Когда-то в степи можно было погибнуть от голода, если не возить с собой большие запасы пищи... И воды!» — думал бывший заведующий внешними станциями, прикрывая глаза от яркого света. Он наметил кусочек тени от куста вишни рядом с Ведой и растянулся на земле, покалывавшей тело сквозь легкую одежду сухими стебельками трав. Тихий шелест ветра и зной погружали душу в забытие: медленно текли мысли; неспешно сменяя одна другую, проходили в памяти картины давно прошедших времен — длинной чередой шли древние народы, племена, отдельные люди... Будто текла оттуда, из прошлого, огромная река меняющихся с каждой секундой событий, лиц и одежд.

— Ветер! — услышал он сквозь дрему, очнувшись и сел.

Солнце красным шаром уже касалось потемневшей линии горизонта, ни малейшего дуновения не чувствовалось в замершем воздухе.

— Господин мой, Ветер, — шаловливо склонилась перед ним Веда, подражая древним женщинам Азии, — не угодно ли проснуться и вспомнить обо мне?

Проделав несколько гимнастических упражнений, Дар Ветер окончательно стряхнул с себя сон. Веда со-

гласилась с его планами дожидаться ночи. Темнота застала их в оживленном обсуждении прошедшей работы. Внезапно Дар Ветер заметил, что Веда вздрагивает. Ее руки стали холодными, и он сообразил, что легкое платье Веды вовсе не защищает ее от ночной прохлады этих северных мест.

Летняя ночь шестидесятой параллели была светлой, и им удалось собрать большую кучу хвороста.

Громко щелкнул электрический разряд, извлеченный Дар Ветром из могучего аккумулятора винтолета, и скоро яркое пламя костра сгустило темноту вокруг, согревая людей своим животворным теплом.

Оба поддались почти гипнотической задумчивости. Где-то глубоко в душе человека за ту сотню тысяч лет, когда огонь был его главным прибежищем и спасением, осталось неистребимое чувство уюта и покоя, порождаемое огнем в часы, когда холод и темнота окружали человека...

— Что гнетет вас, Веда? — нарушил молчание Дар Ветер.

— Я вспомнила ту, с платком... — тихо ответила Веда, не сводя глаз с рассыпающихся золотом углей.

Дар Ветер сразу понял. Накануне своего полета они закончили в приалтайских степях вскрытие большого кургана скифов. Внутри сохранившегося деревянного сруба находился скелет старика вождя, окруженный костяками лошадей и рабов, прикрытых краем курганной насыпи. Старый вождь лежал с мечом, щитом и панцирем, а в его ногах оказался скорченный скелет совсем юной женщины. К костным чертам ее черепа прилегал шелковый платок, когда-то туго обмотанный вокруг лица. Сохранить платок не удалось, несмотря на все ухищрения, но за несколько минут, пока он не рассыпался в тонкую пыль, удалось точно воспроизвести очертания прекрасного лица, отпечатавшегося на ткани тысячи лет тому назад. Платок передавал еще одну страшную подробность — отпечаток вылезших из орбит глаз женщины, несомненно задушенной этим платком и брошенной в могилу своего мужа, чтобы сопровождать его в неведомых путях загробного мира. Ей было не больше девятнадцати,

ему — не меньше семидесяти лет, преклонный для тех времен возраст.

Дар Ветер вспомнил дискуссию, разгоревшуюся по поводу находки среди молодых сотрудников экспедиции Веды. По доброй воле или насильно пошла женщина за своим мужем? Зачем? Во имя чего? Если из-за большой, преданной любви, то как же можно было убивать ее, а не сберечь как лучшую память о себе в покинутом мире живых?

Тогда заговорила Веда Конг. Она долго вглядывалась в темный бутор кургана загоревшимися глазами, стараясь проникнуть умственным взором в толщу прошедших времен.

— Старайтесь понять тех людей. Просторы древних степей были действительно беспредельными для единственных средств сообщения того времени — лошадей, верблюдов, быков. И на гигантском просторе обитали отдельные группы кочевников-скотоводов, не только ничем не связанные между собой, но состоявшие в неугасимой вражде. Множество обид и злобы копилось из поколения в поколение; каждый пришелец был врагом, каждое племя — добычей, обещавшей скот и рабов, то есть людей, работавших по принуждению, как скот, под кнутом. Такое устройство общества порождало, с одной стороны, большую, совсем неизвестную нам свободу отдельного человека в мелких его страстях и желаниях, и, с другой стороны, невероятную замкнутость в общении людей между собой и узость помыслов. Если народность или племя состояло из небольшого числа людей, способных прокормиться охотой и сбором плодов, то эти свободные кочевники жили в постоянном страхе нападения и порабощения или истребления со стороны воинственных соседей. Но при изоляции страны и многочисленности населения, могущего создать большую военную силу, люди также платились за безопасность от военных набегов своей свободой, так как в таких сильных государствах всегда развивались деспотия и тирания. Так было в древнем Египте, Ассирии и Вавилонии.

Женщины, особенно красивые, в древности являлись добычей и игрушкой сильного.

Собственные стремления и воля женщины значили так мало, нестерпимо мало, что перед лицом той жизни... кто знает... Может быть, смерть казалась более легкой участью...

Веда медленно ворошила горящие ветки, следя за перебегавшими по углям язычками синеватого пламени.

— Сколько терпеливого мужества надо было в те времена, чтобы оставаться самой собой, не опускаться, а возвышаться в жизни!.. — тихо промолвила Веда Конг.

— Мне кажется, — возразил Дар Ветер, — что мы преувеличиваем тяжесть древней жизни. Мало того, что она была привычной, ее неустроенность влекла за собой разнообразие случайностей. Воля и сила человека высекали и из этой жизни вспышки романтических радостей, как искры из серого камня.

— Я тоже становлюсь в тупик, — сказала Веда, — как долго не могли наши предки понять простого закона, что судьба общества зависит только от них самих, что общество таково, каково морально-идейное развитие его членов, зависящее от экономики.

— Что совершенная форма научного построения общества — это не просто количественное накопление производительных сил, а качественная ступень — это ведь так просто, — ответил Дар Ветер. — И еще понимание диалектической взаимозависимости, что новые общественные отношения без новых людей совершенно так же немислимы, как новые люди без этой новой экономики. Тогда это понимание привело к тому, что главной задачей общества стало воспитание, физическое и духовное развитие человека. Когда это, наконец, пришло?

— В ЭРМ, в конце века Расщепления, вскоре после ВВР — Второй Великой Революции.

— Хорошо, что не позже! Истребительная техника войны...

Дар Ветер умолк и повернулся к темной прогалине слева, между костром и склоном холма. Тяжелый топот и мощное отрывистое дыхание слышались со-

всем близко и заставили вскочить обоих путешественников.

Громадный черный бык вырос перед костром. Пламя мерцало кровавыми отблесками в его злобно выкаченных глазах. Сопя и разбрасывая копытами сухую землю, чудовище готовилось к нападению. В слабом свете бык казался невероятно огромным, опущенная голова походила на гранитный валун, горой громоздилась высокая холка, облепленная буграми мускулов. Никогда еще ни Веде, ни Дар Ветру не приходилось стоять близко к смертоносной и злобной силе животного, чей нерассуждающий мозг был недоступен разумному воздействию.

Веда крепко стиснула руки на груди и стояла не шелохнувшись, будто загнипотизированная видением, внезапно выросшим из тьмы. Дар Ветер, повинуясь могучему инстинкту, стал перед быком, заслонив собой Веду, как тысячи тысяч раз делали его предки. Но руки человека новой эры были безоружны.

— Веда, прыжок направо... — едва успел произнести он, как животное ринулось на них.

Хорошо натренированные тела обоих путешественников могли поспорить в быстроте с первобытным проворством быка. Великан пронесся мимо и с треском врезался в гущу кустарника, а Веда и Дар Ветер оказались в темноте в нескольких шагах от винтолета. В стороне от костра ночь оказалась вовсе не такой темной, и платье Веде, несомненно, было видно издалека. Бык выбрался из кустарника. Дар Ветер ловко подбросил свою спутницу, и она оказалась на площадке винтолета. Пока животное поворачивалось, Дар Ветер оказался на машине рядом с Ведой. Они обменялись мимолетными взглядами, и в глазах своей спутницы он не прочитал ничего, кроме откровенного восторга. Крышка двигателя была снята еще днем, когда Дар Ветер пытался проникнуть в премудрое устройство. Теперь, собрав всю свою огромную силу, он оторвал от бортового ограждения площадки кабель уравнительного поля, сунул его оголенный конец под пружину главной клеммы трансформатора и предостерегающе отодвинул Веду. В это время бык зацепил

рогом за перила, и винтолет покачнулся от могучего рывка. Дар Ветер ткнул концом кабеля в нос животному. Желтая молния, глухой удар — и свирепый скот рухнул тяжелой грудой.

— Вы убили его! — с негодованием воскликнула Веда.

— Не думаю, земля сухая! — довольно улыбнулся Дар Ветер.

И в подтверждение его слов бык слабо замычал, поднялся и, не оглядываясь, побежал прочь неуверенной рысью, словно чувствуя свой позор. Путешественники вернулись к костру. Новая порция хвороста оживила потухшее пламя.

— Мне больше не холодно, — сказала Веда. — Поднимемся на холм.

Вершина бугра скрыла костер, бледные звезды северного лета расплывались у горизонта туманными шариками.

С запада не было ничего видно, на севере, на склонах холмов, едва заметные, мерцали ряды каких-то огней; с юга, тоже очень далеко, горела яркая звезда наблюдательной башни скотоводов.

— Неудачно, придется идти всю ночь... — пробормотал Дар Ветер.

— Нет, нет, смотрите! — и Веда показала на восток, где внезапно вспыхнули четыре огня, расположенные квадратом. До них было не больше нескольких километров. Заметив направление по звездам, они спустились к костру. Веда Конг задержалась перед тусклым пламенем углей, как будто стараясь вспомнить что-то.

— Прощай, наш дом... — задумчиво сказала она. — Наверное, у кочевников всегда были такие жилища — непрочные и недолгие. И я сегодня стала женщиной той эпохи.

Она повернулась к Дар Ветру и доверчиво положила руку ему на шею.

— Я так остро почувствовала необходимость защиты!.. Я не боялась, нет! Но какая-то заманчивая покорность силе судьбы, так кажется...

Веда заложила руки за голову и потянулась перед огнем. Секунду спустя ее затуманившиеся глаза вновь обрели свой задорный блеск.

— Что ж, ведите... герой!

Светлая ночь, напоенная запахами трав, жила шорохами зверьков, выкриками ночных птиц. Веда и Дар Ветер осторожно ступали, опасаясь провалиться в невидимую нору или трещину сухой земли. Метельчатые стебли ковыля скользили по щиколоткам. Дар Ветер сосредоточенно осматривался, едва только на степи показывались темные груды кустов.

Веда тихопопко рассмеялась.

— Может быть, следовало взять аккумулятор и кабель?

— Вы легкомысленны, Веда, — добродушно возражал Дар Ветер, — более, чем я ожидал!

Молодая женщина вдруг стала серьезной.

— Я слишком сильно почувствовала вашу защиту...

И Веда начала говорить — вернее, думать вслух — о дальнейшей деятельности своей экспедиции. Первый этап работ на степных курганах окончился, ее сотрудники возвращались к прежним или устремлялись к новым занятиям. Но Дар Ветер был свободен, не выбрав себе другого дела, и мог следовать за любимой. Судя по доходившим до них сообщениям, работа Мвена Маса шла хорошо. Даже если бы она шла плохо, Совет не назначил бы Дар Ветра так скоро вновь на то же место. В эпоху Великого Кольца считалось вредным держать людей подолгу на одной и той же работе. Притуплялось самое драгоценное — творческое вдохновение, и только после большого перерыва можно было вернуться к старому занятию.

— После шести лет общения с космосом не показалась ли мелкой и монотонной наша работа? — Ясный и внимательный взгляд Веда искал его взгляда.

— Работа вовсе не мелка и не однообразна, — возразил Дар Ветер, — но она не дает мне того напряжения, к которому я привык. Я становлюсь благодушным и слишком спокойным, будто меня лечат голубыми снами!

— Голубыми?.. — переспросила Веда и неожиданно остановилась. И это открыло Дар Ветру очень много. — Я буду продолжать исследования дальше к югу, — перебила она сама себя, — но не раньше, чем соберется новая группа добровольцев-раскопщиков. До того поеду на морские раскопки, меня давно звали товарищи помочь.

Дар Ветер понял, и сердце радостно стукнуло. Но в следующую секунду он запрятал чувства в дальний уголок души и поспешил на помощь Веде, спокойно спросив:

— Вы имеете в виду раскопки подводного города к югу от Сицилии? Я видел замечательные вещи оттуда во Дворце Атлантиды.

— Нет, теперь мы ведем работы на побережьях восточного Средиземноморья, Красного моря и у берегов Индии. Поиски сохранившихся под водой сокровищ культуры, начиная с Крито-Индии и кончая наступлением Темных веков.

— То, что пряталось, а чаще и просто бросалось в море при крушении островков цивилизации, под напором новых сил, варварски свежих, невежественных и беспечных, — это я понимаю, — задумчиво говорил Дар Ветер, продолжая следить за белесоватой равниной. — Понимаю и великое разрушение древней культуры, когда античные государства, сильные своей связью с природой, не смогли ничего изменить в мире, справиться с все более отвратительным рабством и паразитирующей верхушкой общества.

— И люди сменили античное рабство на феодализм и религиозную ночь средневековья, — подхватила Веда. — Но что же осталось вам непонятным?

— Просто я плохо представляю крито-индийскую культуру.

— Вы не знаете новых исследований. Ее следы теперь находятся на огромном пространстве от Америки через Крит, юг Средней Азии и Северную Индию и Западный Китай.

— Я не подозревал, что в столь древние времена уже могли быть тайники для сокровищ искусства, как у Карфагена, Греции или Рима.

— Поедете со мной, увидите, — тихо сказала Веда.

Дар Ветер молча шел рядом. Начался пологий подъем. Они дошли до гребня увала, когда Дар Ветер внезапно остановился.

— Благодарю за приглашение, я поеду...

Веда недоверчиво посмотрела на него, но в сумерках северной ночи глаза ее спутника были темны и непроницаемы.

За перевалом огни оказались совсем близкими. Светильники в поляризующих колпаках не рассеивали лучей и от этого казались дальше, чем на самом деле. Сосредоточенное освещение служило признаком ночной работы. Гул напряженного тока становился сильнее. Контуры ажурных балок серебристо блестели под высокими голубыми лампами. Предостерегающий вой заставил их остановиться — сработал заградительный робот.

— Опасно, идите налево, не приближаясь к линии столбов! — проревел невидимый усилитель.

Они послушно повернули к группе передвижных белых домиков.

— Не смотрите в сторону поля! — продолжал автомат свою заботу.

Двери в двух домиках открылись одновременно, два снопа света, скрестившись, легли на темную дорогу. Группа мужчин и женщин радушно приветствовала путников, удивляясь столь несовершенному способу передвижения, к тому же ночью.

Веду, а потом Дар Ветра проводили в тесную кабину с перекрещивающимися струями насыщенной газом и электричеством ароматной воды, с веселой игрой точечных электроразрядов на коже.

Освеженные путешественники встретились за столом.

— Ветер, милый, мы попали к собратьям по работе!

Веда налила золотистого питья в узкие бокалы, сразу залетевшие от холода.

— «Десять тонусов» тут! — весело потянулся он к своему бокалу.

— Победитель быка, вы дичаете в степи, — запротестовала Веда. — Я сообщаю интересные новости, а вы думаете только о пище!

— Здесь раскопки? — усомнился Дар Ветер.

— Только не археологические, а палеонтологические. Изучают ископаемых животных пермской эпохи — двести миллионов лет тому назад.

— Сразу изучают, не выкопав? Как же так?

— Да, сразу. Но как это делается, еще не узнала.

Один из сидевших за столом, тощий желтолицый человек, вмешался в разговор:

— Сейчас наша группа сменяет другую. Только что закончили подготовку и приступаем к просвечиванию.

— Жесткими излучениями? — догадался Дар Ветер.

— Если вы не очень устали, советую посмотреть. Завтра мы будем перемещать площадку дальше, а это не представляет интереса.

Веда и Дар Ветер обрадованно согласились. Гостеприимные хозяева поднялись из-за стола, повели их к соседнему дому. Там, в нишах, с циферблатом индикатора над каждой, висели защитные костюмы.

— Ионизация от наших мощных трубок очень велика, — с оттенком извилиения сказала высокая, чуть сутулая женщина, помогая Веде облачиться в плотную ткань, прозрачный шлем и закрепляя на ее спине сумки с батареями.

В поляризованном свете каждый холмик на бугристой степной почве выделялся неестественно четко. За контуром обнесенного тонкими рейками квадратного поля послышался глухой стон. Земля вспучилась, растрескалась и осыпалась воронкой, в центре которой возник остроносый сверкающий цилиндр. Спиральный гребень обвивал его полированные стенки, на переднем конце вращалась сложная электрофреза из синеватого металла. Цилиндр перевалился через край воронки, повернулся, показав быстро мелькающие позади лопатки, и начал вновь зарываться в нескольких метрах в стороне от воронки, уткнув свой полированный нос почти отвесно в землю.

Дар Ветер заметил, что за цилиндром тянется двойной кабель — один изолированный, другой блестящий голым металлом. Веда тронула его за рукав и показала вперед, за ограду магниевых рек. Там выбрался из-под земли второй такой же цилиндр, одинаковым движением перевалился налево и снова исчез, нырнув в землю, как в воду.

Желтолицый человек сделал знак поторопиться.

— Я узнала его, — прошептала Веда, догоняя ушедшую вперед группу. — Это Ляо Лан, палеонтолог, раскрывший загадку заселения Азиатского материка в палеозойской эре.

— Он китаец по происхождению? — спросил Дар Ветер, вспомнив темный взгляд слегка раскосых узких глаз ученого. — Стыдно сознаться, но я не знаю его работ.

— Я вижу, вы мало знакомы с палеонтологией, — заметила Веда. — Пожалуй, палеонтология иных звездных миров вам лучше известна.

Перед мысленным взором Дар Ветра промелькнули бесчисленные формы жизни: миллионы странных скелетов в толщах горных пород на разных планетах — память прошедших времен, скрытая в наслоениях каждого обитаемого мира. Память, созданная самой природой и ею же записываемая до тех пор, пока не появится мыслящее существо, обладающее способностью не только запоминать, но и восстанавливать забытое.

Они оказались на небольшой площадке, прикрепленной к кощу крутой ажурной полуарки. В центре пола находился большой тусклый экран. Все восемь человек уселись на низкие скамьи вокруг экрана в молчаливом ожидании.

— Сейчас «кроты» закончат, — заговорил Ляо Лан. — Как вы уже догадались, они прошивают слои горных пород голым кабелем и ткнут металлическую сетку. Скелеты вымерших животных залегают в рыхлом песчанике на глубине четырнадцати метров от поверхности. Ниже, на семнадцатом метре, вся площадь подслоена металлической сеткой, подключенной к сильным индукторам. Создается отражающее поле,

отбрасывающее рентгеновы лучи на экран, где получается изображение окаменелых костей.

Два больших металлических шара повернулись на массивных цоколях. Загорелись прожекторы, вой сирены возвестил об опасности. Постоянный ток в миллион вольт повеял свежестью озона, заставил все клеммы, изоляторы и подвески источать голубое сияние.

Ляо Лан, казалось, небрежно поворачивал и нажимал кнопки щита управления. Большой экран светился все сильнее, а в его глубине медленно проплывали какие-то нечеткие контуры. Движение остановилось, размытые очертания большого пятна заняли почти весь экран, сделались резче.

Еще несколько манипуляций на щите управления, и перед наблюдателями в туманном сиянии показался скелет неведомого существа. Широкие когтистые лапы скрючились под туловищем, длинный хвост изогнулся кольцом. Бросилась в глаза необычайная толщина и массивность костей с широкими перекрученными концами, с выростами для прикрепления могучих мускулов. Череп с замкнутой частью оскаливал крупные передние зубы. Он был виден сверху и казался тяжелой костяной глыбой с неровной, изрытой поверхностью. Ляо Лан изменил глубину фокуса и увеличение — весь экран заняла голова древнего пресмыкающегося, существовавшего двести миллионов лет назад на берегах когда-то бывшей здесь реки.

Крышка черепа состояла из удивительно толстых, не менее двадцати сантиметров, костей. Над глазницами торчали костяные выросты, такие же выступы прикрывали сверху височные впадины и выпуклости черепных дуг. На затылочном крае поднимался большой конус с отверстием огромного теменного глаза. Ляо Лан издал громкий вздох восхищения.

Дар Ветер, не отрываясь, смотрел на неуклюжий, тяжелый остов древней твари. Увеличение мускульной силы вызвало утолщение костей скелета, подвергавшихся большой нагрузке, а увеличившаяся тяжесть скелета требовала нового усиления мышц. Так прямая зависимость в архаических организмах заводела пути развития множества животных в безысходные

тупики, пока какое-нибудь важное усовершенствование физиологии не позволяло снять старые противоречия и подняться на новую ступень эволюции. Казалось невероятным, что такие существа могли находиться в ряду предков человека с его прекрасным, позволяющим изумительную подвижность и точность движений телом.

Дар Ветер смотрел на толстые надбровные выступы, выразившие тупую свирепость пермского гада, и видел рядом гибкую Веду с ее ясными глазами на умном, живом лице... Какая чудовищная разница в организации живой материи! Он невольно скосил глаза, стараясь разглядеть черты Веды под шлемом, и когда снова вернулся к экрану, на нем было уже другое изображение. Широкий, параболический, плоский, как тарелка, череп земноводного — древней саламандры, обреченной лежать в теплой и темной воде пермского болота в ожидании, пока что-либо съедобное не приблизится на доступное расстояние. Тогда — быстрый рывок, широкая пасть захлопывалась, и... снова бесконечно терпеливое бессмысленное лежание. Что-то раздражало Дар Ветра, угнетая его доказательствами бесконечно длительной и жестокой эволюции жизни. Он выпрямился, и Ляо Лан, угадав его состояние, предложил им вернуться для отдыха в дом. Неумно любопытная Веда с трудом оторвалась от наблюдения, увидев, что ученые поспешили включить машины для электронного фотографирования и одновременной звукозаписи, чтобы не расходовать напрасно мощный ток.

Веда устроилась в гостиной женского домика. Дар Ветер еще побродил некоторое время по укутанной площадке перед домом, перебирая в памяти впечатления.

Северное утро умыло росой запыхавшиеся за день травы. Невозмутимый Ляо Лан вернулся с ночной работы и предложил отправить своих гостей до ближайшей авиабазы на «эльфе» — маленьком аккумуляторном автомобиле. База прыгающих реактивных самолетов находилась всего в ста километрах на юго-востоке, в низовье реки Тром-Юган. Веда попросила связаться с ее экспедицией, но на раскопках не оказалось

радиопередатчика достаточной мощности. С тех пор как наши предки поняли вред радиоизлучений и ввели строгий режим, направленные лучевые передачи стали требовать значительно более сложных устройств, особенно для дальних переговоров. Кроме того, сильно сократилось число станций. Ляо Лан решил связаться с ближайшей наблюдательной башней скотоводов. Такие башни переговаривались между собою направленными передачами и могли сообщить все, что угодно, на центральную станцию своего района. Юная практикантка, собиравшаяся вести «эльф», чтобы доставить его обратно, посоветовала заехать по дороге на башню: тогда гости смогут переговорить сами по ТВФ — телеvisoфону. Дар Ветер и Веда обрадовались.

Сильный ветер завывал вбок редкую пыль, трепал густые остриженные волосы девушки-водителя. Они уселись на узком трехместном сиденье. В чистом синем небе едва виднелся тонкий силуэт наблюдательной башни. Скоро «эльф» остановился у ее подножия. Широко раскинутые металлические ноги поддерживали пластмассовый навес, под которым стоял такой же «эльф». В центре сквозь навес проходили направляющие штанги лифта. Крошечная кабинка втащила всех по очереди мимо жилого этажа на самый верх, где их приветствовал загорелый, почти обнаженный юноша. По внезапному смущению их пезависимого водителя Веда поняла, что догадливость юной практикантки имеет более глубокие корни...

Круглая комнатка с хрустальными стенами заметно раскачивалась, и легкая башня однотоно гудела, как сильно натянутая струна. Потолок и пол комнаты были окрашены в темный тон. Вдоль окон стояли узкие столы с биноклями, счетными машинами, тетрадями записей. С высоты девятинаста метров просматривался огромный участок степи, до границ видимости соседних башен. Велось постоянное наблюдение за стадами, и производился учет кормовых запасов. Зелеными концентрическими кольцами лежали на степи дойные лабиринты, через которые два раза в сутки прогоняли молочные стада. Молоко, нескисавшее, как у африканских антилоп, сливалось и замораживалось

тут же, в подземных холодильниках, и могло храниться очень долго. Перегон стад осуществлялся с помощью «эльфов», имевшихся в каждой башне. Наблюдатели могли во время дежурств заниматься, поэтому большинство из них были еще не закончившими образования учащимися. Юноша провел Веду и Дар Ветра по винтовой лестнице в жилой этаж, висевший между скрещенными балками на несколько метров ниже. Помещения здесь обладали глухими звукоизолирующими стенами, и путешественники очутились в полной тишине. Только непрекращающееся покачивание напоминало о том, что комната находится на гибельной при малейшей неосторожности высоте.

Другой юноша как раз работал у радио. Сложная прическа и яркое платье его собеседницы на экране показывали, что связь установлена с центральной станцией, — работающие в степи носили легкие и короткие комбинезоны. Девушка на экране соединилась с поясной станцией, и скоро в ТВФ башни появилось печальное лицо и маленькая фигурка Миико Эйгоро — главной помощницы Веды Конг. В ее темных раскосых глазах появилось радостное удивление, и маленький рот приоткрылся от неожиданности. Секунду спустя на Веду и Дар Ветра смотрело бесстрастное лицо, не выражавшее ничего, кроме делового внимания. Поднявшись наверх, Дар Ветер застал девушку-палеонтолога в оживленной беседе с первым юношей и вышел на кольцевую площадку, окаймлявшую стеклянную комнату. Влажная свежесть утра давно уступила место знойному полдню. Степь расстилалась широко, свободно под жарким и чистым небом. Дар Ветер снова вспомнил свою неясную тоску по северной земле своих предков. Облокотясь на перила зыбкой площадки, бывший заведующий внешними станциями теперь, как никогда раньше, почувствовал сбывшиеся мечты древних людей. Суровая природа отодвинута рукой человека далеко на север, и живительное тепло юга пролилось на эти равнины, когда-то стынувшие под холодными тучами.

Веда Конг вошла в хрустальную комнату и объявила, что дальше их взялся вести радиооператор. Девуш-

ка поблагодарила историка долгим взглядом. Сквозь прозрачную стену была видна широкая спина застывшего в созерцании Дар Ветра.

— Вы задумались, — услышал он позади, — может быть, обо мне?

— Нет, Веда, я думал об одном положении древнеиндийской философии. Оно говорит, что мир не создан для человека, и сам человек только тогда становится велик, когда понимает всю ценность и красоту другой жизни — жизни природы...

— Вы не договорили, и я не понимаю.

— Пожалуй, не договорил. Я бы добавил к этому, что одному лишь человеку дано понимать не только красоту, но и трудные, темные стороны жизни. И одному лишь ему доступна мечта и сила сделать жизнь лучше!

— Я поняла, — тихо сказала Веда и после долгого молчания добавила: — Вы изменились, Ветер.

— Конечно, изменился. Четыре месяца простой лопатой ворочать тяжелые камни и полуистлевшие бревна в ваших курганах. Поневоле станешь проще смотреть на жизнь, и ее простые радости сделаются милее...

— Не шутите, Ветер, — нахмурилась Веда, — я говорю серьезно. Когда я узнала вас, командовавшего всей силой Земли, говорившего с дальними мирами... Там, на ваших обсерваториях, вы могли быть сверхъестественным существом древних, как это они называли — богом! А здесь, на нашей простой работе, наравне со многими, вы... — Веда умолкла.

— Что же я, — с любопытством допытывался ее собеседник, — потерял величие? Но что бы вы сказали, увидев меня тем, кем я был до перехода в Институт астрофизики, — машинистом Спиральной Дороги? В этом тоже меньше величия? Или механиком плодосборных машин в тропиках?

Веда звонко засмеялась.

— Открою вам тайну. В школе третьего цикла я была влюблена в машиниста Спиральной Дороги — никого более могущественного я не могла себе пред-

ставить... Впрочем, вот идет радиооператор. Едемте, Ветер!

Перед тем как впустить Веду и Дар Ветра в кабину, летчик еще раз осведомился, позволяет ли здоровье обоим вынести большое ускорение прыгающего самолета. Он строго соблюдал правила. Получив вторичный утвердительный ответ, летчик усадил обоих на глубокие сиденья в прозрачном носу аппарата, похожего на громадную дождевую каплю. Веда почувствовала себя очень неудобно: сиденья запрокинулись назад в задранном вверх корпусе. Зазвенел сигнальный гонг, могучая пружина швырнула самолет почти отвесно вверх, тело Веды медленно погрузилось в глубь кресла, точно в упругую жидкость. Дар Ветер с усилием повернул голову, чтобы ободряюще улыбнуться Веде. Летчик включил двигатель. Рев, давящая тяжесть во всем теле, и каплеобразный самолет понесся, описывая дугу на высоте двадцати трех тысяч метров. Казалось, прошло всего несколько минут, а путешественники с ослабевшими коленями уже выходили перед своими домиками в приалтайских степях, и летчик махал им рукой, требуя отойти подальше. Дар Ветер сообразил, что двигатель придется включить от самой земли. Здесь не было катапульты, как на базе. Он помчался, увлекая Веду, навстречу легко бежавшей Миико Эйгоро. Женщины обнялись, как после долгой разлуки.

Конь на дне морском

оре, теплое, прозрачное, едва колыхало свои поразительно яркие зелено-голубые волны. Дар Ветер медленно вошел по самую шею и широко раскинул руки — старался сохранить равновесие. Глядя поверх пологих волн на сверкающую даль, он снова чувствовал себя растворяющимся в море и сам становился частью необъятной стихии. Сюда, в море, он принес давно сдерживаемую печаль. Печаль разлуки с захватывающим величием космоса, с безграничным океаном познания и мысли, с суровой сосредоточенностью каждого дня жизни. Теперь его существование было совсем другим. Возраставшая любовь к Веде скрашивала дни непривычной работы и грустную свободу размышлений отлично натренированного мозга. С энтузиазмом ученика он погрузился в исторические исследования. Река времени, отраженная в его мыслях, помогла совладать с переменной жизни. Он был благодарен Веде Конг за то, что та с достойной ее чуткостью устроила путешествие на винтолете в страну, преображенную трудом человека. Как и в огромности моря, в величии земных работ собственные утраты мельчали.

Тихий полудетский голос окликнул его. Он узнал Миико и, взмахнув руками, лег на спину, поджидая маленькую девушку. Она стремительно бросилась в море. С ее жестких смоляных волос скатывались крупные капли, а желтоватое смуглое тело под тонким слоем воды казалось зеленым. Они поплыли рядом навстречу солнцу, к одинокому пустынному островку, поднимавшемуся черным бугром в километре от берега. Все дети эры Кольца вырастали на море отличными пловцами, а Дар Ветер обладал еще прирожденными способностями. Сначала он плыл, не торопясь, из опасения, что Миико устанет, но девушка скользила рядом легко и беспечно. Дар Ветер заспешил, несколько озадаченный искусством Миико. Но даже когда он понесся изо всех сил, Миико не отставала, а ее неподвижное милое личико оставалось по-прежнему спокойным. Послышался глухой плеск волн с мористой стороны острова. Дар Ветер перевернулся на спину, а разогнавшаяся девушка описала круг и вернулась к нему.

— Миико, вы плаваете чудесно! — с восхищением воскликнул Дар Ветер и, набрав полную грудь воздуха, задержал дыхание.

— Я плаваю хуже, чем ныряю, — призналась девушка, и Дар Ветер снова удивился.

— Мои предки японцы, — продолжала Миико. — Когда-то было целое племя, в котором все женщины были ныряльщицами — ловили жемчуг, собирали питательные водоросли. Это занятие переходило из рода в род, и за тысячу лет они достигли замечательного искусства. Случайно оно проявилось у меня теперь.

— Никогда не подозревал...

— Что отдаленный потомок женщины-водолазок станет историком? У нас в роду существовала легенда. Был больше тысячи лет назад японский художник Янагихара Эйгоро.

— Эйгоро? Так ваше имя?..

— Редкий случай в наше время, когда имена даются по любому понравившемуся созвучию. Впрочем, все стараются подобрать созвучия или слова из языков

тех народов, от которых происходят. Ваше имя, если я не ошибаюсь, из корней русского языка?

— Совершенно верно! Даже не корни, а целые слова. Одно — подарок, второе — ветер, вихрь...

— Мне неизвестен смысл моего имени. Но художник действительно был. Мой прадед отыскал одну его картину в каком-то хранилище. Большое полотно — вы можете увидеть его у меня, — историю оно интересно. Очень ярко изображена суровая и мужественная жизнь, бедность и неприхотливость народа... Поплывем дальше?

— Минуту еще, Миико! Как же женщины-водолазки?

— Художник полюбил водолазку и поселился навсегда среди племени. И его дочери тоже были водолазки, тоже промышляли всю жизнь в море. Смотрите, какой странный остров — круглый бак или низкая башня, как для производства сахара.

— Сахара! — невольно фыркнул Дар Ветер. — Для меня в детстве такие пустые острова были приманкой. Одиноко стоят они, окруженные морем, неведомые тайны скрываются в темных скалах или рощах — все что угодно можно встретить здесь.

Звонкий смех Миико был ему наградой. Девушка, молчаливая и всегда немного грустная, сейчас неузнаваемо изменилась. Весело и храбро устремляясь вперед, к тяжело плещущим волнам, она по-прежнему оставалась для Ветра загадкой — совсем не так, как Веда, чье бесстрашие было скорее великопленной доверчивостью, чем действительным упорством.

Между большими глыбами у самого берега пролегли глубокие, пронизанные солнцем подводные коридоры. Усталые темными холмиками губок, обрамленные бахромой водорослей, эти подводные галереи вели к восточной стороне островка, куда подходила неведомая темная глубина. Дар Ветер пожалел, что не взял у Веды точной карты побережья. Плоты морской экспедиции блестили на солнце у западной косы в нескольких километрах. Был виден пляж, и там сейчас Веда с товарищами. Сегодня меняют аккумуляторы в машинах, и вся экспедиция на отдыхе. А он под-

дался детской страсти исследования безлюдных островов.

Грозный обрыв андезитовых скал навис над пловцами. Изломы каменных глыб были свежими — недавнее землетрясение обрушило обветшавшую часть берега. Со стороны открытого моря шел сильный накат. Миико и Дар Ветер долго плыли по темной воде у восточного берега, пока не нашли плоский каменный выступ, куда Дар Ветер вытолкнул Миико.

Потревоженные чайки носились взад и вперед, удары волн передавались через скалы, сотрясая массу андезита. Ничего, кроме голого камня и жестких кустов, ни малейших следов зверя или человека.

Пловцы поднялись на верхушку островка, поглядели на мечущиеся внизу волны и вернулись. Терпкий запах шел от кустов, торчавших вверх из расщелин. Дар Ветер вытянулся на теплом камне, лениво заглядывая в воду на южную сторону выступа.

Миико села на корточки у самого края скалы и пыталась разглядеть что-то внизу. Здесь не было береговой отмели или наваленных грудями камней. Крутой обрыв нависал над темной, маслянистой водой. Солнце вспыхивало ослепительной каймой вдоль его ребра. Там, где срезанный скалой свет отвесно входил в прозрачную воду, едва-едва мерцало ровное дно из светлого песка.

— Что вы видите там, Миико?

Задумавшаяся девушка не сразу обернулась.

— Ничего. Вас влекут к себе пустынные острова, а меня — дно моря. Мне тоже кажется, что там всегда можно найти интересное, сделать открытие.

— Тогда зачем вы работаете в степи?

— Это не просто. Для меня море такая большая радость, что я не могу быть все время с ним. Нельзя слушать любимую музыку во всякое время — так и я с морем. Зато встречи с ним драгоценны...

Дар Ветер утвердительно кивнул.

— Так нырнем туда? — он показал на белое мерцание в глубине.

Миико подняла и без того приподнятые у висков брови.

— Разве вы сумеете? Тут не меньше двадцати пяти метров — это только для опытного ныряльщика...

— Попытаюсь... А вы?

Вместо ответа Миико встала, оглядевшись, выбрала большой камень и подтащила его к краю скалы.

— Сначала дайте мне попробовать. С камнем — это против моих правил. Но как бы там не оказалось течение — очень чистое дно...

Девушка подняла руки, согнулась, выпрямилась, откинувшись назад. Дар Ветер следил за ее дыхательными движениями, чтобы перенять их. Миико больше не произнесла ни слова. После нескольких упражнений она схватила камень и ринулась, как в пропасть, в темную пучину.

Дар Ветер ощутил смутное беспокойство, когда прошло больше минуты, а храброй девушки не было и следа. Он стал, в свою очередь, искать камень для груза, соображая, что ему надо взять гораздо больший. Только что он поднял сорокакилограммовый кусок андезита, как появилась Миико. Девушка тяжело дышала и казалась сильно уставшей.

— Там... Там... конь, — едва выговорила она.

— Что такое? Какой конь?

— Статуя огромного коня... там, в естественной нише. Сейчас я посмотрю как следует.

— Миико, это трудно. Мы поплывем обратно, возьмем водолазные аппараты и лодку.

— О нет! Я хочу сама, сейчас! Это будет моя победа, а не прибора. Потом позовем всех.

— Только я с вами! — Дар Ветер ухватился за свой камень.

Миико улыбнулась.

— Возьмите меньший, вот. И как же с дыханием?

Дар Ветер послушно проделал упражнения и вырнулся в море с камнем в руках. Вода ударила его в лицо, повернула спиной к Миико, сдавила грудь, тупой болью отдалась в ушах. Он пересиливал ее, напрягая мускулы тела, стискивая челюсти. Холодный серый полумрак сгущался внизу, веселый свет дня быстро мерк. Враждебная сила глубины одолевала, резало глаза. Вдруг твердая рука Миико тронула его

плечо, и он коснулся ногами плотного, тускло серебрищегося песка. С трудом повернув голову по направлению, указанному Миико, он откачнулся, от неожиданности выпустил из рук камень — и тотчас же его подбросило вверх. Он не помнил, как очутился на поверхности, ничего не видя в красном тумане. Он судорожно вдыхал и выдыхал воздух... Спустя немного времени последствия подводного давления отступили, и виденное воскресло в памяти. Всего лишь мгновение, а как много подробностей успели заметить глаза и запомнить мозг!

Темные скалы сходилисьверху гигантской стрельчатой аркой, под которой стояло изваяние исполинского коня. Ни одной водоросли или раковины не лепилось на отполированной поверхности статуи. Неведомый скульптор прежде всего хотел выразить силу. Он увеличил переднюю часть туловища, непомерно расширил чудовищную грудь, высоко поднял круто изогнутую шею. Левая передняя нога была поднята, прямо выдвигая на зрителя округлость коленного сустава, а громадное копыто почти прикасалось к груди. Три другие ноги с усилием отталкивались от почвы, отчего колоссальный конь нависал над смотрящим, как бы давя его сказочной мощью. На крутой дуге шеи грива обозначалась зазубренным гребнем, голова почти упиралась в грудь, а глаза из-под опущенного лба смотрели с грозною злобой, отраженной и в маленьких прижатых ушах каменного чудовища.

Миико успокоилась за Дар Ветра и, оставив его простертым на плоской скале, нырнула снова. Наконец девушка измучилась и вдоволь насладились зрелищем своей находки. Она уселась рядом и долго молчала, пока не восстановилось нормальное дыхание.

— Интересно, каков может быть возраст статуи? — задумчиво спросила самую себя Миико.

Дар Ветер пожал плечами, вспомнив, что удивило его больше всего.

— Почему статуя коня совершенно не обросла водорослями или раковинами?

Миико стремительно повернулась к нему.

— Да, да! Я знаю такие находки. Они оказались

покрытыми особым составом. Тогда время — около конца последнего века ЭРМ.

В море между берегом и островком показался плывец. Приблизившись, он приподнялся из воды, приветственно взмахнул руками. Дар Ветер узнал широкие плечи и блестящую темную кожу Мвена Маса. Скоро высокая черная фигура взобралась на камень, и полная добродушная улыбка засияла на мокром лице нового заведующего внешними станциями. Он быстро поклонился маленькой Миико, широким, свободным жестом приветствовал Дар Ветра.

— Мы приехали на один день вместе с Рен Бозом просить вашего совета.

— Рен Боз?

— Физик из Академии Пределов Знания...

— Знаю его немного. Он работает над вопросами взаимоотношения пространство — поле. Где же вы его оставили?

— На берегу. Он не плавает, как вы, во всяком случае...

Легкий всплеск прервал речь Мвена Маса.

— Я поплыву на берег, к Веде! — крикнула из воды Миико.

Дар Ветер ласково улыбнулся девушке.

— Плывет с открытием! — пояснил он Мвену Масу и рассказал о находке подводного коня.

Африканец слушал его без интереса. Его длинные пальцы шевелились, ощупывая подбородок. В его взгляде Дар Ветер прочитал беспокойство и надежду.

— Вас тревожит что-то серьезное? Тогда зачем же медлить?

Мвен Мас воспользовался приглашением. Сидя на краю скалы, он рассказал о своих жестоких колебаниях. Его встреча с Рен Бозом была не случайной. Видение прекрасного мира звезды Эпсилон Тукана никогда не оставляло его. И с той ночи появилась мечта — приблизиться к этому миру, любым путем преодолев чудовищное разделяющее пространство. Чтобы между отправлением и получением сообщения, сигнала или картины не было недоступного челове-

ской жизни срока в шестьсот лет. Ощутить биение той прекрасной и столь близкой нам жизни, протянуть руку братьям-людям через бездны космоса. Мвен Мас сосредоточил усилия на ознакомлении с неразрешенными вопросами и незаконченными опытами, какие уже тысячелетия велись в исследовании пространства, как функции материи. Той проблемы, о которой мечтала Веда Конг в ночь ее первого выступления по Великому Кольцу...

В Академии Пределов Знания подобные исследования возглавлялись Рен Бозом — молодым математическим физиком. Встреча его с Мвеном Масом и последующая дружба были предопределены общими стремлениями.

Теперь Рен Боз считает, что проблема разработана до возможности постановки эксперимента. Опыт не может быть, как и все, что связано с космическими масштабами, проведен лабораторным путем. Громадность вопроса требует и громадного эксперимента. Рен Боз пришел к необходимости проделать опыт через внешние станции с силовой затратой всей земной энергии, включая и резервную станцию Ку-энергии на Антарктиде.

Ощущение опасности пришло к Дар Ветру, когда он пристально смотрел в горящие глаза и на вздрагивающие ноздри Мвена Маса.

— Вам нужно узнать, как поступил бы я? — спокойно задал он решающий вопрос.

Мвен Мас кивнул и провел языком по пересохшим губам.

— Я не ставил бы опыта, — отчеканил Дар Ветер, игнорируя гримасу горя на лице африканца, мгновенно промелькнувшую и исчезнувшую незаметно для менее внимательного собеседника.

— Я так и думал! — вырвалось у Мвена Маса.

— Тогда зачем вы придавали значение моему совету?

— Мне казалось, что мы сумеем убедить вас.

— Что же, попробуйте! Поплывем к товарищам. Они, наверное, готовят водолазные приборы — смотреть коня!

Веда пела, и два незнакомых женских голоса вторили ей.

Увидев плывущих, она сделала им знак, по-детски сгибая пальцы раскрытых ладоней. Песня умолкла. Дар Ветер узнал в одной из женщин Эвду Наль. Впервые он видел ее без белой медицинской одежды. Ее высокая гибкая фигура выделялась среди остальных белизной кожи, еще не загоревшей. Видимо, знаменитая женщина-психиатр была очень занята последнее время. Иссиня-черные волосы Эвды, разделенные прямым пробором, были высоко подняты у висков. Высокие скулы над чуть впалыми щеками подчеркивали длинный разрез ее черных пристальных глаз. Лицо неуловимо напоминало древнего египетского сфинкса — того, который с очень древних времен стоял на краю пустыни у пирамидальных гробниц царей древнейшего на земле государства. Теперь, спустя двадцать веков после того, как исчезла пустыня, на песках шумят плодородные рощи, а сам сфинкс накрыт стеклянным колпаком, не скрывающим впадин его изъеденного временем лица.

Дар Ветер помнил, что свою родословную Эвда Наль вела от перуанцев или чилийцев. Он приветствовал ее по обычаю древних южноамериканских солнцепоклонников.

— Работа с историками пошла вам на пользу, — сказала Эвда. — Благодарите Веду...

Веда взяла за руку Дар Ветра и подвела его к совсем незнакомой женщине.

— Это Чара Нанди! Мы все здесь в гостях у нее и у художника Карта Сана, потому что они живут на этом берегу уже месяц. Их студия — в конце залива.

Дар Ветер протянул руку молодой женщине, взглянувшей на него громадными синими глазами. На миг у него замерло дыхание — в этой женщине было что-то отличающее ее от всех других. Она стояла между Ведой Конг и Эвдой Наль, красота которых, отточенная сильным интеллектом и дисциплиной долгой исследовательской работы, все же тускнела перед необычной силой прекрасного, исходившей от незнакомки.

— Ваше имя чем-то похоже на мое, — проговорил Дар Ветер.

Углы маленького рта незнакомки дрогнули в сдержанной усмешке.

— Как и вы сами похожи на меня.

Дар Ветер посмотрел поверх черной копны ее густых и блестящих слабо вьющихся волос и широко улыбнулся Веде.

— Ветер, вы не умеете говорить женщинам любезности, — лукаво произнесла Веда, склонив набок голову.

— Разве это нужно теперь, с той поры, как исчезла надобность в обмане?

— Нужно, — вмешалась Эвда Налъ. — И надобность эта никогда не минует!

— Буду рад, если мне объяснят, — слегка нахмурился Дар Ветер.

— Через месяц я читаю осеннюю речь в Академии Горя и Радости, в ней будет многое о значении непосредственных эмоций... — Эвда кивнула приближавшемуся Мвену Масу.

Африканец по обыкновению шел размеренно и бесшумно. Дар Ветер заметил, что смуглые щеки Чары загорелись жарким румянцем, как будто солнце, пропитавшее все тело женщины, внезапно выступило сквозь загорелую кожу. Мвен Мас равнодушно поклонился.

— Я приведу Рен Боза. Он сидит там, на камне.

— Пойдемте к нему, — предложила Веда, — и на встречу Миико. Она убежала за аппаратами. Чара Нанди, вы с нами?

Девушка покачала головой.

— Идет мой повелитель. Солнце опустилось, и скоро начнется работа...

— Тяжело позировать, наверное? — спросила Веда. — Это постоянный подвиг! Я не могла бы.

— И я думала, что не смогу. Но если идея художника захватит, тогда сам вступаешь в творчество. Ищешь воплощение образа в собственном теле... Тысячи оттенков есть в каждом движении, каждом изгибе. Ловить их, как улетающие звуки музыки...

— Чара, вы находка для художника!

— Находка! — прервал Веду громкий бас. — И как я нашел ее! Невероятно! — Художник Карт Сан потряс высоко поднятым могучим кулаком. Его светлые волосы разлохматились на ветру, обветренное лицо покраснело.

— Проводите нас, если есть время, — попросила Веда, — и расскажите.

— Плохой я рассказчик. Но это все равно интересно. Я интересуюсь реконструкцией разных расовых типов, бывших в древности до самой ЭРМ. После успеха моей картины «Дочь Гондваны» мне захотелось воссоздать другой расовый тип. Красота тела — лучшее выражение расы через поколения здоровой, чистой жизни. В каждой расе в древности была своя отточенность, своя мера прекрасного, выработавшаяся еще в условиях дикого существования. Так понимаем мы, художники, которых считают отстающими от вершин культуры... Всегда считали, наверное, еще с пещер древнекаменного века. Ну, вот, я говорю не то... Придумал я картину «Дочь Тетиса», иначе — «Средиземного моря». Меня поразило в мифах древней Греции, Крита, Двуречья, Америки, Полинезии то, что боги выходили из моря. Что может быть чудесней эллинского мифа об Афродите — богине любви и красоты древних греков! Само имя: Афродита Анадиомена — рожденная пеной, восставшая из моря... Богиня, родившаяся из пены, оплодотворенной светом звезд над ночным морем, — какой народ придумал что-либо более поэтичное!..

— Из звездного света и морской пены, — услышала Веда Конг шепот Чары и украдкой взглянула на девушку.

Твердый, будто вырезанный из дерева или из камня, профиль Чары будил воспоминания о древних народах. Маленький, прямой, чуть закругленный нос, чуть покатым назад лоб, сильный подбородок, а главное — большое расстояние от носа до уха — все характерные черты народов античного Средиземноморья были отражены в лице Чары.

Веда незаметно осмотрела ее с головы до ног и подумала, что все в ней немного «слишком». Слишком гладкая кожа, слишком тонкая талия, слишком широкие бедра... И держится подчеркнуто прямо — от этого ее крепкая грудь слишком выдается. Может быть, художнику нужно именно такое, сильно выраженное?

Путь пересекла каменная гряда. Чара Нанди необыкновенно легко перескакивала с камня на камень, будто танцуя.

«В ней, безусловно, есть индийская кровь, — решила Веда. — Спрошу потом...»

— Чтобы создать «Дочь Тетиса», — продолжал художник, — мне надо было сблизиться с морем, сродниться с ним — ведь моя критянка, как Афродита, должна выйти из моря, но так, чтобы всякий понял это. Когда я собирался писать «Дочь Гондваны», я три года работал на лесной станции в Экваториальной Африке. Создав картину, я поступил механиком на почтовый глиссер и два года развозил почту по Атлантическому океану — всем этим, знаете, рыболовным, белковым и солевым заводам, которые плавают там на гигантских металлических плотках.

Однажды вечером я вел свою машину в Центральной Атлантике, на запад от Азор, где противотечение смыкается с северным течением. Там всегда ходят большие волны — грядками, одна за другой. Мой глиссер то взмывался под низкие тучи, то стремительно летел в провалы между волнами. Винт ревел, я стоял на высоком мостике рядом с рулевым. И вдруг — никогда не забуду!

Представьте себе волну выше всех других, мчащуюся навстречу. На гребне этой колоссальной волны, прямо под низкими и плотными жемчужно-розовыми тучами, стояла девушка, загорелая до цвета красной бронзы... Вал несся беззвучно, и она летела, невыразимо гордая в своем одиночестве посреди необъятного океана. Мой глиссер взметнулся вверх, и мы пронесли мимо девушки, приветливо помахавшей нам рукой. Тут я разглядел, что она стояла на лате — знаете, такая доска с аккумулятором и мотором, управляемая ногами.

— Знаю, — отозвался Дар Ветер, — именно для катания на волпах.

— Больше всего меня потрясло, что вокруг не было ничего — низкие облака, пустой на сотни миль океан, вечерний свет и девушка, несущаяся на громадной волне. Эта девушка...

— Чара Нанди! — сказала Эвда Наль. — Это понятно. Но откуда она взялась?

— Вовсе не из пены и света звезд! — Чара рассмеялась неожиданно высоким звенящим смехом. — Всего лишь с плота белкового завода. Мы стояли тогда у края саргассов, где разводили хлореллу, а я работала там биологом.

— Пусть так, — примирительно согласился Карт Сан. — Но с того момента вы стали для меня дочерью Средиземного моря, вышедшей из пены, неизбежной моделью моей будущей картины. Я ждал целый год.

— Можно прийти к вам посмотреть? — попросила Веда Конг.

— Пожалуйста, только не в часы работы, — лучше вечером. Я работаю очень медленно и не выношу ничего присутствия в это время.

— Вы пишете красками?

— Наша работа мало изменилась за тысячи лет существования живописи. Оптические законы и глаз человека — те же. Обострилось восприятие некоторых оттенков, придуманы новые хромкатоптрические краски с внутренними рефлексами в слое, некоторые приемы гармонизации цветов. А в общем художник незапамятной древности работал, как я. И кое в чем лучше... Вера, терпение — мы стали слишком стремительны и неуверенны в своей правоте. А для искусства подчас лучше наивность... Опять я уклоняюсь в сторону! Мне, нам пора... Пойдемте, Чара.

Все остановились поглядеть вслед художнику и его модели.

— Теперь я знаю, кто он такой, — молвила Веда. — Я видела «Дочь Гондваны».

— И я тоже, — отозвались в одно слово Эвда Наль и Мвен Мас.

— Гондвана — от страны гондов в Индии? — спросил Дар Ветер.

— Нет. От собирательного названия южных материков. В общем страна древней черной расы.

— И какова «Дочь черных»?

— Картина проста — перед степным плоскогорьем, в огне ослепительного солнца, на опушке грозного тропического леса идет чернокожая девушка. Половина ее лица и ощутимо твердого, будто литого из металла, тела в пылающем свете, половина в прозрачной, но глубокой полутени. Белые звериные зубы нанизаны вокруг высокой шеи, короткие волосы связаны на темени и прикрыты венком огненно-красных цветов. Правой, поднятой выше головы рукой она отстраняет от пути последнюю ветку дерева, левой отталкивает от колена усаженный колючками стебель. В остановленном движении тела, свободном вздохе, сильном взмахе руки — беспечность юной жизни, сливающейся с природой в одно, вечно изменчивое, как поток. Это единение читается как знание — интуитивное ведовство мира... В темных глазах, устремленных вдаль, поверх моря голубоватой травы, к едва заметным контурам гор, так ощутимо видится тревога, ожидание великих испытаний в новом, только что раскрывшемся мире!

Эвда Наль умолкла.

— Но как смог это передать Карт Сан? — спросила Веда Конг. — Может быть, через сдвинутые узкие брови, чуть наклоненную вперед шею, открытый беззащитный затылок. Удивительные глаза, наполненные темной мудростью древней природы... И самое странное — это одновременное ощущение беспечной силы и тревожного знания.

— Жаль, я не видел! — вздохнул Дар Ветер. — Придется ехать во Дворец истории. Я вижу краски картины, но как-то не могу представить позу девушки.

— Позу? — остановилась Эвда Наль. — Вот вам «Дочь Гондваны»... — Она сбросила с плеч полотенце, высоко подняла согнутую правую руку, немного откинулась назад, встав влоботорота к Дар Ветру. Длин-

ная нога слегка приподнялась, сделав маленький шаг и не закончив его, застыла, коснувшись пальцами земли. И тотчас ее гибкое тело словно расцвело.

Все остановились, не скрывая восхищения.

— Эвда, я не представлял себе!.. — воскликнул Дар Ветер. — Вы опасны, точно полуобнаженный клинок кинжала.

— Ветер, опять неудачные комплименты! — смеялась Веда. — Почему «полу», а не «совсем»?

— Он совершенно прав, — улыбнулась Эвда Наль, снова становясь прежней. — Именно не совсем. Наша новая знакомая, очаровательная Чара Нанди — вот совсем обнаженный и сверкающий клинок, говоря этическим языком Дар Ветра.

— Не могу поверить, чтобы кто-то сравнялся с вами! — раздался за камнем хрипловатый голос.

Эвда Наль первая увидела рыжие подстриженные волосы и бледные голубые глаза, смотревшие на нее с таким восторгом, какого ей еще не удавалось видеть на чьем-либо лице.

— Я Рен Боз! — застенчиво сказал рыжий человек, когда его невысокая узкоплечая фигура появилась из-за большого камня.

— Мы искали именно вас, — Веда взяла физика за руку. — Вот это Дар Ветер.

Рен Боз покраснел, отчего стали заметны веснушки, обильно покрывавшие лицо и даже шею.

— Я задержался наверху, — Рен Боз показал на каменистый склон. — Там древняя могила.

— В ней похоронен знаменитый поэт очень древних времен, — заметила Веда.

— Там высеченная надпись, вот она, — физик раскрыл листок металла, провел по нему короткой линейкой, и на матовой поверхности выступили четыре ряда синих значков.

— О, это европейские буквы — письменные знаки, употреблявшиеся до введения всемирного линейного алфавита! Они нелепой формы, унаследованной от пиктограмм еще большей древности. Но этот язык мне знаком.

— Так читайте, Веда!

— Несколько минут тишины! — потребовала она, и все послушно уселись на камнях.

Веда Конг стала читать:

«Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие страстивий
Лучшее из наваждений Земли!..»

— Это великолепно! — Эвда Наль поднялась на колени. — Современный поэт не сказал бы ярче про мощь времени. Хотелось бы знать, какое из наваждений Земли он считал лучшим и унес с собой в предсмертных мыслях?

Вдали показалась лодка из прозрачной пластмассы с двумя людьми.

— Вот Мнико с Шерлисом, одним из здешних механиков. О нет, — поправилась Веда, — это сам Фрит Дон, глава морской экспедиции! До вечера, Ветер, вам нужно остаться втроем, и я беру с собой Эвду.

Обе женщины сбежали к легким волнам и дружно поплыли к острову. Лодка повернула к ним, но Веда замахала рукой, посылая ее вперед. Рен Боз, неподвижный, смотрел вслед плывущим.

— Очнитесь, Рен, приступим к делу! — окликнул его Мвен Мас, и физик улыбнулся смущенно и кротко.

Участок плотного песка между двумя грядами камней превратился в научную аудиторию. Рен Боз, вооружившись обломком раковины, чертил и писал, стирал написанное и снова чертил. Мвен Мас подтверждал согласие или ободрял физика отрывистыми восклицаниями. Дар Ветер, уперев локти в колени, смахивал со лба пот, выступивший от усилий понять говорившего. Наконец рыжий физик умолк и, тяжело дыша, усеялся на песке.

— Да, Рен Боз, — проговорил Дар Ветер после продолжительного молчания, — вы совершили выдающееся открытие!

— Разве я один?.. Более десяти веков назад древний математик Гейзенберг выдвинул принцип неопределенности — невозможность точных определений места для мелких частиц. На самом деле невозможность стала возможностью при понимании взаимопере-

ходов, то есть репагулярном исчислении. Примерно в то же время открыли мезонное кольцевое облако атомного ядра и состояние перехода между нуклеоном и этим кольцом, то есть подошли вплотную к понятию антитяготения.

— Пусть так. Я не знаток биполярной математики, тем более такого ее раздела, как репагулярное исчисление, исследование преград перехода. Но то, что вы сделали в теневых функциях, — это принципиально ново, хотя еще плохо понятно нам, обычным людям, без математического ясновидения. Но осмыслить величие открытия я могу. Одно только... — Дар Ветер запнулся.

— Что, что именно? — встревожился Мвен Мас.

— Как перевести это в опыт? Мне кажется, в нашем распоряжении нет возможности создать такое напряжение электромагнитного поля.

— Чтобы уравновесить гравитационное поле и получить состояние перехода? — спросил Рен Боз.

— Вот именно. А тогда пространство за пределами системы останется по-прежнему вне нашего воздействия.

— Это так. Но, как всегда в диалектике, выход надо искать в противоположном. Если получить антигравитационную тень не дискретно, а векторiallyно...

— Ого!.. Но как?

Рен Боз быстро начертил три прямые линии, узкий сектор и пересек все это частью дуги большого радиуса.

— Это известно еще до биполярной математики. Около тысячи лет назад ее называли задачей четырех измерений. Тогда еще были распространены представления о многомерности пространства — они не знали теневых свойств тяготения, пытались проводить аналогии с магнитоэлектрическими полями и думали, что сингулярные точки означают или исчезновение материи, или ее превращение в нечто необъяснимое. Как можно было представить себе пространство с таким знанием природы явлений? Но ведь они, наши предки, догадывались — видите, они поняли, что если расстояние, скажем, от звезды А до центра Земли вот

по этой линии ОА будет двадцать квинтиллионов километров, то до той же звезды по вектору ОВ расстояние равно нулю... Практически не нулю, но стремящейся к нулю величине. И они говорили, что время обращается в нуль, если скорость движения равна скорости света. Но ведь кохлеарное исчисление тоже открыто совсем не так давно!

— Спиральное движение знали тысячи лет назад, — осторожно вмешался Мвен Мас.

Рен Боз пренебрежительно отмахнулся:

— Движение, но не его законы! Так вот, если поле тяготения и электромагнитное поле — это две стороны одного и того же свойства материи, если пространство есть функция гравитации, то функция электромагнитного поля — антипространство. Переход между ними дает векториальную теневую функцию нуль-пространства, которое известно в просторечии, как скорость света. И я считаю возможным получение нуль-пространства в любом направлении. Мвен Мас хочет на Эпсилон Тукана, а мне все равно, лишь бы поставить опыт. Лишь бы поставить опыт! — повторил физик и устало опустил короткие белесые ресницы.

— Для опыта вам нужны не только внешние станции и земная энергия, как говорил Мвен, но ведь и еще какая-то установка. Вряд ли она проста и быстро осуществима?

— Тут нам повезло. Можно использовать установку Кора Юлла в непосредственной близости от Тибетской обсерватории. Сто семьдесят лет назад там производились опыты по исследованию пространства. Потребуется небольшое переоборудование, а добровольцев-помощников в любое время у меня пять, десять, двадцать тысяч. Стоит лишь позвать, и они возьмут отпуска.

— У вас действительно все предусмотрено. Остается еще одно, но самое серьезное, — опасность опыта. Могут быть самые неожиданные результаты — ведь по законам больших чисел мы не можем ставить опыт в малом масштабе. Сразу брать внеземной масштаб...

— Какой же ученый испугается риска? — пожал плечами Рен Боз.

— Я не о личном! Знаю, что тысячи явятся, едва потребуется неизведанное опасное предприятие. Но в опыт включаются внешние станции, обсерватории — весь круг аппаратов, стоивших человечеству гигантского труда. Аппаратов, открывших окно в космос, приобщивших человечество к жизни, творчеству, знаниям других населенных миров. Это окно — величайшее людское достижение, и рисковать захлопнуть его хотя бы на время вправе ли вы, я, любой отдельный человек, любая группа людей? Мне хотелось бы знать, есть у вас чувство такого права и на чем оно основано?

— У меня есть, — поднялся Мвен Мас, — а основано оно... Вы были на раскопках... Разве миллиарды безвестных костяков в известных могилах не взывали к нам, не требовали и не укоряли? Мне видятся миллиарды прошедших человеческих жизней, у которых, как песок между пальцев, мгновенно утекла молодость, красота и радости жизни, — они требуют раскрыть великую загадку времени, вступить в борьбу с ним! Победа над пространством и есть победа над временем — вот почему я уверен в своей правоте и в величии задуманного дела!

— Я думаю иначе, — заговорил Рен Боз. — Но это другая сторона того же самого. Пространство по-прежнему неодолимо в космосе, оно разделяет миры, не позволяет нам разыскать близкие нам по населению планеты, слиться с ними в одну бесконечно богатую радостью и силой семью. Это было бы самым великим преобразованием после эры Мирового Воссоединения с той поры, как человечество, наконец, прекратило нелепое раздельное существование своих народов и слилось воедино, совершив гигантский подъем на новую ступень власти над природой. Каждый шаг на этом новом пути важнее всего остального, всех других исследований и познаний.

Едва умолк Рен Боз, как опять заговорил Мвен Мас.

— Есть и еще одно, мое личное. В юности мне попался сборник старинных исторических романов. В нем была одна повесть — о ваших предках, Дар

Ветер. На них совершилось нашествие какого-то великого завоевателя — свирепого истребителя людей, какими была богата история человечества в эпохи низших обществ. Повесть рассказывала об одном сильном юноше, безмерно любившем. Его девушку взяли в плен и увезли — тогда это называлось «угнать». Представьте, связанных женщин и мужчин гнали, как скот, на родину завоевателей. География Земли была никому не известна, единственные средства передвижения — верховые и вьючные животные. Этот мир тогда был более загадочен и необъятен, опасен и более трудно проходим, чем для нас пространство космоса. Юный герой искал свою мечту, годами скитаясь по невероятно опасным путям, пока не нашел ее в глубине гор Азии. Трудно выразить юношеское впечатление, но мне и до сих пор кажется, что я тоже мог бы идти к любимой цели сквозь все преграды космоса!

Дар Ветер слабо улыбнулся:

— Понимаю ваши ощущения, но мне неясна та логическая основа, которая связывает русскую повесть и ваши устремления в космос. Рен Боз мне понятнее. Впрочем, вы предупредили, что это личное...

Дар Ветер умолк. Он молчал так долго, что Мвен Мас беспокойно зашевелился.

— Теперь я понимаю, — снова заговорил Дар Ветер, — зачем раньше люди курили, пили, подбадривая себя наркотиками в часы неуверенности, тревог, одиночества. Сейчас я также одинок и неуверен — что мне сказать вам? Кто я такой, чтобы запретить вам великий опыт, но разве я могу разрешить его? Вы должны обратиться в Совет — тогда...

— Нет, не так! — Мвен Мас встал, и его огромное тело напряглось, как в смертельной опасности. — Ответьте нам: вы произвели бы эксперимент? Как заведующий внешними станциями. Не как Рен Боз... Его дело — другое!

— Нет! — ответил твердо Дар Ветер. — Я подожду бы еще.

— Чего?

— Постройки опытной установки на Луне!

— А энергия?

— Лунное поле тяготения меньше, и меньше масштаб опыта, можно обойтись несколькими Ку-станциями.

— Все равно — ведь на это потребуется сотня лет, и я не увижу никогда!

— Вам — да. Человечеству не так уж важно — теперь или поколение спустя.

— Но для меня это конец, конец всей мечте! И для Рен Боза...

— Для меня — невозможность проверить опытом, а следовательно, и невозможность исправить, продолжать дело.

— Один ум — пустяки! Обратитесь к Совету.

— Совет уже решил — вашими мыслями и словами. Нам нечего ждать от него, — тихо произнес Мвен Мас.

— Вы правы. Совет тоже откажет.

— Больше ни о чем не спрашиваю вас. Я чувствую себя виноватым — мы с Реном взвалили на вас бремя решения.

— Это мой долг, как старшего по опыту. Не ваша вина, если задача оказалась и величественной и крайне опасной. От этого мне грустно и тяжело...

Рен Боз первый предложил вернуться во временный поселок экспедиции. Трое унылых людей поплелись по песку, каждый по-своему переживая горечь отказа от попытки небывалого опыта. Дар Ветер искоса поглядывал на спутников и думал, что ему труднее всех. В его натуре было что-то бесшабашно-отважное, с чем ему приходилось бороться всю жизнь. Чем-то похож он был на древних разбойников — почему он чувствовал себя так полно и радостно в озорной борьбе с быком?.. И душа его возмущалась, протестуя против решения мудрого, но не отважного.

Легенда синих солнц

Из каюты-госпиталя вышли врач Лума Ласви и биолог Эон Тал. Эрг Ноор рванулся вперед.

— Низа?

— Жива, но...

— Умирает?

— Пока нет. Находится в жесточком параличе. Захвачены все стволы спинного мозга, парасимпатическая система, ассоциативные центры и центры чувств. Дыхание чрезвычайно замедленно, но равномерно. Сердце работает — один удар в сто секунд. Это не смерть, но полный коллапс, который может длиться неопределенное время.

— Сознание и мучения исключены?

— Исключены.

— Абсолютно?

— Абсолютно!

Эрг Ноор вопросительно посмотрел на биолога. Тот утвердительно кивнул.

— Что думаете делать?

— Поддерживать в равномерной температуре, абсолютном покое, слабом свете. Если коллапс не будет прогрессировать, то... не все ли равно — сон.. пусть до Земли... Тогда — в Институт Нервных Токов. Поражение нанесено каким-то ви-

дом тока. Скафандр оказался пробитым в трех местах. Хорошо, что она почти не дышала!

— Я заметил отверстия и залепил их своим пластырем, — сказал биолог.

Эрг Ноор с безмолвной благодарностью пожал ему руку выше локтя.

— Только... — начала Лума, — лучше поскорее уйти от повышенной тяжести... И в то же время опасно не столько ускорение отлета, как возвращение к нормальной силе тяжести.

— Понимаю: вы боитесь, что пульс еще более замедлится. Но ведь это не маятник, ускоряющий свои качания в усиленном гравитационном поле?

— Ритм импульсов организма подчиняется в общем тем же законам. Если удары сердца замедлятся хотя бы вдвое — двести секунд, тогда кровоснабжение мозга станет недостаточным, и...

Эрг Ноор задумался так глубоко, что забыл об окружающих, очнулся и глубоко вздохнул.

Его сотрудники терпеливо ждали.

— Нет ли выхода в том, чтобы подвергнуть организм повышенному давлению в обогащенной кислородом атмосфере? — осторожно спросил начальник и уже по довольным улыбкам Лумы Ласви и Эона Тала понял, что мысль правильна.

— Насытить кровь газом при большем парциальном давлении — замечательно... Конечно, мы примем меры против тромбоза, и тогда хоть один удар в двести секунд. Потом выровняется...

— Она останется в бессознательном состоянии, — сказала Лума. — Мы пойдем готовить камеру. Я хочу использовать большую силиколовую витрину, взятую для Зирды. Туда поместится плавающее кресло, которое мы превратим в постель на время отлета. После снятия ускорения устроим Низу окончательно.

— Как только приготовитесь, сообщите на пост. Мы не станем задерживаться ни на миг.

Люди заспешили в разные отсеки корабля, как кто мог борясь с гнетом черной планеты.

Победной мелодией загремели сигналы отлета.

С еще никогда не испытанным чувством полного

и отрешенного облегчения люди погружались в мягкие объятия посадочных кресел. Но взлет с тяжелой планеты — это опасное дело. Ускорение для отрыва корабля находилось на пределе человеческой выносливости, и ошибка пилота могла привести к общей гибели.

С сокрушительным ревом планетарных двигателей Эрг Ноор повел звездолет по касательной к горизонту. Рычаги гидравлических кресел вдавливались все глубже под нарастающей тяжестью. Руки начальника экспедиции, лежавшие на кнопках приборов, стали тяжелыми. «Тантра», описывая гигантскую пологую дугу, поднималась все выше из густой тьмы к прозрачной черноте бесконечности. Эрг Ноор не отрывал глаз от красной полосы горизонтального уравнивателя — она качалась в неустойчивом равновесии, показывая, что корабль готов перейти из подъема на спуск по дуге падения. Планета еще не выпустила «Тантру» из своего плена. Эрг Ноор решил включить аномозонные моторы, способные поднять звездолет с любой планеты. Звенящая вибрация заставила содрогнуться корабль. Красная полоса поднялась на десяток миллиметров от линии нуля. Еще немного...

Сквозь перископ верхнего обзора корпуса начальник экспедиции увидел, как «Тантра» покрылась тонким слоем голубоватого пламени, медленно стекавшим к корме корабля. Атмосфера пробита! В пустоте пространства по закону сверхпроводимости остаточные электротоки струились прямо по корпусу корабля.

Звезды опять заострились иглами, и «Тантра», освободившись, улетала все дальше от грозной планеты. С каждой секундой уменьшалось бремя тяготения. Легче и легче становилось тело. Запел аппарат искусственной гравитации, и его обычное земное напряжение после бесконечных дней жизни под прессом черной планеты показалось неопределимо малым. Люди вскочили с кресел. Ингрид, Лума и Эон выделяли труднейшие па фантастического танца. Но скоро пришла неизбежная реакция, и большая часть экипажа погрузилась в короткий сон временного отдыха. Бодрствовали только Эрг Ноор, Пел Лин, Пур Хисс и Лума Ласви. Следовало рассчитать временный курс звездолета и, описав

гигантскую дугу, перпендикулярную к плоскости обращения всей системы звезды Т, миновать ее ледяной и метеоритный пояса. После этого можно было разогнать корабль до нормальной субсветовой скорости и приступить к длительной работе определения истинного курса.

Врач наблюдал за состоянием Низы после взлета и возвращения к нормальной для землянина силе тяжести. Вскоре ей удалось успокоить всех сообщением, что паузы между ударами пульса равны ста десяти секундам. При повышении кислородного режима это не было гибелью. Лума Ласви предполагала обратиться к тиратрону — электронному возбудителю деятельности сердца и нейросекреторным стимуляторам.

Пятьдесят пять часов были стены корабля от вибрации анамезонных моторов, пока счетчики не показали скорости в девятьсот семьдесят миллионов километров в час — близко к пределу безопасности. Расстояние от железной звезды за земные сутки увеличивалось больше чем на двадцать миллиардов километров. Трудно передать облегчение, испытывавшееся всеми тринадцатью путешественниками после тяжелых испытаний. Радость освобождения оказалась неполной: четырнадцатый член экипажа — юная Низа Крит недвижно лежала в полусне-полусмерти в госпитальной каюте...

Пять женщин корабля — Ингрид, Лума, второй электронный инженер, геолог и учительница ритмической гимнастики Ионе Мар, исполнявшая еще обязанности распределителя питания, воздушного оператора и коллектора научных материалов, — собрались словно на древний похоронный обряд. Тело Низы, полностью освобожденное от одежды, уложили на толстом ковре. Ковер поместили на воздушный матрац, заключили в круглый купол из розоватого силиколла. Точный прибор — термобарооксиген — мог годами поддерживать нужную температуру, давление и режим воздуха внутри толстого колпака. Лума отказалась на первые год-два предстоящего пути от продолжительного сна. Каталептическое состояние Низы не проходило. Единственно, чего удалось добиться Луме Ласви, — это учащения пульса до удара в минуту. Как ни мало

было такое достижение, оно позволяло устранить вредное для легких насыщение кислородом.

Прошло четыре месяца. Звездолет шел по истинному, точно вычисленному курсу, в обход района свободных метеоритов. Экипаж, измученный приключениями и непосильной работой, погрузился в семимесячный сон. На этот раз бодрствовало не три, а четыре человека, — к дежурным Эргу Ноору с Пур Хиссом присоединились врач Лума Ласви и биолог Эон Тал.

Начальник экспедиции, вышедший из труднейшего положения, в какое когда-либо попадали звездолеты Земли, чувствовал себя одиноко. Впервые четыре года пути до Земли показались ему бесконечными. Он не собирался обманывать самого себя — потому, что только на Земле он мог надеяться на спасение своей Низы.

Он долго откладывал то, что сделал бы на следующий день отлета, — просмотр электронных стереофильмов с «Паруса». Эргу Ноору хотелось вместе с Низой увидеть и услышать первые вести планет синей звезды, летних ночей Земли. Чтобы Низа вместе с ним пришла к осуществлению самых смелых романтических грез прошлого и настоящего — открытию новых звездных миров — будущих дальних островов человечества...

Фильмы, снятые в восьми парсеках от Солнца восемьдесят лет тому назад, пролежавшие в открытом корабле на черной планете — Т-звезды, сохранились превосходно. Полушаровой стереозэкран перенес зритель туда, где сияла высоко над ними голубая Вега.

Быстро сменялись короткие сюжеты — вырастало ослепительно голубое светило, и шли небрежные минутные кадры из жизни корабля. Работал за вычислительной машиной двадцативосьмилетний начальник экспедиции, вели наблюдения еще более молодые астрономы. Вот обязательные ежедневные спорт и танцы, доведенные членами экспедиции до акробатического совершенства. Насмешливый голос пояснил, что первенство на всем пути к Веге оставалось за биологом. Действительно, эта девушка с короткими льняными волосами показывала труднейшие упражнения,

Скупая летопись жизни экспедиции быстро промелькнула. Усилители света в проекционном аппарате

начали жужжать — так яростно горело фиолетовое светило, что даже здесь, в его бледном отражении, оно заставило людей надеть защитные очки. Звезда почти в три раза больше Солнца по диаметру и по массе — колоссальная, сильно сплюснутая, бешено вращающаяся с экваториальной скоростью триста километров в секунду. Шар неописуемо яркого газа с поверхностной температурой в одиннадцать тысяч градусов, распростерший на миллионы километров крылья жемчужно-розового огня. Казалось, что лучи Веги ощутимо били и давили все попадавшееся на их пути, летели в пространство могучими коньями в миллионы километров длины. В глубине их сияния скрывалась ближайшая к синей звезде планета. Но туда, в этот океан огня, не мог окунуться никакой корабль Земли или ее соседей по Кольцу. Зрительная проекция сменилась докладом о сделанных наблюдениях, и на экране возникли полупризрачные линии стереометрических чертежей, показывавших расположение первой и второй планет Веги. «Парус» не смог приблизиться даже ко второй планете, удаленной от звезды на сто миллионов километров.

Чудовищные протуберанцы вылетали из глубин океана прозрачного фиолетового пламени — звездной атмосферы, протягивались в пространство все сжигающими руками. Так велика была энергия Веги, что звезда излучала свет наиболее сильных квант — фиолетовой и невидимой части спектра. Даже в защищенных тройным фильтром человеческих глазах она вызывала страшное ощущение призрачности, почти невидимого, но смертельно опасного фантома... Пролетали световые бури, преодолевая тяготение звезды. Их дальние отголоски опасно толкали и раскачивали «Парус». Счетчики космических лучей и других видов жестких излучений отказались работать. Внутри надежно защищенного корабля стала нарастать опасная ионизация. Можно было только догадываться о неистовстве лучистой энергии, чудовищным потоком устремлявшейся в пустоту пространства, там, за стенами корабля, о квинтиллионах киловатт бесполезно расточаемой мощности.

Начальник «Паруса» осторожно подвел звездолет к третьей планете — большой, но одетой лишь тонкой

прозрачной атмосферой. Видимо, огненное дыхание синей звезды согнало прочь покров легких газов, длинным слабо сиявшим хвостом тянувшийся за планетой по ее теневой стороне. Разрушительные испарения фтора, яд окиси углерода, мертвая плотность инертных газов — в этой атмосфере ничто земное не просуществовало бы и секунды.

Из недр планеты выширляли острые пики, ребра, отвесные иззубренные стены красных, как свежие раны, черных, как бездны, каменных масс. На обдутых бешеными вихрями плоскогорьях из вулканических лав виднелись трещины и провалы, источавшие раскаленную магму и казавшиеся жилами кровавого огня.

Высоко взвивались густые облака пепла, ослепительно голубые на освещенной стороне, непроницаемо черные на теневой. Исполинские молнии в тысячи километров длины били по всем направлениям, свидетельствуя об электрической насыщенности мертвой атмосферы.

Грозный фиолетовый призрак огромного солнца, черное небо, наполовину скрытое сверкающей короной жемчужного сияния, а внизу, на планете, — алые контрастные тени на диком хаосе скал, пламенные борозды, извилины и круги, непрерывное сверкание зеленых молний...

Стереотелескопы передали, а электронные фильмы записали это с бесстрастной, нечеловеческой точностью.

Но за приборами стояло живое чувство путешественников — протест разума против бессмысленных сил разрушения и нагромождения косной материи, сознание враждебности этого мира неистовствующего космического огня. И, загипнотизированные зрелищем, четверо людей обменялись одобрительными взглядами, когда голос сообщил, что «Парус» идет на четвертую планету.

Через несколько секунд под килевыми телескопами корабля уже росла последняя краевая планета Веги, размерами близкая к Земле. «Парус» круто снижался. Очевидно, путешественники решили во что бы то ни стало исследовать последнюю планету, последнюю надежду на открытие мира, пусть не прекрасного, но хотя бы годного для жизни.

Эрг Ноор поймал себя на том, что он мысленно произнес это уступительное слово: «хотя бы». Вероятно, так же шли и мысли тех, кто управлял «Парусом» и осматривал поверхность планеты в мощные телескопы.

«Хотя бы!..» В этих трех слогах заключалось прощание с мечтой о прекрасных мирах Веги, о находке жемчугов-планет на дне просторов вселенной, во имя чего люди Земли пошли на добровольное сорокапятiletнее заключение в звездолете и больше чем на шестьдесят лет покинули родную планету.

Но, увлеченный зрелищем, Эрг Ноор не сразу подумал об этом. В глубине полусферического экрана он мчался над поверхностью безмерно далекой планеты. К настоящему горю путешественников, тех — погибших — и этих — живых, планета оказалась похожей на знакомого с детства ближайшего соседа в солнечной системе — Марс. Та же тонкая прозрачная газовая оболочка с черновато-зеленым, всегда безоблачным небом, та же ровная поверхность пустынных материков с грядями развалившихся гор. Только на Марсе царствовал обжигающий холод ночи и резкая смена дневных температур. Там были мелкие, похожие на гигантские лужи болота, испарявшиеся до почти полной сухости, был скудный, редкостный дождь или иней, ничтожная жизнь омертвевших растений и странных, зарывавшихся в землю животных.

Здесь ликующий пламень голубого солнца нагревал планету так, что она вся дышала жаром самых знойных пустынь Земли. Водяные пары в ничтожном количестве поднимались в верхние слои воздушной оболочки, а огромные равнины затенялись лишь вихрями тепловых токов, непрерывно возмущавших атмосферу. Планета вращалась быстро, как и все остальные. Ночное охлаждение рассыпало горные породы в море песка. Песок, оранжевый, фиолетовый, зеленый, голубоватый или слепяще белый, покрыл планету огромными пятнами, издавала казавшимися морями или зарослями выдуманных растений. Цепи разрушенных гор, более высоких, чем на Марсе, но столь же мертвых, были покрыты блестящей черной или коричневой корой. Си-

нее солнце, с его могучим ультрафиолетовым излучением, разрушало минералы, испаряло легкие элементы.

Светлые песчаные равнины, казалось, излучали само пламя. Эрг Ноор припомнил, что в старину, когда учеными было не большинство населения Земли, а лишь ничтожная по численности группа людей, среди писателей и художников распространились мечты о людях иных планет, приспособившихся к жизни в повышенной температуре. Это было поэтично и красиво, подымало веру в могущество человеческой природы. Люди в огненном дыхании планет голубых солнц, встречающие своих земных собратьев!.. Большое впечатление на многих, в том числе и на Эрга Ноора, произвела картина в музее восточного центра южного жилого пояса: туманящаяся на горизонте равнина пламенного алого песка, серое горящее небо и под ним — безликие человеческие фигуры в тепловых скафандрах, отбрасывающие невероятно резкие черно-синие тени. Они застыли в очень динамичных, полных изумления позах перед углом какого-то металлического сооружения, раскаленного чуть не добела. Рядом — обнаженная женщина с распущенными красными волосами. Светлая кожа сияет в слепящем свете еще сильнее песков, лиловые и малиновые тени подчеркивают каждую линию высокой и стройной фигуры, стоящей, как знамя победы жизни над силами космоса.

Смелая, но совершенно нереальная мечта, противоречащая всем законам биологического развития!

Эрг Ноор вздрогнул, когда поверхность планеты на краю ринулась навстречу. Пилот повел «Парус» на снижение. Совсем близко поплыли песчаные конусы, черные скалы, россыли каких-то сверкавших зеленых кристаллов. Звездолет методически вил спиралью облета планеты от одного полюса к другому. Никакого признака воды и хотя бы самой примитивной растительной жизни. Опять «хотя бы»!..

Появилась тоска одиночества, затерянности корабля в мертвых далях, во власти пламенной синей звезды... Эрг Ноор чувствовал, как свою, надежду тех, кто снимал фильм, наблюдая планету в поисках хотя бы прошлой жизни. Как знакомы каждому, кто летал на пу-

стые, мертвые планеты, без воды и атмосферы, эти напряженные поиски мнимых развалин, остатков городов и построек в случайных формах трещин и безжизненных скал, в обрывах мертвых, не знавших жизни гор!

Быстро бежала на экране сожженная, развеваемая буйными вихрями, лишенная всяких следов тени земля далекого мира. Эрг Ноор, осознавший крушение давней мечты, силился сообразить, как могло родиться неверное представление о сожженных мирах синей звезды.

— Наши земные братья будут разочарованы, когда узнают, — тихо сказал биолог, близко придвинувшийся к начальнику. — Много тысячелетий миллионы людей Земли смотрели на Вегу. В летние ночи Севера все молодые, любившие и мечтавшие, обращали взоры на небо. Летом Вега, яркая и синяя, стоит почти в зените — разве можно было не любоваться ею? Уже тысячи лет назад люди знали довольно много о звездах. По странному направлению мысли они не подозревали, что планеты образовывались почти у каждой медленно вращавшейся звезды с сильным магнитным полем, как спутники есть почти у каждой планеты. Они не знали об этом законе, но мечтали о собратях на других мирах и прежде всего на Веге — синем солнце. Я помню переводы красивых стихов о полубожественных людях с синей звезды с какого-то из древних языков.

— Я мечтал о Веге после сообщения «Паруса», — повернулся к Эону Талу начальник. — Теперь ясно, что тысячелетняя тяга к дальним и прекрасным мирам закрыла глаза и мне и множеству мудрых и серьезных людей.

— Как вы теперь расшифруете сообщение «Паруса»?

— Просто. «Четыре планеты Веги совершенно безжизненны. Ничего нет прекраснее нашей Земли. Какое счастье будет вернуться!»

— Вы правы! — воскликнул биолог. — Почему раньше это никому не пришло в голову?..

— Может быть, и приходило, но не нам, астролетчикам, да, пожалуй, и не Совету. Но это делает нам честь — смелая мечта, а не скептическое разочарование побеждает в жизни!

На экране облет планеты закончился. Последовали записи станции-робота, сброшенного для анализа условий на поверхности планеты. Затем раздался сильнейший взрыв — это сбросили геологическую бомбу. До звездолета достигло гигантское облако минеральных частиц. Завыли насосы, забирая пыль в фильтры боковых всасывающих каналов. Несколько проб минерального порошка из песков и гор сожженной планеты заполнили силиколовые пробирки, а воздух верхних слоев атмосферы — кварцевые баллоны. «Парус» отправился назад в тридцатилетний путь, преодолеть который ему не было суждено. Теперь его земной товарищ несет людям все, что с таким трудом, терпением и отвагой удалось добыть погибшим путешественникам...

Продолжение записей — шесть катушек наблюдений — подлежало специальному изучению астрономами Земли и передаче наиболее существенного по Великому Кольцу.

Просматривать фильмы о дальнейшей судьбе «Паруса» — тяжелой борьбе с аварией и звездой Т, а особенно трагическую последнюю звукокатушку, — никому не захотелось. Слишком еще были сильны собственные переживания. Решили отложить просмотр до очередной побудки всего экипажа. Дежурные разошлись отдыхать, оставив начальника на центральном посту.

Эрг Ноор более не думал о сокрушенной мечте. Он пытался оценить те горькие крохи знания, которые удастся принести человечеству ценой таких усилий и жертв двум экспедициям — его и «Паруса». Или достижения горьки только от большого разочарования?

Эрг Ноор впервые подумал о прекрасной родной планете, как о неисчерпаемом богатстве человеческих душ, утонченных и любознательных, освобожденных от тяжких забот и опасностей природы или примитивного общества. Прежние страдания, поиски, неудачи, ошибки и разочарования остались и теперь, в эпоху Кольца, но они перенесены в высший план творчества в знании, искусстве, строительстве. Только благодаря знанию и творческому труду Земля избавлена от ужасов голода, перенаселения, заразных болезней. Спасена от истощения топлива, нехватки полезных химических

элементов, преждевременной смерти и слабости людей. И те крохи знания, что принесет с собой «Тантра», тоже вклад в могучую лавину мысли, с каждым десятилетием совершающей новый шаг вперед в устройстве общества и познании природы!

Эрг Ноор открыл сейф путевого журнала «Тантры» и вынул коробку с металлом от спирального звездолета с черной планеты. Тяжелый кусок яркой небесной голубизны лег на ладонь. Эрг Ноор знал, что на родной планете и ее соседях в солнечной системе и ближайших звездах такого металла нет. Это еще одно, пожалуй, самое важное сообщение, помимо вести о гибели Зирды, которое они доставят Земле и Кольцу...

Железная звезда очень близка к Земле, посещение черной планеты специально подготовленной экспедицией теперь, после опыта «Паруса» и «Тантры», будет не столь опасно, какой бы набор черных крестов и медуз ни существовал в этой вечной тьме. Спиральный звездолет они вскрыли неудачно. Если бы они имели время хорошенько обдумать предприятие, то еще тогда поняли, что гигантская спиральная труба является частью двигательной системы звездолета.

Снова в памяти начальника экспедиции возникли события последнего рокового дня...

Пур Хисс неслышно возник позади, чтобы заместить начальника на дежурстве. Эрг Ноор вышел в библиотеку-лабораторию, но не направился в коридор центрального отсека к спальням, а открыл тяжелую дверь госпитальной каюты.

Рассеянный свет земного дня поблескивал на силиконовых шкафах с лекарствами и инструментами, отражался от металла, рентгеновской аппаратуры, приборов искусственного кровообращения и дыхания. Начальник экспедиции отстранил доходявший до потолка плотный занавес и вошел в полумрак. Слабое освещение, похожее на лунное, становилось теплым в розовом хрустале силиколла. Два тиратронных стимулятора, включенных на случай внезапного коллапса, едва слышно пощелкивали, поддерживая биение сердца парализованной. В розовато-серебряном свете Низа казалась погруженной в спокойный, счастливый сон. Сто поколе-

ний здоровой, чистой и сытой жизни предков отточили до высокого художественного совершенства гибкие и сильные линии тела женщины — самого прекрасного создания могучей жизни Земли. Люди давно знали, что их уделом оказалась очень богатая водой планета. Вода стимулировала обилие растительной жизни, а та создала огромные запасы свободного кислорода. Тогда разлилась буйным потоком животная жизнь, многие сотни миллионов лет проходившая постепенное совершенствование, пока не появилось мыслящее существо — человек. Гигантский исторический опыт развития жизни на планетных системах бесчисленных миров показал, что чем труднее и дольше был слепой эволюционный путь отбора, тем прекраснее получались формы высших, мыслящих существ, тем тоньше была разработана целесообразность их приспособления к окружающим условиям и требованиям жизни, та целесообразность, которая и есть красота.

Все существующее движется и развивается по спиральному пути. Эрг Ноор зримо представил себе эту величайшую спираль всеобщего восхождения в применении к жизни и обществу людей. Впервые он понял с поражающей ясностью, что чем труднее условия жизни и работы организма как биологических машин, чем тяжелее путь развития общества, тем туже скручена спираль восхождения и ближе друг к другу ее «витки» — следовательно, тем медленнее проходит процесс и стандартнее, более похожи друг на друга возникающие формы.

Он не прав в своей погоне за дивными планетами синих солнц и неверно учил Низу! Полет к новым мирам не ради поисков и открытия каких-то ненаселенных, случайно устроившихся сами собою планет, а осмысленная, шаг за шагом, поступь человечества по всему рукаву Галактики, победным шествием знания и красоты жизни... такой, как Низа...

С внезапной тяжелой тоской Эрг Ноор опустился на колени перед силиколовым саркофагом Низы. Дыхание девушки не было заметно, ресницы бросали лиловые полоски теней под плотно закрытыми веками, сквозь чуть приоткрытые губы проблескивала белизна

зубов. На левом плече, на руке у локтя и у основания шеи виднелись бледные синеватые пятна — места ударов зловредного тока.

— Видишь ли ты, помнишь ли что-нибудь в своем сне? — мучительно спрашивал Эрг Ноор в порыве большого горя, чувствуя, как становится мягче воска его воля, как стесняется дыхание и сжимается горло.

Начальник экспедиции стиснул переплетенные пальцы рук так, что они посинели, пытаясь передать Нисе свои мысли, страстный призыв к жизни и счастью. Но девушка оставалась неподвижной.

Врач Лума Ласви тихо вошла в госпиталь и почувствовала чье-то присутствие. Осторожно откинув занавес, она увидела коленопреклоненного начальника, неподвижного, словно памятник тем миллионам мужчин, которым приходилось оплакивать своих возлюбленных. Не в первый раз заставляла она Эрга Ноора здесь, и острая жалость шевельнулась в ее душе. Эрг Ноор хмуро поднялся. Лума быстро подошла к нему и, волнуясь, прошептала:

— Мне надо поговорить с вами.

Эрг Ноор кивнул и вышел за нею. Он не сел на предложенный Лумой стул, а остался стоять, прислонившись к стойке грибовидного излучателя. Лума Ласви вытянулась перед ним во весь свой небольшой рост, стараясь казаться выше и значительнее для предстоящего разговора. Взгляд начальника не дал ей подготовиться.

— Вы знаете, — неуверенно начала она, — что современная псеврология проникла в процесс возникновения эмоций в сознательной и подсознательной областях психики. Подсознание уступает воздействию тормозящих лекарств через древние области мозга, ведающие химической регуляцией организма, в том числе и первой системы и отчасти высшей нервной деятельности.

Эрг Ноор поднял брови. Лума Ласви почувствовала, что говорит слишком подробно и длинно.

— Я хочу сказать, что медицина владеет возможностью воздействия на те мозговые центры, которые ведают сильными переживаниями. Я могла бы...

Понимание вспыхнуло в глазах Эрга Ноора и отразилось в беглой улыбке.

— Вы предлагаете воздействовать на мою любовь, — быстро спросил он, — и тем самым избавить меня от страдания?

Врач наклонила голову.

Эрг Ноор благодарно протянул руку и отрицательно покачал головой.

— Я не отдам своего богатства чувств, как бы они ни заставляли меня страдать. Страдание, если оно не выше сил, ведет к пониманию, понимание — к любви — так замыкается круг. Вы добры, Лума, но не надо!

И с обычной стремительностью начальник скрылся за дверь.

Торопясь, как во время аварии, электронные инженеры и механики вновь после тринадцати лет устанавливали в центральном посту и в библиотеке экраны ТВФ земных передач. Звездолет вошел в зону, в которой становился возможен прием рассеянных атмосферой радиоволн мировой сети Земли.

Голоса, звуки, формы и краски родной планеты ободряли путешественников и в то же время возбуждали их нетерпение — длительность космических путей становилась все более невыносимой. Звездолет звал искусственный спутник 57 на обычной волне дальних космических рейсов, каждый час ожидали отклика этой могучей передаточной станции связи Земли и космоса.

Наконец зов звездолета достиг Земли.

Весь экипаж звездолета бодрствовал, не отходя от приемников. Возвращение к жизни после тринадцати земных и девяти зависимых лет отсутствия связи с Родиной! Люди с ненасытной жадностью встречали земные сообщения, обсуждали по мировой сети новые важные вопросы, ставившиеся, как обычно, любым желающим.

Так, случайно уловленное предложение почвовед-а Хеба Ура вызвало шестинедельную дискуссию и сложнейшие расчеты.

«Предложение Хеба Ура — обсуждайте!» — гремел голос Земли. «Все, кто думал и работал в этом направ-

лении, все, обладающие сходными мыслями или отрицательными заключениями, — высказывайтесь!» Радостно звучала для путешественников эта обычная формула широкого обсуждения. Хеб Ур внес в Совет Звездоплавания предложение систематического изучения доступных планет синих и зеленых звезд. По его мнению, это особые миры мощных силовых излучений, которые могут химически стимулировать инертные в земных условиях минеральные составы к борьбе с энтропией — то есть к жизни. Особые формы жизни из минералов, более тяжелых, чем газы, будут активны в высоких температурах и неистой радиации звезд высших спектральных классов. Хеб Ур считал неудачу экспедиции на Сириус, не обнаружившей там никаких следов жизни, закономерной, поскольку эта быстро вращающаяся звезда была двойной и не обладала мощным магнитным полем. Никто не спорил с Хебом Уром, что двойные звезды не могли считаться образователями планетных систем космоса, но суть предложения вызвала активное противодействие со стороны экипажа «Тантры».

Астрономы экспедиции во главе с Эргом Ноором составили сообщение, которое было послано, как мнение первых людей, видевших Вегу в фильме, спятом «Парусом».

И люди Земли с восхищением слышали голос, говоривший с приближавшегося звездолета.

«Тантра» высказывается против посылки экспедиции по положениям Хеба Ура. Голубые звезды действительно излучают такую массу энергии на единицу поверхности своих планет, что она достаточна для жизни из тяжелых соединений. Но любой живой организм — это фильтр и плотина энергии, противодействующая второму закону термодинамики или энтропии путем создания структуры, путем великого усложнения простых минеральных и газовых молекул. Такое усложнение может возникнуть только в процессе исторического развития огромной длительности — следовательно, при длительном постоянстве физических условий. Как раз постоянства условий нет на планетах высокотемпературных звезд, быстро разрушающих

сложные соединения в порывах и вихрях мощнейших излучений. Там нет ничего длительно существующего, да и не может быть, несмотря на то, что минералы приобретают наиболее стойкое кристаллическое строение с кубической атомной решеткой.

По мнению «Тантры», Хеб Ур повторяет одностороннее суждение древних астрономов, не понявших динамики развития планет. Каждая планета теряет свои легкие вещества, уносящиеся в пространство и рассеивающиеся. Особенно сильная потеря легких элементов идет при сильном нагреве и лучевом давлении синих солнц.

«Тантра» приводила перечень примеров и кончала утверждением, что процесс «утяжеления» планет у голубых звезд не допускает образования жизненных форм.

Спутник 57 передал возражение ученых звездолета прямо в обсерваторию Совета.

В конце концов настала минута, которую с таким нетерпением ждали Ингрид Дитра и Кэй Бэр, как, впрочем, и все без исключения члены экспедиции. «Тантра» начала замедлять субсветовую скорость полета и миновала ледяной пояс солнечной системы, приближаясь к станции звездолетов на Тритоне. Такая скорость больше не была нужна — отсюда, со спутника Нептуна, «Тантра», летящая со скоростью девяти-сот миллионов километров в час, достигла бы Земли меньше чем за пять часов. Однако разгон звездолета требовал столько времени, что корабль, начав полет с Тритона, миновал бы Солнце и удалился бы от него на огромное расстояние.

Чтобы не расходовать драгоценный аннализоп и не обременять корабли громоздким оборудованием, внутри системы летали на ионных планетолетах. Скорость их не превышала восьмисот тысяч километров в час для внутренних планет и двух с половиной миллионов для самых удаленных внешних. Обычный путь от Нептуна до Земли занимал два с половиной — три месяца.

Тритон — очень крупный спутник, лишь немного уступающий в размерах гигантским третьему и четвертому спутникам Юпитера — Ганимеду и Каллисто

и планете Меркурию. Поэтому он обладал тонкой атмосферой, главным образом из азота и углекислоты.

Эрг Ноор посадил звездолет на полюсе Тритона в указанном месте, поодаль от широких куполов здания станции. На уступе плоскогорья, около обрыва, пронизанного подземными помещениями, сверкало стеклами здание карантинного санатория. Здесь, в полной изоляции от всех других людей, путешественникам предстояло провести пятинедельный карантин. За этот срок искусные врачи тщательно проверяют их тела, в которых могла бы гнездиться какая-нибудь новая инфекция. Опасность была слишком велика, чтобы пренебрегать ею. Поэтому все, кто садился на другие, хотя бы ненаселенные, планеты, неизбежно подвергались этой процедуре, как бы долго ни продолжалось их пребывание на звездолете. Сам корабль внутри тоже исследовался учеными санатория, прежде чем станция давала разрешение на вылет к Земле. Для давно освоенных человечеством планет, как Венера, Марс и некоторые астероиды, карантин проводился на их станциях перед вылетом.

Пребывание в санатории переносилось легче, чем в звездолете. Лаборатории для занятий, концертные залы, комбинированные ванны из электричества, музыки, воды и волновых колебаний, ежедневные прогулки в легких скафандрах по горам и окрестностям санатория. И, наконец, связь с родной планетой, не всегда регулярная, но лишь пять часов требовалось, чтобы сообщение отсюда достигло Земли!

Силиколовый саркофаг Низы со всеми предосторожностями перевезли в санаторий. Эрг Ноор и биолог Эон Тал покинули «Тантру» последними. Они ступали легко даже с утяжелителями, надетыми, чтобы не совершать внезапных скачков из-за малой силы тяжести на этой планетке.

Погасли осветители, горевшие вокруг посадочного поля. Тритон выходил на освещенную Солнцем сторону Нептуна. Как ни тускл был сероватый свет, отраженный Нептуном, исполинское зеркало громадной планеты, находившейся всего в трехстах пятидесяти тысячах километров от Тритона, рассеивало тьму, соз-

давая на спутнике светлые сумерки, похожие на весенние сумерки высоких широт Земли. Тритон облетал вокруг Нептуна навстречу вращению своей планеты с востока на запад почти за шесть земных суток, и его «дневные» периоды длились около семидесяти часов. За это время Нептун успевал четыре раза обернуться вокруг оси, и сейчас тень спутника заметно бежала по туманному диску.

Почти одновременно начальник и биолог увидели небольшой корабль, стоявший далеко от края плато. Это не был звездолет со вздутой задней половиной и высокими гребнями равновесия. Судя по очень острому носу и узкому корпусу, корабль должен был быть планетолетом, но отличался от знакомых контуров этих кораблей толстым кольцом на корме и длинной веретенообразной пристройкой наверху.

— Здесь, на карантине, еще корабль? — полувопросительно сказал Эон. — Разве Совет изменил свое обыкновение?..

— Не посылать новых звездных экспедиций до возвращения прежних? — отозвался Эрг Ноор. — Действительно, мы выдержали свои сроки, но сообщение, которое мы должны были отправить с Зирды, запоздало на два года.

— Может быть, это экспедиция на Нептун? — предположил биолог.

Они прошли двухкилометровый путь до санатория и поднялись на широкую террасу, отделанную красным базальтом. В черном небе ярче всех звезд сверкал крохотный диск Солнца, хорошо видимый отсюда, с полюса невращающегося спутника. Жестокий семидесятиградусный мороз чувствовался сквозь обогревающий скафандр, как обычный холод земной полярной зимы. Крупные хлопья снега из замерзшего аммиака или углекислоты медленно падали сверху в неподвижной атмосфере, придавая всей окрестности тихий покой земного снегопада.

Эрг Ноор и Эон Тал как загипнотизированные смотрели на падение снежинок, подобно далеким, жившим в умеренных широтах предкам, для которых появление снега означало конец трудов земледельца.

И этот необычный снег тоже предвещал окончание их труда и путешествия.

Биолог, отвечая своим подсознательным чувствам, протянул руку начальнику.

— Кончились наши приключения, и мы целы благодаря вам!

Эрг Ноор сделал резкий отстраняющий жест.

— Разве все целы? А я цел благодаря кому?

Эон Тал не смутился.

— Я уверен — Низа будет спасена! Здешние врачи хотят начать лечение безотлагательно. Получена инструкция от самого Грим Шара — руководителя лаборатории общих параличей.

— Известно, что это?

— Пока нет. Но ясно, что Низа поражена родом тока, который изменяет химизм нервных узлов автономных систем. Понять, как уничтожить его непонятно длительное действие, — значит вылечить девушку. Раскрыли же мы механизм стойких психических параличей, столько столетий считавшихся неизлечимыми. Тут что-то похожее, но вызванное внешним возбудителем. Когда произведут опыты над моими пленниками — все равно, живы они или нет, — тогда и моя рука станет служить мне снова!

Чувство стыда заставило нахмуриться начальника экспедиции. В своем горе он забыл, как много сделал для него биолог. Неприлично для взрослого человека! Он принял руку биолога, и оба ученых выразили обоюдную симпатию в старинном мужском жесте.

— Вы думаете, что убийственные органы у черных медуз и у этой крестообразной мерзости одного рода? — спросил Эрг Ноор.

— Не сомневаюсь. Тому порукой моя рука... — биолог не заметил случайного каламбура. — В накоплении и видоизменении электрической энергии выразилось общее жизненное приспособление черных существ — обитателей богатой электричеством планеты. Они — явные хищники, а тех, кто служит им жертвами, мы пока не знаем.

— Но помните, что случилось с нами всеми, когда Низа...

— Это другое. Я долго думал об этом. С появлением страшного креста раздался сломивший наше сознание инфразвук огромной силы. В этом черном мире и звуки тоже черные, неслышимые. Угнетая сознание инфразвуком, это существо действует гипнозом, более сильным, чем у наших, ныне вымерших, гигантских змей: например, апаконды. Вот что едва не погубило нас...

Начальник экспедиции посмотрел на далекое Солнце, светящее сейчас и на Земле. Солнце — вечную надежду человека, еще с доисторического его прозябания среди беспощадной природы. Солнце — олицетворение светлой силы разума, разгоняющего мрак и чужовиц ночи. И радостная искра надежды стала его спутником на остаток странствования...

Заведующий станцией Тритон явился в санаторий за Эргом Ноором. Земля вызывала начальника экспедиции, а появление заведующего в запретных помещениях карантина означало конец изоляции, возможность окончить тринадцатилетнее путешествие «Тантры». Начальник экспедиции скоро вернулся, еще более сосредоточенный, чем обычно.

— Вылетаем сегодня же. Меня попросили взять шесть человек с планетолета «Амат», который оставляют здесь для освоения новых рудных месторождений на Плутоне. Мы возьмем экспедицию и собранные ею на Плутоне материалы.

Эта шестерка переоборудовала обычный планетолет и совершила безмерно отважный подвиг. Они нырнули на дно преисподней, под густую неоновую-метановую атмосферу Плутона. Летели в бурях аммиачного снега, ежесекундно опасаясь разбиться во тьме о колоссальные иглы прочного как сталь водяного льда. Они сумели найти область, где выступали обнаженные горы. Загадка Плутона, наконец, решена — эта планета не принадлежит к нашей солнечной системе. Она захвачена ею во время пути Солнца через Галактику. Вот почему плотность Плутона гораздо больше всех других далеких планет. Странные минералы из совсем чужого мира открыты исследователями. Но еще важнее, что на одном хребте обнаружены следы почти нацело

разрушенных построек, свидетельствующих о какой-то невообразимо древней цивилизации. Добытые исследователями данные, конечно, должны быть проверены. Разумная обработка строительных материалов еще требует доказательств... Но налицо изумительный подвиг. Я горжусь тем, что наш звездолет доставит героев на Землю, и горю нетерпением услышать их рассказы. Карантин у них кончился три дня тому назад...

— Но ведь тут есть серьезное противоречие! — вскричал Пур Хисс.

— Противоречие — мать истины! — спокойно ответил астроному Эрг Ноор старой поговоркой. — Пора готовить «Тантру»!

Испытанный звездолет легко оторвался от Тритона и понесся по гигантской дуге, перпендикулярной к плоскости эклиптики. Прямой путь к Земле был невозможен: любой корабль погиб бы в широком поясе метеоритов и астероидов — осколков разбитой планеты Фаэтона, когда-то существовавшей между Марсом и Юпитером и разорванной тяготением гиганта солнечной системы. Эрг Ноор набирал ускорение. Он не собирался везти героев на Землю положенные семьдесят два дня, а решил, пользуясь колоссальной силой звездолета, при минимальном расходе анометона, дойти за пятьдесят часов.

Передача с Земли прорывалась в пространство к звездолету — планета приветствовала победу над мраком железной звезды и мраком ледяного Плутона.

Космос гремел торжествующими мелодиями. Станции на Марсе, Венере и астероидах вызывали корабль, вливая свои аккорды в общий хор уважения к героям.

— «Тантра», «Тантра», — наконец зазвучал голос с поста Совета, — дается посадка на Эль Хомру!

Центральный космопорт находился на месте бывшей пустыни в Северной Африке, и звездолет ринулся туда сквозь насыщенную солнечным светом атмосферу Земли.

*Симфония Фа-минор
цветовой тональности
4,750 лю*

ластины прозрачной пластмассы служили стенами широкой веранды, обращенной на юг, к морю. Бледный матовый свет с потолка не спорил с яркой луной, а дополнял ее, смягчая грубую черноту теней. На веранде собрался почти весь состав морской экспедиции. Только самые юные ее работники затеяли игру в залитом лунной морю. Пришел художник Карт Сан с Чарой Нанди. Начальник экспедиции Фрит Дон рассказал об исследовании найденного Миико коня. Определение материала статуи для выяснения подъемного веса привело к неожиданным результатам. Под поверхностным слоем какого-то сплава оказалось чистое золото. Если конь был литым, то вес изваяния, даже с вычетом вытесненной им воды, достигал четырехсот тонн. Для подъема такого чудовища вызывались большие суда с особыми приспособлениями.

На вопросы, как объяснить нелепейшее употребление ценного металла, один из старших сотрудников экспедиции вспомнил встреченную в исторических архивах легенду об исчезновении золотого запаса целой страны: тогда золото служило эквивалентом стоимости труда. Пре-

ступные правители, виновные в тирании и разорении народа, перед тем как исчезнуть, убежав в другую страну, — тогда были препятствия к сообщению разных народов между собою, называвшиеся границами, — собрали весь запас золота и отлили из него статую, которую поставили на самой людной площади главного города государства. Никто не смог найти золота. Историк высказал догадку, что никто тогда не догадался, какой металл скрывается под слоем недорогого сплава.

Рассказ вызвал оживление. Находка колоссального количества золота была великолепным подарком человечеству. Хотя тяжелый желтый металл давно уже не служил символом ценности, он оставался очень нужным для электрических приборов, медицинских препаратов и особенно для изготовления анамнеза.

В углу с наружной стороны веранды собрались в тесный кружок Веда Конг, Дар Ветер, художник, Чара Нанди и Эвда Наль. Пришел после тщетных поисков исчезнувшего куда-то Мвена Маса Рен Боз и сел, застенчиво улыбаясь, рядом с Эвдой Наль.

— Вы были правы, утверждая, что художник — вернее, искусство вообще — всегда и неизбежно отстает от стремительного роста знания и техники, — говорил Дар Ветер.

— Вы меня не поняли, — возражал Карт Сан. — Искусство уже исправило свои ошибки и поняло свой долг перед человечеством. Оно перестало создавать угнетающие монументальные формы, изображать блеск и величие, реально не существующие, ибо это внешнее. Развивать эмоциональную сторону человека стало важнейшим долгом искусства. Только оно владеет силой настройки человеческой психики, ее подготовки к восприятию самых сложных впечатлений. Кто не знает волшебной легкости понимания, дающей предварительной настройкой — музыкой, красками, формой?.. И как замыкается человеческая душа, если ломиться в нее грубо и принудительно. Вам, историкам, лучше, чем кому-либо другому, известно, сколько бед вытерпело человечество в борьбе за развитие и воспитание эмоциональной стороны психики.

— Было время, когда искусство стремилось к отвлеченным формам, — заметила Веда Конг.

— Искусство стремилось к абстракции в подражание разуму, получившему явный примат над всем остальным. Но быть выраженным отвлеченно искусство не может, кроме музыки, занимающей особое место и также по-своему вполне конкретной. Это был ложный путь.

— Какой же путь вы считаете настоящим?

— Искусство, по-моему, — отражение борьбы и тревог мира в чувствах людей, иногда иллюстрация жизни, но под контролем общей целесообразности. Эта целесообразность и есть красота, без которой я не вижу счастья и смысла жизни. Иначе искусство легко вырождается в прихотливые выдумки, особенно при недостаточном знании жизни и истории...

— Мне всегда хотелось, чтобы путь искусства был в преодолении и изменении мира, а не только его ощущением, — вставил Дар Ветер.

— Согласен! — воскликнул Карт Сан. — По с той оговоркой, что не только внешнего мира, но и, главное, внутреннего мира эмоций человека. Его воспитания... с пониманием всех противоречий...

Эвда Наль положила на руку Дар Ветра свою, крепкую и теплую.

— От какой мечты вы отказались сегодня?

— От очень большой...

— Каждый из нас, кто смотрел, — продолжал свою речь художник, — произведения массового искусства древности — кинофильмы, записи театральных постановок, выставок живописи, тот знает, какими чудесно отточенными, изящными, очищенными от всего лишнего кажутся наши современные зрелища, тапцы, картины... Я уже не говорю об эпохах упадка.

— Он умен, но многословен, — шепнула Веда Конг.

— Художнику трудно выражать словами или формулами те сложнейшие явления, которые он видит и отбирает из окружающего, — вступилась Чара Нанди, и Эвда Наль одобрительно кивнула.

— А мне хочется, — продолжал Карт Сан, — идти

так: собрать и соединить чистые зерна прекрасной подлинности чувств, форм, красок, разбросанных в отдельных людях, в одном образе. Восстановить древние образы в высшем выражении красоты каждой из рас древнего прошлого, смешение которых образовало современное человечество. Так, «Дочь Гондваны» — единение с природой, подсознательное знание связи вещей и явлений, насквозь еще пронизанный инстинктами комплекс чувств и ощущений.

«Дочь Тетиса — Средиземного моря» — сильно развитые чувства, бесстрашно широкие и бесконечно разнообразные, — тут уже другая ступень слияния с природой через эмоции, а не через инстинкты. Сила Эроса — вот как мне мнится она. Древние культуры Средиземноморья — критяне, этруски, эллины, протоиндийцы — в их среде вырос образ человека, который только и мог создать эту вышедшую из женского главенства культуру. Как повезло мне найти Чару: случайно в ней соединились черты античных греко-критян и более поздних народов Центральной Индии.

Веда улыбнулась правоте своей догадки, а Дар Ветер прошептал ей, что трудно было бы найти лучшую модель.

— Если мне удастся «Дочь Средиземного моря», то неизбежно выполнение третьей части замысла — золотоволосая или светло-русая северная женщина, со спокойными и прозрачными глазами, высокая, чуть медлительная, пристально вглядывающаяся в мир, похожая на древних женщин русского, скандинавского или английского народов. Только после этого я смогу приступить к синтезу — созданию образа современной женщины. В ней — все лучшее от трех этих прототипов.

— Почему только «дочери», а не «сыновья»? — загадочно улыбнулась Веда.

— Надо ли пояснять, что прекрасное всегда более закончено в женщине и отточено сильнее по законам физиологии... — нахмурился художник.

— Когда будете писать свою третью картину, взгляните к Веде Конг, — начала Эвда Наль. — Вряд ли...

Художник быстро встал.

— Вы думаете, я не вижу! Но борюсь с собой, чтобы в меня не вошел этот образ сейчас, когда я полон другим. Но Веда...

— Мечтает о музыке, — слегка покраснела та. — Жаль, что здесь солнечный рояль, немой ночью!

— Системы, работающей на полупроводниках от солнечного света? — спросил Рен Боз, перегибаясь через ручку кресла. — Тогда я мог бы переключить его на токи от приемника.

— Долго это? — обрадовалась Веда.

— Час придется поработать.

— Не надо. Через час начнется передача новостей по мировой сети. Мы увлеклись работой, и два вечера никто не включал приемника.

— Тогда спойте, Веда, — попросил Дар Ветер. — У Карта Сана есть вечный инструмент со струнами времен Темных веков феодального общества.

— Гитара, — подсказала Чара Нанди.

— Кто будет играть?.. Попробую — может быть, справлюсь сама.

— Я играю! — Чара вызвалась сбегать за гитарой в студию.

— Побежим вместе, — предложил Фрит Дон.

Чара задорно взметнула черную массу своих волос. Шерлис повернул рычаг и сдвинул боковую стену веранды, открыв вид вдоль берега на восточный угол залива. Фрит Дон понесся огромными прыжками. Чара бежала, откинув назад голову. Девушка скоро отстала, но к студии оба подбежали одновременно, нырнули в черный, неосвещенный вход и через секунду снова неслись вдоль моря под лунной, упрямыми и быстрыми. Фрит Дон первым достиг веранды, но Чара прыгнула через открытую боковую створку и оказалась внутри комнаты.

Веда восхищенно всплеснула руками:

— Ведь Фрит Дон победитель весенних десятиборий!

— А Чара Нанди окончила высшую школу танцев: обе ступени — древних и современных, — в тон Веде отозвался Карта Сан.

— Мы с Ведой учились тоже, но только в низшей, — вздохнула Эвда Наль.

— Низшую теперь проходят все, — поддразнил художник.

Чара медленно перебирала струны гитары, подняв свой маленький твердый подбородок. Высокий голос молодой женщины зазвенел тоской. Она пела новую, только что пришедшую из южной зоны песню о несбывшейся мечте. В мелодию вступил низкий голос Веды и стал тем лучом стремления, вокруг которого вилось и замирало пение Чары. Дуэт получился великолепным — так противоположны были обе певицы и так они дополняли друг друга. Дар Ветер переводил взгляд с одной на другую и не мог решить, кому больше идет пение — Веде, стоявшей, облокотясь на пульт приемника, опустив голову под тяжестью светлых кос, серебрившихся в свете луны, или Чаре, склонившейся вперед, с гитарой на круглых голых коленях, с лицом, темным от загара.

Песня умолкла. Чара нерешительно перебирала струны. И Дар Ветер стиснул зубы. Это была та самая песня, когда-то отдалившая его от Веды, — теперь мучительная и для нее.

Раскаты струн следовали порывами, аккорд догонял другой и бессильно замирал, не достигнув слияния. Мелодия шла отрывисто, точно всплески волн падали на берег, разливались на миг по отмелям и скатывались один за другим в черное бездонное море. Чара ничего не знала — ее звонкий голос оживил слова о любви, летящей в ледяных безднах пространства от звезды к звезде, пытаясь найти, понять, ощутить, где он... Тот, ушедший в космос на подвиг искания, он уже не вернется — пусть! Но хоть на единственный миг узнать, что с ним, помочь мольбой, ласковой мыслью, приветом!

Веда молчала. Чара, почувствовав неладное, оборвала песню, вскочила, бросила гитару художнику и пошла к неподвижно стоявшей светловолосой женщине, виновато склонив голову.

Веда улыбнулась.

— Станцуйте, Чара!

Та покорно кивнула, соглашаясь, но тут вмешался Фрит Дон:

— С танцами подождем — сейчас передача!

На крыше дома выдвинулась телескопическая труба, высоко поднимавшая две перекрещенные металлические плоскости с восемью полушариями на венчавшем сооружение металлическом круге. Комнату наполнили могучие звуки.

Передача началась с показа одного из повых спиральных городов северного жилого пояса. Среди градостроителей господствовали два направления архитектуры: город пирамидальный или спирально-винтовой. Они строились в особо удобных для жизни местах, где сосредоточивалось обслуживание автоматических заводов, пояса которых, чередуясь с кольцами рощ и лугов, окружали город, обязательно выходивший на море или большое озеро.

Города строились на возвышенностях, потому что здания шли уступами, так, что не было ни одного, фасад которого не был бы открыт полностью солнцу, ветрам, небу и звездам. С внутренней стороны зданий находились помещения машин, складов, распределителей, мастерских и кухонь, иногда уходившие глубоко в землю. Сторонники пирамидальных городов считали преимуществом их сравнительно небольшую высоту при значительной вместимости, в то время как строители спиральных поднимали свои творения на высоту более километра. Перед участниками морской экспедиции предстала крутая спираль, светившаяся на солнце миллионами опалесцировавших стен из пластмассы, фарфоровыми ребрами каркасов из плавленого камня, креплениями из полированного металла. Каждый ее виток постепенно поднимался от периферии к центру. Массивы зданий разделялись глубокими вертикальными нишами. На головокружительной высоте висели легкие мосты, балконы и выступы садов. Искрящиеся вертикальные полосы контрфорсами спадали к основанию, где шли широкие лестницы между тысячами аркад. Они вели к ступенчатым паркам, лучами расходящимися к первому поясу густых рощ. Улицы тоже изгибались по спирали — висание по периметру города

или внутренние, под хрустальными перекрытиями. На них не было никаких экипажей — непрерывные цепи транспортеров скрывались в продольных нишах.

Люди — оживленные, смеющиеся, серьезные, быстро шли по улицам или прогуливались под аркадами, уединялись в тысячах укромных мест: среди колоннад, на переходах лестниц, в висячих садах на крышах уступов...

Зрелище могучего города продолжалось недолго: началась речевая передача.

— Продолжается обсуждение проекта, внесенного Академией Направленных Излучений, — заговорил появившийся на экране человек, — о замене линейного алфавита электронной записью. Проект не встречает всеобщей поддержки. Главное противоречие — сложность аппаратов чтения. Книга перестанет быть другом, повсюду сопутствующим человеку. Несмотря на всю внешнюю выгодность, проект будет отклонен.

— Долго обсуждали! — заметил Рен Боз.

— Крупное противоречие, — откликнулся Дар Ветер. — С одной стороны — заманчивая простота записи, с другой — трудность чтения.

Человек на экране продолжал:

— Подтверждается вчерашнее сообщение — тридцать седьмая звездная заговорила. Они возвращаются...

Дар Ветер замер, ошеломленный силой противоречивых чувств. Боковым зрением он увидел медленно встававшую Веду Конг. Обострившийся слух Дар Ветра уловил ее прерывистое дыхание.

— ...со стороны квадрата четыреста один, и корабль только что вышел из минус-поля в одной сотой парсека от орбиты Нептуна. Задержка экспедиции произошла вследствие встречи с черным солнцем. Потерь людей нет! Скорость корабля, — закончил диктор, — около пяти шестых абсолютной единицы. Экспедиция ожидается на станции Тритон через одиннадцать дней. Ждите сообщения о замечательных открытиях!

Передача продолжалась. Следовали другие новости, но их уже никто не слушал. Все окружили Веду,правляли.

Она улыбалась с горящими щеками и тревогой, спрятанной в глубине глаз. Приблизился и Дар Ветер. Веда почувствовала твердое пожатие его руки, ставшей нужной и близкой, встретила прямой взгляд. Давно он не смотрел так. Она знала грустную удаль, сквозившую в его прежнем отношении к ней. И знала, что сейчас он читает в ее лице не только радость...

Дар Ветер тихо опустил ее руку, улыбнулся и отошел. Товарищи из экспедиции оживленно обсуждали сообщение. Веда осталась в кольце людей, искоса наблюдая за Дар Ветром. Она видела, как к нему подошла Эвда Наль, спустя минуту присоединился Рен Боз.

— Надо найти Мвена Маса, он еще ничего не знает! — как бы спохватившись, воскликнул Дар Ветер. — Пойдемте со мной, Эвда. И вы, Рен?

— И я, — подошла Чара Нанди. — Можно?

Они вышли к тихому плеску волн. Дар Ветер остановился, подставляя лицо прохладному дуновению, и глубоко вздохнул. Повернувшись, он встретил взгляд Эвды Наль.

— Я уеду, не возвращаясь в дом, — ответил он на безмолвный вопрос.

Эвда взяла его под руку. Некоторое время все шли в молчании.

— Я думала, надо ли так? — прошептала Эвда. — Наверное, надо, и вы правы. Если бы Веда...

Эвда умолкла, но Дар Ветер понимающе сжал ее ладони и приложил к своей щеке. Рен Боз шел по пятам, осторожно отодвигаясь от Чары, а та, скрывая насмешку, искоса поглядывая огромными глазами, широко шагала рядом. Эвда едва слышно рассмеялась и вдруг подала физику свободную руку. Рен Боз схватил ее хищным движением, показавшимся комичным у этого застенчивого человека.

— Где же искать вашего друга? — Чара остановилась у самой воды.

Дар Ветер всмотрелся и в ярком свете луны увидел отчетливые отпечатки ног на полосе мокрого песка. Следы шли через совершенно одинаковые промежутки, с симметрично развернутыми носками с такой

геометрической правильностью, что казались отпечатанными машиной.

— Он шел туда, — Дар Ветер показал в сторону больших камней.

— Да, это его следы, — подтвердила Эвда.

— Почему вы так уверены? — усомнилась Чара.

— Посмотрите на правильность шагов — так ходили первобытные охотники или те, кто унаследовал их черты. А мне кажется, что Мвен, несмотря на свою ученость, ближе любого из нас к природе... Не знаю, как вы, Чара? — Эвда обернулась к задумавшейся девушке.

— Я? О нет! — И, показывая вперед, она воскликнула: — Вот он!

На ближайшем камне появилась громадная фигура африканца, блестящая под луной, как полированный черный мрамор. Мвен Мас энергично потрясал руками, точно угрожая кому-то.

— Он как дух ночи из детских сказок! — взволнованно шепнула Чара.

Мвен Мас заметил приближающихся, спрыгнул со скалы и появился одетый. В немногих словах Дар Ветер рассказал о случившемся, и Мвен Мас выразил желание немедленно повидать Веду Конг.

— Идите туда с Чарой, — сказала Эвда, — а мы тут побудем немного...

Дар Ветер сделал прощальный жест, и на лице африканца отразилось понимание. Какой-то полудетский порыв заставил его прошептать давно забытые слова прощания. Дар Ветер был тронут и в задумчивости пошел прочь, сопровождаемый молчаливой Эвдой. Рен Боз в замешательстве потоптался на месте и повернул следом за Мвен Масом и Чарой Нанди.

Дар Ветер и Эвда дошли до мыса, отгораживающего залив от открытого моря. Огоньки, окаймлявшие огромные диски плотов морской экспедиции, стали отчетливо видны.

Дар Ветер оттолкнул прозрачную лодку с песка и стал у воды перед Эвдой, еще более массивный и могучий, чем Мвен Мас. Эвда поднялась на носки и поцеловала уходящего друга.

— Ветер, я буду с Ведой, — ответила она на его мысли. — Мы вернемся вместе в нашу зону и там дождемся прибытия. Дайте знать, когда устроитесь, — я всегда буду счастлива помочь вам...

Эвда долго провожала глазами лодку на серебряной воде...

Дар Ветер подплыл ко второму плоту, где еще работали механики, спеша закончить установку аккумуляторов. По просьбе Дар Ветра они зажгли три зеленых огня треугольником.

Через полтора часа первый же пролетающий спиролет повис над плотом. Дар Ветер сел в опущенный подъемник, на секунду показался под освещенным днищем корабля и скрылся в люке. К утру он входил в свое постоянное жилище, неподалеку от обсерватории Совета, которое не успел еще переменить. Дар Ветер открыл продувочные краны в обеих своих комнатах. Спустя несколько минут вся накопившаяся пыль исчезла. Дар Ветер выдвинул из стены постель и, настроив комнату на запах и плеск моря, к которому он привык за последнее время, крепко заснул.

Он проснулся с ощущением утраченной прелести мира. Веда далеко и будет далеко теперь, пока... Но ведь он должен ей помочь, а не запутывать положение!

Крутящийся столб наэлектризованной прохладной воды обрушился на него в ванной. Дар Ветер стоял под ним так долго, что озяб. Освеженный, он подошел к аппарату ТВФ, раскрыл его зеркальные дверцы и вызвал ближайшую станцию распределения работ. На экране возникло молодое лицо. Юноша узнал Дар Ветра и приветствовал его с едва уловимым оттенком почтения, что считалось признаком вежливости.

— Мне хотелось бы получить трудную и продолжительную работу, — начал Дар Ветер, — связанную с физическим трудом: например, антарктические рудники.

— Там все занято, — в тоне говорившего сквозило огорчение, — занято и на месторождениях Венеры, Марса, даже Меркурия. Вы знаете, что туда, где труднее, охотнее стремится молодежь.

— Да, но я уже не могу себя причислить к этой хорошей категории... Но что есть сейчас? Мне нужно немедленно.

— Есть на разработку алмазов в Средней Сибири, — медленно начал тот, глядя на невидимую Дар Ветру таблицу, — если вы стремитесь на горные работы. Кроме этого, есть места на океанских плотках — заводах пищи, на солнечную насосную станцию в Тибет, — но это уже легкое. Другие места — тоже ничего особенно трудного.

Дар Ветер поблагодарил информатора и попросил дать время подумать, а пока не отдавать алмазных разработок.

Он выключил станцию распределения и соединился с Домом Сибири — обширным центром географической информации по этой стране. Его ТВФ включили в памятную машину новейших записей, и перед Дар Ветером медленно поплыли обширные леса. Заболоченная и разреженная лиственничная тайга на вечно мерзлой почве, когда-то распространенная здесь, исчезла, уступив место величественным лесным великанам — сибирским кедром и американским секвойям, некогда почти вымершим. Исполинские красные стволы поднимались великолепной оградой вокруг холмов, накрытых бетонными шапками. Стальные трубы десятиметрового диаметра выползали из-под них и перегибались через водоразделы к ближайшим рекам, вбирая их целиком в разверстые пасти воронок. Глухо гудели чудовищные насосы. Сотни тысяч кубометров воды устремлялись в ими же промытые глубины алмазоносных вулканических труб, с ревом крутились, размывая породу, и вновь выливались наружу, оставляя в решетках промывочных камер десятки тонн алмазов. В длинных, залитых светом помещениях люди сидели за движущимися циферблатами разборочных машин. Блестящие камни потоком мелких зерен сыпались в калиброванные отверстия приемных ящиков. Операторы насосных станций непрерывно следили за указателями расчетных машин, вычислявших непрерывно меняющееся сопротивление породы, давление и расход воды, углубление забоя и выброс твердых частиц. Дар Ветер по-

думал, что радостная картина залитых Солнцем лесов сейчас не для его настроения, и выключил Дом Сибири. Мгновенно раздался вызывной сигнал, и на экране возник информатор станции распределения.

— Я хотел уточнить ваши размышления. Только что получено требование — освободилось место в подводных титановых рудниках на западном побережье Южной Америки. Это самое трудное из имеющегося сегодня... Но туда надо прибыть срочно!

Дар Ветер встревожился.

— Я не успею пройти психофизического испытания на ближайшей станции Академии Психофизиологии Труда.

— По сумме ежегодных испытаний, обязательных в вашей прежней работе, вам эта проба не требуется.

— Пошлите сообщение и дайте координаты! — немедленно отозвался Дар Ветер.

— Западная ветвь, Спиральной Дороги, семнадцатое южное ответвление, станция 6Л, точка КМ40. Пошлю предупреждение.

Серьезное лицо на экране исчезло. Дар Ветер собрал все мелкие вещи, принадлежавшие ему лично, уложил в шкатулку пленки с изображениями и голосами близких и важнейшими записями собственных мыслей. Со стены он снял хроморефлексную репродукцию древней русской картины, со стола — бронзовую статуэтку артистки Белло Галь, похожей на Веду Конг. Все это, с небольшим количеством одежды, поместилось в алюминиевый ящик с кругами выпуклых цифр и линейных знаков на крышке. Дар Ветер набрал сообщенные ему координаты, открыл люк в стене и толкнул туда ящик. Он исчез, подхваченный бесконечной лентой. Потом Дар Ветер проверил свои комнаты. Уже много веков на планете отсутствовали какие-либо специальные уборщики помещений. Их функции выполнялись каждым жителем, что было возможно только при абсолютной аккуратности и дисциплинированности каждого человека, а также при тщательно продуманной системе устройства жилья и общественных зданий, с их автоматами очистки и продува.

Окончив осмотр, он повернул рычаг перед дверью

вниз, давая сигнал на станцию распределения помещений, что комнаты свободны, и вышел. Наружная галерея, застекленная пластинами молочного цвета, нагрелась от Солнца, но на плоской крыше морской ветерок, как всегда, был прохладен. Легкие пешеходные мостики, переброшенные на высоте между решетчатыми зданиями, казалось, парили в воздухе и манили к неторопливой прогулке, но Дар Ветер снова не принадлежал себе. По трубе автоматического спуска он попал в подземную магнитоэлектрическую почту, и маленький вагончик понес его к станции Спиральной Дороги. Дар Ветер не поехал на Север, к Берингову проливу, где пролежала соединительная дуга Западной ветви. Этот путь до Южной Америки, особенно так далеко на юг, как до семнадцатого ответвления, занимал около четырех суток. По широтам жилых зон Севера и Юга шли линии тяжелых грузовых спиролетов, опоясывавшие планету поперек океанов и соединявшие кратчайшим путем ветви Спиральной Дороги. Дар Ветер поехал по Центральной ветви до южной жилой зоны и рассчитывал убедить заведующего авиаперевозками счесть его срочным грузом. Помимо того, что путь сокращался до тридцати часов, Дар Ветер мог повидаться с сыном Грома Орма — председателя Совета Звездоплавания; Гром Орм избрал его наставником-ментором своего сына.

Мальчик вырос и с будущего года приступал к свершению двенадцати подвигов Геркулеса, а пока работал в Дозорной службе в болотах Западной Африки.

Кто из юношей не рвется в Дозорную службу — следить за появлением акул в океане, вредоносных насекомых, вампиров и гадов в тропических болотах, болезнетворных микробов в жилых зонах, эпизоотий или лесных пожаров в степной и лесной зонах, выявляя и уничтожая вредную нечисть прошлого Земли, таинственным образом вновь и вновь появлявшуюся из глухих уголков планеты? Борьба с вредоносными формами жизни никогда не прекращалась. На новые средства истребления микроорганизмы, насекомые и грибки отвечали появлением новых, стойких к самым грозным

химикалиям форм и штаммов. Только после ЭРМ — эры Разобщенного Мира обучились правильно пользоваться сильными антибиотиками.

«Если Дис Кеи назначен в болотные дозоры, — думал Дар Ветер, — он уже в юные годы становится серьезным работником».

Сын Грома Орма, как и все дети эры Кольца, был воспитан в школе на берегу моря в северной зоне. Там же он прошел первые испытания на психологической станции АПТ.

Молодежи всегда поручалась работа с учетом психологических особенностей юности с ее порывами вдаль, повышенным чувством ответственности и эгоцентризмом.

Громатный вагон неся бесшумно и плавно. Дар Ветер поднялся в верхний этаж с прозрачной крышей. Далеко внизу и по сторонам Дороги проносились строения, каналы, леса и горные вершины. Узкий пояс автоматических заводов на границе между земледельческой и лесной зоной ослепительно засверкал на солнце куполами из «лунного» стекла. Четкие и суровые формы колоссальных машин смутно виднелись сквозь стены хрустальных зданий.

Мелькнул памятник Жинцу Каду, разработавшему способ дешевого изготовления искусственного сахара, и аркада Дороги начала рассекал леса тропической земледельческой зоны. В необозримую даль тянулись полосы и чащи с разными оттенками листвы, коры, разной формой и высотой деревьев. По узким и гладким дорогам, разделявшим отдельные массивы, медленно ползли уборочные, опылительные и учетные машины, паутиной блестяли бесчисленные провода. Когда-то символом изобилия было золотящееся от спелости хлебное поле. Но уже в ЭМВ — эру Мирового Воссоединения повяли экономическую невыгодность однолетних культур, а с перенесением земледелия исключительно в тропическую зону отпало трудоемкое ежегодное выращивание травянистых и кустарниковых растений. Деревья, долголетние, меньше истощающие почву, устойчивые к климатическим невзгодам, стали

основными сельскохозяйственными растениями еще за сотни лет до эры Кольца.

Деревья хлебные, ягодные, ореховые, с тысячами сортов богатых белками плодов, дающие по центнеру питательной массы на корень. Колоссальные массивы плодоносных рощ двумя поясами в сотни миллионов гектаров охватывали планету, настоящий пояс Цереры — мифической богини плодородия. Между ними находилась лесная экваториальная зона — океан тропических влажных лесов, снабжавший планету древесиной — белой, черной, фиолетовой, розовой, золотистой, серой с шелковыми переливами, твердой, как кость, и мягкой, как яблоко, тонущей в воде камнем и легкой, будто пробка. Десятки сортов смол, более дешевых, чем синтетические, и в то же время с драгоценными техническими или лечебными свойствами, добывались здесь.

Вершины лесных гигантов поднимались на уровень полотна Дороги — теперь по обе стороны шестестелое зеленое море. В его темных глубинах, посреди уютных полей, скрывались дома на высоких металлических сваях, и чудовищные паукообразные машины, которым под силу было превращать эти заросли из восьмидесятиметровых стволов в покорные штабеля бревен и досок.

Слева показались купола знаменитых гор экватора. На одной из них — Кении — находилась установка связи Великого Кольца. Море лесов отошло влево, уступая место каменистому плоскогорью. По сторонам поднялись кубические голубые постройки.

Поезд остановился, и Дар Ветер вышел на широкую площадь, вымощенную зеленым стеклом, — станцию Экватор. Около пешеходного моста, перекинутого над сизыми плоскими кронами атласских кедров, возвышалась пирамида из белого фарфоровидного аплита с реки Луалабы. На ее усеченной верхушке стояло изображение человека в рабочем комбинезоне эры Разобщенного Мира. В правой руке он держал молоток, левой высоко поднимал вверх, в бледное экваториальное небо, сверкающий шар с четырьмя отростками передающих антенн. Это был памятник создателям пер-

вых искусственных спутников Земли, совершившим этот подвиг труда, изобретательности, отваги. Все тело человека, откинувшегося назад и как бы выталкивавшего шар в небо, выражало вдохновенное усилие. Это усилие передавалось ему от фигур людей в странных костюмах, окружавших пьедестал у ног изваяния.

Дар Ветер всегда с волнением всматривался в лица скульптур этого памятника. Он знал, что люди, построившие самые первые искусственные спутники и вышедшие на порог космоса, были русскими, то есть тем самым удивительным народом, от которого вел свою родословную Дар Ветер. Народом, сделавшим первые шаги и в строительстве нового общества и в завоевании космоса...

И сейчас, как всегда, Дар Ветер направился к памятнику, чтобы еще раз, глядя на образы древних героев, искать в них сходство с современными людьми и отличие от них. Из-под серебряных пушистых ветвей южноафриканских лейкодендронов, окаймлявших слепящую отраженным солнцем пирамиду памятника, показались две стройные фигуры, остановились. Один из юношей стремительно бросился к Дар Ветру. Обхватив рукой массивное плечо, он украдкой осмотрел знакомые ему черты твердого лица: крупный нос, широкий подбородок, неожиданно веселый изгиб губ, не вяжущийся с хмуроватым выражением стальных глаз под сросшимися бровями.

Дар Ветер с одобрением взглянул на сына знаменитого человека, строителя базы на планетной системе Центавра и главы Совета Звездоплавания пятое трехлетие подряд. Грому Орму не могло быть меньше ста тридцати лет, он был втрое старше Дар Ветра.

Дис Кен подозвал товарища — темноволосого юношу.

— Мой лучший друг Тор Ан, сын Зига Зора, композитора. Мы вместе работаем в болотах, — продолжал Дис, — вместе хотим совершить наши подвиги и дальше тоже работать вместе.

— Ты по-прежнему увлекаешься кибернетикой на следственности? — спросил Дар Ветер.

— О да! Тор меня увлек еще больше — он музы-

кант, как его отец. Он и его подруга... они мечтают работать в области, где музыка облегчает понимание развития живого организма, то есть над изучением симфонии его построения.

— Ты говоришь как-то неопределенно, — нахмурился Дар Ветер.

— Я еще не могу, — смутился Дис. — Может быть, Тор скажет лучше.

Другой юноша покраснел, но выдержал испытующий взгляд.

— Дис хотел сказать о ритмах механизма наследственности: живой организм при развитии из материнской клетки надстраивается аккордами из молекул. Первичная парная спираль разворачивается в плане, аналогичном развитию музыкальной симфонии. Иными словами, программа, по которой идет постройка организма из живых клеток, — музыкальна!

— Так?.. — преувеличенно удивился Дар Ветер. — Но тогда и всю эволюцию живой и неживой материи вы сведете к какой-то гигантской симфонии?

— План и ритмика этой симфонии определены основными физическими законами. Надо лишь понять, как построена программа и откуда берется информация этого музыкально-кибернетического механизма, — с непобедимой уверенностью юности подтвердил Тор Ан.

— Это чье же?

— Моего отца, Зига Зора. Он недавно обнарудовал космическую тринадцатую симфонию фа-минор в цветовой тональности 4,750 мю.

— Обязательно послушаю ее! Я люблю синий цвет... Но ближайшие ваши планы — подвиги Геркулеса. Вы знаете, что вам назначено?

— Только первые шесть.

— Ну, конечно, другие шесть назначаются после выполнения первой половины, — вспомнил Дар Ветер.

— Расчистить и сделать удобным для посещения нижний ярус пещеры Кон-и-Гут в Средней Азии, — начал Тор Ан.

— Провести дорогу к озеру Ментал сквозь острый гребень хребта, — подхватил Дис Кен, — возобновить

рощу старых хлебных деревьев в Аргентине, выяснить причины появления больших осьминогов в области недавнего поднятия у Тринидада...

— И истребить их!

— Это пять, что же шестое?

Оба юпоши слегка замялись.

— У нас обоих определены способности к музыке, — краснея, сказал Дис Кен. — И нам поручено собрать материалы по древним танцам острова Бали, восстановить их — музыкально и хореографически.

— То есть подобрать исполнительниц и создать ансамбль? — рассмеялся Дар Ветер.

— Да, — потупился Тор Ан.

— Интересное поручение! Но это групповое дело, так же как и озерная дорога.

— О, у нас хорошая группа! Только они тоже хотят просить вас быть ментором. Это было бы так хорошо!

Дар Ветер выразил сомнение в своих возможностях относительно шестого дела. Но мальчики заверили его, что «сам» Зиг Зор обещал руководить шестым.

— Через год и четыре месяца я найду себе дело в Средней Азии, — проговорил Дар Ветер, с удовольствием вглядываясь в радостные юные лица.

— Как хорошо, что вы перестали заведовать станциями! — воскликнул Дис Кен. — Я и не думал, что буду работать с таким ментором! — Внезапно юноша покраснел так, что лоб его покрылся мелкими бисеринками пота.

Дар Ветер поспешил прийти на помощь сыну Грома Орма в его промахе.

— Много ли у вас времени?

— О нет! Нас отпустили на три часа — мы привезли сюда больного лихорадкой с нашей болотной станции.

— Вот как, лихорадка еще появляется! Я думал...

— Очень редко и только в болотах, — торопливо вставил Дис. — Для того и мы!

— Еще два часа в нашем распоряжении. Пойдемте в город, вам, наверное, хочется посмотреть Дом нового?

— О нет! Мы хотели бы... чтобы вы ответили на наши вопросы — мы подготовились, и это так важно для выбора пути...

Дар Ветер согласился, и все трое направились в одну из прохладных комнат Зала Гостей, овеваемых искусственным морским ветром.

Два часа спустя другой вагон уносил Дар Ветра, утомленно дремавшего на диване. Он проснулся на остановке в городке химиков. Гигантская постройка в виде звезды с десятью стеклянными лучами возвышалась над большим угольным месторождением. Добывавшийся здесь уголь перерабатывался в лекарства, витамины, гормоны, искусственные шелка и меха. Отходы шли на изготовление сахара. В одном из лучей здания из угля добывались редкие металлы — германий и ванадий. Чего только не было в драгоценном черном минерале!

Старый товарищ Дар Ветра, работавший здесь химиком, пришел на станцию. Когда-то были три веселых молодых механика на индонезийской станции плодуборочных машин в тропическом поясе... Теперь один из них химик, ведающий большой лабораторией крупного завода, второй так и остался садоводом, создавшим новый способ опыления, а третий — третий он, Дар Ветер, теперь снова возвращающийся к лону Земли, даже еще глубже — в ее недра. Друзья успели повидаться не больше десяти минут, но и такое свидание было гораздо приятнее встреч на экранах ТВФ.

Дальнейший путь оказался недолгим. Заведующий широтной воздушной линией внял убеждениям, проявив общую благожелательность людям эпохи Кольца. Дар Ветер перелетел океан и оказался на Западной ветви Дороги, южнее семнадцатого ответвления, в тупике которого на берегу океана он пересел на глиссер.

Высокие горы подходили к берегу вплотную. На отлогой подошве склонов шли террасы белого камня, задерживавшие насыпанную почву с рядами южных сосен и вишневидных. Выше голые скалы зияли темными ущельями, в глубине которых дробились в вода-

ную пыль водопады. На террасах редкой цепью протянулись домики с синевато-серыми крышами, выкрашенные в оранжевый и ослепительно желтый цвет.

Далеко в море выдавалась искусственная мель, заканчивавшаяся омытой ударами волн башней. Она стояла у края материкового склона, круто спадавшего в океан на глубину километра. Под башней вниз шла отвесно огромная шахта в виде толстейшей цементной трубы, противостоявшей давлению глубоководья. На дне труба погружалась в вершину подводной горы, состоявшей из почти чистого рутила — окиси титана. Все процессы переработки руды производились внизу, под водой и горами. На поверхность поднимались лишь крупные слитки чистого титана и муть минеральных отходов, расходившаяся далеко вокруг. Эти желтые мутные волны закачали глиссер перед пристанью с южной стороны башни. Дар Ветер улучил момент и выскочил на мокрую от брызг площадку. Он поднялся на огороженную галерею, где собрались, чтобы встретить нового товарища, несколько человек, свободных от дежурства. Работники этого представлявшегося Дар Ветру таким уединенным рудника не казались хмурыми анахоретами, каких он под влиянием собственного настроения думал здесь встретить. Его приветствовали веселые лица, немного усталые от суровой работы. Пять мужчин, три женщины — здесь работали и женщины...

Прошло десять дней, и Дар Ветер освоился с новой деятельностью.

Здесь было собственное силовое хозяйство — в глубине старых выработок на материке запрятались установки ядерной энергии типа D, или, как он назывался в старину, второго типа, не дававшего жестких остаточных излучений, а потому удобного для местных установок.

Сложнейший комплекс машин перемещался в каменном чреве подводной горы, погружаясь в хрупкий красно-бурый минерал. Самой трудной была работа в нижнем этаже агрегата, где происходила автоматизированная выемка и дробление породы. В машину поступали сигналы из находившегося наверху централь-

ного поста, где обобщались наблюдения за ходом режущих и дробящих устройств, меняющейся твердости и вязкостью ископаемого и сведения стволов мокрого обогащения. В зависимости от меняющегося содержания металла увеличивалась или уменьшалась скорость выемочно-дробильного агрегата. Всю проверочно-наблюдательную деятельность механиков нельзя было передать кибернетическим машинам-роботам из-за ограниченности защищенного от моря места.

Дар Ветер стал механиком по проверке и настройке нижнего агрегата. Потянулись ежедневные дежурства в полутемных, набитых циферблатами камерах, где наос кондиционера едва справлялся с удручающей жарой, усугубленной повышенным давлением из-за неизбежного просачивания сжатого воздуха.

Дар Ветер и его молодой помощник выбирались наверх, долго стояли на балюстраде, вдыхая свежий воздух, потом шли купаться, ели и расходились по своим комнатам в одном из верхних домиков. Дар Ветер пытался возобновить свои занятия новым, кохлеарным разделом математики. Ему казалось, что он забыл свое прежнее общение с космосом. Как все работники титанового рудника, он с удовлетворением провожал очередной плот с аккуратно выложенными брусками титана. После сокращения полярных фронтов бури на планете сильно ослабели, и многие морские грузоперевозки производились на буксируемых или самоходных плотках. Когда людской состав рудника менялся, Дар Ветер продлил свое пребывание вместе с двумя другими энтузиастами горных работ.

Ничто не продолжается вечно в этом изменчивом мире, и рудник остановился для очередного ремонта выемочно-дробильного агрегата. Впервые Дар Ветер проник в забой перед щитом, где только специальный скафандр спасал от жары и повышенного давления, а также от внезапных струй ядовитого газа, вырывающихся из трещин. Под ослепительным освещением бурые рутиловые стены сверкали своим особенным алмазным блеском и отливали красными огнями, будто взглядами яростных глаз, спрятавшихся в минерале. В забое стояла необыкновенная тишина. Искровое

электрогидравлическое долото и огромные диски — излучатели ультракоротких волн — впервые за многие месяцы неподвижно застыли. Под ними копошились только что прибывшие геофизики, расставляя приборы, чтобы, воспользовавшись случаем, проверить контуры залежи.

Наверху стояли тихие и жаркие дни южной осени. Дар Ветер ушел в горы и необыкновенно остро почувствовал величие каменных масс, тысячелетиями неподвижно вздымавшихся здесь перед морем и небом. Шелестели сухие травы, снизу едва доносился плеск прибоя. Усталое тело просило покоя, но мозг жадно схватывал впечатления мира, обновленные после долгой и трудной работы в подземелье.

И бывший заведующий внешними станциями, вдыхая запах нагретых скал и пустынных трав, поверил, что впереди предстоит еще много хорошего, — тем больше, чем лучше и сильнее он будет сам.

«Посеешь поступок — пожнешь привычку.

Посеешь привычку — пожнешь характер.

Посеешь характер — пожнешь судьбу», — пришло на ум древнее изречение. Да, самая великая борьба человека — это борьба с эгоизмом! Не сентиментальными правилами и красивой, но беспомощной моралью, а диалектическим пониманием, что эгоизм — это не порождение каких-то сил зла, а естественный инстинкт первобытного человека, игравший очень большую роль в дикой жизни и направленный к самосохранению. Вот почему у ярких, сильных индивидуальностей передко силен и эгоизм, и его труднее победить. Но такая победа — необходимость, пожалуй, важнейшая в современном обществе. Поэтому так много сил и времени уделяется воспитанию, так тщательно изучается структура наследственности каждого. В великом смешении рас и народов, создавшем единую семью планеты, внезапно, откуда-то из глубин наследственности, проявляются самые неожиданные черты характера далеких предков. Случаются поразительные отклонения психики, полученные еще во времена великих бедствий эры Разобщенного Мира, когда люди не соблюдали осторожности в опытах и использовании

ядерной энергии и нанесли повреждения наследственности множества людей...

У Дар Ветра тоже прежде была длинная родословная, теперь уже ненужная. Изучение предков заменено прямым анализом строения наследственного механизма, анализом еще более важным теперь, при долгой жизни. С эры Общего Труда мы стали жить до ста семидесяти лет, а теперь выясняется, что и триста не предел...

Шорох камней заставил Дар Ветра очнуться от сложных и неясных размышлений. Сверху по долине спустились двое: оператор секции электроплавки — застенчивая и молчаливая женщина и маленький, живой инженер наружной службы. Оба, покрасневшие от быстрой ходьбы, приветствовали Дар Ветра и хотели пройти мимо, но тот остановил их.

— Я давно собираюсь просить вас, — обратился он к оператору, — исполнить для меня тринадцатую космическую фа-минор синий. Вы много играли нам, но ее ни разу.

— Вы подразумеваете космическую Зига Зора? — переспросила женщина и на утвердительный жест Дар Ветра рассмеялась.

— Мало кто на планете может исполнить эту вещь... Солнечный рояль с тройной клавиатурой беден, а переложения пока нет... и вряд ли будет. Но почему бы вам не вызвать ее из Дома Высшей Музыки — проиграть запись? Наш приемник универсален и достаточно мощен.

— Я не знаю, как это делается, — пробормотал Дар Ветер. — Я раньше не...

— Я вызову ее вечером! — обещала музыкантша Дар Ветру и, протянув руку спутнику, продолжила спуск.

Остаток дня Дар Ветер не мог отделаться от чувства, что произойдет нечто важное. Со странным нетерпением он ждал одиннадцати часов — времени, назначенного Домом Высшей Музыки для передачи симфонии.

Оператор электроплавки взяла на себя роль распорядителя, усадив Дар Ветра и других любителей

в фокусе полусферического экрана музыкального зала, напротив серебряной решетки звучателя. Она погасила свет, объяснив, что иначе будет трудно следить за цветовой частью симфонии, могущей исполняться лишь в специально оборудованном зале и здесь поневоле ограниченной внутренним пространством экрана.

Во мраке лишь слабо мерцал экран и чуть слышался снаружи постоянный шум моря. Где-то в невероятной дали возник низкий, такой густой, что казался ощутимой силой, звук. Он усиливался, сотрясая комнату и сердца слушателей, и вдруг упал, повышаясь в тоне, раздробился и рассыпался на миллионы хрустальных осколков. В темном воздухе замелькали крохотные оранжевые искорки. Это было как удар той первобытной молнии, разряд которой миллионы веков назад на Земле впервые связал простые углеродные соединения в более сложные молекулы, ставшие основой органической материи и жизни.

Нахлынул вал тревожных и нестройных звуков, тысячеголосый хор воли, тоски и отчаяния, дополняя которые метались и гасли вспышки мутных оттенков пурпура и багрянца.

В движении коротких и резких вибрирующих нот наметился круговой порядок, и в высоте завертелась расплывчатая спираль серого огня. Внезапно крутящийся хор прорезали длинные ноты — гордые и звонкие. Они были полны стремительной силы.

Нерезкие огненные контуры пространства пронизали четкие линии синих огненных стрел, летевших в бездонный мрак за краем спирали и тонувших во тьме ужаса и безмолвия.

Темнота и молчание — так закончилась первая часть симфонии.

Слушатели, слегка ошеломленные, не успели произнести ни слова, как музыка возобновилась. Широкие каскады могучих звуков в сопровождении разноцветных ослепительных переливов света падали вниз, понижаясь и ослабевая, и меркли в меланхолическом ритме сияющие огни. Вновь что-то узкое и порывистое забилося в падающих каскадах, и опять

синие огни начали ритмическое танцующее восхождение.

Потрясенный Дар Ветер уловил в синих звуках стремление к усложняющимся ритмам и формам и подумал, что нельзя было лучше отразить первобытную борьбу жизни с энтропией... Ступени, плотники, фильтры, задерживающие каскады спадающей на низкие уровни энергии. «Так, так, так! Вот они, эти первые всплески сложнейшей организации материи!»

Синие стрелы сомкнулись хороводом геометрических фигур, кристаллических форм и решеток, усложнявшихся соответственно сочетаниям минорных созвучий, рассыпавшихся и вновь соединявшихся, и внезапно растворились в сером сумраке.

Третья часть симфонии началась мерной поступью басовых нот, в такт которым загорались и гасли уходявшие в бездну бесконечности и времени синие фонари. Прилив грозно ступающих басов усиливался, и ритм их учащался, переходя в отрывистую и зловеющую мелодию. Синие огни казались цветами, гнувшимися на тонких огненных стебельках. Печально никли они под наплывом низких нот, угасая вдали. Но ряды огоньков или фонарей становились все чаще, их стебельки — толще. Вот две огненные полосы очертили идущую в безмерную черноту дорогу, и поплыли в необъятность вселенной золотистые звонкие голоса жизни, согревая прекрасным теплом угрюмое равнодушное двигавшейся материи. Темная дорога становилась рекой, гигантским потоком синего пламени, в котором все усложнявшимся узором мелькали просверки разноцветных огней.

Высшие сочетания округлых плавных линий, сферических поверхностей отзывались такой же красотой, как и напряженные многоступенные аккорды, в смене которых стремительно нарастала сложность звонкой мелодии, разворачивавшейся все сильнее и сильнее...

У Дар Ветра закружилась голова, и он уже не смог следить за всеми оттенками музыки и света, улавливая лишь общие контуры исполненного замысла. Океан высоких кристально чистых нот плескался сияющим, необычайно могучим, радостным синим цветом.

Тон звуков все повышался, и сама мелодия стала ностальной, восходящей спиралью, пока не оборвалась на взлете, в ослепительной вспышке огня.

Симфония кончилась, и Дар Ветер понял, чего недоставало ему все эти долгие месяцы. Необходима работа, более близкая к космосу, к неутормимо разворачивающейся спирали человеческого устремления в будущее. Прямо из музыкального зала он направился в переговорную комнату и вызвал центральную станцию распределения работы северной жилой зоны. Молодой информатор, направлявший Дар Ветра сюда, на рудник, узнал его и обрадовался.

— Сегодня утром вас вызывали из Совета Звездоплавания, но я не мог связаться. Сейчас соединю вас.

Экран померк и снова вспыхнул, на нем возник Мир Ом — старший из четырех секретарей Совета. Он выглядел очень серьезным и, как показалось Дар Ветру, грустным.

— Большое несчастье! Погиб спутник пятьдесят семь. Совет зовет вас для выполнения труднейшей работы. Я посылаю за вами ионный планетолет. Будьте готовы!

Дар Ветер застыл в изумлении перед погасшим экраном.

Красные волны

а широком балконе обсерватории свободно гулял ветер. Он переносил через море из Африки запахи цветущих растений жаркой страны, будившие в душе тревожные стремления. Мвен Мас никак не мог привести себя в то ясное, твердое, лишнее сомнений состояние, какое требовалось накануне ответственного опыта. Рен Боз сообщил из Тибета, что перестройка установки Кора Юлла закончена. Четыре наблюдателя спутника 57 охотно согласились рискнуть жизнями, лишь бы помочь в опыте, подобного которому на планете давно уже не производилось.

Но эксперимент ставился без разрешения Совета, без широкого предварительного обсуждения всех возможностей, и это придавало всему делу привкус трусливой скрытности, столь несвойственной современным людям.

Великая цель, поставленная ими, как будто оправдывает все эти меры, но... надо бы, чтобы душа была совершенно чиста! Возникал древний человеческий конфликт — цели и средства к ее достижению. Опыт тысячи поколений учит, что надо уметь точно определить переходную грань, как делает это в абстрактных во-

просах математики репагулярное исчисление. Как бы добиться такого исчисления в интуиции и морали?..

Африканцу не давала покоя история Бета Лона. Тридцать два года тому назад один из знаменитых математиков Земли, Бет Лон, нашел, что некоторые признаки смещения во взаимодействии мощных силовых полей могут быть объяснены существованием параллельных измерений. Он поставил серию интересных опытов с исчезновением предметов. Академия Пределов Знания нашла ошибку в его построениях и дала принципиально иное объяснение наблюдавшимся явлениям. Бет Лон был могучим умом, гипертрофированным за счет слабого развития моральных устоев и торможения желаний. Сильный и эгоистический человек, он решил продолжать опыты в том же направлении. Чтобы получить решающие доказательства, он привлёк мужественных молодых добровольцев, готовых на любой подвиг, лишь бы послужить знанию. Люди в опытах Бета Лона исчезали бесследно, как и предметы, и ни один не подал вести о себе «с той стороны» другого измерения, как на то рассчитывал жестокий математик. Когда Бет Лон отправил в «небытие» — вернее, попросту уничтожил — группу в двенадцать человек, он был предан суду. Сумев доказать, что он был убежден в том, что люди странствуют живыми в другом измерении и что он действовал только с согласия своих жертв, Бет Лон был приговорен к изгнанию, провел десять лет на Меркурии и затем уединился на острове Забвения. История Бета Лона, по мнению Мвена Маса, походила на его собственную. Там тоже был запрещен тайный опыт, поставленный по отвергнутому наукой мотивам, и это сходство очень не понравилось Мвену Масу.

Послезавтра очередная передача по Кольцу, и тогда он свободен на восемь дней — для опыта.

Мвен Мас запрокинул голову. Звезды показались ему особенно яркими и близкими. Многих он знал по их древним именам как старых друзей. Да разве они и не были исконными друзьями человека, направлявшими его пути, возвышавшими его мысли, ободрявшими мечтания!

Неяркая звездочка, склонившаяся к северному горизонту, — это Полярная, или Гамма Цефея. В эру Разобщенного Мира Полярная была в Малой Медведице, но поворот краевой части Галактики вместе с солнечной системой идет по направлению к Цефею. Распростертый вверх, в Млечном Пути, Лебедь, одно из интереснейших созвездий северного неба, уже потянулся к югу своей длинной шеей. В ней горит красавица двойная звезда, названная древними арабами Альбирео. На самом деле там три звезды: Альбирео I, двойная и Альбирео II — огромная голубая далекая звезда с большой планетной системой. Она почти на таком же расстоянии от нас, как и гигантское светило в хвосте Лебеда Денеб — белая звезда светимостью в четыре тысячи восьмьсот наших солнц. В прошлой передаче наш верный друг 61 Лебеда уловил сообщение Альбирео II — предупреждение, полученное на четыреста лет позднее времени посылки, но чрезвычайно интересное. Знаменитый космический исследователь Альбирео II, чье имя передавалось земными звуками, как Влихх оз Длиз, погиб в районе созвездия Лиры, встретившись с самой грозной опасностью космоса — звездой Оокр. Земные ученые относили эти звезды к классу Э, названному так в честь величайшего физика древности Эйнштейна, предугадавшего существование таких звезд, хотя впоследствии это долго оспаривалось и был даже установлен предел массы звезды, известный под названием предела Чандрасекара. Но этот древний астрофизик исходил в своих расчетах лишь из элементарной механики тяготения и общей термодинамики, совершенно не приняв во внимание сложной электромагнитной структуры гигантских и сверхгигантских звезд. Но именно электромагнитные силы и обуславливали существование звезд Э, которые соперничали размерами с красными гигантами класса М — такими, как Антарес или Бетельгейзе, но отличались большей плотностью, примерно равной плотности Солнца. Исполнская сила тяготения такой звезды останавливала лучеиспускание, не позволяя свету покидать звезду и уноситься в пространство. Бесконечно долго существовали в пространстве эти

невообразимо громадные тайные массы, скрыто поглощая в своем инертном океане все, до чего доставали неотвратимые щупальца их тяготения. В древнеиндийской религиозной мифологии «ночами Браммы» назывались периоды бездеятельного покоя верховного божества, по верованиям древних сменявшиеся «днями» или периодами созидания. Это в самом деле походило на длительное накопление материи, позднее закапчивавшееся разогревом поверхности звезды до класса 0-пультное — до ста тысяч градусов, хотя, конечно, и не имело никакого отношения к божеству. В конце концов получилась колоссальная вспышка, разбрасывавшая в пространстве новые звезды с новыми планетами. Так некогда взорвалась Крабовидная туманность, достигшая теперь диаметра в пятьдесят миллиардов километров. Этот взрыв был равен силе одновременного взрыва квадрильона убийственных водородных бомб ЭРМ.

Совершенно темные звезды Э утаивались в пространстве лишь по своему тяготению, и гибель звездолета, проложившего курс поблизости от чудовища, была неизбежна. Невидимые инфракрасные звезды спектрального класса Т тоже являлись опасностью на пути кораблей, как и темные облака крупных частиц или совсем остывшие тела класса ТТ.

Мвен Мас подумал, что создание Великого Кольца, связавшего населенные разумными существами миры, было крупнейшей революцией для Земли и соответственно для каждой обитаемой планеты. Прежде всего это победа над временем, над краткостью срока жизни, не позволяющей ни нам, ни другим братьям по мысли проникать в отдаленные глубины пространства. Посылка сообщения по Кольцу — это посылка в любое грядущее, потому что мысль человека будет продолжать пронизывать пространство, пока не достигнет самых отдаленных его областей. Возможность исследовать очень далекие звезды стала реальной, это только вопрос времени. Недавно нас достигло сообщение от громадной, но очень далекой звезды, называвшейся Гаммой Лебедя. До нее две тысячи восемьсот парсеков, и сообщение идет больше девяти тысяч лет, — но оно понятно нам и могло быть расшифровано близкими

по характеру мышления членами Кольца. Совсем другое, если сообщение идет с шаровых звездных систем и скоплений, которые древнее наших плоских систем.

То же самое с центром Галактики — в ее осевом звездном облаке есть колоссальная зона жизни на миллионах планетных систем, не знающих ночной тьмы, освещаемых излучением центра Галактики. Оттуда получены непонятные сообщения — картины сложных, невыразимых нашими понятиями структур. Академия Пределов Знания уже восемьсот лет ничего не может расшифровать. А может быть... — у африканцахватило дух от внезапной мысли, — с близких планетных систем — членов Кольца приходят сообщения внутренней жизни каждой из населенных планет — ее науки, техники, ее произведений искусства, в то время как дальние древние миры Галактики показывают внешнее, космическое движение своей науки и жизни? Как переустраивают планетные системы по своему усмотрению? «Подметають» пространство от мешающих звездолетам метеоритов, сваливают их, а заодно и неудобные для жизни холодные внешние планеты в центральное светило, продлевая его излучение или намеренно повышая температуру обогрева своих солнц. Может быть, и этого мало — переустраиваются соседние планетные системы, где создаются наилучшие условия для жизни гигантских цивилизаций.

Мвен Мас соединился с хранилищем памятных записей Великого Кольца и набрал шифр одного из дальних сообщений. На экране медленно поплыли странные картины, пришедшие на Землю с шарового звездного скопления Омега Центавра. Оно было вторым из самых близких к солнечной системе и отстояло всего на шесть тысяч восемьсот парсеков. Двадцать две тысячи лет пронизывал мировое пространство свет его ярких звезд, чтобы достичь глаз земного человека.

Плотный синий туман стелился ровными слоями, которые были проткнуты вертикальными черными цилиндрами, довольно быстро вращающимися. Едва уловимо контуры цилиндров время от времени сжимались, становились похожими на низкие конусы, соединен-

ные основаниями. Тогда слои синего тумана разрывались на резкие огненные серпы, бешено вращающиеся вокруг оси конусов, чернота исчезала куда-то ввысь, вырастали колоссальные ослепительно белые колонны, из-за которых косыми кулисами высывались граненные острия зеленого цвета.

Мвен Мас тер лоб, стараясь уловить хоть что-нибудь, поддающееся осмысливанию.

На экране граненные острия обвились спиралями вокруг белых колонн и вдруг осыпались потоком металлически сверкавших шаров, сложившихся в широкий кольцевой пояс. Пояс начал расти в ширину и в высоту.

Мвен Мас усмехнулся и выключил запись, вернувшись к прежним размышлениям.

«Из-за отсутствия населенных миров, или, вернее, связи с ними в высоких широтах Галактики, мы, люди Земли, еще не можем выбиться из нашей затемненной экваториальной полосы Галактики. Не можем подняться над космической пылью, в которую погружена наша звезда — Солнце и его соседи. Поэтому узнавать вселенную нам труднее, чем другим...»

Мвен Мас перевел взгляд к горизонту, туда, где ниже Большой Медведицы, под Гончими Исами, лежало созвездие Волос Вероники. Это был «северный» полюс Галактики. Именно в этом направлении открывалась вся широта внегалактического пространства, так же как и на противоположной точке неба — в созвездии Скульптора, недалеко от известной звезды Фомальгаут, у южного полюса галактической системы. В краевой области, где находится Солнце, толщина ветвей спирального диска Галактики всего около шестисот парсеков. Перпендикулярно к плоскости экватора Галактики можно было бы пройти триста-четырееста парсеков, чтобы подняться над уровнем ее гигантского звездного колеса. Этот путь, непреодолимый для звездолета, не представлял невозможного для передач Кольца. Но пока ни одна планета звезд, расположенных в этих областях, еще не включилась в Кольцо...

Вечные загадки и безответные вопросы превратились бы в ничто, если бы удалось совершить еще одну

величайшую из научных революций — победить время, научиться преодолевать любое пространство в любой промежуток времени, наступить ногой властелина на бесконечные просторы космоса. Тогда не только наша Галактика, но и другие звездные острова станут от нас не дальше мелких островков Средиземного моря, что плещется сейчас внизу в ночном мраке. В этом оправдание отчаянной попытки, задуманной Рен Бозом и осуществляемой им, Мвеном Масом, заведующим внешними станциями Земли. Если бы они могли лучше обосновать постановку опыта, чтобы получить разрешение Совета...

Огни Спиральной Дороги изменили цвет с оранжевого на белый: два часа ночи — время усиления перевозок. Мвен Мас вспомнил, что завтра праздник Пламенных Чаш, на который его звала Чара Нанди. Заведующий внешними станциями не мог забыть знакомства на морском берегу и эту красно-бронзовую девушку с отточенной гибкостью движений. Она была как цветок искренности и сильных порывов, редкий в эпоху хорошо дисциплинированных чувств.

Мвен Мас вернулся в рабочую комнату, вызвал Институт Метагалактики, работавший ночью, и попросил прислать ему на завтрашнюю ночь стереотелефильмы нескольких галактик. Получив согласие, он поднялся на крышу внутреннего фасада. Здесь находился его аппарат для дальних прыжков. Мвен Мас любил этот непопулярный спорт и достиг немалого мастерства. Закрепив дямки от баллона с гелием вокруг себя, африканец упругим скачком взвился в воздух, на секунду включив тяговой пропеллер, работавший от легкого аккумулятора. Мвен Мас описал в воздухе дугу около шестисот метров длины, приземлился на выступе Дома Пищи и повторил прыжок. Пятью скачками он добрался до небольшого сада под обрывом известняковой горы, снял аппарат на алюминиевой вышке и соскользнул по шесту на землю, к своей жесткой постели, стоявшей под огромным платаном. Под шелест листьев могучего дерева он уснул.

Праздник Пламенных Чаш получил свое название от известного стихотворения поэта-историка Зан Сена,

описавшего древнеиндийский обычай выбирать красивейших женщин, которые подносили отправлявшимся на подвиг героям боевые мечи и чаши с пылавшей в них ароматной смолой. Мечи и чаши давно исчезли из употребления, но остались символом подвига. Подвиги же безмерно умножились в отважном, полном энергии населении планеты. Огромная работоспособность в прошлом, известная лишь у особо выносливых людей, называвшихся гениями, полностью зависела от физической крепости тела и обилия гормонов-стимуляторов. Забота о физической мощи за тысячелетия сделала то, что рядовой человек планеты стал подобен древним героям, ненасытным в подвиге, любви и познании.

Праздник Пламенных Чаш стал весенним праздником женщин. Каждый год, в четвертом месяце от зимнего солнцеворота, или, по-старинному, в апреле, самые прелестные женщины Земли показывались в танцах, песнях, гимнастических упражнениях. Тонкие оттенки красоты различных рас, проявлявшиеся в смешанном населении планеты, блистали здесь в неисчерпаемом разнообразии, точно грани драгоценных камней, доставляя бесконечную радость зрителям, от утомленных терпеливым трудом ученых и инженеров до вдохновенных художников или совсем еще юных школьничков третьего цикла.

Не менее красив был осенний мужской праздник Геркулеса, совершавшийся в девятом месяце. Вступившие в зрелость юноши отчитывались в совершенных ими подвигах Геркулеса. Впоследствии вошло в обычай в эти дни проводить всенародные смотры совершенных за год замечательных поступков и достижений. Праздник стал общим — мужским и женским — и разделился на дни Прекрасной Полезности, Высшего Искусства, Научной Смелости и Фантазии. Когда-то и Мвен Мас был признан героем первого и третьего дней...

Мвен Мас появился в гигантском Солнечном зале Тирренского стадиона как раз во время выступления Веды. Он нашел девятый сектор четвертого радиуса, где сидели Эвда Налъ и Чара Нанди, и стал под тенью

аркады, вслушиваясь в низкий голос Веды. В белом платье, высоко подняв светловолосую голову и обратив лицо к верхним галереям зала, она пела что-то радостное и показалась африканцу воплощением весны.

Каждый из зрителей нажимал одну из четырех расположенных перед ним кнопок. Загоравшиеся в потолке зала золотые, синие, изумрудные или красные огни показывали оценку артисту и заменяли шумные аплодисменты прежних времен.

Веда кончила петь, была награждена пестрым сиянием золотых и синих огней, среди которых затерялись немногочисленные зеленые, и алая, как обычно от волнения, присоединилась к подругам. Тогда подошел и встреченный приветливо Мвен Мас.

Африканец оглядывался, ища взглядом своего учителя и предшественника, но Дар Ветра нигде не было видно.

— Где вы спрятали Дар Ветра? — шутливо обратился Мвен Мас ко всем трем женщинам.

— А куда вы девали Рен Боза? — ответила Эвда Наль.

— Ветер роется под Южной Америкой, добывая титан, — сказала более милосердная Веда Конг, и что-то дрогнуло в ее лице.

Чара взглянула на часы в куполе зала и поднялась.

Одеяние Чары поразило африканца. На гладких плечах девушки лежала платиновая цепочка, оставившая открытой шею. Под ключицами цепочка застегивалась светящимся красным турмалином.

Крепкие груди, похожие на широкие опрокинутые чаши, выточенные изумительно точным резцом, были почти открыты. Между ними от застёжки к поясу проходила полоска темно-фиолетовой ткани. Такие же полоски шли через середину каждой груди, оттягиваясь назад цепочкой, сомкнутой на обнаженной спине. Очень тонкую талию девушки обхватывал белый, усыянный черными звездами пояс с платиновой пряжкой в виде лунного серпа. Сзади к поясу прикреплялась как бы половина длинной юбки из тяжелого белого шелка, тоже украшенного черными звездами. Ника-

ких драгоценностей на танцовщице не было, кроме сверкающих пряжек на маленьких черных туфлях.

— Скоро мой черед, — безмятежно сказала Чара, направляясь к аркаде прохода, оглянулась на Мвена Маса и исчезла, провожаемая шепотом вопросов и тысячами взглядов.

На сцене появилась гимнастка — великолепно сложенная девушка не старше восемнадцати лет. Под музыку, озаренная золотистым светом, гимнастка проделала стремительный каскад взлетов, прыжков и поворотов, застывая в немыслимом равновесии в моменты напевных и протяжных переходов мелодии. Зрители одобрили выступление множеством золотых огней, и Мвен Мас подумал, что Чаре Нанди будет нелегко выступать после такого успеха. В легкой тревоге он осмотрел безликое множество людей напротив и вдруг заметил в третьем секторе художника Карта Сана. Тот приветствовал его с веселостью, показавшейся африканцу неуместной, — кто, как не художник, написавший с Чары картину «Дочь Средиземного моря», должен был обеспокоиться судьбой ее выступления.

Только африканец успел подумать, что после опыта он поедет смотреть картину, как огни вверху погасли. Прозрачный пол из органического стекла загорелся малиновым светом раскаленного чугуна. Из-под нижних козырьков сцены заструились потоки красных огней. Они метались и набегали, сочетаясь с четким ритмом мелодии в пронизывающем пении скрипок и низком звоне медных струн. Несколько ошеломленный стремительностью и силой музыки, Мвен Мас не сразу заметил, что в центре пламеневшего пола появилась Чара, начавшая танец в таком темпе, что зрители затаили дыхание.

Мвен Мас ужаснулся, что же будет, если музыка потребует еще большего убыстрения. Танцевали не только ноги, не только руки — все тело девушки отвечало на пламенную музыку не менее жарким дыханием жизни. Африканец подумал, что если древние женщины Индии были такие, как Чара, то прав поэт, сравнивший их с пламенными чащами и дав наименование женскому празднику.

Красноватый загар Чары в отсветах сцены и пола принял яркий медный оттенок. Сердце Мвена Маса неистово забилося. Этот цвет кожи он видел у людей сказочной планеты Эпсилон Тукана. Тогда же он узнал, что может существовать такая одухотворенность тела, способного своими движениями, тончайшим изменением прекрасных форм выразить самые глубокие оттенки чувств, фантазии, страсти, молитвы о счастье...

Прежде весь устремленный в недоступную даль девяности парсеков, Мвен Мас понял, что в необъятном богатстве красоты земного человечества могут оказаться цветы, столь же прекрасные, как и бережно лелеемое им видение далекой планеты. Но длительное стремление к невозможной мечте не могло исчезнуть так быстро. Чара, приняв облик краснокожей дочери Эпсилон Тукана, укрепила упрямое решение заведующего внешними станциями.

Эвда Налъ и Веда Конг — сами отличные танцовщицы, впервые видевшие танцы Чары, были потрясены. Веда, в которой говорил ученый-антрополог и историк древних рас, решила, что в далеком прошлом женщин Гондваны, южных стран, всегда было больше, чем мужчин, которые гибли в боях со множеством опасных зверей. Позднее, когда в многолюдных странах юга образовались деспотические государства древнего Востока, мужчины во множестве гибли в постоянных войнах, зачастую вызванных религиозным фанатизмом или случайными прихотями деспотов. Дочери юга вели трудную жизнь, в которой оттачивалось их совершенство. На Севере, при редком населении и небогатой природе, не было государственного деспотизма Темных веков. Там мужчин сохранялось больше, женщины ценились выше и жили с большим достоинством.

Веда следила за каждым жестом Чары и думала, что в ее движениях есть удивительная двойственность: они одновременно нежные и хищные. Нежность — от плавности движений и невероятной гибкости тела, а хищное впечатление исходит от резких переходов, поворотов и остановок, происходящих с почти неуловимой быстротой хищного зверя. Эта вкрадчивая гибкость получена темнокожими дочерьми Гондваны

в тысячелетия тяжелой борьбы за существование. Но как гармонично она сочеталась в Чаре с твердыми и мелкими критско-эллинскими чертами лица! В короткое замедление адажио вплелись учащавшиеся диссонансные звучания каких-то ударных инструментов. Стремительный ритм взлетов и падений человеческих чувств в танце выражался чередованием насыщенных движений и почти полной остановкой их, когда танцовщица застывала недвижимым изваянием. Пробуждение дремлющих чувств, бурная вспышка их, изнеможенное сникание, гибель и новое возрождение, опять бурное и неизведанное, жизнь, скованная и борющаяся с неотвратимой поступью времени, с четкой и неумолимой определенностью долга и судьбы. Эвда Наль почувствовала, как близка ей психологическая основа танца, как щеки ее покрываются краской и учащается дыхание... Мвен Мас не знал, что балетная сюита написана композитором специально для Чары Нанди, но перестал страшиться ураганного темпа, видя, как легко справляется с ним девушка. Красные волны света обнимали ее медное тело, обдавали алыми всплесками сильные ноги, тонули в темных извивах бархата, зарей розовели на белом шелке. Ее закинутые назад руки медленно замирали над головой. И вдруг, без всякого финала, оборвалось буйное звучание появившихся нот, остановились и погасли красные огни. Высокий купол зала вспыхнул обычным светом. Усталая девушка склонила голову, и ее густые волосы скрыли лицо. Вслед за тысячами золотых вспышек послышался глухой шум. Зрители оказывали Чаре высшую почесть артиста — благодарили ее, встав и поднимая над головами сложенные руки. И Чара, бестрепетная перед выступлением, смутилась, откинула с лица волосы и убежала, обратив взгляд к верхним галереям.

Распорядители праздника объявили перерыв. Мвен Мас устремился на поиски Чары, а Веда Конг и Эвда Наль вышли на гигантскую, в километр шириной, лестницу из голубого непрозрачного стекла — смальты, спускавшуюся от стадиона прямо в море. Вечерние сумерки, прозрачные и прохладные, потянули обеих

женщин искупаться по примеру тысяч зрителей праздника.

— Она замечательная артистка, — заговорила Эвда Наль. — Сегодня мы видели танец силы жизни! Это, вероятно, и есть Эрос древних...

— Я теперь поняла Карта Сана, что красота в самом деле важнее, чем нам кажется. Она — счастье и смысл жизни, он хорошо сказал тогда. И ваше определение верное, — согласилась Веда, сбрасывая туфли и погружая ноги в теплую воду, плескавшуюся на ступенях.

— Верное, если психическая сила порождена здоровым, полным энергии телом, — поправила Эвда Наль, снимая платье и бросаясь в прозрачные волны.

Веда догнала ее, и обе поплыли к огромному резиновому острову, сереб্রившемуся в полутора километрах от набережной стадиона. Плоская, вровень с уровнем воды, поверхность острова окаймлялась рядами навесов в форме раковин из перламутровой пластмассы достаточного размера, чтобы укрыть от солнца и ветра трех-четыре человека и полностью изолировать их от соседей.

Обе женщины улеглись на мягком, колышущемся полу «раковины», вдыхая вечно свежий запах моря.

— С тех пор, как мы виделись на берегу, вы сильно загорели! — сказала Веда, оглядывая подругу. — Были у моря или это пилюли загарного пигмента?

— Пилюли ЗП, — призналась Эвда. — Я была на солнце только вчера и сегодня.

— Вы в самом деле не знаете, где Рен Боз? — продолжала Веда.

— Приблизительно знаю, и этого мне достаточно, чтобы беспокоиться! — тихо ответила Эвда Наль.

— Разве вы хотите?.. — Веда умолкла, не закончив мысли, а Эвда подняла лениво приспущенные веки и прямо посмотрела ей в глаза.

— Мне Рен Боз кажется каким-то беспомощным, еще незрелым мальчишкой, — нерешительно возразила Веда, — а вы такая цельная, с могучим разумом, не уступающая никакому мужчине.

— Это мне говорил и Рен Боз. Но вы не правы

в его оценке, такой же односторонней, как и сам Рен. Это человек смелого и могучего ума, громадной работоспособности. Даже в наше время немного найдется равных ему людей на планете. В сочетании с его способностями остальные его качества кажутся недоразвитыми, потому что они как у средних людей или даже более инфантильны. Вы правильно назвали Рена — он мальчишка, но в то же время он — герой в точном смысле этого понятия. Вот Дар Ветер — в нем тоже есть мальчишество, но оно просто от избытка физической силы, а не от недостатка ее, как у Рена.

— А как вы расцениваете Мвена? — заинтересовалась Веда. — Теперь вы лучше познакомились с ним?

— Мвен Мас — красивая комбинация холодного ума и арханческого неистовства желаний.

Веда Конг расхохоталась:

— Как бы мне научиться такой точности характеристик!

— Психология — моя специальность, — пожала плечами Эвда. — Но позвольте мне теперь задать вам вопрос. Вы знаете, что Дар Ветер очень привлекающий меня человек?..

— Вы опасаетесь половинчатых решений? — зарделась Веда. — Нет, здесь не будет гибельных полувипок и неискренности. Все до звонкости ясно... — И под испытующим взглядом ученого-психиатра Веда спокойно продолжала: — Эрг Ноор... наши пути разошлись давно. Только я не могла подчиниться новому чувству, пока он в космосе, не могла отдалиться и тем ослабить силу надежды, веры в его возвращение. Теперь это снова точный расчет и уверенность. Эрг Ноор все знает, но идет своим путем.

Эвда Наль обняла тонкой рукой прямые плечи Веды.

— Это значит Дар Ветер?

— Да! — твердо ответила Веда.

— А он знает?

— Нет. Потом, когда «Тантра» будет здесь... Не пора ли вернуться? — воскликнула Веда.

— Мне пора покинуть праздник, — сказала Эвда Паль, — отпуск кончается. Предстоит большая новая работа в Академии Горя и Радости, а мне надо еще повидать дочь.

— У вас большая дочь?

— Семнадцать. Сын много старше. Я выполнила долг каждой женщины с нормальным развитием и наследственностью — два ребенка, не меньше. А теперь хочу третьего — только взрослого!

Эвда Паль улыбнулась, и ее сосредоточенное лицо засветилось лаской любви.

— А я представила себе славного большеглазого мальчишку... с таким же ласковым и удивленным ртом... но с веснушками и курносого, — лукаво сказала Веда, глядя прямо перед собой.

Ее подруга, помолчав, спросила:

— У вас еще нет новой работы?

— Нет, я еду «Тантру». Потом будет долгая экспедиция.

— Поседем со мной к дочери, — предложила Эвда, и Веда охотно согласилась.

Во всю стену обсерватории высился семиметровый гемисферный экран для просмотра снимков и фильмов, снятых мощными телескопами. Мвен Мас включил обзорный снимок участка неба близ северного полюса Галактики — меридиональную полосу созвездий от Большой Медведицы до Ворона и Центавра. Здесь, в Гончих Псах, Волосах Вероники и Деве, находилось множество галактик — звездных островов вселенной в форме плоских колес или дисков. Особенно много их было открыто в Волосах Вероники — отдельные, правильные и неправильные, в различных поворотах и проекциях, подчас невообразимо далекие, отстоящие на миллиарды парсеков, подчас образующие целые «облака» из десятков тысяч галактик. Самые крупные галактики достигают от двадцати до пятидесяти тысяч парсеков в диаметре, как наш звездный остров или галактика НН 89105 + СБ23, в старину называвшаяся М-31 или туманностью Андромеды. Маленькое, слабо светящееся

туманное облачко было видно с Земли простым глазом. Уже давно люди раскрыли тайну этого облачка. Туманность оказалась исполинской колесообразной звездной системой, в полтора раза большей, чем даже наша гигантская Галактика. Изучение туманности Андромеды, несмотря на расстояние в четыреста пятьдесят тысяч парсеков, отделявшее ее от земных наблюдателей, очень помогло познанию нашей собственной Галактики.

С детства Мвен Мас помнил великолепные фотографии различных галактик, полученные с помощью электронного инверсирования оптических изображений или радиотелескопами, проникающими еще дальше в глубины космоса, как, например, два исполинских телескопа — Памирский и Патагонский, каждый в четыреста километров диаметром. Галактики — чудовищные скопления сотен миллиардов звезд, разделенные миллионами парсеков расстояния, — всегда будили в нем неистовое желание узнать законы их устройства, историю их возникновения и дальнейшую судьбу. И главное, что теперь тревожило каждого обитателя Земли, — вопрос о жизни на бесчисленных планетных системах этих островов вселенной, о горящих там огнях мысли и знания, о человеческих цивилизациях в столь безмерно удаленных пространствах космоса.

На экране появились три звезды, называвшиеся у древних арабов Сиррах, Мирах и Альмах — альфа, бета и гамма Андромеды, расположенные по восходящей прямой. По обе стороны от этой линии располагались две близкие галактики — гигантская туманность Андромеды и красивая спираль М-33 в созвездии Треугольника. Мвен Мас не захотел еще раз увидеть их знакомые светящиеся очертания и переключил металлическую пленку.

Вот галактика, известная с древности, названная тогда НГК 5194 или М-51 в созвездии Гончих Псов, отстоящая на миллионы парсеков. Это одна из немногих галактик, видимых от нас плашмя, перпендикулярно плоскости «колеса». Ярко светящееся плотное ядро из миллионов звезд, с двумя спиральными рукавами. Их длинные концы кажутся все слабее и туманнее, пока

не исчезают в темноте пространства, протягиваясь в противоположные друг другу стороны на десятки тысяч парсеков. Между рукавами, или главными ветвями, чередуясь с черными провалами — сгустками темной материи, протягиваются короткие струи звездных сгущений и облаков светящегося газа, изогнутые в точности, как лопатки турбины.

Очень красива колоссальная галактика НГК 4565 в созвездии Волос Вероники. С расстояния в семь миллионов парсеков она видна ребром. Наклоненная на одну сторону, как парящая птица, галактика широко простирает в стороны свой, очевидно состоящий из спиральных ветвей, тонкий диск, а в центре сильно сплюснутым шаром горит ядро, кажущееся плотной светящейся массой. Отчетливо видно, насколько плоски звездные острова, — галактику можно сравнить с тонким колесом часового механизма. Края колеса нечетки, как бы растворяются в бездонной тьме пространства. На таком же краю нашей Галактики находятся Солнце и крошечная пылинка — Земля, сцепленная силой знания со множеством обитаемых миров и распростертая крылья человеческой мысли над вечностью космоса!

Мвен Мас переключил датчик на наиболее интересовавшую его всегда галактику НГК 4594 из созвездия Девы, также видимую в плоскости ее экватора. Эта галактика, удаленная на расстояние в десять миллионов парсеков, походила на толстую линзу горячей звездной массы, окутываемую слоем светящегося газа. По экватору чечевицу пересекала толстая черная полоса — сгущение темной материи. Галактика казалась таинственным фонарем, светящим из бездны.

Какие миры скрывались там, в ее суммарном излучении, более ярком, чем у других галактик, в среднем достигавшем спектрального класса Ф? Есть ли там обитатели могучих планет, бьется ли так же, как у нас, мысль над тайнами природы?

Полная безответность громадных звездных островов заставляла Мвена Маса стискивать кулаки. Он понимал всю чудовищность расстояния — до этой галактики свет идет тридцать два миллиона лет! На обмен

сообщениями понадобится шестьдесят четыре миллиона лет!

Мвен Мас порылся в катушках, и на экране загорелось большое, яркое и округлое пятно света среди редких и тусклых звезд. Неправильная черная полоса пересекала пятно пополам, оттеняя сильно светящиеся огненные массы по обеим сторонам черноты, которая расширялась на концах и затемняла обширное поле горящего газа, кольцом охватывавшего яркое пятно. Так выглядел полученный невероятными ухищрениями техники снимок сталкивающихся галактик в созвездии Лебедя. Это столкновение гигантских галактик, равных по размерам нашей или туманности Андромеды, было давно известно как источник радиоизлучения, пожалуй самый мощный в доступной нам части вселенной. Быстро двигавшиеся колоссальные газовые струи порождали электромагнитные поля такой невообразимой мощности, что они посылали во все концы вселенной весть о титанической катастрофе. Сама материя отправляла этот потрясающий сигнал бедствия радиостанцией мощностью в квинтиллиард, или тысячу квинтиллионов киловатт. Но расстояние до галактик было так велико, что сивший на экране снимок показывал их состояние много миллионов лет назад. Как выглядят сейчас проходящие одна сквозь другую галактики, мы увидим так много времени спустя, что неизвестно, просуществует ли человечество так невообразимо долго.

Мвен Мас вскочил и уперся руками в массивный стол так, что захрустели суставы.

Сроки пересылки в миллионы лет, недоступные для десятков тысяч поколений, означающие убийственное для сознания «никогда» даже для отдаленнейших потомков, могли бы исчезнуть от взмаха волшебной палочки. Эта палочка — открытие Реп Боза и их совместный опыт.

Невообразимо далекие точки вселенной окажутся на расстоянии протянутой руки!

Древние астрономы считали галактики разбегающимися в разные стороны. Свет, проходивший в земные телескопы от далеких звездных островов, был

изменен — световые колебания удлинялись, преобразуясь в красные волны. Это покраснение света свидетельствовало об удалении галактик от наблюдателя. Люди прошлого привыкли воспринимать явления односторонне и прямолинейно — они создали теорию разбегающейся или взрывающейся вселенной, еще не понимая, что видят лишь одну сторону великого процесса разрушения и созидания. Именно одна лишь сторона — рассеяния и разрушения, то есть переход энергии на низшие уровни по второму закону термодинамики, воспринималась нашими чувствами и построенными для усиления этих чувств приборами. Другая же сторона — накопления, собирания и созидания — не ощущалась людьми, так как сама жизнь черпала свою силу из энергии, рассеиваемой звездами-солнцами, и соответственно этому образовалось наше восприятие окружающего мира. Однако могучий мозг человека проник и в эти скрытые от нас процессы созидания миров в нашей вселенной. Но в те давние времена казалось, что чем дальше от Земли находилась какая-нибудь галактика, тем большую скорость удаления она показывала. С углублением в пространство дело дошло до близких к свету скоростей галактик. Пределом видимой вселенной стало то расстояние, с которого галактики казались бы достигшими скорости света — действительно, никакого света мы бы от них не получили и никогда не смогли бы их увидеть. Теперь мы знаем причины покраснения света далеких галактик. Их не одна. От далеких звездных островов до нас доходит только свет, испускаемый их яркими центрами. Эти колоссальные массы материи окружены кольцевыми электромагнитными полями, очень сильно воздействующими на лучи света не только своей мощностью, но и протяженностью, накапливающей замедление световых колебаний, которые становятся более длинными красными волнами. Уже очень давно астрономы знали, что свет от очень плотных звезд краснеет, линии спектра смещаются к красному концу и звезда кажется удаляющейся, как, например, вторая составляющая Сириуса — белый карлик Сириус Б. Чем дальше галактика, тем больше централизуется до-

стигающее до нас излучение и тем сильнее смещение к красному концу спектра.

С другой стороны, световые волны в очень далеком пути по пространству «раскачиваются», и кванты света теряют часть энергии. Теперь это явление изучено — красные волны могут быть и усталыми, «старыми» волнами обычного света. Даже всепроникающие световые волны «стареют», пробегая немыслимые расстояния. Какая же надежда преодолеть его человеку, если не наступить на само тяготение его противоположностью, как то следует из математики Рен Боза?

Нет, уменьшилась тревога. Он прав, производя небывалый опыт!

Мвен Мас, как всегда, вышел на балкон обсерватории и принялся быстро расхаживать. В утомленных глазах еще светились далекие галактики, славшие к Земле волны красного света, как сигналы о помощи, призывы к всепобеждающей мысли человека. Мвен Мас засмеялся тихо и уверенно. Эти красные лучи станут так же близки человеку, как те, что обдавали красным светом жизни тело Чары Нанди на празднике Пламенных Чаш. Чары, неожиданно явившейся к нему медной дочерью звезды Эпсилон Тукана, девушкой его грез.

И он ориентирует вектор Рен Боза именно на Эпсилон Тукана уже не только в надежде увидеть прекрасный мир, но и в честь ее — его земной представительницы!

Школа третьего цикла

стыреста десятая школа третьего цикла находилась на юге Ирландии. Широкие поля, виноградники и купы дубов спускались от зеленых холмов к морю. Веда Конг и Эвда Наль приехали в час занятий и медленно шли по кольцевому коридору, обегавшему учебные комнаты, развернутые по периметру круглого здания. Был пасмурный день с мелким дождем, и занятия шли в помещениях, а не на лужайках под деревьями, как обычно.

Веда Конг, почувствовавшая себя девчонкой-школьницей, кралась и подслушивала у входов, устроенных, как в большинстве школ, без дверей, с выступами стен, кулисообразно заходившими друг за друга. Эвда Наль вошла в игру. Женщины осторожно заглядывали в классы, стараясь найти дочь Эвды и остаться незамеченными.

В первой комнате они обнаружили начерченный во всю стену синим мелом вектор, окруженный спиралью, разворачивавшейся вдоль него. Два участка спирали были окружены поперечными эллипсами с вписанной в них системой прямоугольных координат.

— Биполярная математика! — с шутливым ужасом воскликнула Веда.

— Здесь что-то большее! Подождем минуту, — возразила Эвда.

— Теперь, когда мы познакомились с теневыми функциями кохлеарного, то есть спирального, поступательного движения, возникающими по вектору, — объяснял пожилой преподаватель с глубоко посаженными горящими глазами, — мы подходим к понятию «репугулярное исчисление». Название исчисления — от древнего латинского слова, означающего «преграда, запор», точнее, переход одного качества в другое, взятый в двустороннем аспекте. — Преподаватель показал на широкий эллипс поперек спирали. — Иными словами, математическое исследование взаимопереходящих явлений.

Веда Конг скрылась за выступом, утачив подругу за руку.

— Это новое! Из той области, о которой толковал ваш Рен Боз на морском берегу.

— Школа всегда дает ученикам самое новое, постоянно отбрасывая старое. Если новое поколение будет повторять устарелые понятия, то как мы обеспечим быстрое движение вперед? И без того на передачу эстафеты знания детям уходит так бесконечно много времени. Десятки лет пройдут, пока ребенок станет полноценно образованным, годным к исполнению гигантских дел. Эта пульсация поколений, где шаг вперед и девять десятых назад — назад, пока растет и обучается смена, — самый тяжелый для человека биологический закон смерти и возрождения. Много из того, что мы учили в области математики, физики и биологии, устарело. Другое дело — ваша история: эта стареет медленнее, так как сама очень стара.

Они заглянули в другую комнату. Стоявшая спиной преподавательница и увлеченные лекцией школьники ничего не заметили. Здесь были рослые юноши и девушки по семнадцати лет. Их порозовевшие щеки говорили, насколько захвачены они уроком.

— Мы, человечество, прошли через величайшие испытания, — голос учительницы звенел волнением. — И до сих пор главное в школьной истории —

изучение исторических ошибок человечества и их последствий. Мы прошли через непосильное усложнение жизни и предметов быта, чтобы прийти к наибольшей упрощенности. Усложнение быта иногда приводило к упрощению духовной культуры. Не должно быть никаких лишних вещей, связывающих человека, переживания и восприятия которого гораздо тоньше и сложнее в простой жизни. Все, что относится к обслуживанию повседневной жизни, так же обдумывается лучшими умами, как и важнейшие проблемы науки. Мы последовали общему пути эволюции животного мира, которое было направлено на освобождение внимания путем автоматизации движений, развития рефлексов в работе нервной системы организма. Автоматизация производительных сил общества создала аналогичную рефлекторную систему управления в экономическом производстве и позволила множеству людей заниматься тем, что является основным делом человека, — научными исследованиями. Мы получили от природы большой исследовательский мозг, хотя вначале он был предназначен только для поисков пищи и исследования ее съедобности.

— Хорошо! — шепнула Эвда Наль и тут увидела дочь.

Девушка, ничего не подозревая, задумчиво смотрела на волнистую поверхность оконного стекла, не дававшую возможность видеть что-либо вне класса.

Веда Конг с любопытством сравнивала ее с матерью. Те же прямые длинные черные волосы, переплетенные у дочери голубой нитью. Тот же сужавшийся книзу овал лица, в котором было что-то очень детское от слишком широкого лба и выступавших под висками скул. Снежно-белая кофточка из искусственной шерсти подчеркивала темноватую бледность ее кожи и резкую черноту глаз, бровей и ресниц. Ожерелье красного коралла гармонировало с безусловно оригинальной внешностью этой девушки.

Дочь Эвды была одета в такие же широкие и короткие, выше колен, штаны, как и все в классе, только отличавшиеся красной бахромой, вшитой в боковые швы.

— Индейское украшение, — шепнула Эвда Наль на вопросительную улыбку подружки.

Эвда и Веда едва успели отступить в коридор, как учительница покинула класс. Следом устремились несколько учеников, среди них и дочь Эвды. Внезапно девушка замерла, увидев мать — свою гордость и всегдашний пример для подражания. Эвда не знала, что в школе существовал кружок ее почитателей, решивших идти в жизни той же дорогой, что и знаменитая Эвда Наль.

— Мама! — прошептала девушка и, бросив застенчивый взгляд на спутницу матери, прильнула к Эвде.

Учительница остановилась и подошла ближе.

— Я должна уведомить школьный совет, — сказала она, не подчиняясь протестующему жесту Эвды Наль. — Мы извлечем некую пользу из вашего приезда.

— Лучше извлекайте пользу вот из кого. — Эвда представила Веду Конг.

Учительница истории залилась румянцем и стала совсем юной.

— Очень хорошо! — Она пыталась сохранить деловой тон. — Школа накануне выпуска старших групп. Жизненное напутствие Эвды Наль в сочетании с обзором древних культур и рас, данным Ведой Конг, — большая удача для нашей молодежи! Правда, Реа?

Дочь Эвды захлопала в ладоши. Учительница устремилась в служебные помещения.

— Реа, ты пропустишь труд, и мы погуляем в саду? — предложила Эвда дочери. — Я не успею навесить тебя еще раз до выбора тобой подвигов. В прошлый раз мы окончательно не решили...

Рео безмолвно взяла мать за руку. Занятия в каждом цикле школы чередовались с уроками труда. Сейчас был один из любимых уроков Реи — шлифовка оптических стекол, но что могло быть интереснее и важнее приезда ее матери?

Веда пошла к видневшейся вдали маленькой астрономической обсерватории, оставив мать и дочь на-

едине. Реа, по-детски прильнув к сильной руке матери, шла рядом, сосредоточенно думая.

— Где твой маленький Кай? — спросила Эвда, и девушка заметно опечалилась.

Кай был ее учеником. Старшие школьники навещали расположенные поблизости школы первого или второго циклов и наблюдали за учением и воспитанием выбранных подопечных.

— Кай перешел во второй цикл и уехал далеко отсюда. Мне так жалко... Зачем нас переводят с одного места в другое каждые четыре года, от цикла к циклу?

— Ты же знаешь, что психика утомляется и тупеет в однообразии впечатлений.

— Я только не понимаю, почему первый из четырех трехлетних циклов носит название нулевого — ведь в нем происходит тоже очень важный процесс воспитания и обучения малышей от года до четырех.

— Старое и неудачное название. Но мы избегаем менять установившиеся термины без крайней нужды. Это всегда влечет за собою ненужную трату человеческой энергии. Оберегать человечество от этого призван каждый без исключения.

— Но ведь разделение циклов — они учатся и живут отдельно, их постоянные переезды с места на место — тоже большая трата сил?

— С лишней окупающейся обострением восприятия, полезного эффекта обучения, которые иначе с каждым годом неизбежно падают. Вы, маленькие люди, по мере роста и воспитания превращаетесь в качественно различные существа. Совместная жизнь разных возрастных групп мешает воспитанию и раздражает самих учащихся. Мы свели разницу к минимуму, разделив детей на четыре возрастных цикла, и все же это несовершенно. Но посоветуемся сначала о твоих мечтах и делах. Мне придется прочитать всем вам лекцию, и, может быть, твои вопросы разъяснятся сами собой.

Рео стала верить матери свои сокровенные думы с открытой доверчивостью ребенка эры Кольца, никогда не испытывавшего обидной насмешки или непони-

мания. Девушка была воплощением юности, ничего еще не знающей о жизни, но уже полной задумчивого ожидания. С исполнением семнадцатилетия девушка кончала школу и вступала в трехлетний период подвигов Геркулеса, выполняя работу уже среди взрослых. После подвигов окончательно определялись влечения и способности. Тогда следовало двухлетнее высшее образование, дававшее право на самостоятельную работу в избранной специальности. За долголетнюю жизнь человек успевал пройти высшее образование по пяти-шести специальностям, меняя род работы, но от выбора первой и трудной деятельности — Геркулесовых подвигов — зависело многое. Поэтому они выбирались после тщательного обдумывания и обязательно со старшим советником.

— Вы уже прошли выпускные психологические испытания? — спросила Эвда.

— Прошли. У меня от двадцати до двадцати четырех в первых восьми группах, восемнадцать и девятнадцать в десятой группе и тринадцатой и даже семнадцатой в семнадцатой группе! — гордо воскликнула Реа.

— Это превосходно! — обрадовалась Эвда. — Тебе открыто все. Ты не переменяла выбора первого подвига?

— Нет. Буду медсестрой на острове Забвения, а потом весь наш кружок, кружок твоих последователей, будет работать в Ютландском психологическом госпитале.

Эвда не поскупилась на добродушные шутки в адрес ретивых психологов, но Реа упросила мать стать ментором для членов кружка, тоже стоявших перед выбором подвигов.

— Мне придется прожить здесь до конца отпуска, — засмеялась Эвда. — Что будет делать Веда Конг?

Реа вспомнила про спутницу матери.

— Она хорошая, — серьезно сказала Реа, — и почти так же красива, как ты!

— Гораздо красивее!

— Нет, я знаю... Вовсе не потому, что ты — моя

мама, — настаивала Реа. — Может быть, с первого взгляда она лучше. Но ты несешь в себе внутренние силы, каких у Веды Конг еще нет. Я не говорю, что не будет. Когда будет — тогда...

— Затмит твою маму, как луна звезду?

Рео затрясла головой.

— А разве ты останешься на месте? Ты пройдешь еще дальше ее!

Эвда провела по гладким волосам, заглянув в поднятое к ней лицо дочери.

— Не достаточно ли восхвалений, дочь? Мы упустим время!..

Веда Конг тихо шла по аллее, углубляясь в рощу широколиственных кленов, шелестевших влажной тяжелой листвой. Первые призраки вечернего тумана пытались подняться с близкого дуга, но мгновенно развеивались ветром. Веда Конг думала о подвижном покое природы и о том, как удачно выбираются всегда места для постройки школ. Важнейшая сторона воспитания — это развитие острого восприятия природы и тонкого с ней общения. Притупление внимания к природе — это, собственно, остановка развития человека, так как, отвыкнув наблюдать, человек теряет способность обобщать. Веда думала об умении учить — драгоценнейшей способности в эпоху, когда, наконец, поняли, что образование, собственно, и есть воспитание и что только так можно подготовить ребенка к трудному пути человека. Конечно, основа дается врожденными свойствами, но ведь они могут остаться втуне без тонкой отделки человеческой души, создаваемой учителем. Ученый-историк вернулась к тем уже отдаленным дням, когда она сама была слепленным из противоречий юным существом третьего цикла, трепещущим от желания пожертвовать собой и в то же время судящим о всем мире только от себя, с эгоцентризмом здоровой молодости. «Как много сделали тогда учителя — поистине нет более высокого дела в нашем мире!»

Учитель — в его руках будущее ученика, ибо только его усилиями человек поднимается все выше и делается все могущественнее, выполняя самую труд-

ную задачу — преодоление самого себя, самолюбивой жадности и необузданных желаний.

Веда Конг повернула к окаймленному соснами маленькому заливу, откуда доносились юношеские голоса, и скоро наткнулась на десяток мальчишек в пластмассовых передниках, усердно обрабатывавших длинный дубовый брус топорами — инструментами, изобретенными еще в пещерах каменного века. Юные строители почтительно приветствовали историка и объяснили, что они в подражание историческим героям хотят построить судно без помощи автоматических пил и сборочных станков. Корабль предназначается для плавания к развалинам Карфагена, которое они хотят совершить во время вакаций вместе с учителями истории, географии и труда.

Веда пожелала успеха корабельщикам и собралась идти дальше. Вперед выступил высокий тонкий юноша с совершенно желтыми волосами.

— Вы приехали вместе с Эвдой Наль? Тогда можно мне задать несколько вопросов?

Веда согласилась.

— Эвда Наль работает в Академии Горя и Радости. Мы проходили общественную организацию нашей планеты и некоторых других миров, но нам еще не говорили о значении этой Академии.

Веда рассказала о великом учете, проводимом Академией в жизни общества, — подсчете горя и счастья в жизни отдельных людей, исследовании горя по возрастным группам людей. Затем следовал анализ изменений горя и радости по этапам исторического развития человечества. Какова бы ни была разнокачественность переживаний, в массовых итогах, обработанных методами больших чисел — стохастики, получались важные закономерности. Советы, направившие дальнейшее развитие общества, обязательно старались добиваться лучших показателей. Только при возрастании радости или ее равновесии с горем считалось, что развитие общества идет успешно.

— Значит, Академия Горя и Радости самая главная? — спросил другой мальчик со смелыми и задорными глазами.

Другие засмеялись, и первый собеседник Веды Конг пояснил:

— Оль везде ищет главенство. И сам мечтает о великих начальниках прошлого.

— Опасный путь, — улыбнулась Веда. — Как историк могу вам сказать, что эти великие начальники были самыми связанными и зависимыми людьми.

— Связанными обусловленностью своих действий? — спросил желтоволосый юноша.

— Именно. Но то было в неравномерно и стихийно развивавшихся древних обществах ЭРМ и более ранних. Теперь главенства нет потому, что действия каждого Совета немислимы без всех остальных советов.

— А Совет Экономии? Без него никто не может предпринимать ничего большого, — осторожно возразил смутившийся, но не растерявшийся Оль.

— Верно, потому что экономика — единственная реальная основа нашего существования. Но мне кажется, что у вас не совсем правильное представление о главенстве... Вы уже проходили цитоархитектонику человеческого мозга?

Юноши ответили утвердительно.

Веда попросила дать ей палку и нарисовала на песке крути основных управляющих учреждений.

— Вот в центре Совет Экономии. От него проведем прямые связи к его консультативным органам: АГР — Академии Горя и Радости, АПС — Академии Производительных Сил, АСБ — Академии Стохастики и Предсказания Будущего, АПТ — Академии Психофизиологии Труда. Боковая связь — с самостоятельно действующим органом — Советом Звездоплавания. От него прямые связи к Академии Направленных Излучений и внешним станциям Великого Кольца. Дальше...

Веда расчертила песок сложной схемой и продолжала:

— Разве это не напоминает нам человеческий мозг? Исследовательские и учетные центры — это центры чувств. Советы — ассоциативные центры. Вы знаете, что вся жизнь состоит из притяжения и отталкивания, ритма взрывов и накоплений, возбуждения и торможения. Главный центр торможения — Совет

Экономики, переводящий все на почву реальных возможностей общественного организма и его объективных законов. Это взаимодействие противоположных сил, сведенное в гармоническую работу, и есть наш мозг и наше общество — то и другое неуклонно движется вперед. Когда-то давно кибернетика, или наука об управлении, смогла свести сложнейшие взаимодействия и превращения к сравнительно простым действиям машин. Но чем больше развивалось наше знание, тем сложнее оказывались явления и законы термодинамики, биологии, экономики и навсегда исчезали упрощенные представления о природе или процессах общественного развития.

Юноши слушали Веду, не шелохнувшись.

— Что же главное в таком устройстве общества? — обратилась она к любителю начальников.

Тот смущенно молчал, но первый юноша поспешил на выручку.

— Движение вперед! — храбро объявил он, и Веда восхитилась.

— Приз за превосходный ответ! — воскликнула она и, оглядев себя, сняла с левого плеча застёжку из эмали, изображавшую белого альбатроса над голубым морем. Молодая женщина протянула вещьцу юноше на раскрытой ладони.

Тот замялся в нерешительности.

— На память о сегодняшнем разговоре и о движении вперед! — настаивала Веда, и юноша взял альбатроса.

Придерживая отпадающий наплечник блузки, Веда направилась обратно в парк. Застёжка была подарком Эрга Ноора, и внезапное стремление отдать ее означало многое, в том числе и странное желание скорее сбрасывать с себя прежнее, ушедшее или уходящее, которое знала за собой Веда.

Круглый зал в центре здания собрал все население школьного городка. Эвда Наль в черном платье встала на центральное возвышение, освещенное сверху, и спокойно обвела взглядом ряды амфитеатра. Аудитория замерла, слушая ее негромкий, ясный голос. Оружие усилители употреблялись лишь в техни-

ке безопасности. Необходимость больших аудиторий отпала с развитием телевизионных стереофонов ТВФ.

— Семнадцать лет — перелом в жизни. Скоро вы произнесете традиционные слова в собрании Ирландского округа: «Вы, старшие, позвавшие меня на путь труда, примите мое умение и желание, примите мой труд и учите меня среди дня и среди ночи. Дайте мне руку помощи, ибо труден путь, и я пойду за вами». В этой древней формуле между строк заключено очень многое, и сегодня мне следует сказать вам об этом.

Вас с детства учат диалектической философии, когда-то в секретных книгах античной древности называвшейся «Тайной Двойного». Считалось, что ее могуществом могут владеть лишь «посвященные» — сильные умственно и морально люди. Теперь вы с юности понимаете мир через законы диалектики, и ее могучая сила служит каждому. Вы пришли в жизнь в хорошо устроенном обществе, созданном поколениями безвестных тружеников и борцов за лучшую жизнь. Пятьсот поколений прошло со времени образования первых обществ с разделением труда. За это время смешались различные расы и народности. Капля крови, как говорили в старину, — наследственные механизмы, скажем мы теперь, — есть в каждом из вас от каждого народа. Была проделана гигантская работа по очищению наследственности от последствий неосторожного пользования излучениями и от распространения прежде болезней, проникавших в ее механизмы.

Воспитание нового человека — это тонкая работа с индивидуальным анализом и очень осторожным подходом. Безвозвратно прошло время, когда общество удовлетворялось кое-как, случайно воспитанными людьми, недостатки которых оправдывались наследственностью, врожденной природой человека. Теперь каждый дурно воспитанный человек — укор для всего общества, тягостная ошибка большого коллектива людей.

Но вам, еще не освободившимся от возрастного эгоцентризма и переоценки своего «я», следует ясно представить, как много зависит от вас самих, насколько

ко вы сами — творцы своей свободы и интереса своей жизни. Выбор путей у вас очень широк, — но эта свобода выбора вместе с тем и полная ответственность за выбор. Давно исчезли мечты некультурного человека о возвращении к дикой природе, о свободе первобытных обществ и отношений. Перед человечеством, объединившим колоссальные массы людей, стоял реальный выбор: или подчинить себя общественной дисциплине, долговому воспитанию и обучению, или погибнуть — других путей для того, чтобы прожить на нашей планете, хотя ее природа довольно щедра, нет! Горе-философы, мечтавшие о возвращении назад, к первобытной природе, не понимали и не любили природу по-настоящему, иначе они знали бы ее беспощадную жестокость и неизбежное уничтожение всего не подчинившегося ее законам.

Перед человеком нового общества встала неизбежная необходимость дисциплины желаний, воли и мысли. Этот путь воспитания ума и воли теперь так же обязателен для каждого из нас, как и воспитание тела. Изучение законов природы и общества, его экономики заменило личное желание на осмысленное знание. Когда мы говорим: «Хочу», мы подразумеваем — знаю, что так можно.

Еще тысячелетия тому назад древние эллины говорили: метрон — аристон, то есть самое высшее — это мера. И мы продолжаем говорить, что основа культуры — это понимание меры во всем.

С возрастанием уровня культуры ослабевало стремление к грубому счастью собственности, жадному количественному увеличению обладания, быстро притупляющемуся и оставляющему темную неудовлетворенность.

Мы учим вас гораздо большему счастью отказа, счастью помощи другому, истинной радости работы, зажигающей душу. Мы помогали вам освободиться от власти мелких стремлений и мелких вещей и перенести свои радости и огорчения в высшую область — творчества.

Забота о физическом воспитании, чистая, правильная жизнь десятков поколений избавили вас от треть-

его страшного врага человеческой психики — равнодушия, пустой и ленивой души. Заряженные энергией, с уравновешенной, здоровой психикой, в которой в силу естественного соотношения эмоций больше доброты, чем зла, вы вступаете в мир на работу. Чем лучше будете вы, тем лучше и выше будет все общество, ибо тут взаимная зависимость. Вы создадите высокую духовную среду как составляющие частицы общества, и оно возвысит вас самих. Общественная среда — самый важный фактор для воспитания и учения человека. Ныне человек воспитывается и учится всю жизнь, и восхождение общества идет быстро.

Эвда Наль остановилась, пригладила волосы тем же жестом, что и сидевшая, не сводящая с нее глаз Реа, затем снова заговорила:

— Когда-то люди называли мечтами стремление к познанию действительности мира. Вы будете так мечтать всю жизнь и будете радостны в познании, в движении, в борьбе и труде. Не обращайтесь внимания на спады после взлетов души, потому что это такие же закономерные повороты спирали движения, как и во всей остальной материи. Действительность свободы сурова, но вы подготовлены к ней дисциплиной вашего воспитания и учения. Поэтому вам, сознающим ответственность, дозволены все те перемены деятельности, которые и составляют личное счастье. Мечты о тихой бездеятельности рая не оправдались историей, ибо они противны природе человека-борца. Были и остались свои трудности для каждой эпохи, но счастьем для всего человечества стало неуклонное и быстрое восхождение к все большей высоте знания и чувств, науки и искусства.

Эвда Наль кончила лекцию и сошла вниз, к передним сиденьям, где ее приветствовала Веда Конг, как Чару на празднике. И все присутствовавшие встали, повторяя этот жест, словно высказывая восхищение невиданным искусством.

Тибетский опыт

становка Кора Юлла находилась на вершине плоской горы, всего в километре от Тибетской обсерватории Совета Звездоплавания. Высота в четыре тысячи метров не позволяла существовать здесь никакой древесной растительности, кроме привезенных с Марса черновато-зеленых безлистных деревьев с загнутыми внутрь, к верхушке, ветвями. Светло-желтая трава клонилась под ветром в долине, а эти обладающие железной упругостью пришельцы чужого мира стояли совершенно неподвижно. По откосам горных склонов текли каменные реки из кусков рассыпавшихся скал. Поля, пятна и полосы снега сияли особенной белизной, которую приобретает чистый горный снег под сверкающим небом.

За остатками стен из трещиноватого диорита — развалинами монастыря, с изумительной дерзостью построенного на этой высоте, возвышалась стальная трубчатая башня, поддерживавшая две ажурные дуги. На них, открытая в небо наклонной параболой, сверкала огромная спираль бериллиевой бронзы, усеянная блестящими белыми точками рениевых контактов. Вплотную к первой спирали

прилежала вторая, обращенная открытой стороной к почве и прикрывавшая восемь больших конусов из зеленоватого боразонового сплава. Сюда шли ответвления подводящих энергию труб шестиметрового сечения. Долину пересекали столбы с направляющими кольцами — временный отвод от магистрали обсерватории, принимавшей во время передачи энергию всех станций планеты. Рен Боз, скребя пальцами в лохматой голове, с удовлетворением разглядывал изменения в прежней установке. Сооружение было собрано силами добровольцев в невероятно короткий срок. Самым трудным оказалось строительство глубоких открытых траншей в горах без доставки сюда больших горных машин, но теперь и это миновало. Добровольцы, естественно, ожидавшие в награду зрелище великого опыта, отправились подальше от установки и облюбовали для своих палаток пологий склон горы к северу от здания обсерватории.

Мвен Мас, в чьих руках находились все связи космоса, сидел на холодном камне напротив физика и, слегка поеживаясь, рассказывал новости Кольца. Спутник 57 последнее время пользовался для поддержания связи со звездолетами и планетолетами и не работал для Кольца, Мвен Мас сообщил о гибели Влихх оз Ддиза у звезды Э, и усталый физик оживился.

— Высшее напряжение тяготения в звезде Э при дальнейшей эволюции светила ведет к сильнейшему разогреву. Получается фиолетовый сверхгигант чудовищной силы, преодолевающий колоссальное тяготение. У него уже нет красной части спектра — несмотря на мощность гравитационного поля, волны лучей света не удлиняются, а укорачиваются.

— Становятся крайними фиолетовыми, — согласился Мвен Мас, — и ультрафиолетовыми.

— Не только. Процесс идет дальше. Все более мощными становятся кванты, наконец, преодолевается переход нуль-поле и получается зона антипространства — вторая сторона движения материи, неизвестная у нас на Земле из-за ничтожности наших масштабов. Мы не смогли бы достичь ничего подобного, если бы сожгли весь водород океана Земли.

Мвен Мас проделал в уме молниеносный подсчет.

— Пятнадцать тысяч триллионов тонн воды пересчитали на энергию водородного цикла по принципу относительности масса/энергия, грубо — триллион тонн энергии. Солнце в минуту дает двести сорок миллионов тонн — всего десятилетнее излучение Солнца!

Рен Боз довольно усмехнулся.

— А сколько же даст голубой сверхгигант?

— Затрудняюсь подсчитать. Но судите сами. В Большом Магеллановом Облаке есть скопление NGC 1910 около туманности Тарантул... Простите меня, я привык сам с собой оперировать древними названиями и обозначениями звезд.

— Совершенно неважно.

— Вообще туманность Тарантул настолько ярка, что если бы она находилась на месте известной каждому туманности Ориона, то она светила бы так же, как полная луна. В звездном скоплении 1910 диаметром всего в семьдесят парсеков не менее сотни сверхгигантских звезд. Там находится двойной голубой сверхгигант ЭС Золотой Рыбы с яркими линиями водорода в спектре и темными у фиолетового края. Он больше орбиты Земли, со светимостью полмиллиона наших солнц! Вы имели в виду именно такую звезду? В этом же скоплении есть еще большие по размеру звезды, но они только еще разогреваются после Э-состояния.

— Оставим в покое сверхгиганты. Люди тысячелетия смотрели на кольцевые туманности в Водолее, Большой Медведице и Лире и не понимали, что перед ними нейтральные поля нуль-гравитации, по закону рекагулюма — перехода между тяготением и антитяготением. Там именно и скрывалась загадка нуль-пространства...

Рен Боз вскочил с порога блиндажа управления, сложенного из больших, залитых силикатом глыб.

— Я отдохнул. Можно начинать!

Сердце Мвена Маса забилося, волнение сдавило горло. Африканец глубоко и прерывисто вздохнул. Рен Боз остался спокойным, только лихорадочный блеск его глаз выдавал необычайную концентрацию мысли и воли.

Мвен Мас сжал большой рукой маленькую крепкую кисть Рен Боза. Кивок головы, и силуэт заведующего внешними станциями показался уже на спуске горы, по дороге к обсерватории. Холодный ветер зловеще завыл, скатываясь с обледенелых горных гигантов, стороживших долину. Дрожь пронизала Мвена Маса. Он невольно ускорил свои и без того быстрые шаги, хотя торопиться было некуда: опыт начинался после захода солнца.

Мвен Мас удачно связался со спутником 57 по радио лунного диапазона. Установленные на станции отражатели и направляющие фиксировали Эпсилон Тукапа на те несколько минут движения спутника от тридцать третьего градуса северной широты до Южного полюса, в которые звезда была видимой с его орбиты.

Мвен Мас занял место за пультом в подземной комнате, очень похожей на такую же в Средиземной обсерватории.

Пересматривая в тысячный раз листы с данными о планете звезды Эпсилон Тукапа, Мвен Мас методически проверил вычисленную орбиту планеты и снова связался со спутником, условившись, что в момент включения поля наблюдатели спутника 57 будут очень медленно изменять направление по дуге, в четыре раза большей параллакса звезды.

Медленно тянулось время. Мвен Мас никак не мог отделаться от дум о Бете Лопе — преступном математике. Но вот на экране ТВФ появился Рен Боз у пульта опытной установки. Его жесткие волосы торчали более обычного.

Предупрежденные диспетчеры энергостанций сообщили готовность. Мвен Мас взялся за рукоятки пульта, но движение Рен Боза на экране остановило его.

— Надо предупредить резервную Ку-станцию на Антарктиде. Наличной энергии не хватит.

— Я сделал это, она готова.

Физик размышлял еще несколько секунд:

— На Чукотском полуострове и на Лабрадоре построены станции Ф-энергии. Если бы договориться с ними, чтобы включить в момент инверсии поля, — я боюсь за несовершенство аппарата...

— Я сделал это.

Рен Боз просиял и махнул рукой.

Исполинский столб энергии достиг спутника 57. В гемисферном экране обсерватории появились возбужденные молодые лица наблюдателей.

Мвен Мас приветствовал отважных людей, проверил совпадение и следование столба энергии за спутником. Тогда он переключил мощность на установку Рен Боза. Голова физика исчезла с экрана.

Индикаторы забора мощности склоняли свои стрелки направо, указывая на непрерывное возрастание конденсации энергии. Сигналы горели все ярче и белее. Как только Рен Боз подключал один за другим излучатели поля, указатели наполнения скачками падали к нулевой черте. Захлебывающийся звон с опытной установки заставил вздрогнуть Мвена Маса. Африканец знал, что делать. Движение рукоятки, и вихревая мощность Ку-станции влилась в угасающие глаза приборов, оживила их падающие стрелки. Но едва Рен Боз включил общий инвертор, как стрелки прыгнули к нулю. Почти инстинктивно Мвен Мас подключал обе Ф-станции.

Ему показалось, что приборы погасли, странный бледный свет наполнил помещение. Звуки прекратились. Еще секунда, и тень смерти прошла по сознанию заведующего станциями, притупив ощущения. Мвен Мас боролся с тошнотворным головокружением, стиснув руками край пульта и всхлипывая от усилий и ужасающей боли в позвоночнике. Бледный свет стал разгораться ярче с одной стороны подземной комнаты, с какой — этого Мвен Мас не смог определить или забыл. Может быть, от экрана или со стороны установки Рен Боза...

Вдруг точно разодралась колеблющаяся завеса, и Мвен Мас отчетливо услышал плеск волн. Невыразимый незапоминаемый запах проник в его широко раздувшиеся ноздри. Завеса сдвинулась налево, а в углу колыхалась прежняя серая пелена. Необычайно реальные встали высокие медные горы, окаймленные рощей бирюзовых деревьев, а волны фиолетового моря плескались у самых ног Мвена Маса. Еще левее сдви-

нулась завеса, и он увидел свою мечту. Краснокожая женщина сидела на верхней площадке лестницы за столом из белого камня и, облокотясь на его полированную поверхность, смотрела на океан. Внезапно она увидела — ее широко расставленные глаза наполнились удивлением и восторгом. Женщина встала, с великодушным изяществом выпрямив свой стан, и протянула к африканцу раскрытую ладонь. Грудь ее дышала глубоко и часто, и в этот бредовый миг Мвен Мас вспомнил Чару Нанди.

— Оффа алли кор!

Мелодичный, нежный и сильный голос проник в сердце Мвена Маса. Он открыл рот, чтобы ответить, но на месте видения вздулось зеленое пламя, сотрясающий свист пронесся по комнате. Африканец, теряя сознание, почувствовал, как мягкая, неодолимая сила складывает его втрое, вертит, как ротор турбины, и, наконец, сплюсчивает о нечто твердое... Последней мыслью Мвена Маса была участь станции и Рен Боза...

Находившиеся поодаль на склоне сотрудники обсерватории и строители видели очень мало. В глубоком тибетском небе промелькнуло нечто затемнившее свечение звезд. Какая-то невидимая сила обрушилась сверху на гору с опытной установкой. Там она приняла очертания вихря, который захватил массу камней. Черная воронка километр в поперечнике, точно выброшенная из гигантской гидравлической пушки, пронеслась к зданию обсерватории, взмыла вверх, завернулась назад и снова ударила по горе с установкой, вдребезги разбив все сооружение и разметав обломки. Мгновение спустя все стихло. В наполненном пылью воздухе остался запах горячего камня и гари, смешавшийся со странным ароматом, напоминавшим запах цветущих берегов тропических морей.

На месте катастрофы люди увидели, что по долине между горой и обсерваторией идет широкая борозда с онлавленными краями, а обращенный к долине склон горы начисто оторван. Здание обсерватории осталось целым. Борозда достигла юго-восточной стены,

разрушила примыкавшие к ней камеры трансформаторов и уперлась в купол подземной камеры, залитый четырехметровым слоем плавленного базальта. Базальт был сточен, будто на исполинском шлифовальном станке. Но часть слоя уцелела, спасши Мвена Маса и подземную комнату от полного уничтожения.

Ручей серебра застыл в углублении почвы — это расплавились предохранители приемной энергостанции.

Скоро удалось восстановить кабели аварийного освещения. При свете прожектора на маяке подъездной дороги люди увидели поразительное зрелище — металл конструкций опытной установки был размазан по борозде тонким слоем, отчего она сверкала, будто хромированная. В отвесный обрыв отрезанного точно ножом склона горы вдавился кусок бронзовой спирали. Камень расплылся стекловатым слоем, как сургуч под горячей печатью. Погруженные в него витки красноватого металла с белыми зубцами речневых контактов сверкали в электрическом свете вделанным в эмаль цветком. От взгляда на это ювелирное изделие двухсот метров в диаметре ощущался страх перед неведомой, действовавшей здесь силой.

Когда расчистили заваленный обломками спуск в подземную камеру, нашли Мвена Маса на коленях у каменной лестницы. Видимо, заведующий внешними станциями в моменты прояснения сознания делал попытки выбраться. Среди добровольцев отыскались врачи. Могучий организм африканца с помощью не менее могучих лекарств справился с контузией. Мвен Мас встал, дрожа и шатаясь, поддерживаемый с обеих сторон.

— Рен Боз?..

Обступившие ученого люди помрачнели. Заведующий обсерваторией хрипло ответил:

— Рен Боз жестоко изуродован. Вряд ли долго проживет...

— Где он?

— Нашли за горой, на ее восточном склоне. Должно быть, его выбросило из помещения. На вершине более ничего нет... даже развалины стерты начисто.

— И Рен Боз лежит там же?

— Его нельзя трогать. Раздроблены кости, сломаны ребра...

— Что такое?

— Живот распорот...

Ноги Мвена Маса подкосились, и он судорожно ухватился за шеи державших его людей. Но воля и разум действовали.

— Рен Боза надо спасти во что бы то ни стало! Это величайший ученый!..

— Мы знаем. Там пятеро врачей. Над ним поставили стерильную операционную палатку. Рядом лежат двое пожелавших дать кровь. Тиратрон, искусственное сердце и печень уже работают.

— Тогда ведите меня в переговорную. Соединитесь с мировой сетью и вызовите центр информации северного пояса. Как спутник пятьдесят семь?

— Вызывали. Он молчит.

— Телескопы целы?

— Целы.

— Разыщите спутник в телескоп и рассмотрите при большом увеличении в электронном инверторе...

Ночной дежурный северного центра информации увидел на экране измазанное кровью лицо с лихорадочно блестящими глазами. Он тщательно всмотрелся, прежде чем смог узнать заведующего внешними станциями — широко известную на планете личность.

— Мне нужно председателя Совета Звездоплавания Грома Орма и Эвду Наль, психиатра.

Дежурный кивнул и принялся оперировать с кнопками и рычагами памятной машины. Ответ пришел через минуту.

— Гром Орм готовит материалы и ночует в жилом доме Совета. Вызывать Совет?

— Вызывайте. А Эвда Наль?

— Она находится в четыреста десятой школе, в Ирландии. Если нужно, я попробую вызвать ее, — дежурный посмотрел на схему, — к переговорному пункту 5654СП.

— Очень нужно! Дело жизни и смерти!

Дежурный оторвался от своих схем.

— Случилось несчастье?

— Большое несчастье!

— Я передаю дежурство своему помощнику, а сам займусь исключительно вашим делом. Ждите!

Мвен Мас опустился в придвинутое кресло, собирая мысли и силы. В комнату вбежал заведующий обсерваторией.

— Только что фиксировали положение спутника пятьдесят семь. Его нет!

Мвен Мас встал.

— Остался кусок передней части — порт для приема кораблей, — продолжался убийственный доклад. — Он летит по той же орбите. Вероятно, есть еще мелкие куски, но они пока не обнаружены.

— Значит, наблюдатели?..

— Несомненно, погибли!

Мвен Мас сжал кулаки и упал в кресло. Прошло несколько томительных минут молчания. Экран вспыхнул снова.

— Гром Орм у аппарата Дома Советов, — сказал дежурный и повернул рукоятку.

На экране, отразившем большой, тускло освещенный зал, возникла характерная, всем знакомая голова председателя Совета Звездоплавания. Узкое, будто разрезающее пространство лицо с крупным горбатым носом, глубокие глаза под угловатыми бровями, вопрошительный изгиб твердо сжатых губ.

Мвен Мас под взглядом Гром Орма опустил голову, как набедокуривший мальчишка.

— Только что погиб спутник пятьдесят семь! — Африканец бросился в признание, как в темную воду.

Гром Орм вздрогнул, и его лицо стало еще острее.

— Как это могло случиться?

Мвен Мас сжато и точно рассказал все, не утаив ничего и не щадя себя. Брови председателя Совета сошлись вместе, вокруг рта обозначились длинные морщины, но взгляд оставался спокойным.

— Подождите, я поговорю о помощи Рен Бозу. Вы думаете, что Аф Нут...

— О... если бы Аф Нут!

Экран потускнел. Потянулось ожидание. Мвен Мас

из последних сил заставлял себя держаться. Ничего, скоро... Вот и Гром Орм!

— Я пошел Аф Нута и дал ему планетолет. Не меньше часа ему надо на подготовку аппаратуры и ассистентов. Через два часа Аф Нут будет в обсерватории. Теперь о вас — опыт удался?

Вопрос застал африканца врасплох. Он, несомненно, видел Эпсилон Тукана. Но было ли это реальным соприкосновением с недостижимо далеким миром? Или же убийственное воздействие опыта на организм и горячее желание увидеть сочетались вместе в яркой галлюцинации? Может ли он заявить всему миру, что опыт удался, что нужны новые усилия, жертвы, расходы на его повторение, что путь, выбранный Рен Бозом, удачнее, чем у его предшественников? Опасаясь рисковать кем-либо другим, они проводили опыт только вдвоем, безумцы! А что видел Рен, что сможет он рассказать?.. Если сможет... если видел!..

Мвен Мас стал еще откровеннее.

— Доказательств, что опыт удался, у меня нет. Что наблюдал Рен Боз, не знаю...

Лицо Грома Орма, за минуту до того только внимательное, стало суровым.

— Что предполагаете делать?

— Прошу разрешить мне немедленно сдать станции Юнию Анту. Я более недостоин заведовать. Потом — я буду с Рен Бозом до конца... — Африканец запнулся и поправился: — До конца операции. Затем... затем я удалюсь на остров Забвения до суда... Я сам уже осудил себя!

— Возможно, вы правы. Но мне неясны многие обстоятельства, и я воздерживаюсь от суждения. Ваш поступок будет разобран на ближайшем заседании Совета. Кого вы считаете наиболее способным заменить вас — прежде всего в восстановлении спутника?

— Лучшей кандидатуры, чем Дар Ветер, не знаю!

Председатель Совета согласно кивнул. Он некоторое время всматривался в африканца, собираясь еще что-то сказать, но сделал молчаливый прощальный жест. Экран погас, и вовремя, потому что все помутилось в голове Мвена Маса.

— Эвде Наль сообщите сами, — прошептал он в сторону стоявшего рядом заведующего обсерваторией, упал и после тщетных попыток приподняться замер.

Центром внимания на обсерватории в Тибете сделался небольшой желтолицый человек с веселой улыбкой и необыкновенной повелительностью жестов и слов. Прибывшие с ним ассистенты повиновались ему с той радостью послушания, с какой, вероятно, шли за великими полководцами древности их верные солдаты. Но авторитет учителя не подавлял их собственных мыслей и начинаний. Это была необыкновенно слаженная группа сильных людей, достойных вести борьбу с самым страшным и неодолимым врагом человека — смертью.

Узнав, что наследственная карта Рен Боза еще не получена, Аф Нут разразился негодующими восклицаниями, но так же быстро успокоился, когда ему сообщили, что ее составляет и привезет сама Эвда Наль.

Заведующий обсерваторией осторожно спросил, для чего нужна карта и чем могут помочь Рен Бозу его далекие предки. Аф Нут хитро прищурился, изображая интимную откровенность.

Точное знание наследственной структуры каждого человека нужно для понимания его психического сложения и прогнозов в этой области. Не менее важны данные по неврофизиологическим особенностям, сопротивляемости организма, иммунологии, избирательной чувствительности к травмам и аллергии к лекарствам. Выбор лечения не может быть точным без понимания наследственной структуры и условий, в которых жили предки. Заведующий что-то хотел еще спросить, но Аф Нут остановил его:

— Я дал ответ для самостоятельного раздумья. На большее нет времени!

Заведующий пробормотал оправдания, которые хирург не стал слушать.

На приготовленной у подошвы горы площадке воздвигалось переносное здание операционной, подводились вода, ток и сжатый воздух. Рабочие наперебой предлагали свои услуги, и здание собрали за три часа. Из врачей, бывших строителей установки, помощники

Аф Нута отобрали пятнадцать человек для обслуживания столь быстро воздвигнутой хирургической клиники. Рен Боза перенесли под прозрачный пластмассовый купол, полностью стерилизованный и продуваемый стерильным воздухом, подававшимся через специальные фильтры. Аф Нут и четыре его ассистента вошли в первое отделение операционной и оставались там долго, пока их обрабатывали бактерицидными волнами и насыщенным обезвреживающей эманацией воздухом, пока само их дыхание не стало стерильным. За это время тело Рен Боза было сильно охлаждено. Тогда началась быстрая и уверенная работа.

Разбитые кости и разорванные сосуды физика соединялись танталовыми, не раздражающими живую ткань скобками и накладками. Аф Нут разобрался в повреждениях внутренностей. Лопнувшие кишки и желудок были освобождены от омертвевших участков, спиты и помещены в сосуд с быстро заживляющей жидкостью БЗ14, соответствовавшей соматическим особенностям организма. После этого Аф Нут приступил к самому трудному. Он извлек из подреберья почерневшую, проткнутую осколками ребер печень и, пока ее держали на весу ассистенты, с поразительной уверенностью отпрепарировал и вытянул тонкие ниточки автономных нервов симпатической и парасимпатической систем. Малейшее повреждение самой тонкой веточки могло повести к необратимым и тяжелым разрушениям. Молниеносным движением хирург перерезал воротную вену, подключив к обоим ее концам трубки искусственных сосудов. Сделав то же самое с артериями, Аф Нут поместил печень в отдельный сосуд с жидкостью БЗ. После пятичасовой операции все поврежденные органы Рен Боза находились в отдельных сосудах. Искусственная кровь текла в сосудах его тела, подгоняемая собственным сердцем раненого и вспомогательным дубль-сердцем — автоматическим насосом. Теперь стало возможным выжидать заживления извлеченных органов. Аф Нут не мог просто заменить поврежденную печень на другую из хранившихся в хирургическом фонде планеты, так как для этого нужны были дополнительные исследования,

а состояние больного не позволяло терять ни минуты. У неподвижного, распластанного, как препарированный труп, тела остался дежурить один из хирургов в ожидании, пока закончит стерилизацию сменная группа.

Двери защитной ограды, построенной вокруг операционной, с шумом раздвинулись, и Аф Нут, щурясь и потягиваясь, появился в окружении своих помощников. Эвда Наль, утомленная и бледная, встретила его и протянула наследственную карту. Аф Нут жадно схватил ее, проглядел и вздохнул.

— Кажется, все будет благополучно. Идемте отдыхать!

— Но... если он очнется?

— Идемте! Очнуться он не может. Разве мы столь тупы, чтобы не предусмотреть этого?

— Сколько надо ждать?

— Четыре-пять дней. Если биологические определения точны и расчеты правильны, тогда можно будет оперировать снова, поместить обратно органы. Потом — сознание...

— Сколько вы сможете здесь пробыть?

— Дней десять. Катастрофа припала в момент перерыва занятий. Воспользуюсь случаем осмотреть Тибет — здесь я еще не бывал. Моя судьба — жить там, где больше всего людей, то есть в жилом поясе!

Эвда Наль с восторгом взглянула на хирурга. Аф Нут хмуро улыбнулся.

— Вы смотрите на меня, как, наверное, раньше смотрели на изображение бога. Не к лицу самой мудрой из моих учениц!

— Я в самом деле по-новому вижу вас. В первый раз жизнь дорогого мне человека в руках хирурга, и я хорошо понимаю переживания тех людей, которые в жизни сталкивались с вашим искусством... Знание сливается с неповторимым мастерством!

— Хорошо! Восхищайтесь, если вам это нужно. А я успею сделать вашему физику не только вторую операцию, но и третью...

— Какую третью? — насторожилась Эвда Наль, но Аф Нут, хитро прищурившись, показал на тропинку, поднимающуюся от обсерватории.

По ней, опустив голову, ковылял Мвен Мас.

— Вот еще поклонник моего искусства... поневоле. Поговорите с ним, если не можете отдыхать, а мне необходимо...

Хирург скрылся за выступом холма, где располагался временный дом прилетевших медиков. Эвда Налъ заметила издали, как осунулся и постарел заведующий внешними станциями... Нет, Мвен Мас уже больше ничем не заведует. Она рассказала африканцу все, что сообщил ей Аф Нут, и тот облегченно вздохнул.

— Тогда и я уеду через десять дней!

— Правильно ли вы поступаете, Мвен? Я еще ошеловлена, но мне кажется, что ваша вина не требует столь решительного осуждения.

Мвен Мас болезненно сморщился.

— Я увлекся блестящей теорией Рен Боза. Я не имел права вкладывать всю силу Земли в первую же пробу.

— Рен Боз доказывал, что с меньшей силой бесполезно было бы пробовать, — возразила Эвда.

— Это верно, но следовало бы проделать косвенные эксперименты. А я оказался неразумно нетерпелив и не хотел ждать годы. Не тратьте слов — Совет подтвердит мое решение, и Контроль Чести и Права не отменит его.

— Я сама — член Контроля Чести и Права!

— Кроме вас, там еще десять человек. А так как мое дело всепланетное, то вам придется решать соединенными Контролями Юга и Севера — итого двадцать один человек, помимо вас...

Эвда Налъ положила руку на плечо африканца.

— Сядем, Мвен, вы слабы. Знаете, что когда первые врачи осмотрели Рена, то они решили собрать консилиум смерти?

— Знаю. Не хватило двух человек. Врачи — консервативный народ, а по старым положениям, которых еще не додумались отменить, решить легкую смерть больного могут только двадцать два человека.

— Еще недавно консилиум смерти состоял из шестидесяти врачей!

— Это был пережиток того же страха злоупотреблений, из-за которого в древности врачи обрекали больных на долгие и напрасные мучения, а их близких — на тяжелейшие моральные страдания, когда выхода уже не было и смерть могла бы быть легкой и скорой. Но видите, как полезна оказалась традиция — двух врачей не хватило, а мне удалось вызвать Аф Нута... благодаря Грому Орму.

— Именно об этом я и хочу вам напомнить. Ваш копсيليум общественной смерти пока состоит из одного человека!

Мвен Мас взял руку Эвды и поднес к своим губам. Та позволила ему этот жест большой и интимной дружбы. Сейчас она была одна у него, сильного, но угнетенного моральной ответственностью. Одна... Если бы на ее месте оказалась Чара? Нет, чтобы принять Чару сейчас, африканцу потребовался бы душевный подъем, на который еще не было сил. Пусть все идет как идет до выздоровления Рен Боза и до Совета Звездоплавания!

— Вам неизвестно, какая третья операция предстоит Рену? — переменяла Эвда разговор.

Мвен Мас соображал некоторое время, вспоминая беседу с Аф Нутом.

— Он хочет воспользоваться вскрытым состоянием Рен Боза и очистить организм от накопившейся энтропии. То, что делается медленно и трудно с помощью физиохемотерапии, в соединении с такой капитальной хирургией получится несравненно быстрее и основательнее.

Эвда Наль вызвала в памяти все, что знала об основах долголетия — очистке организма от энтропии. Рыбы, ящеричные предки человека оставили в его организме наслоения противоречивых физиологических устройств, и каждое из них обладало своими особенностями образования энтропических остатков жизнедеятельности. Изученные за тысячелетия, эти древние структуры — когда-то очаги старения и болезней — стали поддаваться энергетической очистке — химическому и лучевому промыванию и волновой встряске стареющего организма.

В природе освобождения живых существ от увеличивающейся энтропии и есть необходимость рождения от разных особей, происходящих из различных мест, то есть из разных наследственных линий. Эта перестановка наследственности в борьбе с энтропией и черпание новых сил из окружающего мира — самая сложная загадка науки, над пониманием которой уже тысячи лет бились биологи, физики, палеонтологи и математики. Но биться стоило — возможная продолжительность жизни уже достигла почти двухсот лет, а самое главное — исчезла изнурительная старость.

Мвен Мас угадал мысли психиатра.

— Я подумал о новом великом противоречии нашей жизни, — медленно сказал африканец. — Могущественная биологическая медицина, наполняющая организм новыми силами, и все усиливающаяся творческая работа мозга, быстро сжигающая человека. Как все сложно в законах нашего мира!

— Это верно, и поэтому мы задерживаем пока развитие третьей сигнальной системы человека, — согласилась Эвда Наль. — Чтение мыслей очень облегчает общение индивидуумов между собой, но требует большой затраты сил и ослабляет центры торможения. Последнее — самое опасное...

— И все равно большинство людей — настоящих работников живут только половину возможных лет из-за сильнейших первых напряжений. Насколько я понимаю, с этим медицина бороться не может — только запрещает работу. Но кто же оставит работу ради лишних лет жизни?

— Никто, потому что смерть страшна и заставляет цепляться за жизнь лишь тогда, когда жизнь прошла в замкнутости и тоскливом ожидании непржитых радостей, — задумчиво произнесла Эвда Наль, невольно подумав, что на острове Забвения люди живут, пожалуй, дольше.

Мвен Мас снова понял ее невысказанные мысли и сурово предложил вернуться на обсерваторию для отдыха. Эвда повиновалась.

...Два месяца спустя Эвда Наль разыскала Чару Нанди в верхнем зале Дворца информации, похожем

на готический храм своими высокими колоннами. Косые лучи солнца, падавшие сверху, перекрещивались на половине высоты зала, создавая сияние вверху и мягкий сумрак внизу.

Девушка стояла, опираясь на колонну, сцепив за спиной опущенные руки. Эвда Наль, как всегда, не смогла не оценить ее простого наряда — короткого, серого с голубым, сильно открытого платья.

Чара взглянула через плечо на приближавшуюся Эвду, и ее грустные глаза оживились.

— Зачем вы здесь, Чара? Я думала, вы готовитесь поразить нас новым танцем, а вас потянуло к географии.

— Время танцев прошло, — серьезно сказала Чара. — Я выбираю работу в знакомом мне кругу деятельности. Есть место на заводе искусственного выращивания кожи во внутренних морях Целебеса и на станции выведения долгоцветных растений в бывшей пустыне Атакама. Мне было хорошо на работе в Атлантическом океане. Так светло и ясно, так радостно от моря, от бездумного слияния с ним, от ловкой игры и соревнования с могучими волнами, которые всегда тут, рядом, и только кончишь работу...

— Мне тоже стоит поддаться меланхолии, и вспоминается работа в психологическом санатории в Новой Зеландии, где я начинала совсем юной медицинской сестрой. И Рен Боз сейчас, после своего ужасного ранения, говорит, что всего счастливее он был, когда работал регулировщиком винтолетов. Но ведь вы понимаете, Чара, что это слабость! Усталость от огромного напряжения, требующегося, чтобы удержаться на той творческой высоте, которую удалось достичь вам, истинной артистке. Еще сильнее она будет потом, когда ваше тело перестанет быть таким великолепным зарядом жизненной энергии. Но пока не перестало, доставляйте всем нам радость вашего искусства и красоты.

— Вы не знаете, Эвда, каково мне. Каждая подготовка танца — радостное искание. Я сознаю, что людям еще раз будет отдано нечто хорошее, которое принесет радость, затронет глубину чувств... Живу этим.

Приходит момент осуществления замысла, и я отдаю всю себя взлету страсти, горячему и безрассудному... Наверное, это передается зрителям, и оттого столь сильно воспринимается танец. Всю себя — всем вам...

— И что же? Потом резкий спад?

— Да! Я точно улетевшая и растворившаяся в воздухе песня. Я не создаю ничего запечатленного мыслью.

— Есть гораздо большее — ваш вклад в души людей!

— Это очень невещественно и недолговечно — я имею в виду самую себя!

— Вы еще не любили, Чара?

Девушка опустила ресницы.

— Это похоже? — ответила она вопросом.

Эвда Налъ покачала головой.

— Я про очень большое чувство, на какое способны именно вы, но далеко не все...

— Я понимаю — при бóльшей бедности интеллектуальной жизни мне остается богатство эмоциональной.

— Существо мысли правильно, но я бы пояснила, что вы так одарены эмоционально, что другая сторона не обязательно будет бедной, хотя, конечно, более слабой, по естественному закону противоречий. Но мы говорим отвлеченно, а мне нужно вас по спешному делу, непосредственно относящемуся к разговору. Мвен Мас...

Девушка вздрогнула.

Эвда Налъ взяла Чару под руку и повела в одну из боковых абсид зала, где отделка темного дерева сурово гармонировала с пестротой сине-золотых цветных стекол в широких, аркадами, окнах.

— Чара, милая, вы — светлюбивый земной цветок, пересаженный на планету двойной звезды. По небу ходят два солнца — голубое и красное, и цветок не знает, к какому же повернуться. Но вы — дочь красного солнца, и зачем же вам тянуться к голубому?

Эвда Налъ сильно и нежно привлекла девушку к себе, и та вдруг вся прижалась к ней. Знаменитый психиатр с материнской лаской гладила густые, чуть

жестковатые волосы, думая о том, что тысячелетиям воспитания удалось заменить мелкие личные радости человека на большие и общие. Но как еще далеко до победы над одиночеством души, особенно такой вот сложной, насыщенной чувствами и впечатлениями, возвращенной богатым жизнью телом!.. Вслух она сказала:

— Мвен Мас... Вы знаете, что случилось с ним?

— Конечно, вся планета обсуждает его псуудачный опыт!

— А вы что думаете?

— Что он прав!

— Я тоже. Поэтому надо его вытащить с острова Забвения. Через месяц — годовое собрание Совета Звездоплавания. Его вину обсудят и передадут решение на утверждение Контроля Чести и Права, наблюдающего за судьбой каждого человека Земли. У меня есть основательная надежда на мягкое суждение, но надо, чтобы Мвен Мас был здесь. Не годится человеку со столь же сильными, как у вас, чувствами, долго находиться на острове, тем более в одиночестве!

— Разве я настолько древняя женщина, чтобы строить планы жизни в зависимости от дел мужчины, пусть избранного мной?

— Чара, дитя мое, не нужно. Я видела вас вместе и знаю, что вы для него... как и он для вас. Не судите его за то, что он не повидался с вами, что скрылся от вас. Поймите: каково человеку, такому же, как вы, прийти к вам, любимой, — это так, Чара! — жалким, побежденным, подлежащим суду и изгнанию? К вам — одному из украшений Большого Мира!

— Я не о том, Эвда. Нужна ли я ему сейчас — усталому, надломленному?.. Я боюсь, — у него может не хватить сил для большого душевного подъема, на этот раз не разума, а чувств... для такого творчества любви, на какое, мне кажется, способны мы оба... Тогда к нему придет вторая утрата веры в себя, а разлада с жизнью он не вынесет. И я думала, что мне сейчас лучше быть в пустыне Атакама.

— Чара, вы отчасти правы. Есть еще одиночество и излишнее самоосуждение большого и страстного че-

ловека, у которого нет никакой опоры, раз он ушел из нашего мира. Я сама поехала бы туда... Но у меня — едва живой Рен Боз. Дар Ветер — он назначен строить новый спутник, и в этом его помощь Мвену Масу. Я не ошибусь, если скажу вам твердо: поезжайте к нему, не требуя от него ничего, даже ласкового взгляда, никаких планов на будущее, никакой любви. Только поддержите его, посеьте в нем сомнение в собственной правоте, и тогда верните в наш мир. В вас есть силы сделать это, Чара! Поедете?

— Сегодня же!

Эвда Наль крепко поцеловала Чару.

— Вы правы, надо спешить. По Спиральной Дороге мы доедем вместе до Малой Азнии. Рен Боз лежит в хирургическом санатории на острове Родосе, а вас я направляю в Дейр эз Зор, на базу спиролетов технико-медицинской помощи, совершающих рейсы в Австралию и Новую Зеландию. Предвкушаю удовольствие летчика доставить танцовщицу Чару — увы, не биолога Чару — в любой желаемый пункт...

Начальник поезда пригласил Эвду Наль и ее спутницу в главный пост управления. По крышам огромных вагонов проходил закрытый силиколовым колпаком коридор. По нему от одного конца поезда до другого ходили дежурные, наблюдая за приборами ОЭС. Обе женщины поднялись по винтовой лестнице, прошли через верхний коридор и попали в большую кабину, выдававшуюся над обтекателем первого вагона. В хрустальном эллипсоиде на высоте семи метров над полотном дороги сидели в креслах два машиниста, разделенные высоким пирамидальным колпаком электронного водителя-робота. Параболоидные экраны телевизоров позволяли видеть все, что делается по сторонам и позади поезда. Дрожавшие в крыше усики антенны предупреждающего устройства должны были донести о появлении постороннего предмета на дороге за пятьдесят километров, хотя такой случай мог произойти только при совершенно исключительном стечении обстоятельств.

Эвда и Чара уселись на диване у задней стенки кабины на полметра выше сидений машинистов. Обе поддались гипнозу летящей навстречу широкой дороги. Гигантский путь рассекал хребты, неся над низменностями по колоссальным насыпям, пересекал проливы и морские бухты по низким, глубоко сидевшим в воде эстакадам. На скорости в двести километров в час лес, посаженный по откосам испанских выемок и насыпей, стелился сплошным ковром, красноватым, малахитовым или темно-зеленым, в зависимости от рода деревьев — сосен, эвкалиптов или олив. Спокойное море Архипелага по обеим сторонам эстакады приходило в движение от дуновения воздуха, рассеянного вагонами поезда десятиметровой ширины. Полосы крупной ряби разбегались веерами, затемняя прозрачную голубую воду.

Обе женщины сидели молча, следя за дорогой, погруженные в свои думы, полные забот. Так прошло четыре часа. Еще четыре часа они провели в мягких креслах салона второго этажа, среди других пассажиров, и расстались на станции недалеко от западного побережья Малой Азии. Эвда пересела в электробус, доставивший ее в ближайший порт, а Чара продолжала путь до станции Восточный Тавр — первой меридиональной ветви. Еще два часа пути, и Чара очутилась на знойной равнине, в дымке горячего сухого воздуха. Здесь, на окраине бывшей Сирийской пустыни, находился Дейр эз Зор — аэропорт опасных для населенных мест спиролетов.

Навсегда запомнила Чара Нанди томительные часы, проведенные в Дейр эз Зоре в ожидании очередного спиролета. Девушка без конца обдумывала свои слова и поступки, стараясь представить себе встречу с Мвенем Масом, строила планы розысков на острове Забвения, где все исчезало в смене ничем не отмеченных дней.

Наконец внизу разостлались бесконечные поля термоэлементов в пустынях Нефуд и Руб-эль-Хали — гигантских силовых станций, превращавших солнечное тепло в электроэнергию. Задернутые ночными и пылевыми штормками, они выстроились правильными

рядами на закрепленных и выровненных барханных песках, на срезанных с наклоном к югу плоскогорьях, на лабиринтах засыпанных оврагов — памятников гигантской борьбы человечества за энергию. С освоением новых видов ядерной энергии П, Ку и Ф время суровой экономии давно миновало. Недвижно стояли леса ветродвигателей вдоль южного берега Аравийского полуострова, также составляющие резервную мощность северного жилого пояса. Спиролет почти мгновенно пересек едва маячившую внизу границу берега и пошел над Индийским океаном. Пять тысяч километров были незначительным расстоянием для такой быстросходной машины. Скоро Чара Нанди выходила из спиролета, неуверенно переступая ослабевшими ногами.

Заведующий посадочной станцией послал свою дочь вести маленький лат — так назывались плоские глиссеры — на остров Забвения. Обе девушки откровенно наслаждались стремительным бегом суденышка по крупным волнам открытого моря. Лат шел прямо на восточный берег острова Забвения, к бухте, где находилась одна из медицинских станций Большого Мира.

Кокосовые пальмы, склоняя перистые листья к мерно шелестевшим на отмелях волнам, приветствовали прибытие Чары. Станция оказалась безлюдной — все работники уехали в глубь острова на уничтожение клещей, обнаруженных на каких-то лесных грызунах.

При станции находились кошошши. Лошадей разводили для работы в местах, подобных острову Забвения, или в санаториях, где нельзя было пользоваться винтолетами из-за шума или наземными электрокарами из-за отсутствия дорог. Чара отдохнула, переоделась и пошла посмотреть красивых и редких животных. Там она встретила женщину, ловко управлявшуюся с машинами — раздатчиком корма и уборщиком. Чара помогла ей, и женщины разговорились. Девушка расспрашивала о том, как легче и быстрее разыскать на острове человека. Женщина посоветовала присоединиться к какому-либо из истребительных отрядов: они путешествуют по всему острову и знают его даже лучше местных жителей.

Остров Забвения

Глиссер пересекал Падкский пролив при сильном встречном ветре, прыжками преодолевая гряды плоских волн. Еще две тысячи лет назад здесь проходила гряда отмелей и коралловых рифов, называвшаяся Адамовым Мостом. Новейшие геологические процессы создали на месте гряды глубокую впадину, и темные воды плескались над пучиной, отделявшей устремленное вперед человечество от любителей покоя.

Мвен Мас стоял у перил, широко расставив ноги, и разглядывал постепенно выраставший на горизонте остров Забвения. Этот громадный остров, окруженный теплым океаном, был природным раем. Рай в примитивных, религиозных представлениях человека — счастливое посмертное убежище, без забот и труда. И остров Забвения тоже был убежищем для тех, кого не увлекала больше напряженная деятельность Большого Мира, кому не хотелось работать наравне со всеми.

Припадая к лону Матери Земли в простой, монотонной деятельности древнего земледельца, рыболова или скотовода, они проводили здесь тихие годы.

Хотя человечество отдало своим слабым собратьям большой кусок плодородной, чудесной земли, примитивное хозяйство острова не могло обеспечить своему населению, полностью застрахованную от голода, жизнь, особенно в периоды неурожая или иных неурядиц, столь обычных для слабых производительных сил. Поэтому Большой Мир постоянно отдавал часть своих запасов острову Забвения.

В три порта — на северо-западе острова, на юге и восточном побережье — доставлялось продовольствие, законсервированное на долгие годы, медикаменты, средства биологической защиты и другие предметы первой необходимости. Три главных управляющих острова тоже жили на севере, востоке или юге и назывались начальниками скотоводов, земледельцев и рыболовов.

Глядя на поднимавшиеся вдаль синие горы, Мвен Мас вдруг с горечью подумал, не принадлежит ли он к категории «быков» — людей, всегда причинявших затруднения человечеству. «Бык» — это сильный и энергичный, но совершенно безжалостный к чужим страданиям и переживаниям человек, думающий только об удовлетворении своих потребностей. Страдания, раздоры и несчастья в далеком прошлом человечества всегда усугублялись именно такими людьми, провозглашавшими себя в разных обликах единственно знающими истину, считавшими себя вправе подавлять все несогласные с ними мнения, искоренять иные образы мышления и жизни. С тех пор человечество избегало малейшего признака абсолютности во мнениях, желаниях и вкусах и стало более всего опасаться «быков». Это они, «быки», не думая о нерушимых законах экономики, о будущем, жили только настоящим моментом. Войны и неорганизованное хозяйство эры Разобщенного Мира привели к разграблению планеты. Тогда вырубили леса, сожгли пакапливавшиеся сотнями миллионов лет запасы угля и нефти, загрязнили воздух углекислотой и смрадными выбросами заводов, перебили красивых и безвредных зверей — жираф, зебр, слонов, пока мир успел дойти до коммунистического устройства общества. Земля была засорена, реки и бе-

рега морей загрязнены стоками нефти и химических отходов. Только после серьезной очистки воды, воздуха и земли человечество пришло к современному виду своей планеты, по которой можно всюду пройти босым, нигде не повредив ног.

Но ведь и он, Мвен Мас, не пробыв двух лет на ответственной посту, сокрушил искусственный спутник, создававшийся усилиями тысяч людей с необычайными ухищрениями инженерного искусства. Погубил четырех способных ученых, из которых каждый мог бы стать Рен Бозом... Да и самого Рен Боза едва удалось спасти. И снова образ Бета Лона, скрывавшегося где-то там, в горах и долинах острова Забвения, возник перед ним живой, вызывающий острое сочувствие. Мвен Мас перед отъездом познакомился с портретами математика и навсегда запомнил его энергичное лицо с массивной челюстью, с глубоко и близко посаженными глазами, всю его могучую, атлетическую фигуру.

Моторист глиссера подошел к африканцу.

— Сильный прибой. Нам не удастся пристать к берегу — волна бьет через мол. Придется идти в южный порт.

— Не нужно. У вас есть спасательные плотики? Я спрячу туда одежду и доплыву сам.

Моторист и рулевой с уважением посмотрели на Мвена Маса. Мутные, белесые волны громоздились на отмели, переливаясь тяжелыми грохочущими каскадами. Ближе к побережью беспорядочная толча волн крутила песок и пену, набегая далеко на отлогий пляж. Низкие тучи сеяли мелкий теплый дождь, косо летевший по ветру и смешивавшийся с всплесками пены. Сквозь его туманную сетку на берегу маячили какие-то серые фигуры.

Моторист и рулевой переглянулись, пока Мвен Мас снимал и упаковывал одежду. Отправлявшиеся на остров Забвения уходили из-под опеки общества, в котором каждый охранял другого и помогал ему. Личность Мвена Маса внушала невольное уважение, и рулевой

решился предупредить его о большой опасности. Африканец бесечно махнул рукой. Моторист принес ему маленький, герметически закупоренный пакет.

— Здесь запас концентрированной пищи на месяц — возьмите.

Мвен Мас подумал и сунул пакет вместе с одеждой в непроницаемую камеру, тщательно застегнул клапан и с плотиком под мышкой перешагнул перила.

— Поворот! — скомандовал он.

Глиссер накренился в крутом выраже. Отброшенный от суденышка, Мвен Мас вступил в яростную борьбу с волнами. С глиссера видели, как он взлетал на гребни свирепых валов, затем проваливался в их спады и возникал снова.

— Он справится, — сказал облегченно моторист. — Нас сносит, надо уходить.

Винт взревел, и суденышко прыгнуло вперед, поднятое набегающим валом. Темная фигура Мвена Маса появилась во весь рост на берегу и растворилась в дождевом тумане.

По уплотненному волнами песку двигалась группа людей в одних набедренных повязках. Они с торжеством волокли большую, бешено извивавшуюся рыбу. Увидев Мвена Маса, люди остановились, дружелюбно приветствуя его.

— Новый из того мира, — с улыбкой сказал один из рыбаков, — и как хорошо плавает! Иди к нам жить!

Мвен Мас открыто и приветливо рассматривал рыболовов, потом покачал головой.

— Мне будет трудно жить здесь, на берегу моря; смотреть в его просторную даль и думать о моем потертанном и прекрасном мире.

Один из рыбаков, с сильной проседью в густой бороде, видимо здесь считавшейся украшением мужчины, положил руку на мокрое плечо пришельца.

— Разве вас могли прислать сюда насильно?

Мвен Мас горестно усмехнулся и попытался объяснить, что привело его сюда.

Рыболов поглядел на пришельца печально и сочувственно.

— Мы не пойдем друг друга. Иди туда, — рыбак показал на юго-восток, где в прорыве туч возникали голубые ступени отдаленных гор. — Путь далек, а здесь нет других средств передвижения, кроме... — обитатель острова хлопнул себя по сильным мышцам ноги.

Мвен Мас был рад поскорее удалиться и пошел своим широким свободным шагом по извилистой тропе, поднимавшейся к пологим холмам.

Путь к центральной зоне острова составлял немногим больше двухсот километров, но Мвен Мас не спешил. Зачем? Медленно сменялись тягучие, не наполненные полезной деятельностью дни. Вначале, пока он еще не вполне оправился после катастрофы, его усталое тело просило покоя. Если бы не сознание чудовищной утраты, то он попросту наслаждался бы тишиной пустынных, овейных ветрами плоскогорий, мраком и первобытным молчанием жарких тропических ночей.

Но дни шли за днями, и африканец, скитавшийся по острову в поисках дела по сердцу, стал остро тосковать по Большому Миру. Его не радовали более мирные долины с возделанными вручную рощами фруктовых деревьев, не баюкало почти гипнотическое журчание чистых горных рек, на берегах которых он мог теперь просиживать несчетные часы в знойный полдень или в лунную ночь.

Несчетные... В самом деле, зачем считать то, что здесь ему совсем не нужно, — время? Сколько угодно — океан времени, и вместе с тем так ничтожно мало это его отдельно индивидуальное время!.. Один короткий и сразу же забытый миг!

Только теперь Мвен Мас почувствовал всю точность названия острова! Остров Забвения — глухая безыменность древней жизни, эгоистических дел и чувств человека! Дел, забытых потомками, потому что они творились только для личных надобностей, не делали жизнь общества легче и лучше, не украшали ее взлетами творческого искусства.

Изумительные подвиги канули в безыменное ничто.

...Африканец был принят в общину скотоводов в центре острова и уже два месяца пас стадо огромных гауро-буйволов у подножий громадной горы с нелепо

длинным названием на языке народа, в древности населявшего остров.

Он подолгу варил теперь черную кашу на углях в закопченном горшке, а месяц назад ему пришлось добывать в лесу съедобные плоды и орехи, соревнуясь с жадными обезьянами, швырявшими в него объедками. Это случилось, когда он отдал свой пищевой рацион с глассера двум старикам в глухой долине, поступив по правилу и высшему счастью мира Кольца — прежде всего доставлять радость другим людям. Тогда он понял, что означают поиски пропитания в пустынных, ненаселенных местах. Какая немыслимая затрата времени!..

Мвен Мас встал с камня и огляделся. Солнце садилось слева за край плоскогорья, позади громоздилась лесистая вершина куполовидной горы.

Внизу поблескивала в сумерках быстрая речка, окаймленная зарослями огромных перистых бамбуков. Там, в полудне пешего пути, находятся густо заросшие развалины тысячелетней давности — древняя столица острова. Есть и другие, большие и лучше сохранившиеся, тоже заброшенные города. До них Мвену Масу пока не было дела.

Стадо разлеглось черными глыбами в потемневшей траве. Ночь наступила быстро. Звезды загорались тысячами в меркнувшем небе. Привычная астроному тьма, знакомые линии созвездий, яркие светочи крупных звезд. Отсюда виден и роковой Тукан... Но как слабы простые человеческие глаза! Он никогда более не увидит величественных зрелищ космоса, спиралей гигантских галактик, загадочных планет и синих солнц. Все это для него лишь огоньки, безмерно далекие. Не все ли равно — звезды это или светильники, прибитые к хрустальной сфере, как считали древние! Для его зрения — все равно!

Африканец вскочил и принялся сгребать заготовленный хворост. Вот еще предмет, ставший необходимым, — маленькая зажигалка. Может быть, по примеру некоторых здешних жителей он начнет скоро вдыхать наркотический дым, чтобы сократить тягучее, липкое время.

Язычки пламени заплясали, разгоняя тьму и гася звезды. Поблизости мирно сонели буйволы. Мвен Мас задумчиво смотрел на огонь. Не темным ли домом стала для него светлая планета?

Нет, его гордое самоотречение — это просто самоуверенность незнания. Незнания самого себя, недооценка высоты насыщенной творчеством жизни, которой он жил, непонимание силы любви к Чаре. Лучше отдать свою жизнь за час для великого дела Большого Мира, чем жить здесь еще целый век!

На острове Забвения находилось около двухсот врачебных станций, где врачи-добровольцы из Большого Мира предоставляли жителям всю мощь современной медицинской науки. Молодежь Большого Мира работала также в истребительных отрядах, чтобы остров не стал рассадником древних болезней или вредных животных. Мвен Мас намеренно избегал встречи с этими людьми, чтобы не чувствовать себя отверженным мира красоты и знания.

На рассвете Мвена Маса сменил другой пастух. Африканец освободился на два дня и решил пойти в небольшой городок, чтобы получить плащ, — ночи в горах стали прохладнее.

День был зноен и тих, когда Мвен Мас спустился с плоскогорья и вышел на широкую равнину — сплошное море бледно-лиловых и золотисто-желтых цветов, над которым летали пестрые насекомые. Порывы легкого ветра колыхали верхушки растений, и цветы нежно касались венчиками обнаженных колен. Дойдя до середины громадного поля, Мвен Мас остановился, поддаваясь легкой, радостной красоте и аромату этого дикого сада. Задумчиво склонившись, он проводил ладонями по колышущимся на ветру лепесткам, ощущая себя словно в детском сне.

Донесся едва слышный ритмический звон. Мвен Мас поднял голову и увидел быстро шедшую, по поясу в цветах, девушку. Она повернула в сторону, а Мвен Мас с удовольствием посмотрел на стройную фигурку посреди моря цветов. Острое сожаление резнуло Мвена Маса — это могла быть Чара, если... если бы все сложилось иначе!..

Наблюдательность ученого подсказала ему, что девушка беспокойна. Она часто оглядывалась и без нужды ускоряла шаг, словно опасаясь чего-то позади себя. Мвен Мас изменил направление и быстро подошел к девушке, выпрямляясь во весь свой громадный рост.

Неизвестная остановилась. Пестрый платок накрест туго обтягивал ее стан, подол красной юбки потемнел от росы. Тонкие браслеты на голых руках зазвенели громче, когда она откинула с лица спутанные ветром темные волосы. Печальные глаза сосредоточенно смотрели из-под коротких завитков волос, небрежно рассыпавшихся по лбу и щекам. Девушка тяжело дышала, вероятно, от длительной ходьбы. Редкие росинки пота проступили на ее смуглом красивом лице. Девушка сделала к нему несколько неуверенных шагов.

— Кто вы и куда так спешите? — спросил Мвен Мас. — Может быть, вы нуждаетесь в помощи?

Девушка пристально посмотрела его и заговорила прерывисто и торопливо:

— Я Онар из пятого поселка. Но помощи мне не нужно.

— Я вижу другое. Вы устали, и что-то мучит вас. Что может грозить вам? Почему вы отказываетесь от моей помощи?

Неведомая девушка подняла глаза, засиявшие глубоко и чисто, как у женщины Большого Мира.

— Я знаю, кто вы. Большой человек, оттуда, — она показала в сторону Африки. — Вы добрый и доверчивый.

— Будьте и вы такой же. Вас преследует кто-нибудь?

— Да! — с отчаянием вырвалось у девушки. — Он гонится за мной...

— Кто он, что смеет вызывать страх, гнаться за вами?

Девушка вспыхнула и потупилась.

— Один человек. Он хочет, чтобы я стала его...

— Но ведь выбираете вы, отвечая или не отвечая ему? Как можно принудить к любви? Он придет сюда, и я скажу...

— Не надо! Он тоже явился из Большого Мира,

только давно, и он тоже могучий... Только не такой, как вы... Он страшный!

Мвен Мас беззаботно рассмеялся.

— Куда вы идете?

— В пятый поселок. Я ходила в городок и встретила...

Мвен Мас кивнул и взял руку девушки. Та послушно оставила свои пальцы в его руке, и оба направились по боковой тропинке, ведущей в поселок. По дороге девушка, временами тревожно оглядываясь, рассказала, что этот человек преследует ее повсюду.

Опасение открыто говорить безмерно возмущало Мвена Маса. Он не мог примириться с мыслью об угнетении, как бы случайно оно ни было теперь, на устроенной Земле!

— Почему ничего не предпринимают ваши люди, — сказал Мвен Мас, — и не знает об этом Контроль Чести и Права? Разве в ваших школах не учат истории и вам неизвестно, к чему ведут даже малые очаги насилия?

— Учат... известно... — ответила Онар, глядя перед собой.

Цветущая равнина кончалась, и тропинка скрывалась за кустарником, описывая крутой поворот. Из-за поворота появился высокий мрачный человек, загородивший дорогу. Он был обнажен до пояса, и атлетические мускулы играли под седыми волосами, покрывавшими его торс. Девушка судорожно вырвала свою руку, шепча:

— Я боюсь за вас. Уходите, человек Большого Мира!..

— Стойте! — прогремел повелительный голос.

Так грубо никто не разговаривал в эпоху Кольца. Мвен Мас инстинктивно заслонил собой девушку.

Высокий человек подошел и попытался оттолкнуть его, но Мвен Мас стоял как скала.

Тогда с быстротой молнии незнакомец нанес ему удар кулаком в лицо. Мвен Мас пошатнулся. Ни разу в жизни он не встречался с рассчитанно безжалостными ударами, наносимыми с целью причинить жестокую боль, оглушить, оскорбить человека.

Оглушенный, Мвен Мас смутно услышал горестный вскрик Онар. Он бросился на противника, но полетел наземь от двух оглушительных ударов. Онар бросилась на колени, прикрывая его своим телом, но враг с торжествующим воплем схватил ее. Он заломил девушке локти назад, и она страдальчески выгнулась и зарыдала, вся нунцовая от гнева. Но Мвен Мас уже овладел собой. В юности в его подвигах Геркулеса были более серьезные схватки с несвязанными человеческим законом врагами. Он припомнил все, чему его учили для битвы врукопашную с опасными животными.

Мвен Мас неторопливо поднялся, бросил взгляд в искаженное яростью лицо врага, намечая точку сокрушительного удара, и вдруг выпрямился, отшатнувшись. Он узнал это характерное лицо, так долго преследовавшее его в мучительных думах о праве на опыт в Тибете.

— Бет Лон!

Тот выпустил девушку и замер, пристально вглядываясь в незнакомого ему темнокожего человека, сейчас утратившего все свойственное ему добродушие.

— Бет Лон, я много думал о встрече с вами, считая вас собратом по несчастью, — вскричал Мвен Мас, — но никогда не представлял, что это будет так!

— Как так? — нагло спросил Бет Лон, пряча горевшую в его глазах злобу.

Африканец сделал отстраняющий жест.

— Зачем пустые слова? В том мире вы не произносили их и действовали пусть преступно, но во имя большой идеи. А здесь во имя чего?

— Самого себя, и только самого себя! — презрительно бросил сквозь сжатые зубы Бет Лон. — Довольно я считался с другими, с общим благом! Все это не нужно человеку, как я понял. Это знали и некоторые мудрецы древности.

— Вы никогда не думали о других, Бет Лон, — прервал его африканец. — Уступая себе во всем, кем вы стали теперь, насильник, почти животное!

Математик сделал движение, собираясь броситься на Мвена Маса, но сдержал себя.

— Довольно, вы говорите слишком много!

— Я вижу, что вы утратили слишком много, и хочу...

— А я не хочу! Прочь с дороги!..

Мвен Мас не шелохнулся. Наклонив голову, он уверенно и грозно стоял перед Бетом Лоном, чувствуя прикосновение вздрагивающего плеча девушки. И эта дрожь наполняла его ожесточением гораздо сильнее, чем полученные удары.

Математик, не шевелясь, смотрел в источавшие гневное пламя глаза африканца.

— Идите, — шумно выдохнул он, отступая с тропинки.

Мвен Мас снова взял за руку Онар и повел ее между кустов, чувствуя ненавидящий взгляд Бета Лона. У поворота тропинки Мвен Мас остановился так внезапно, что Онар уткнулась в его спину.

— Бет Лон, вернемся вместе в Большой Мир!

Математик рассмеялся с прежней беспечностью, но чуткое ухо Мвена Маса уловило нотку горечи в наглой браваде.

— Кто вы такой, чтобы предлагать мне это? Знаете ли вы?..

— Знаю. Я тот, кто также сделал запрещенный опыт, погубил доверившихся мне людей. Я шел близко от вашего пути в исследовании, и мы... вы и я и другие уже накануне победы! Вы нужны людям, но не такой...

Математик шагнул к Мвену Масу и опустил глаза, но вдруг повернулся и презрительно бросил через плечо грубые слова отрицания. Мвен Мас безмолвно пошел по тропе. До пятого поселка оставалось около десяти километров.

Узнав, что девушка одинока, африканец посоветовал ей уйти на восточное побережье, в приморские поселки, чтобы не встречаться более с жестоким и грубым человеком. Бывший знаменитый ученый становился тираном в тихой и разобщенной жизни маленьких поселков горной области. Чтобы предупредить последствия, Мвен Мас решил сразу же идти в поселок и просить о наблюдении за этим человеком. Мвен Мас попрощался с Онар у входа в поселок. Девушка расска-

зала ему, что недавно в лесах куполовидной горы будто бы появились тигры, убежавшие из заповедника или до сих пор еще сохранившиеся в непроницаемых дебрях, окружавших высочайшую гору острова. Крепко схватив его за руку, она просила быть осторожнее и ни за что не идти через горы ночью. Мвен Мас быстро зашагал назад. Раздумывая над случившимся, он видел перед собой последний взгляд девушки, полный тревоги и преданности. Впервые Мвен Мас подумал об истинных героях древнего прошлого — людях, остававшихся хорошими в плену унижения, злобы и физических страданий, людях, вынесших самый трудный подвиг — оставшихся настоящими людьми, когда их окружение способствовало развитию звериного себялюбия.

Двойственность жизни всегда ставила перед людьми свои противоречия. В древнем мире среди опасностей и унижения сила любви, преданности и нежности необычайно возрастала именно на краю гибели, во враждебном и грубом окружении. Подчинение прихоти грубой силы делало все мимолетным и неустойчивым. Судьба отдельного человека могла в любой момент измениться самым резким образом, обрекая на крушение его планы, надежды и помыслы, потому что в плохо устроенном обществе древности слишком многое зависело от случайных людей. Но эта древняя мимолетность надежд, любви и счастья, вместо того чтобы ослаблять, усиливала чувство.

Вот почему лучшее в человеке не могло погибнуть, несмотря на тяжкие испытания рабства Темных веков или эры Разобщенного Мира.

Впервые африканец подумал, что в древней жизни, представлявшейся всем современным людям такой трудной, было и счастье, и надежды, и творчество, подчас, может быть, более сильные, чем теперь, в гордую эру Кольца.

Мвен Мас почти со злобой вспомнил теоретиков науки тех времен, опиравшихся на ложно понятую медленность изменения видов в природе и предвещавших, что человечество не станет лучше в течение миллиона лет.

Если бы они больше любили людей и знали диалек-

тику развития, подобная нелепость никогда не могла бы прийти им в голову!

За круглым плечом гигантской горы закат окрасил ее облачное покрывало. Мвен Мас бросился в речку.

Освежившись и окончательно успокоившись, он уселся на плоском камне, чтобы обсохнуть и отдохнуть. До наступления ночи ему не удалось дойти до городка, и он рассчитывал перевалить через гору при восходе луны. В задумчивости созерцая бурлящую по камням воду, африканец внезапно почувствовал на себе чей-то взгляд, но никого не увидел. Это ощущение следящих за ним невидимых глаз тяготило Мвена Маса и тогда, когда он перешел речку и начал подъем.

Мвен Мас быстро шел по укатанной повозками дороге на плато в тысячу восемьсот метров высоты, поднимаясь с уступа на уступ, чтобы перевалить лесистый отрог горы и кратчайшим путем попасть к городку. Узкий серп молодой луны мог освещать путь не более полутора часов. Одолеть крутую горную тропу в безлунной ночи было бы очень трудно. Мвен Мас торопился. Редкие и невысокие деревья отбрасывали длинные тени, ложившиеся чередой черных полос на высветленную луной сухую землю. Мвен Мас шагал, внимательно глядя под ноги, чтобы не запнуться о бесчисленные мелкие корни, и думал.

Грозное ворчание, стелившееся по земле, сотрясая почву, раздалось в отдалении справа, где склон отрога полого поднимался и тонул в глубокой тени. Ему откликнулся низкий рев в лесу среди пятен и полос лунного света. В этих звуках чувствовалась сила, проникавшая в глубину души, будившая в ней давно забытые чувства страха и обреченности жертвы, выбранной непобедимым хищником. Как противодействие древнему ужасу, загорелась не менее древняя ярость борьбы — наследие бесчисленных поколений безыменных героев, отстаивавших право человеческого рода на жизнь среди мамонтов, львов, исполинских медведей, бешеных быков и безжалостных волчьих стай, в изнуряющие дни охоты и в ночи упорной обороны.

Мвен Мас постоял, озираясь и сдерживая дыхание. Ничто не шелохнулось в ночной тиши, но едва Мвен

Мас сделал несколько шагов по тропе, как понял, что его преследуют по пятам. Тигры? Неужели сведения Онар оказались верными?

Мвен Мас пустился бежать, стараясь сообразить, что ему делать, когда хищники — их, несомненно, было два — набросятся на него.

Спасаться на высоких деревьях, на которые тигр лазит лучше человека, бессмысленно. Сражаться? Вокруг были только камни, даже порядочной дубины не отломать от этих крепких, как железо, ветвей. И когда рычание раздалось сзади совсем близко, Мвен Мас понял, что погиб. Простертые над пыльной тропой ветви деревьев душили африканца. Ему хотелось почерпнуть мужество последних минут из вечных глубин звездного неба, изучению которых была отдана вся его прошлая жизнь. Мвен Мас понесся громадными прыжками. Судьба благоволила ему — он выскочил на опушку большой поляны. В центре ее он заметил груды рассыпанных каменных обломков, бросился туда, схватил тридцатикилограммовую остроугольную глыбу и повернулся к лесу. Теперь он увидел движущиеся неясные призраки. Полосатые, они терялись среди перекрещивавшихся теней редколесья. Луна уже коснулась своим краем верхушек деревьев. Удлинившиеся тени легли поперек поляны, и по ним, как по черным дорогам, две огромные кошки стали подползать к Мвену Масу. Как тогда, в подземной комнате Тибетской обсерватории, Мвен Мас почувствовал надвигающуюся смерть. Теперь она горела зеленым пламенем в фосфорических глазах хищников. Мвен Мас вдохнул налетевший в знойной духоте порыв ветра, посмотрел вверх, на сияющую славу космоса, и выпрямился, подняв над головой камень.

— Я с тобой, товарищ!

Высокая тень метнулась на поляну из тьмы склона, угрожающе поднимая корявый сук. Изумленный Мвен Мас на секунду забыл о тиграх, узнав математика. Бет Лон, почти бездыханный от бешеной гонки, встал рядом с Мвенном Масом, ловя воздух раскрытым ртом. Громадные кошки, отпрянувшие сначала назад, опять начали неумолимо надвигаться. Тигр слева был уже

в тридцати шагах. Вот он подтянул под себя задние лапы, готовясь прыгнуть.

— Скорей! — разнесся на всю поляну звучный крик.

Бледные вспышки гранатометов замелькали с трех сторон за спиной Мвена Маса, выронившего от неожиданности свое оружие. Ближайший тигр вздыбился во весь рост, парализующие гранаты ложились барабанными ударами, и хищник опрокинулся на спину. Второй сделал скачок в сторону леса. Оттуда появились еще три силуэта верховых людей. Стеклограната с мощным электрическим зарядом разбилась о лоб тигра, и он вытянулся, уткнув тяжелую голову в сухую траву.

Один из всадников вырвался вперед. Никогда еще Мвену Масу не казалась такой красивой рабочая одежда Большого Мира — короткие, выше колен, штаны, свободная рубашка синего искусственного льна с раскрытым воротом и двумя карманами на груди.

— Мвен Мас, я чувствовала, что вы в опасности!

Разве он мог не узнать этот высокий голос, сейчас звучавший такой тревогой! Чара Нанди!..

Он забыл ответить и стоял неподвижно, пока девушка не спрыгнула и не подбежала к нему. Следом подъехали пятеро ее спутников. Мвен Мас не успел их рассмотреть, так как серпик луны скрылся за лесом и душная темнота ночи скрыла лес и поляну. Рука Чары накрыла локоть Мвена Маса. Он взял тонкую руку девушки и приложил ее ладонь к своей груди, где взволнованно колотилось сердце. Едва ощутимо кончики пальцев Чары погладили его грудь, и эта легкая ласка доставила Мвену Масу неиспытанный покой.

— Чара, это Бет Лон, новый друг...

Мвен Мас повернулся и обнаружил, что математик исчез. Тогда он крикнул в темноту изо всех сил:

— Бет Лон, не уходите!

— Я приду! — раздался издалека мощный голос, и в нем не было уже горькой наглости.

Один из спутников Чары — видимо, руководитель группы — снял притороченный позади седла сигнальный фонарь. Слабый свет вместе с невидимым радиолу-

чем устремился в небо. Мвен Мас сообразил, что прибывшие ждут летательный аппарат. Все пятеро оказались мальчиками — работниками истребительного отряда, выбравшими одним из своих подвигов Геркулеса дозорную службу борьбы с вредными животными на острове Забвения. Чара Нанди присоединилась к отряду в поисках Мвена Маса.

— Вы ошибаетесь, считая нас столь проникательными, — сказал руководитель, когда все уселись кругом маяка и Мвен Мас приступил к неизбежным расспросам. — Нам помогла девушка с древнегреческим именем.

— Онар! — воскликнул Мвен Мас.

— Да, Онар. Наш отряд подходил к пятому поселку с юга, когда примчалась едва живая от усталости девушка. Она подтвердила слухи о тиграх, которые привели нас сюда, и убедила ехать за вами немедленно, боясь, что на вас могут напасть тигры, когда вы будете возвращаться в городок через горы. И видите, мы едва успели. Сейчас придет грузовой винтолет, и мы отправим ваших временно парализованных врагов в заповедник. Если они окажутся на самом деле людоедами, их истребят. Но нельзя погубить такую большую редкость без испытания.

— Какого испытания?

Мальчик поднял брови.

— Это вне нашей компетенции. Вероятно, прежде всего их успокоят... Им сделают вливание понизителя жизненной активности. Став на время слабым, тигр многому научится.

Громкий дрожащий звук прервал юношу. Сверху медленно опускалась темная масса. Ослепительный свет залил поляну. Полосатые кошки были заключены в мягкие контейнеры для хрупких грузов. Плохо видимая в темноте громада корабля исчезла, открыв поляну спокойному свету звезд. С тиграми отправился один из пятерых мальчиков, а его лошадь отдал Мвену Масу.

Коня африканца и Чары шли рядом. Дорога спускалась в долину речки Галле, в устье которой на побережье находились медицинская станция и база истребительного отряда.

— В первый раз на острове я еду к морю, — нарушил молчание Мвен Мас. — До сих пор мне казалось, что море — запретная стена, навсегда заградившая мой мир.

— Остров был для вас новой школой? — полувопросительно и радостно сказала Чара.

— Да. В короткий срок я пережил и передумал очень много. Все эти мысли давно бродили во мне...

Мвен Мас поведал о своих давних опасениях, что человечество развивается слишком рационально, слишком технично, повторяя, конечно, в несравненно менее уродливой форме ошибки древности. Ему показалось, что на планете Эпсилон Тукана очень похожее и столь же прекрасное человечество больше позаботилось о совершенстве эмоциональной стороны психики.

— Я много страдала от ощущения неполной гармонии с жизнью, — помолчав, ответила девушка. — Мне надо было больше от чего-то древнего и гораздо меньше от окружающего. Я мечтала об эпохе нерастратченных сил и чувств, накопленных еще первобытным отбором в век Эроса, когда-то бывшем в античном Средиземноморье, и всегда стремилась пробудить настоящую силу чувств в своих зрителях. Но, пожалуй, только Эвда Наль до конца поняла меня.

— И Мвен Мас, — серьезно добавил африканец, рассказав, как она явилась ему меднокожей дочерью Тукана.

Девушка подняла лицо, и при робком свете начинавшейся зари Мвен Мас увидел глаза, такие огромные и глубокие, что ощутил легкое головокружение, отодвинулся и рассмеялся.

— Когда-то наши предки в своих романах о будущем представляли нас полуживыми рахитиками с переразвитым черепом. Несмотря на миллионы зарезанных и замученных животных, они не приблизились к пониманию мозговой машины человека, потому что лезли с ножом туда, где нужны были тончайшие измерители молекулярных и атомных масштабов. Теперь мы знаем, что сильная деятельность разума требует могучего тела, полного жизненной энергии, но это же тело порождает сильные эмоции.

— И мы по-прежнему живем на цепи разума, — согласилась Чара Нанди.

— Многое уже сделано, но все же интеллектуальная сторона у нас ушла вперед, а эмоциональная осталась... О ней надо позаботиться, чтобы не ей требовалась цепь разума, а подчас разуму — ее цепь. Мне это стало представляться таким важным, что я намерен написать книгу.

— О, конечно! — пылко воскликнула Чара, смутилась и продолжала: — Мало больших ученых отдавало себя исследованию законов прекрасного и полноты чувств... Я говорю не о психологии.

— Я понимаю вас! — отвечал африканец, невольно любуясь девушкой. От смущения она повернула гордую голову навстречу лучам восхода, опять придавшим ее коже цвет красной меди.

Чара легко и свободно сидела на высоком вороном коне, ступавшем в такт с рыжей лошадей Мвена Маса.

— Мы отстали! — воскликнула девушка, давая повод, и тотчас ее лошадь ринулась вперед.

Африканец догнал ее, и оба понеслись рядом по старой дороге. Поравнявшись со своими юными товарищами, они придержали коней, и Чара повернулась к Мвену Масу.

— А эта девушка, Онар?..

— Ей надо побывать в Большом Мире. Вы сами сказали, что на острове она осталась случайно из-за привязанности к приехавшей сюда и недавно умершей матери. Онар было бы хорошо работать у Веды — на раскопках нужны чуткие женские руки. Да есть еще тысячи дел, где они нужны. И Бет Лон, новый, который вернется к нам, найдет ее по-новому!..

Чара сдвинула брови, пристально взглянув на Мвена Маса.

— А вы не уйдете от своих звезд?

— Каково бы ни было решение Совета, я буду продолжать дело космоса. Но сначала мне надо написать о...

— Звездах человеческих душ?

— Верно, Чара! Дух захватывает от их величайшего многообразия... — Мвен Мас умолк, заметив, что де-

вужка смотрит на него с нежной улыбкой. — Вы не согласны с этим?

— Конечно, согласна! Я думала о вашем опыте. Вы проделали его из страстного нетерпения дать полноту мира людям. В этом вы тоже художник, не ученый.

— А Рен Боз?

— У него опыт — лишь следующий шаг по его дороге исследования.

— Вы оправдываете меня, Чара?

— Полностью! И я уверена, что еще много людей, большинство!

Мвен Мас перехватил поводья в левую руку, а правую протянул Чаре. Они въехали в маленький поселок станции.

Волны Индийского океана мерно грохотали под обрывом. В их шуме Масу слышалась ритмичная поступь басов в симфонии Зига Зора об устремляющейся в космос жизни. И мощная нота, основная нота земной природы — синее фа, — пела над морем, заставляя человека откликаться всей душой, сливаясь с породившей его природой.

Океан — прозрачный, сияющий, не загрязняемый более отбросами, очищен от хищных акул, ядовитых рыб, моллюсков и опасных медуз, как очищена жизнь современного человека от злобы и страха прежних веков. Но где-то в необъятных просторах океана есть тайные уголки, в которых прорастают уцелевшие семена вредной жизни, и только бдительности истребительных отрядов мы обязаны безопасностью и чистотой океанских вод.

Разве не так же в прозрачной юной душе вдруг вырастают злобное упорство, самоуверенность крестина, эгоизм животного? Тогда, если человек не подчиняется авторитету общества, направленного к мудрости и добру, а руководится своим случайным честолюбием и личными страстями, мужество обращается в зверство, творчество — в жестокую хитрость, а преданность и самопожертвование становятся оплотом тирании, жестокой эксплуатации и надругательства... Легко срывается покров дисциплины и общественной культуры — всего

одно-два поколения плохой жизни. Мвен Мас заглянул в этот лик зверя здесь, на острове Забвения. Если не сдержат его, а дать волю — расцветет чудовищный деспотизм, все топчущий под собой и столько веков навязывавший человечеству бессовестный произвол.

Самое поразительное в истории Земли — это возникновение неугасимой ненависти к знанию и красоте, обязательное в злобных невеждах. Это недоверие, страх и ненависть проходят через все человеческие общества, начиная от страха перед первобытными колдунками и ведьмами и кончая избиениями опережавших свое время мыслителей в эру Разобитного Мира. Это было и на других планетах с высокоразвитыми цивилизациями, но еще не сумевших уберечь свой общественный строй от произвола маленьких групп людей — олигархий, возникавшей внезапно и коварно в самых различных видах... Мвен Мас вспомнил сообщения по Кольцу о населенных мирах, где высшие достижения науки применялись для запугивания, пыток и наказаний, чтения мыслей, превращения масс в покорных полудиотов, готовых исполнять любые чудовищные приказы. Вопль о помощи с такой планеты прорвался в Кольцо и летел в пространстве уже многие сотни лет после того, как погибли и пославшие его люди и жестокие их правители.

Наша планета находится уже на такой стадии развития, что подобные ужасы навсегда стали немыслимыми. Но все еще недостаточно духовное развитие человека, о котором неусыпно пекутся люди, подобные Эвде Наль.

— Художник Карт Сан говорил, что мудрость — это сочетание знания и чувств. Будем мудрыми! — раздался позади голос Чары.

И, промчавшись мимо африканца, Чара бросилась с высоты в шумящую пучину.

Мвен Мас видел, как она плавно перевернулась в воздухе, крылато раскинула руки и исчезла в волнах. Купавшиеся внизу мальчики истребительного отряда замерли. По спине Мвена Маса пробежал холодок восхищения, граничащего с испугом. Никогда африканец не прыгал с такой безумной высоты, но сейчас он бес-

страшно встал на краю обрыва. После он вспоминал, что в смутных мгновенных мыслях Чара показалась ему богиней древних людей, которая все может. Если может она, то и он!

Слабый предостерегающий крик девушки возник в шуме волн, но Мвен Мас, ринувшись вниз, его не услышал. Полет был блаженно долог. Хороший мастер прыжков, Мвен Мас точно вошел в воду и погрузился очень глубоко. Море было так удивительно прозрачно, что дно показалось ему опасно близким. Африканец изогнул тело и получил такой оглушающий удар непогашенной инерции, что на мгновение все перестало существовать для него. Стремительной ракетой Мвен Мас вылетел на поверхность, опрокинулся на спину и закачался на волнах. Очнувшись, он увидел подплывавшую Чару Нанди. Впервые бледность испуга заставила потускнеть яркую бронзу загара девушки. Укор и восхищение светились в ее взгляде.

— Зачем вы сделали это? — едва дыша, прошептала она.

— Потому, что это сделали вы. Я пойду за вами везде... строить свой Эпсилон Тукана на нашей Земле!

— И вернетесь со мной в Большой Мир?

— Да!

Мвен Мас перевернулся, чтобы плыть дальше, и вскрикнул от неожиданности. Поразительная прозрачность моря, сыгравшая с ним плохую шутку, здесь, в отдалении от берега, стала еще большей. Они с Чарой словно парили на головокружительной высоте над дном, видимым в мельчайших деталях через невероятно чистую воду, как сквозь воздух. Мвена Маса обуяла отвага и торжество, которое испытывали люди, попавшие за пределы земного тяготения. Полеты в бурю по океану, прыжки в черную бездну космоса с искусственных спутников вызывали такие же ощущения безграничной удачи и удачи. Мвен Мас рывком поднялся к Чаре, шепча ее имя и читая горячий ответ в ее ясных и отважных глазах. Их руки и губы соединились над хрустальной бездной.

Совет Звездоплавания

Совет Звездоплавания издавна обладал собственным зданием для научных сессий, как и главный мозг планеты — Совет Экономики. Считалось, что специально приспособленное и украшенное помещение должно настраивать собравшихся на проблемы космоса и тем способствовать быстрейшему переключению с земных на звездные дела.

Чара Нанди еще никогда не бывала в главном зале Совета. С волнением она вошла в сопровождении Эвды Наль в этот странный яйцевидный зал с выгнутыми параболически потолком и поверхностью эллиптических рядов сидений. По залу разливался яркий и прозрачный свет, точно с другой, более яркой, чем Солнце, звезды. Все линии стен, потолка, сидений сходились в конце огромного зала, казавшемся их естественным средоточием. Там на возвышении находились демонстрационные экраны, трибуна и места для руководителей заседания — членов Совета.

Золотисто-матовые панели стен разграничивались рельефными картами планет. По правой стороне шли карты планет солнечной системы, на левой — планет ближайших звезд, изученных экспедициями

Совета. Второй ряд под голубым обрезом потолка занимали начерченные лучащимися красками схемы населенных звездных систем, полученные от соседей по Великому Кольцу.

Внимание Чары привлекла старинная, потемневшая и, видимо, уже не раз реставрировавшаяся картина над трибуной.

Черно-фиолетовое небо занимало всю верхнюю часть громадного полотна. Маленький серп чужой луны бросал белесый, мертвенный свет на беспомощно поднятую вверх корму старинного звездолета, грубо обрисовавшуюся на багровом закате. Ряды уродливых синих растений, сухих и твердых, казались металлическими. В глубоком песке едва брел человек в легком защитном скафандре. Он оглядывался на разбитый корабль и вынесенные из него тела погибших товарищей. Стекла очков его маски отражали только багровые блики заката, но неведомым ухищрением художник сумел выразить в них беспредельное отчаяние одиночества в чужом мире. На невысоком бугре справа по песку ползло нечто живое, бесформенное и отвратительное. Круиная подпись под картиной: «Остался один» — была столь же коротка, сколь выразительна.

Захваченная картиной, девушка сразу не заметила искусную архитектурную выдумку — расположение сидений веерообразными уступами, так что из галерей, скрытых в основаниях рядов, к каждому месту был отдельный проход. Каждый ряд оказывался изолированным от соседнего — верхнего или нижнего. Только усевшись с Эвдой, Чара обратила внимание на старинную отделку кресел, люпитров и барьеров, сделанных из натурального жемчужно-серого африканского дерева. Теперь никто не стал бы затрачивать так много работы на то, что могло бы быть отлито и отполировано за несколько минут. Может быть, из свойственного людям уважения к старине, дерево показалось Чаре теплее и живее пластмассы. Она с нежностью погладила изогнутый подлокотник, не переставая разглядывать зал.

Народу, как всегда, собралось очень много, хотя мощные телепередатчики должны были разнести по всей

планете отображение всего происходившего. Секретарь Совета Мир Ом по обыкновению оглашал короткие сообщения, накопившиеся со времени прошлого заседания. Из нескольких сот человек, находившихся в зале, нельзя было найти ни одного невнимательного, занятого собою лица. Чуткая внимательность ко всему была характернейшей чертой людей эпохи Кольца. Но Чара пропустила первое сообщение, продолжая рассматривать зал и читая изречения знаменитых ученых, начертанные под картами планет. Особенно понравился ей написанный под Юпитером призыв быть чутким к явлениям природы: «Смотрите, как повсюду окружают нас непонятные факты, как лезут в глаза, кричат в уши, но мы не видим и не слышим, какие большие открытия таятся в их смутных очертаниях». В другом месте была еще одна надпись: «Нельзя просто поднять завесу неизвестного — только после упорного труда, отходов, боковых уклонений мы начинаем ловить истинный смысл, и новые необъятные перспективы раскрываются перед нами. Не избегайте никогда того, что кажется сначала бесполезным и необъяснимым».

Движение на трибуне — и в зале померк свет. Спокойный сильный голос секретаря Совета дрогнул от волнения.

— Вы увидите то, что еще недавно казалось абсолютно невозможным — снимок нашей Галактики со стороны. Более ста пятидесяти тысячелетий — полторы галактические минуты тому назад — жители планетной системы... — Чара пропустила ряд ничего не говоривших ей цифр. — ...в созвездии Центавра обратились к обитателям Большого Магелланова Облака — единственной близкой к нам внегалактической системы звезд, о которой известно, что там есть мыслящие миры, связанные по Кольцу с нашей Галактикой. Мы еще не можем определить точное местонахождение этой магелланийской планетной системы, но тоже приняли их передачу — снимок нашей Галактики. Вот он!

На громадном экране засияло далеким серебряным светом широкое, сужавшееся к концам скопление звезд. Глубочайший мрак пространства затоплял края экрана. Такой же чернотой зияли прогалины между

спиральными, разлохмаченными на концах ветвями. Бледное сияние одевало кольцо шаровых скоплений этих самых древних звездных систем нашей вселенной. Плоские звездные поля перемежались с облаками и полосами черной остывшей материи. Снимок был сделан из неудобного положения — Галактика пришлось сильно вкось и сверху, так что центральное ядро едва выступало горячей выпуклой массой в середине узкой чечевицы. Очевидно, для полного представления о нашей звездной системе нужно было запрашивать более отдаленные галактики, расположенные выше по галактической широте. Но еще ни одна галактика не подала признаков разумной жизни за время существования Великого Кольца.

Люди Земли, не отрываясь, смотрели на экран. Впервые человек смог взглянуть на свою звездную вселенную со стороны, из чудовищной дали пространства.

Чаре показалось, что вся планета затаила дыхание, рассматривая свою Галактику в миллионах экранов на всех шести материках и на всех океанах, где только были разбросаны островки человеческой жизни и труда.

— С новостями, принятыми нашей обсерваторией по Кольцу и еще не поступавшими в мировую информацию, покончено, — снова заговорил секретарь. — Перейдем теперь к проектам, которые должны поступить на широкое обсуждение.

Предложение Юты Гай о создании искусственной, годной для дыхания атмосферы на Марсе путем выделения легких газов из глубинных горных пород автоматическими установками признано заслуживающим внимания, так как подкреплено серьезными расчетами. Будет получен воздух, пригодный для дыхания человека и теплоизоляции наших поселков, которые выйдут из тепличных сооружений. Много лет назад, после открытия нефтяных океанов и гор из твердых углеводородов на Венере, были запущены автоматические установки для создания искусственной атмосферы под гигантскими колпаками из прозрачных пластмасс. Они дали возможность посадить растения и построить заво-

ды, снабжающие человечество любыми продуктами органической химии в колоссальных количествах.

Секретарь отложил в сторону металлическую пластинку и приветливо улыбнулся. В ближнем к трибуне конце зала появился Мвен Мас в темно-красной одежде, угрюмый, торжественный и спокойный. В знак уважения к собранию он поднял над головой сложенные руки и сел.

Секретарь сошел с трибуны, уступив место молодой женщине с короткими золотыми волосами и удивленным взглядом зеленых глаз. Председатель Совета Гром Орм встал рядом.

— Обычно мы сами оповещаем о новых предложениях. Но вы услышите почти законченное исследование. Сам автор Ива Джан сообщит вам материал для ответственного раздумья.

Зеленоглазая женщина стала говорить сдавленным от застенчивости голосом. Ива начала с того общеизвестного факта, что растительность южных материков отличается голубоватым цветом листы, характерным для древних форм земных растений. Как показало исследование растительности других планет, голубая листва свойственна более прозрачным, чем земная, атмосферам или же возникает при более жесткой, чем у Солнца, ультрафиолетовой радиации светила.

— Наше Солнце, устойчивое в своей красной радиации, нестабильно в голубой и ультрафиолетовой и около двух миллионов лет назад испытало резкое изменение фиолетовой радиации, продолжавшееся долго.

Тогда появились голубоватые растения, черная окраска у птиц и зверей, живших на открытых пространствах, черные яйца у птиц, гнездившихся в незащищенных тенью местах. В это время наша планета стала неустойчивой относительно оси своего вращения из-за изменения электромагнитного режима солнечной системы. Давно уже появились проекты перекачки морей в материковые впадины, чтобы нарушить установившееся равновесие и изменить положение земного шара относительно своей оси. Это было во времена, когда астрономы основывались лишь на элементарной механике тяготения, совершенно не принимая во внимание

электромагнитного равновесия системы, гораздо более изменчивого, чем гравитация. Нам следует подойти к решению вопроса именно с этой стороны, что окажется значительно проще, дешевле и скорее. Вспомним, как в начале звездоплавания создание искусственного тяготения требовало такого расхода энергии, что было практически невозможным. Теперь после открытия разложения мезонных сил наши корабли снабжены простыми и надежными аппаратами искусственной гравитации. Так и опыт Рен Боза намечает похожий обходной путь для действенного и быстрого изменения режима вращения Земли...

Ива Джан умолкла. Группа из шести человек — герои экспедиции на Плутон, сидевшие все вместе в центре зала, — стала приветствовать ее, протягивая сложенные ладони. Щеки молодой женщины вспыхнули.

— Я знаю, что вопрос может быть расширен. Теперь можно думать об изменении даже орбит планет и, в частности, о приближении Плутона к Солнцу, чтобы воскресить эту некогда обитаемую планету чужой звезды. Но сейчас я имею в виду лишь сдвиг нашей Земли относительно оси для улучшения климатических условий материкового полушария.

Опыт Рен Боза показал, что возможна инверсия гравитационного поля в его второй аспект — электромагнитное поле, с последующей векториальной поляризацией вот в этих направлениях...

Фигуры на экране вытягивались и поворачивались. Ива Джан продолжала:

— Тогда вращение планеты лишится устойчивости, и Земля может быть повернута в желаемое положение для наиболее выгодного и длительного освещения солнечными лучами.

На длинном стекле под экраном потянулись ряды заранее вычисленных машинами параметров, и каждый, кто мог понять эти символы, убеждался, что проект Ивы Джан, во всяком случае, не беспочвен.

Ива Джан остановила движение чертежей и символов и, низко опустив голову, сошла с трибуны. Слушатели оживленно переглядывались и перешептыва-

лись. Обменявшись незаметными жестами с Громом Ормом, на трибуне появился молодой начальник экспедиции на Плутон.

— Несомненно, что опыт Рен Боза поведет к триггерной реакции — вспышке важнейших открытий. Мне он представляется ведущим к прежде недоступным далям науки. Так было с квантовой теорией — первому приближению к пониманию репагулюма, или взаимоперехода, с следовавшим затем открытием античастиц и антиполей. Потом последовало репагулярное исчисление, ставшее победой над принципом неопределенности древнего математика Гейзенберга. И, наконец, Рен Боз сделал следующий шаг — к анализу системы пространство — поле, придя к пониманию антигравитации и антипространства, или, по закону репагулюма, к нуль-пространству. Все непризнанные теории в конце концов стали фундаментом науки!

От группы исследователей Плутона я предлагаю передать вопрос в мировую информацию для обсуждения. Поворот планеты относительно оси уменьшит расход энергии на подогревание полярных областей, еще больше сгладит полярные фронты, повысит водный баланс материков.

— Ясен ли вопрос для постановки на голосование? — спросил Гром Орм.

В ответ вспыхнуло множество зеленых огоньков.

— Тогда начнем! — сказал председатель и сунул руку под юпитр своего кресла.

Там находились три кнопки сигналов счетной машины: правая означала «да», средняя — «нет», левая — «не считаю возможным высказаться». Каждый член Совета тоже послал незаметный для других сигнал. Нажали кнопки и Эвда Наль с Чарой. Отдельная машина считала мнения слушателей для контроля правильности решения Совета.

Через несколько секунд загорелись большие знаки на демонстрационных экранах — вопрос был принят для обсуждения всей планетой.

На трибуну взшел сам Гром Орм.

— По причине, которую я прошу разрешения скрыть до окончания дела, следует рассмотреть сейчас

поступок бывшего заведующего внешними станциями Совета Мвена Маса, а затем рептать вопрос о тридцать восьмой звездной экспедиции. Доверяет ли Совет основательности моих мотивов?

Зеленые огни были единодушным ответом.

— Всем ли известно случившееся в подробностях?

Снова каскад зеленых вспышек.

— Это ускорит дело. Я попрошу бывшего заведующего внешними станциями Совета Мвена Маса изложить мотивы своего поступка, приведшего к столь роковым последствиям. Физик Рен Боз еще не оправился от полученных ранений и не вызван нами как свидетель. Ответственности за происшедшее он не несет.

Гром Орм заметил красный огонь у сиденья Эвды Наль.

— Вниманию Совета! Эвда Наль хочет добавить к сообщению о Рен Бозе.

— Я прошу разрешить мне выступить вместо него.

— По каким мотивам?

— Я люблю его!

— Вы выскажетесь после Мвена Маса.

Эвда Наль погасила красный сигнал и села.

На трибуне появился Мвен Мас. Спокойно, не щадя себя, африканец рассказал об ожидавшихся результатах опыта и о том, что было на самом деле видение, которому он сам не доверяет. Глупейшая поспешность в производстве опыта, вызванная секретностью и незаконностью поступка, привела к тому, что они не продумали особых приборов для записи, рассчитывая на обычные памятные машины, приемники которых оказались разрушенными в первое же мгновение. Ошибкой было и проведение опыта на спутнике. Следовало прицепить к спутнику 57 старый планетолет и попытаться установить на нем приборы для ориентировки вектора. Во всем этом виноват он, Мвен Мас. Рен Боз занимался установкой, а вынесение опыта в космос находилось в компетенции заведующего внешними станциями.

Чара стиснула руки — обвинительные аргументы Мвена Маса показались ей вескими.

— Наблюдатели погибшего спутника знали о возможной катастрофе? — спросил Гром Орм.

— Да, были предупреждены и с радостью согласились.

— Меня не удивляет то, что они согласились, — тысячи молодых людей принимают участие в опасных опытах, ежегодно происходящих на нашей планете. Случается, и гибнут... И новые идут с не меньшим мужеством, — хмуро возразил Гром Орм, — на войну с неизвестным. Но вы, предупреждая молодых людей тем самым подозревали возможность такого исхода. И все же произвели рискованный опыт...

Мвен Мас молча опустил голову.

Чара, не отводявшая глаз от него, подавила тяжелый вздох, почувствовав на плече руку Эвды Наль.

— Изложите причины, побудившие вас пойти на это, — после паузы сказал председатель Совета.

Африканец снова заговорил, на этот раз со страстным волнением. Он рассказал, как с юности взывали к нему укором миллионы безыменных могил людей, побежденных неумолимым временем, как нестерпимо было не попытаться сделать, впервые за всю историю человечества и многих соседних миров, шаг к победе над пространством и временем, поставить первую веху на этом великом пути, на который устремились бы немедленно сотни тысяч могучих умов. Он считал себя не в праве отложить — может быть, на столетие — опыт только из-за того, чтобы не подвергать темных людей опасности, а себя — ответственности.

Мвен Мас говорил, и сердце Чары билось сильнее от гордости за своего избранника. Вина африканца стала казаться не столь уж тяжелой.

Мвен Мас вернулся на место и стал ожидать решения на виду у всех.

Эвда Наль передала магнитофонную запись речи Рен Боза. Его слабый, задыхающийся голос загремел на весь зал через усилители. Физик оправдывал Мвена Маса. Не зная всей сложности вопроса, заведующему внешними станциями оставалось только довериться ему, Рен Бозу, а тот убедил его в обязательном успехе. Но физик не считал и себя виноватым. «Ежегодно, — говорил он, — ставятся менее важные опыты, иногда кон-

чающиеся трагически. Наука — борьба за счастье человечества — также требует жертв, как и всякая другая борьба. Трусам, очень берегущим себя, не даются полнота и радость жизни, а ученым — крупные шаги вперед...»

Рен Боз закончил кратким разбором опыта и своих ошибок с уверенностью в будущем успехе. Запись речи окончилась.

— Рен Боз ничего не сказал о своих наблюдениях во время опыта, — поднял голову Гром Орм, обращаясь к Эвде Наль. — Вы хотели говорить за него.

— Я предвидела вопрос и попросила слова, — ответила Эвда. — Рен Боз потерял сознание через несколько секунд после включения Ф-станций и более ничего не видел. Находясь на грани обморока, он заметил и запомнил лишь показания приборов, свидетельствующие о появлении нуль-пространства. Вот его запись по памяти.

На экране появилось несколько цифр, немедленно переписанных множеством людей.

— Позвольте мне добавить еще от Академии Горя и Радости, — вновь заговорила Эвда. — Подсчет народных высказываний после катастрофы дает следующее...

Ряды восьмизначных цифр потянулись на экране, распадаясь по графам осуждения, оправдания, сомнения в научном подходе, обвинений в поспешности. Но общий итог, несомненно, был в пользу Мвена Маса и Рен Боза, и лица присутствовавших прояснились.

Загорелся красный сигнал на противоположной стороне зала, и Гром Орм дал слово астроному тридцать седьмой звездной — Пур Хиссу. Тот заговорил громко и темпераментно, делая длинными руками неуклюжие жесты и выпячивая кадык.

— Мы с группой товарищей-астрономов осуждаем Мвена Маса. Его поступок — проведение опыта без Совета — внушает подозрение, что Мвен Мас действовал не так бескорыстно, как это старались представить здесь высказывавшиеся!

Чара запылала от негодования и осталась на месте, только подчиняясь холодному взгляду Эвды Наль.

Пур Хисс умолк.

— Ваши обвинения тяжелы, но не обоснованы, — возразил по разрешению председателя Мвен Мас, — уточните, что вы подразумеваете под корыстью.

— Бессмертная слава при полном успехе опыта — вот корыстная подоплека вашего поступка. А трусость — вы боялись, что вам откажут в разрешении на опыт, потому и действовали поспешно и тайно.

Мвен Мас широко улыбнулся, по-детски развел руками и молча сел. Во всем облике Пур Хисса появилось злобное торжество.

Эвда Наль снова попросила слова.

— Высказывание Пур Хисса поспешно и слишком злобно для решения серьезного вопроса. Его взгляды на тайные мотивы поступков относят нас ко времени Темных веков. Так говорить о какой-то бессмертной славе могли только люди далекого прошлого. Не находя радости и полноты в своей настоящей жизни, не чувствуя себя частицей всего творящего человечества, они страшились неизбежной смерти и цеплялись за малейшую надежду увековечения. Ученый-астроном Пур Хисс не понимает, что в памяти человечества живут лишь те, чьи мысли, воля и достижения продолжают действовать и по прекращении действия забываются и исчезают. Часто они воскресают вновь из небытия, как многие древние ученые или художники, если их творения вновь становятся необходимыми и возобновляют действие в обществе... особенно в многомиллиардном современном обществе! Я давно уже не сталкивалась со столь примитивным пониманием бессмертия и славы и удивлена, встретив его у космического путешественника.

Эвда Наль, выпрямившись во весь рост, обернулась к Пур Хиссу, который сжался в своем кресле, освещенный множеством красных огней.

— Отбросим нелепости, — продолжала Эвда, — и посмотрим на поступок Мвена Маса и Рен Боза, взяв главным критерием счастье человечества. Прежде люди часто не умели взвесить реальную ценность своих дел и сопоставить ее с вредной обратной стороной, которой неизбежно обладает каждое действие, каждое ме-

роприятие. Мы давно избавились от этого и можем говорить лишь о действительном значении поступков.

И теперь, как раньше, новые пути нащупываются отдельными людьми, потому что только особая настроенность мозга после очень длительной подготовки может распознать новое направление, скрытое в противоречивых фактах. Но теперь, едва только определится новый путь, десятки тысяч людей принимаются за его разработку, и лавина новых открытий катится в бесконечность, увеличиваясь, как снежный ком. Рен Боз и Мвен Мас пошли самым непроторенным путем. Я не обладаю достаточными познаниями, но и для меня преждевременность их опыта очевидна. В этом вина обоих и ответственность за огромный материальный ущерб и четыре человеческие жизни. По законам Земли налицо преступление, но оно совершено не из личных целей и, следовательно, не подлежит самой тяжкой ответственности.

Эвда Наль медленно вернулась на свое место. Гром Орм не нашел более желающих высказаться. Члены Совета потребовали от председателя заключительного предложения. Тонкая жилистая фигура Грома Орма наклонилась вперед на трибуне, и острый взгляд вонзился в глубину зала.

— Обстоятельства для окончательного суждения несложны. Для Рен Боза я вообще исключаю ответственность. Какой ученый не воспользуется предоставляемыми ему возможностями, особенно если он уверен в успехе? Сокрушительная неудача опыта послужит уроком. Однако несомненна и польза опыта. Она отчасти возмещает материальный ущерб, так как теперь эксперимент поможет разрешению множества вопросов, о которых в Академии Пределов Знаний только еще начинали думать.

Мы решаем проблемы использования производительных сил в крупном масштабе, отбросив мелкоутилитарные приспособленческие тенденции старой экономики. Однако и до сих пор иногда люди не понимают момента удачи, потому что забывают о непреложности законов развития. Им кажется, что строение должно подыматься без конца. Мудрость руководителя заключается

в том, чтобы своевременно осознать высшую для настоящего момента ступень, остановиться и подождать или изменить путь. Таким руководителем на своем очень ответственном посту не смог быть Мвен Мас. Выбор Совета оказался ошибочным. Совет подлежит в этом ответственности наравне со своим избранником. Прежде всего виноват я сам, так как инициатива приглашения Мвена Маса, принадлежащая двум членам Совета, была поддержана мною.

Я предлагаю Совету оправдать Мвена Маса в личных мотивах поступка, но запретить ему занимать должности в ответственных организациях планеты. Я тоже должен быть устранен с поста председателя Совета и направлен на ликвидацию последствий своего неосторожного выбора — строительство спутника.

Гром Орм обвел взглядом зал, читая искреннее огорчение, отразившееся на многих лицах. Но люди эпохи Кольца избегали уговаривать, уважая решения друг друга и доверяя их правильности.

Мир Ом посоветовался с членами Совета, и счетная машина сообщила результат голосования. Заключение Грома Орма принималось без возражений, но с условием, чтобы работу собрания довести до конца и оставить свой пост после ее завершения.

Он поклонился, но ничего не изменилось в его наглухо скованном волей лице.

— Я должен теперь объяснить свою просьбу о переносе обсуждения звездной экспедиции, — спокойно продолжал председатель. — Благоприятный исход дела был очевиден, и я думаю, что Контроль Чести и Права согласится с нами. Но теперь я могу просить Мвена Маса занять свое место в Совете — нам предстоит важное обсуждение по звездной экспедиции. Познания Мвена Маса необходимы для правильного решения вопроса, тем более что член Совета Эрг Ноор не сможет принять участия в сегодняшнем обсуждении.

Мвен Мас пошел к креслам Совета. Зеленые огни доброжелательства переливались по залу, отмечая его путь.

Беззвучно сдвинулись карты планет, уступая место угрюмым черным таблицам, на которых разноцветные

огоньки звезд были соединены синей нитью предполагавшихся на столетие маршрутов. Председатель Совета преобразился. Исчезла холодная бесстрастность, на сероватых щеках затеплился румянец, стальные глаза потемнели. Гром Орм оказался на трибуне.

— Каждая звездная экспедиция — подолгу лелеемая мечта, новая надежда, бережно вынашиваемая много лет, новая ступень в лестнице великого восхождения. С другой стороны, это труд миллионов, который не может пройти без отдачи, без крупного научного или экономического эффекта, иначе остановится наше движение вперед и дальнейшее завоевание природы. Поэтому мы так тщательно обсуждаем, обдумываем, вычисляем, прежде чем в межзвездные дали взовется новый корабль.

Наш долг заставил отдать тридцать седьмую экспедицию для Великого Кольца. Тем тщательнее мы обсуждали план тридцать восьмой экспедиции. Но за последний год произошло несколько событий, изменивших положение и обязывающих нас пересмотреть утвержденные предыдущими Советами и планетным обсуждением путь и задачу экспедиции. Открытие способов обработки сплавов под высоким давлением при температуре абсолютного нуля увеличило прочность корпуса звездолетов. Усовершенствование анамезонных двигателей, ставших экономичнее, позволяет большую дальность полета одиночного корабля. Предполагавшиеся в тридцать восьмую экспедицию звездолеты «Аэлла» и «Тинтажель» устарели по сравнению с только что законченными постройкой «Лебедем» — круглокорпусным кораблем вертикального типа с четырьмя килями устойчивости. Мы теперь можем позволить себе более дальние полеты.

Эрг Ноор, вернувшийся на «Тантре» из тридцать седьмой экспедиции, сообщил об открытии черной звезды класса Т, на планете которой обнаружен звездолет неизвестной конструкции. Попытка проникнуть внутрь корабля едва не привела всех к гибели, но все же удалось добыть кусок металла от корпуса. Это вещество неизвестно у нас, хотя и близко к четырнадцатому изотопу серебра, обнаруженному на планетах чрезвычай-

но горячей звезды класса 08, известной уже очень давно под именем Дзеты Кормы Корабля.

Форма звездолета — двояковыпуклого диска с грубо спиральной поверхностью — обсуждена в Академии Пределов Знания.

Юний Ант пересмотрел памятные записи информации Кольца за все четыреста лет с момента нашего включения в Кольцо. Этот тип конструкции звездолетов неосуществим при нашем направлении науки и уровне знаний. Он неизвестен на тех мирах Галактики, с которыми мы обменивались сведениями.

Дисковый звездолет таких колоссальных размеров, без сомнения, гость с невообразимо далеких планет, может быть даже с внегалактических миров. Он мог странствовать миллионы лет и опуститься на планету железной звезды в нашей пустынной области на краю Галактики.

Не требует пояснений важность изучения этого корабля путем специальной экспедиции на звезду Т.

Гром Орд включил гемисферный экран, и зал исчез. Перед зрителями медленно плыли записи памятных машин.

— Это недавно принятое сообщение с планеты ЦР519 — я опускаю для краткости детальные координаты — их экспедиция в систему звезды Ахернар.

Станным казалось расположение звезд, и самый опытный взгляд не мог бы узнать в них давно изученные светила. Пятна тускло светящегося газа, темные облака и, наконец, большие остывшие планеты, отражавшие свет чудовищно яркой звезды.

Диаметром всего в три с половиной раза больше Солнца, Ахернар светился как двести восемьдесят солнц, будучи неописуемо яркой голубой звездой спектрального класса В5. Космический корабль, сделавший запись, удалился в сторону. Вероятно, прошли десятки лет пути. На экране возникло другое светило — яркая зеленая звезда класса S. Она вырастала, света все ярче, пока звездолет чужого мира приближался к ней. Мвен Мас подумал, что великолепный зеленый оттенок ее света был бы гораздо красивее сквозь атмосферу. Словно в ответ на его мысль, на экране появилась по-

верхность новой планеты. Снимки делались с перерывами — экран не показал приближения к планете. Перед зрителями внезапно выросла страна высоких гор, окутанных во все мыслимые оттенки зеленого света. Черно-зеленые тени глубоких ущелий и крутых склонов, голубовато-зеленые и лиловато-зеленые освещенные скалы и долины, аквамариновые снега на вершинах и плоскогорьях, желто-зеленые, выжженные горячим светом участки. Малахитовые речки бежали вниз, к невидимым озерам и морям, скрывавшимся за хребтами.

Дальше покрытая круглыми холмами равнина расстилалась до края моря, казавшегося издалека блестящим листом зеленого железа. Синие деревья клубились густой листвой, поляны расцветали пурпурными полосами и пятнами неведомых кустов и трав. А из глубины аметистового неба могучим потоком струились золотисто-зеленые лучи. Люди Земли замерли. Мвен Мас рылся в своей необъятной памяти, чтобы точно определить расположение зеленого светила.

«Ахернар — Альфа Эридана, высоко в южном небе, рядом с Туканом. Расстояние — двадцать один парсек... Возвращение звездолета с тем же экипажем невозможно», — быстро проносилось в голове.

Экран погас, и странен показался вид замкнутого зала, приспособленного для размышлений и совещаний жителей Земли.

— Эта зеленая звезда, — снова зазвучала речь председателя, — с обилием циркония в спектральных линиях, размером немного более нашего Солнца. — Гром Орм быстро перечислил координаты циркониевого светила.

— В ее системе, — продолжал он, — есть две планеты-близнецы, вращающиеся друг против друга на таком расстоянии от звезды, которое соответствует энергии, получаемой Землей от Солнца.

Толщина атмосферы, ее состав, количество воды совпадают с условиями Земли. Таковы предварительные данные экспедиции планеты ЦР519. Эти же сообщения говорят об отсутствии высшей жизни на планетах-близнецах. Высшая мыслящая жизнь так преобразует природу, что заметна даже для поверхностного наблюдения с летящего в высоте звездолета.

Надо считать, что она или не смогла там развиваться, или еще не развилась. Это необычайно редкая удача. Если бы там оказалась высшая жизнь, мир зеленой звезды был бы закрыт для нас. Еще в семьдесят втором году эпохи Кольца, более трех веков назад, наша планета предприняла обсуждение вопроса о заселении планет с высшей мыслящей жизнью, хотя бы и не достигшей уровня нашей цивилизации. Тогда же было решено, что всякое вторжение на подобные планеты ведет к неизбежным насилиям вследствие глубокого непонимания.

Мы знаем теперь, как велико разнообразие миров в нашей Галактике. Звезды голубые, зеленые, желтые, белые, красные, оранжевые; все водородно-гелиевые, но по различному составу своих оболочек и ядер называемые углеродными, диановыми, титановыми, циркониевыми, с различным характером излучения, высокими и низкими температурами, разным составом своих атмосфер и ядер. Планеты самого различного объема, плотности, состава и толщины атмосферы, гидросферы, расстояния до светила, условий вращения. Но мы знаем и другое: наша планета с ее поверхностью, на семьдесят процентов покрытой водой, в совокупности с близостью к Солнцу, изливающему на нее могучий запас энергии, представляет собою не часто встречающуюся основу мощной жизни, богатой биомассой и разнообразием непрерывных превращений.

Поэтому жизнь у нас развилась скорее, чем на других мирах, где она была угнетена недостатком воды, солнечной энергии или малыми площадями суши. И скорее, чем на планетах, слишком богатых водой. Мы видели в передачах по Кольцу эволюцию жизни на сильно затопленных планетах, жизни, отчаянно лезущей вверх, по стеблям торчащих из вечной воды растений.

На нашей богатой водой планете тоже сравнительно мала площадь материков.

В древнейшие периоды истории Земли жизнь развивалась медленнее в болотах низких материков палеозойской эры, чем на высоких материках кайнозойской эры, где шла борьба не только за пищу, но и за воду.

Мы знаем, что необходим определенный, наиболее выгодный для обилия и мощности жизни процент соотношения воды и суши, и наша планета близка к этому наиболее благоприятному коэффициенту. Таких планет не столь много в космосе, и каждая представляет неоценимый клад для нашего человечества, как новая почва для его расселения и дальнейшего совершенствования.

Давно уже человечество перестало бояться стихийного перенаселения, пугавшего наших отдаленных предков, но мы неуклонно стремимся в космос, расширяя все больше область расселения людей, ибо в этом тоже движение вперед, неизбежный закон развития. Трудность освоения планет, сильно отличающихся по физическим условиям от Земли, была так велика, что уже давно породила проекты о поселении человечества в космосе на специально построенных гигантских сооружениях, подобных увеличенным во много раз искусственным спутникам. Вы знаете, что один такой остров был построен накануне эпохи Кольца, — я говорю про «Надир», расположенный в восемнадцати миллионах километров от Земли. Там живет еще небольшая колония людей... Но неуспех этих тесных, сильно ограниченных вместимостей для человеческой жизни был настолько очевиден, что приходится лишь удивляться нашим предкам, несмотря на всю смелость их строительного замысла.

Планеты-близнецы зеленой циркониевой звезды очень похожи на нашу. Они непригодны или трудно осваиваемы для хрупких обитателей открывшей их планеты ЦР519, отчего они поспешили передать нам эти сведения, как мы передадим им свои открытия.

Зеленая звезда находится от нас на таком расстоянии, которого не пролетал ни один наш звездолет. Достигнув ее планет, мы выдвинемся далеко в космос. И мы выдвинемся не на маленьком мирке искусственного сооружения, а на крепкой базе больших планет, просторных для организации удобной жизни, могучей техники.

Вот почему я так долго занимал ваше внимание планетами зеленой звезды — мне они представляются

необычайно важными для исследования. Расстояние в семьдесят световых лет теперь достижимо для звездолета типа «Лебедь», и, может быть, следует тридцать восьмую звездную экспедицию направить к Ахернару!

Гром Орм замолчал и перешел к своему месту, повернув небольшой рычажок на пульте трибуны.

Вместо председателя Совета перед зрителями поднялся небольшой экран, на котором до уровня груди появилась знакомая многим массивная фигура Дар Ветра. Бывший заведующий внешними станциями улынулся, встреченный неслышными приветствиями зеленых огоньков.

— Дар Ветер находится сейчас в Аризонской радиоактивной пустыне, откуда отправляются партии ракет на высоту пятидесяти семи тысяч километров для строительства спутника, — пояснил Гром Орм. — Он хотел выступить перед вами со своим мнением члена Совета.

— Я предлагаю осуществить самое простое решение, — раздался веселый, звучащий металлом переносного передатчика голос. — Отправить не одну, а три экспедиции!

Члены Совета и зрители замерли от неожиданности. Дар Ветер не был оратором и не воспользовался эффектной паузой.

— Первоначальный план посылки обоих звездолетов тридцать восьмой экспедиции на тройную звезду Е97723...

В то же мгновение Мвен Мас представил себе эту тройную звезду, по-старинному обозначавшуюся как Омикрон 2 Эридана. Расположенная менее чем в пяти парсеках от Солнца, эта система из желтой, голубой и красной звезд обладала двумя безжизненными планетами, но интерес исследования заключался не в них. Голубая звезда в этой системе была белым карликом. Размерами с крупную планету, по массе она равнялась половине Солнца. Средний удельный вес вещества этой звезды в две тысячи пятьсот раз превосходил плотность самого тяжелого земного металла — иридия. Тяготение, электромагнитные поля, процессы создания

тяжелых химических элементов на этой звезде представляли колоссальный интерес и важность для непосредственного изучения их с возможно более близкого расстояния. Тем более что посылавшаяся в старину на Сириус десятая звездная экспедиция погибла, успев предупредить об опасности. Близкий сосед Солнца — двойная голубая звезда Сириус также обладала белым карликом более низкой температуры и больших размеров, чем Омикрон 2 Эридапа В с плотностью в двадцать пять тысяч раз большей плотности воды. Достижение этой близкой звезды оказалось невозможным из-за громадных перекрещивающихся метеорных потоков, опоясывавших звезду и столь сильно рассеянных, что не было возможности точно определить распространение губительных обломков. Тогда была задумана экспедиция на Омикрон 2 Эридапа, триста пятнадцать лет тому назад.

— ...представляет теперь, после опыта Мвена Маса и Рен Боза, — говорил в это время Дар Ветер, — столь важное значение, что отказаться от него нельзя.

Но изучение чужого далекого звездолета, найденного тридцать седьмой экспедицией, может дать нам такие познания, которые далеко превзойдут открытия первого исследования.

Можно пренебречь прежними правилами безопасности и рискнуть разделить звездолеты. «Аэллу» послать на Омикрон Эридапа, а «Тинтажель» — на звезду Т. Оба звездолета первого класса, как «Тантра», которая справилась одна с чудовищными затруднениями.

— Романтика! — громко и презрительно сказал Пур Хисс и тут же съехался, заметив неодобрение зрителей.

— Да, настоящая романтика! — радостно воскликнул Дар Ветер. — Романтика — роскошь природы, но необходимая в хорошо устроенном обществе! От избытка телесных и душевных сил в каждом человеке быстрее возрождается жажда нового, частых перемен. Появляется особое отношение к жизненным явлениям — попытка увидеть больше, чем ровную поступь повседневности, ждать от жизни высшую норму испытаний и впечатлений.

— Я вижу в зале Эвду Наль, — продолжал Дар Ветер. — Она подтвердит вам, что романтика — это не только психология, но и физиология! Продолжаю — новый звездолет «Лебедь» послать на Ахсрнар, к зеленой звезде, потому что только через сто семьдесят лет наша планета узнает результат. Гром Орм совершенно прав, что исследование сходных планет и создание базы для движения в космос — наш долг по отношению к потомкам.

— Запас анамезона готов только для двух кораблей, — возразил секретарь Мир Ом. — Понадобится десять лет, чтобы, не нарушая экономики, приготовить корабль еще для одного полета. Напомню, что сейчас много производительных сил отнимет восстановление спутника.

— Я предвидел это, — ответил Дар Ветер, — и предлагаю, если Совет Экономики найдет возможным обратиться к населению планеты. Пусть каждый на год отложит увеселительные поездки и путешествия, пусть выключат телевизоры наших аквариумов в глубинах океана, перестанут доставлять драгоценные камни и редкие растения с Венеры и Марса, остановят заводы одежды и украшений. Совет Экономики определит лучше меня, что следует приостановить, чтобы бросить сэкономленную энергию на производство анамезона. Кто из нас откажется сократить потребности на один только год, чтобы принести нашим детям великий дар — две новые планеты в живительных лучах зеленого, приятного для наших земных глаз солнца!

Дар Ветер простер руки перед собой, обращаясь ко всей Земле, так как знал, что миллиарды глаз следят за ним в экранах телевизоров, кивнул головой и исчез, оставив пустое синеватое мерцание. Там, в Аризонской пустыне, гулкий грохот периодически сотрясал почву, говоря о том, что очередная ракета взвилась с грузом за пределы голубого небосвода. Здесь все присутствующие в зале Совета встали, поднимая левые руки, что означало открытое и полное согласие с выступавшим.

Председатель Совета обратился к Эвде Наль.

— Наш гость из Академии Горя и Радости, не вы-

скажете ли вы свое мнение в аспекте человеческого счастья?

Эвда еще раз взошла на трибуну.

— Человеческая психика устроена так, что не приспособлена к длительному возбуждению и многократному повторению возбуждения — это защита от быстрого изпоса нервной системы. Наши далекие предки едва не погубили человечество, не считаясь с тем, что человек в своей физиологической основе требует частого отдыха. Но мы, напуганные этим, прежде слишком берегли психику, не понимая, что основным средством отдыха от впечатлений является труд. Необходимо не только перемена рода занятий, но и регулярное чередование труда и отдыха. Чем тяжелее труд, тем длительнее отдых, и тогда чем труднее, тем радостнее, тем больше захвачен человек весь, полностью.

Можно говорить о счастье, как о постоянной перемене труда и отдыха, трудностей и удовольствий. Долголетие человека расширило пределы его мира, и он устремился в космос. Борьба за новое — вот настоящее счастье! Отсюда — отправление звездолета на Ахернар даст человечеству больше непосредственной радости, чем две другие экспедиции, так как планеты зеленого солнца подарят новый мир нашим чувствам, а исследования физических явлений космоса, несмотря на все их значение, воспринимаются пока только в области разума. Борясь за возрастание суммы человеческого счастья, Академия Горя и Радости, вероятно, считала бы наиболее выгодной экспедицию на Ахернар, но если возможно осуществление всех трех, то что же может быть лучше!

Эвда Налъ получила в награду от взволнованного зала целую лавину зеленых огней.

Поднялся Гром Орм.

— Вопрос и решение Совета уже выяснились, и мое выступление, очевидно, последнее. Будем просить человечество сократить свои потребности на сорок девятый год эры Кольца. Дар Ветер не сказал о находке историками золотого коня эры Разобщенного Мира. Эти сотни тонн чистого золота можно обратить на производство анамезона и добиться скорого

изготовления полетного запаса. Отправим впервые за всю историю Земли экспедиции одновременно на три звездные системы и впервые попытаемся достигнуть миров, находящихся на расстоянии семидесяти световых лет!

Председатель закрыл заседание, попросив остаться лишь членов Совета. Надо было срочно составить запросы в Совет Экономики, а также в Академию Стохастики и Предсказания Будущего для выяснения возможных случайностей в далеком пути на Ахернар.

Усталая Чара вышла вслед за Эвдой. Девушке хотелось скорее остаться одной, чтобы потихоньку прочувствовать оправдание Мвена Маса. Сегодня замечательный день! Правда, Мвена Маса не увенчали как героя, на что в самых сокровенных мечтах надеялась Чара. Его надолго, если не навсегда, отстранили от большой и важной работы... Но разве его не оставили в обществе! Разве не открыта им вместе широкая и трудная дорога исследования, труда, любви!

Эвда Наль заставила девушку пойти в ближайший Дом питания. Чара так долго смотрела на таблицу выбора, что Эвда решила действовать сама, назвав в приемный рупор автомата шифры выбранных блюд и индекс стола. Только что они уселись за овальный двухместный стол, как в центре его открылся люк и оттуда появился маленький контейнер с заказом. Эвда Наль протянула Чаре бокал с бодрящим напитком «Ллио», а сама с удовольствием выпила стакан прохладной воды и ограничилась запеканкой из каштанов, орехов и бананов со сбитыми сливками. Чара съела какое-то блюдо из тертого мяса раптов — птиц, заменивших домашних кур и дичь в современном обиходе, и Эвда Наль отпустила ее. Эвда Наль смотрела вслед Чаре, когда девушка со своим удивительным даже для эпохи Кольца изяществом сбегала по лестнице между статуями из черного металла и причудливо изогнутыми подставками фонарей.

Ангелы неба

атаив дыхание следил Эрг Ноор за манипуляциями искусных лаборантов. Обилие приборов напоминало пост управления звездолета, но простор большого зала с широкими голубоватыми окнами сразу же отводил всякие мысли о космическом корабле.

В центре комнаты на металлическом столе стояла камера из толстых плит руфолюцита — материала, прозрачного и для инфракрасных и видимых лучей. Паутина трубок и проводов оплетала коричневую эмаль звездолетного водяного бака, заключавшего двух черных медуз с планеты железной звезды.

Эон Тал, выпрямившись, как на гимнастике, с беспомощно висевшей по-прежнему на перевязи рукой, издалека заглядывал на медленно поворачивавшийся барабан самописца. На лбу биолога выше широких черных бровей выступили капельки пота.

Эрг Ноор облизнул пересохшие губы.

— Ничего. За пять лет пути там остался один прах, — хрипло заметил астролетчик.

— Если так, то большая беда... для Низы и для меня, — отозвался биолог. —

Понадобятся искания ощупью — возможно, многолетние, чтобы определить характер поражения.

— Вы продолжаете думать, что органы, убивающие добычу, одинаковы у медуз и у креста?

— Не только я. Грим Шар и все другие пришли к тому же убеждению. Но сначала были самые неожиданные мысли. Я вообразил, что черный крест вообще не имеет отношения к планете.

— Я тоже, помните, говорил вам об этом. Мне почудилось, что это существо — с дискового звездолета и стерегло его. Но если подумать серьезно, то какой смысл стеречь несокрушимую крепость снаружи? Попытка вскрыть спиралодиск показала нелепость таких мыслей.

— Я представлял себе, что крест вообще не живой. Робот-автомат, поставленный на охрану звездолета?

— Вот именно! Но теперь, конечно, я отказался от этой мысли. Черный крест — это живое существо, порождение мира мрака. Вероятно, эти твари обитают внизу, на равнине. Он появился со стороны «ворот» — прохода в утесах. Медузы, более легкие и подвижные, — это обитатели плоскогорья, на которое мы сели. Связь черного креста и спиралодиска случайна, просто наши защитные устройства коснулись этого отдаленного уголка равнины, всегда остававшегося во мраке за гигантским диском.

— И вы считаете убийственные органы креста и медуз сходными?

— Да! У этих животных, обитающих в одних и тех же условиях, должны были возникнуть и сходные органы. Железная звезда — тепловое электрическое светило. Вся толстая атмосфера планеты сильно насыщена электричеством. Грим Шар считает, что животные собирали энергию из атмосферы, создавая сгущения наподобие наших шаровых молний. Вспомните движение коричневых звездочек по щупальцам медуз.

— И у креста были щупальца, но не было...

— Просто никто не успел заметить. Но характер поражения по нервным стволам с параличом соответ-

ствующего высшего центра — в этом все мы единой душины, — одинаков у меня и у Низы! Это главное доказательство и главная надежда!

— Надежда? — встрепенулся Эрг Ноор.

— Разумеется. Смотрите, — биолог показал на ровную линию записи прибора, — чувствительные электроды, погруженные в ловушку с медузами, ничего не показывают. Чудовища забрались туда с полным зарядом своей энергии, которая никуда не могла деваться из бака после его заделки. Изоляционная защита космических пищевых сосудов вряд ли может быть проницаема — это не наши легкие биологические скафандры. Вспомните, что крест, погубивший Низу, не причинил вам вреда. Его ультразвук проник в скафандр высшей защиты, сломив волю, но поражающие разряды оказались бессильны. Они пробили скафандр Низы так же, как медузы пробили мой.

— Следовательно, заряд шаровых молний или чего-то похожего, который вошел в бак, должен там остаться. Но приборы ничего не показывают...

— В этом и есть надежда. Значит, медузы не рассыпались в прах. Они...

— Понимаю. Закапсулировались, заключили себя в нечто вроде кокона.

— Да. Подобное приспособление распространено среди живых организмов, вынужденных переживать неблагоприятные для существования периоды. Долгие ледяные ночи черной планеты, ее страшные ураганы на «восходах» и «закатах» — вот такие периоды. Но так как они сравнительно быстро чередуются, то я уверен, что медузы могут быстро инцистироваться и так же быстро выходить из этого состояния. Если рассуждение верно, то мы сможем довольно просто вернуть черных медуз к их убийственной жизнедеятельности.

— Восстановлением температуры, атмосферы, освещения и прочих условий черной планеты?

— Да. Все рассчитано и подготовлено. Скоро появится Грим Шар. Мы начнем продувать бак неоновокислородно-азотной смесью при давлении в три атмосферы. Но сначала убедимся...

Эон Тал посоветался с двумя ассистентами. Какая-то установка стала медленно подползать к коричневому баку. Передняя руфольюцитовая плита отодвинулась, открывая доступ к опасной ловушке.

Электроды внутри бака заменились микрозеркалами с цилиндрическими осветителями. Один из ассистентов встал за пульт телеуправления. На экране возникла вогнутая поверхность, покрытая зернистым налетом и тускло отражавшая лучи осветителя, — стенка бака. Плавно поворачивалось зеркало. Эон Тал заговорил:

— Рентгеном просветить трудно, слишком сильна изоляция. Приходится применять более сложный способ.

Вращение зеркала отразило дно сосуда и на нем два белых комка в форме неправильных шаров с ноздреватой, волокнистой поверхностью. Комки походили по форме на плоды недавно выведенной породы хлебных деревьев, достигавшие семидесяти сантиметров в поперечнике.

— Присоедините ТВФ к вектору Грим Шара, — обратился биолог к помощнику.

Ученый, едва убедился в правоте общих предположений, прибежал в лабораторию. Близоруко шурясь вовсе не от слабости зрения, а по привычке, он оглядывал приготовленные аппараты. Грим Шар не походил на знаменитого ученого, которые, как правило, отличались внушительным видом и властностью характера. Эрг Ноор вспомнил Реп Боза с его застенчивой мальчишеской внешностью, так не соответствовавшей величию его ума.

— Вскройте заделанный цов! — скомандовал Грим Шар.

Механическая рука взрезала слой твердой эмалевой массы, не сдвинув с места тяжелую крышку. Шланги с газовой смесью подключились к вентилям. Сильный прожектор инфракрасных лучей заменил железную звезду.

— Температура... сила тяжести... давление... электрическая насыщенность... — повторял показания приборов находившийся у них ассистент.

Спустя полчаса Грим Шар обернулся к астролетчикам.

— Пойдемте в зал отдыха. Нет возможности предугадать время оживления этих капсул. Если Эон прав, то это произойдет скоро. Дежурные предупредят нас.

Институт Нервных Токов был построен далеко от жилой зоны, на окраине заповедной степи. Земля на исходе лета стала сухой, и ветер уносился вдаль с особенным шелестом, проникавшим в настежь открытые окна вместе с легким запахом подсушенных солнцем трав.

Трое исследователей в удобных креслах погрузились в молчание, поглядывая в окна поверх верхушек раскидистых деревьев на марево далекого горизонта. Время от времени кто-нибудь закрывал усталые глаза, но ожидание было слишком напряженным, чтобы задремать. На этот раз судьба не испытывала терпения ученых. Не прошло и трех часов, как вспыхнул экран прямого соединения. Дежурный ассистент едва сдерживал себя.

— Крышка шевелится!

В одно мгновение все трое оказались в лаборатории.

— Закройте наглухо руфوليوцитовую камеру, проверьте герметичность! — распорядился Грим Шар. — Перенесите условия планеты в камеру.

Легкое шипение мощных насосов, посвистывание уравнивателей давления — и внутри прозрачной клетки оказалась атмосфера мира мрака.

— Увеличьте влажность и насыщение электричеством, — продолжал Грим Шар.

Резкий запах озона поплыл по лаборатории.

Ничего не произошло. Ученый нахмурился, окидывая взглядом приборы и силясь сообразить, что упущено.

— Нужна тьма! — вдруг раздался четкий голос Эрга Ноора.

Эон Тал даже подпрыгнул.

— Как я мог забыть! Грим Шар, вы не были на железной звезде, но я!..

— Поляризующие ставни! — вместо ответа сказал ученый.

Свет померк. Лаборатория осталась освещенной лишь огнями приборов. Ассистенты задернули пульт шторами, и все погрузилось во мрак. Кое-где едва мерцали точки самосветящихся индикаторов.

Дыхание черной планеты пахнуло в лица астролетчиков, воскресив в памяти страшные и увлекательные дни тяжелой борьбы.

Прошло несколько минут молчания, в котором слышались лишь осторожные движения Эона Тала, настраивавшего экран для инфракрасных лучей, с поляризующей ширмой, предупреждавшей отбрасывание света.

Слабый звук и тяжелый удар — это упала крышка водяного бака внутри руфоллюцитовой камеры. Знакомое мерцание коричневых вспышек — это щупальца черного чудовища появились над краем бака. Внезапным прыжком оно взлетело вверх, простираясь покрывалом тьмы на всю площадь руфоллюцитовой камеры, и ударились о прозрачный потолок. Тысячи коричневых звездочек заструились по телу медузы, покрывало выпучилось куполом, как от дуновения снизу, и медуза уперлась в дно камеры собранными пучком щупальцами. Таким же черным призраком поднялось из бака второе чудовище, невольно внушая страх своими быстрыми и беззвучными движениями. Но здесь, за прочными стенами опытной камеры, окруженные управляемыми на расстоянии приборами, порождения планеты мрака были бессильны.

Приборы измеряли, фотографировали, определяли, вычерчивали сложные кривые, раскладывая устройство чудовищ на разнообразные физические, химические и биологические показатели. Ум человека вновь собирал эти разнокачественные данные, овладевая устройством неведомых порождений ужаса и подчиняя их себе.

С каждым пролетавшим незаметно часом Эрг Ноор убеждался в победе.

Все радостнее становился Эон Тал, все оживленнее Грим Шар и его молодые ассистенты.

Наконец ученый подошел к Эргу Ноору.

— Вы можете идти со спокойным сердцем. Мы останемся до конца исследования. Я боюсь включать видимый свет — здесь черным медузам нет от него убежища, как на их планете. А они должны ответить на все, что мы хотим знать.

— И вы будете знать?

— Через три-четыре дня наше исследование станет исчерпывающим для нашего уровня знаний. Но уже сейчас можно представить, каково действие парализующего устройства.

— И лечить Низу, Эона?

— Да!

Только теперь Эрг Ноор почувствовал, какую большую тяжесть носил он в себе с того черного дня, дня или ночи!.. Да не все ли равно! Дикая радость наполнила этого всегда сдержанного человека. Он с трудом преодолел нелепое желание подбросить Грим Шара в воздух, обнять маленького ученого. Эрг Ноор поразился самому себе, успокоился и минуту спустя обрел свою всегдашнюю сосредоточенность.

— Как поможет ваше изучение борьбе с медузами и крестами в будущей экспедиции!

— Конечно! Теперь мы будем знать врага. Но разве состоится экспедиция в этот мир тяжести и мрака?

— Я не сомневаюсь в этом!

Теплый день северной осени едва начался.

Эрг Ноор шел без обычной стремительности, переступая босыми ногами по мягкой траве. Впереди, на опушке, зеленая стена кедров переплеталась с облетевшими кленами, похожими на столбы редкого серого дыма. Здесь, в заповеднике, человек не вмешивался в природу. Своя прелесть была в беспорядочных зарослях высоких трав, в их смешанном и противоречивом, приятном и резком запахе.

Холодная речка преградила путь. Эрг Ноор спустился по тропинке. Ветровая рябь на пронизанной солнцем прозрачной воде казалась зыблущейся сеткой волнистых золотых линий, наброшенной на пестрящую гальку дна. Незаметные кусочки мха и водорос-

лей проплывали в воде, и под ними бежали по дну пятнышки синих теней. За речкой клонились по ветру лиловые крупные колокольчики. Запах влажного луга и багряных осенних листьев обещал радость труда человеку, потому что у каждого в уголке души еще гнезвился опыт первобытного пахаря.

Яркая желтая иволга уселась на ветку, издавая насмешливый и самоуверенный свист.

Чистое небо над кедрами посеребрилось взмахом широкого крыла перистых облаков. Эрг Ноор углубился в припахивающий горьковатой кедровой хвоей и смолой сумрак леса, пересек его и поднялся на холм, вытирая намокшую непокрытую голову. Заповедная роща вокруг нервной клиники не была широкой, и Эрг Ноор скоро вышел на дорогу. Речка наполняла каскад бассейнов из молочного стекла. Несколько мужчин и женщин в купальных костюмах выбежали из-за поворота и понеслись по дороге между рядами пестрых цветов. Вряд ли осенняя вода была теплой, но бегуны, подбодряя друг друга смехом и шутками, ринулись в бассейн, веселой гурьбой плывя вниз по каскаду. Эрг Ноор невольно улыбнулся. Где-то на местном заводе или ферме настало время отдыха...

Никогда еще родная планета не казалась такой прекрасной ему, проводшему большую часть своей жизни в тесном звездолете. Великая благодарность переполняла Эрга Ноора ко всем людям, к земной природе, ко всему принимавшему участие в спасении его рыжекудрого астронавигатора — Низы. Сегодня она сама пришла ему навстречу в сад клиники! После совещания с врачами они решили поехать вместе в полярный невросанаторий. Как только удалось разомкнуть паралитическую цепь, устранив устойчивое торможение в коре мозга от разряда щупалец черного креста, Низа оказалась совершенно здоровой. Требовалось только вернуть былую энергию после столь долгого каталиптического сна. Низа, живая, здоровая Низа! Эргу Ноору казалось, что он никогда не сможет подумать об этом без радостного толчка внутри.

Он увидел одинокую женскую фигуру, быстро шедшую ему навстречу от разветвления дороги. Он узнал

бы ее из тысяч — Веду Конг. Веду, прежде так много занимавшую его мысли, пока не выяснилась разность их путей. Привыкшее к диаграммам вычислительных машин мышление Эрга Ноора представило себе крутую взмывающую в небо дугу — его стремление — и парящий на планете, погружающийся в глубину ее прошлых веков путь жизни и творчества Веды. Обе линии расходились, широко отдаляясь друг от друга.

Знакомое до мельчайших подробностей лицо Веды Конг вдруг поразило Эрга Ноора своим сходством с Низой. Такое же узкое, с широко расставленными глазами и высоким лбом, с длинными бровями вразлет, с тем же выражением нежной насмешки у крупного рта. Даже носы у обеих чуть вздернутые, мягко закругленные и удлинненные, были похожи, точно у сестер. Только Веда смотрела всегда прямо и вдумчиво, а упрямая головка Низы Крит часто вздергивалась вверх в юном порыве.

— Вы рассматриваете меня? — удивилась Веда.

Она протянула Эргу Ноору обе руки, и тот прижал их к своим щекам. Веда, вздрогнув, высвободилась. Астролетчик слабо усмехнулся.

— Я хотел поблагодарить их, эти руки, выходившие Низу... Она... Я все знаю! Требовалось постоянное дежурство, и вы отказались от интересной экспедиции. Два месяца!..

— Не отказалась, а опоздала, поджидая «Тантру». Все равно было поздно, а потом — она предесть, ваша Низа! Мы внешне похожи, но она — настоящая подруга победителю космоса и железных звезд, со своей устремленностью в небо и преданностью...

— Веда!..

— Я не шучу, Эрг! Вы чувствуете, что сейчас еще не время для шуток? Надо, чтобы все стало ясно.

— Мне и так все ясно! Но я благодарю вас не за себя — за Низу...

— Не благодарите! Мне стало бы трудно, если бы вы потеряли Низу...

— Понимаю, но не верю, потому что знаю Веду Конг — совершенно чуждую такого расчета. И моя благодарность не ушла.

Эрг Ноор погладил молодую женщину по плечу и положил пальцы на сгиб руки Веды. Они шли рядом по пустынной дороге и молчали, пока Эрг Ноор не заговорил снова:

— Кто же он, настоящий?

— Дар Ветер.

— Прежний заведующий внешними станциями? Вот как!..

— Эрг, вы произносите какие-то незначащие слова. Я вас не узнаю...

— Я изменился, должно быть... Но я представляю себе Дар Ветра лишь по работе и думал, что он тоже мечтатель космоса.

— Это верно. Мечтатель звездного мира, но сумевший сочетать звезды с любовью к Земле древнего земледельца. Человек знания с большими руками простого мастера.

Эрг Ноор невольно взглянул на свою узкую ладонь с длинными твердыми пальцами математика и музыканта.

— Если бы вы знали, Веда, мою любовь к Земле сейчас!..

— После мира тьмы и долгого пути с парализованной Низой? Конечно! Но...

— Она, эта любовь, не создает основу моей жизни?

— Именно! Вы ведь настоящий герой и потому ненасытны в подвиге. Вы и эту любовь понесете полной чашей, боясь пролить из нее каплю на Землю, чтобы отдать для космоса. Но для той же Земли!

— Веда, вас сожгли бы на костре в Темные века!

— Мне уже говорили об этом... Вот и развилка. Где ваша обувь, Эрг?

— Я оставил ее в саду, когда вышел вам навстречу. Мне придется вернуться.

— До свидания, Эрг. Мое дело здесь кончено, — наступают ваше. Где мы увидимся? Или только перед отлетом нового корабля?

— Нет, нет, Веда! Мы с Низой уедем в полярный санаторий на три месяца. Приезжайте к нам и привезите его, Дар Ветра.

— Какой санаторий? «Сердце-Камень» на северном

побережье Сибири? Или в Исландию — «Осенние Листья»?

— Для Северного полярного круга уже поздно. Нас пошлют в южное полушарие, где скоро начнется лето, «Белая Заря» на Земле Грахама.

— Хорошо, Эрг. Если Дар Ветер сразу не отправится восстанавливать спутник пятьдесят семь. Вероятно, сначала должна быть подготовка материалов...

— Хорош ваш земной человек — почти год в небе!

— Не лукавьте. Это ближнее небо в сравнении с вашими невообразимыми пространствами, которые разлучили нас.

— Вы жалеете об этом, Веда?

— Зачем вы спрашиваете, Эрг? В каждом из нас две половинки: одна рвется к новому, другая бережет прежнее и рада вернуться к нему. Вы знаете это и знаете, что никогда возвращение не достигает цели.

— Но сожаление остается... как венок на дорогой могиле. Поцелуйте меня, Веда, дорогая!..

Молодая женщина послушно выполнила просьбу, слегка оттолкнула астролетчика и быстро пошла к главной дороге — линии электробусов. Эрг Ноор следил за ней, пока робот-рулевой подошедшей машины не остановился и красное платье Веды исчезло за прозрачной дверью.

Смотрела и Веда через стекло на неподвижного Эрга Ноора. В мыслях настойчиво звучал рефрен стихотворения поэта эры Разобщенного Мира, переведенного и недавно положенного на музыку Арком Гиром. Дар Ветер сказал ей однажды в ответ на нежный укор:

И ни ангелы неба, ни духи пучин
Разлучить никогда б не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли!

Это был вызов древнего мужчины грозным силам природы, взявшим его возлюбленную. Мужчины, не смирившегося с утратой и ничего не захотевшего отдать судьбе!

Электробус приближался к ветви Спиральной Дороги, а Веда Конг все еще стояла у окна, крепко взяв-

лились за полированные поручни и напевая чудесный романс, переполненная светлой грустью.

«Ангелы — так в старину у религиозных европейцев назывались мнимые духи неба, вестники воли богов. Слово «ангел» и означает «вестник» на древнегреческом языке. Забытое много веков назад слово...»

Веда очнулась от мыслей на станции, но снова вернулась к ним в вагоне Дороги.

— Вестники неба, космоса — так можно назвать и Эрга Ноора, и Мвена Маса, и Дар Ветра. Особенно Дар Ветра, когда он будет в ближнем, земном небе, на стройке спутника... — Веда улыбнулась шаловливо. — Но тогда духи пучип — это мы, историки, — громко сказала она, вслушиваясь в звук своего голоса, и весело рассмеялась. — Да, так, ангелы неба и духи пучип! Только вряд ли это понравится Дар Ветру.

Низкие кедровые с черной хвоей — холодоустойчивая форма, выведенная для Субантарктики, шумели торжественно и равномерно под неослабевающим ветром. Холодный плотный воздух тек быстрой рекой, неся с собой необычайную чистоту и свежесть, свойственную лишь воздуху открытого океана или высоких гор. Но в горах соприкоснувшийся с вечными снегами ветер сухой, слегка обжигаящий, подобно игристому вину. Здесь дыхание океана было ощутимо весомым прикосновением, влажно обтекавшим тело.

Здание санатория «Белая Заря» спускалось к морю уступами стеклянных стен, напоминавших своими закругленными формами гигантские морские корабли прошлого. Бледно-малиновая раскраска простенков, лестниц и вертикальных колонн днем резко контрастировала с куполовидными массами темных, шоколадно-лиловых андезитовых скал, прорезанных голубовато-серыми дорожками из сплавленного сиенита. Но сейчас поздневесенняя полярная ночь высветила и уравнивала все краски в своем особенном белесоватом свете, как будто исходившем из глубин неба и моря. Солнце скрылось на час за плоскогорьем на юге. Оттуда широкой аркой всплывало величественное сияние,

раскинувшееся по южной части неба. Это был отблеск могучих льдов антарктического материка, сохранившихся на высоком горбе его восточной половины, отодвинутых волей человека, оставившего лишь четверть прежнего колоссального щита ледников. Белая ледяная заря, по имени которой и назывался санаторий, превратила все окружающее в призрачный мир легкого света без теней и рефлексов.

Четыре человека медленно шли к океану по серебряным отблескам фарфоровой дорожки. Лица шагавших позади мужчин казались вырубленными из серого гранита, большие глаза обеих женщин стали бездонно глубоки и загадочны.

Низа Крит, прижимаясь лицом к воротнику меховой накидки Веды Конг, взволнованно возражала ученому-историку. Веда, не скрывая легкого удивления, вглядывалась в эту внешне похожую на нее девушку.

— Мне кажется, лучшим подарком, какой женщина может сделать любимому, — это создать его заново и тем продлить существование своего героя. Ведь это почти бессмертие.

— Мужчины судят по-другому в отношении нас, — ответила Веда. — Дар Ветер мне говорил, что он не хотел бы дочери, слишком похожей на любимую, — ему трудна мысль уйти из мира и оставить ее без себя, без одейяния своей любви и нежности для неведомой ему судьбы... Это пережитки древней ревности и защиты.

— Но мне невыносима мысль о разлуке с маленьким, моим родным существом, — продолжала поглощенная своими мыслями Низа. — Отдать его на воспитание, едва выкормив!

— Понимаю, но не согласна. — Веда нахмурилась, как будто девушка задела болезненную струнку в ее душе. — Одна из величайших задач человечества — это победа над слепым материнским инстинктом. Только коллективное воспитание детей специально обученными и отобранными людьми может создать человека нашего общества. Теперь нет почти безумной, как в древности, материнской любви. Каждая мать знает, что весь мир ласков к ее ребенку. Вот и исчезла

инстинктивная любовь волчицы, возникшая из животного страха за свое детище.

— Я это понимаю, — сказала Низа, — но как-то умом.

— А я вся, до конца, чувствую, что величайшее счастье — доставлять радость другому существу — теперь доступно любому человеку, любого возраста. То, что в прежних обществах было возможно лишь для родителей, бабушек и дедушек, а более всего для матерей... Зачем обязательно все время быть с маленьким — ведь это тоже пережиток тех времен, когда женщины вынужденно вели узкую жизнь и не могли быть вместе со своими возлюбленными. А вы будете всегда вместе, пока любите...

— Не знаю, но подчас такое неистовое желание, чтобы рядом шло крохотное, похожее на него существо, что стискиваешь руки... И... нет, я ничего не знаю!..

— Есть остров Матерей — Ява. Там живут все, кто хочет сам воспитывать своего ребенка.

— О нет! Но я не могла бы и стать воспитательницей, как то делают особенно любящие детей. Я чувствую в себе так много силы, и я уже раз была в космосе...

Веда смягчилась.

— Вы — олицетворение юности, Низа, и не только физически. Как все очень молодые, вы не понимаете, сталкиваясь с противоречиями жизни, что они — сама жизнь, что радость любви обязательно приносит тревоги, заботы и горе, тем более сильные, чем сильнее любовь. А вам кажется, что все утратится при первом ударе жизни...

При последних своих словах Веду вдруг осенило. Нет, не в одной лишь юности была причина тревог и жадных стремлений Низы!

Веда впала в свойственную многим ошибку — считать, что раны души заживают одновременно с телесными повреждениями. Совсем не так! Долго-долго остается еще рана психики, глубоко скрытая под здоровым физическим телом, и может открыться неожиданно, иногда от совсем незначительной причины. Так

и у Низы — пять лет паралича, пусть совершенно бессознательного, но оставившего память о себе во всех клеточках тела, ужас встречи со страшным крестом, чуть было не погубившим Эрга Ноора.

Угадав направление мыслей Веды, Низа глухо сказала:

— После железной звезды меня не покидает странное ощущение. Где-то в душе есть тревожная пустота. Она существует вместе с уверенной радостью и силой, не исключая их, но и не угасая сама. Но бороться с ней я могу лишь тем, что должно захватить меня всю, не оставляя меня наедине с этим... Теперь я знаю, что такое космос для одинокого человека, и еще больше склоняюсь перед памятью первых героев звездоплавания!

— Я, кажется, понимаю, — ответила Веда. — Я была на затерянных среди океана маленьких островках Полинезии. Там в часы одиночества перед морем тебя всю охватывает бесконечная печаль, как растворяющаяся в однотонной дали тоскливая песня. Должно быть, древняя память о первобытном одиночестве сознания говорит человеку, как слаб и обречен он был прежде в своей клеточке-душе. Только общий труд и общие мысли могут спасти от этого — приходит корабль, казалось бы, еще меньший, чем остров, но необъятный океан уже не тот. Горсточка товарищей и корабль — это уже особый мир, стремящийся в доступные и покорные ему дали. Так и корабль космоса — звездолет. В нем мы с отважными и сильными товарищами! Но одиночество перед космосом... — Веда вздрогнула. — Вряд ли человек способен вынести его.

Низа прижалась к Веде еще крепче.

— Как правильно вы сказали, Веда! Оттого я и хочу всего сразу...

— Низа, я люблю вас. Теперь я больше чувствую ваше решение... Оно мне казалось безумным.

Низа молча сжала руку Веды и ткнулась носом в ее холодную от ветра щеку.

— Но выдержите ли вы, Низа? Это так невероятно трудно!

— О какой трудности вы говорите, Веда? — обер-

нулся услышавший ее последнее восклицание Эрг Ноор. — Вы сговорились с Дар Ветром? Он уже полчаса убеждает меня отдать молодежи мой опыт астролетчика, а не уходить в полет, из которого не возвращаются.

— И что же, удалось убеждение?

— Нет. Мой опыт звездоплавания еще более нужен, чтобы довести «Лебеда» до цели, туда, — Эрг Ноор указал на светлое беззвездное небо, где, ниже Малого Магелланова Облака, под Туканом и Водяной Змеей, должен был гореть яркий Ахернар, — довести по пути, не пройденному еще ни одним кораблем Земли или Кольца!

С последним словом Эрга Ноора за его спиной вспыхнул край выдвинувшегося Солнца, лучи которого смели всю таинственность белой зари.

Четверо друзей подошли к морю. Океан дышал холодом, накатывая на отлогий берег ряды беспennых волн — тяжелую зыбь бурной Антарктики. Веда Конг с любопытством смотрела на стальную воду, быстро темневшую с глубиной и под лучами низкого Солнца принявшую лиловатый оттенок льда.

Низа Крит стояла рядом в шубке из голубого меха и такой же круглой шапочке, из-под которой выбивалась масса темно-рыжих волос. Дар Ветер невольно залюбовался ею и нахмурился.

— Ветер, вам не нравится Низа? — с утрированным негодованием воскликнула Веда Конг.

— Вы знаете, что я восхищаюсь ею, — угрюмо ответил Дар Ветер. — Но сейчас она показалась мне такой маленькой и хрупкой по сравнению с...

— С тем, что меня ожидает? — с вызовом спросила Низа. — Теперь вы перебросили атаку с Эрга на меня?..

— Я вовсе не думаю так поступать, — серьезно и печально ответил Дар Ветер, — но мое огорчение естественно. Прекрасное создание моей милой Земли должно исчезнуть в безднах космоса с его мраком и чудовищным холодом. Это не жалость, Низа, а печаль утраты.

— Вы почувствовали, как и я, — согласилась Ве-

да, — яркий огонек жизни — Низа и ледяное мертвое пространство!

— Я кажусь хрупким цветком? — спросила Низа. Странная интонация ее голоса удержала Веду от согласия.

— Кто больше меня любит радость борьбы с холодом? — и девушка сорвала шапочку, встряхнув рыжими кудрями, сбросила шубку.

— Что вы делаете, Низа? — первой догадалась Веда Конг, бросаясь к астронавигатору.

Но Низа взлетела на скалу, нависшую над волнами. Холодные волны приняли Низу, и Веда вся содрогнулась, представив себе ощущение от такого купанья. Низа спокойно отплывала дальше, сильными толчками пронизывая волны. Поднявшись на гребень, она стала махать оставшимся на берегу, приглашая последовать за собой.

Веда Конг следила за ней с восторгом.

— Ветер, Низа — подруга не Эргу, а полярному медведю. Неужели вы, северный человек, отступите?

— По происхождению северный, а сам предпочитаю теплые моря, — жалобно сказал Дар Ветер, хотя приближаясь к заплескам морского наката.

Раздевшись, он потрогал ногой воду и с воплем «ух!» кинулся навстречу стальному валу. Тремя широкими взмахами он взлетел на вершину волны и скользнул в темную впадину второй. Только многолетняя тренировка и круглогодичное купанье спасли престиж Дар Ветра. Дыхание его прервалось, и красные круги завертелись в глазах. Несколькими резкими нырками он вернул возможность дышать. Дар Ветер приплыл посиневший, в ознобе и понесся в гору вместе с Низой. Спустился несколько минут они наслаждались теплом мехового одеяния. Даже знобящий ветер, казалось, нес дыхание коралловых морей.

— Чем больше узнаю вас, — шепнула Веда, — тем больше убеждаюсь, что Эрг Ноор не ошибся выбором. Вы, как никто другой, подбодрите его в трудный час, обрадуете, сбережете...

Лишенные загара щеки Низы густо порозовели.

За завтраком на высокой, вибрирующей от ветра

хрустальной террасе Веда часто встречала задумчивый и нежный взгляд девушки. Все четверо были молчаливы, как обычно люди перед долгой разлукой.

— Горько узнать таких людей и тут же расстаться с ними! — вдруг вскричал Дар Ветер.

— Может быть, вы?.. — начал Эрг Ноор.

— Мое свободное время кончилось. Пора забираться на высоту! Гром Орм ждет меня.

— Пора и мне, — добавила Веда. — Я погружусь в свою пучину, в недавно открытую пещеру — хранилище эры Разобщенного Мира.

— «Лебедь» будет готов в середине будущего года, а мы приступим к сборам через шесть недель, — тихо сказал Эрг Ноор. — Кто сейчас заведует внешними станциями?

— Пока Юний Апт, но он не хочет расставаться с памятными машинами, и Совет еще не утвердил кандидатуры Эмба Онга — инженера-физика лабрадорской Ф-установки.

— Не знаю его.

— Его мало знают, так как он занимается в Академии Пределов Знания вопросами мегаволновой механики.

— Что это такое?

— Крупные ритмы космоса — гигантские волны, медленно распространяющиеся в пространстве. В них, например, выражаются противоречия встречных световых скоростей, дающих относительные значения больше абсолютной единицы. Но все это еще совсем не разработано...

— А Мвен Мас?

— Пишет книгу об эмоциях. У него тоже немного времени в личном распоряжении — Академия Стохастики и Предсказания Будущего назначила его консультантом по полету вашего «Лебедя». Как только подберут материалы, ему придется проститься с книгой.

— Жаль! Тема важна. Пора понять правильно реальность и силу мира эмоций, — отозвался Эрг Ноор.

— Боюсь, что Мвен Мас вряд ли способен на холодный анализ, — сказала Веда.

— Так и должно быть, иначе он ничего выдающегося не напишет, — возразил Дар Ветер и поднялся, чтобы распрощаться.

— До встречи! Кончайте скорее ваши дела, а то не увидимся, — протянули руки Низа и Эрг.

— Увидимся, — уверенно обещал Дар Ветер. — В крайнем случае сделаем это в пустыне Эль Хомра, перед отлетом.

— Перед отлетом, — согласились астролетчики.

— Пойдемте, ангел неба. — Веда Конг продела свою руку под локоть Дар Ветра, притворно не обращая внимания на складку между его бровей. — Вам, наверное, надоела Земля?

Дар Ветер стоял, широко расставив ноги, на зыбкой основе едва скрепленного каркаса и смотрел вниз, в страшную бездну между разошедшимися слоями облаков. Там наша планета, громадность которой остро чувствовалась даже с расстояния в пять ее диаметров, открывала извилистые серые контуры материков и темно-лиловые — морей.

Дар Ветер узнавал знакомые с детства по снимкам со спутников очертания. Вот вогнутая линия с направленными поперек нее темнеющими полосками гор. Направо блестит море, а прямо под ногами, — узкая предгорная долина. Ему сегодня повезло: облака разошлись именно над тем участком планеты, где сейчас живет и работает Веда. Там, у подножия прямых уступов чугунно-серых гор, где-то находится древняя пещера, просторными этажами уходящая в глубь Земли. Там Веда выбирает из немых и пыльных обломков прошлой жизни человечества те крупицы исторической правды, без которой нельзя ни понять настоящего, ни предвидеть будущего.

Дар Ветер, склонившись с платформы из рифленых листов циркониевой бронзы, послал мысленный привет сомнительно угаданной точке, скрывшейся под наползавшим с запада крылом перистых, нестерпимо сверкавших облаков. Ночная тьма стояла там усеянной сверканием звезд стеной. Слои облаков выдвига-

лись исполинскими плотами, повисшими один над другим. Под ними в темнеющей пропасти поверхность Земли катилась под стену мрака, словно навсегда уходя в небытие. Покров нежного зодиакального сияния одевал планету с затененной стороны, светясь в черноте космического пространства.

Над освещенной стороной планеты повис голубой облачный покров, отражавший могучий свет стально-серого Солнца. Всякий взглянувший на облака без затемняющих фильтров лишился бы зрения, как и тот, кому пришлось бы обернуться в сторону грозного светила, находясь вне защиты восьмисот километров земной атмосферы. Коротковолновые жесткие лучи Солнца — ультрафиолетовые и рентгеновы — изливались мощным убийственным для всего живого потоком. К ним прибавлялся постоянный ливень космических частиц. Вновь вспыхнувшие звезды или столкнувшиеся в невообразимой дали галактики посылали в пространство смертоносные излучения. Только надежная защита скафандра спасала работавших от гибели.

Дар Ветер перебросил предохранительный трос на другую сторону и двинулся по опорной балке навстречу сверкавшему ковшу Большой Медведицы. Гигантская труба была свинчена во всю длину будущего спутника. По обеим ее концам возвышались острые треугольники, поддерживавшие громадные диски излучателей магнитного поля. Когда установят батареи, превращающие голубую радиацию Солнца в электрический ток, можно будет избавиться от привязи и передвигаться вдоль магнитных силовых линий с направляющими пластинами на груди и спине.

— Мы хотим работать ночью, — внезапно зазвучал в его шлеме голос молодого инженера Кад Лайта. — Свег обещал дать командир «Алтая»!

Дар Ветер взглянул налево и вниз, где, как уснувшие рыбы, висело несколько сцепленных вместе грузовых ракет. Выше, под плоским зонтом — защитой от метеоритов и Солнца, — парила собранная из листов внутренней обшивки временная платформа, где раскладывались и собирались прибывавшие в ракетах

части. Там, как темные пчелы, скопились работники, вспыхивавшие светлячками, когда отражающая поверхность скафандра выглядывала из тени защитного зонтика. Паутина тросов расходилась от зиявших чернотой отверстий в боках ракет, откуда сквозь снятую обшивку выгружались большие детали. Еще выше, прямо над собранным каркасом, группа людей в странных, подчас забавных позах хлопотала над громоздкой машиной. Одно кольцо бериллиевой бронзы с боразонным покрытием весило бы на Земле добрую сотню тонн. Здесь эта громада покорно висела около металлического скелета спутника на тонком тросе, назначением которого было уравнивать интегральные скорости вращения вокруг Земли всех этих еще не собранных частей.

Работавшие стали ловки и уверенны, когда привыкли к отсутствию — точнее, к ничтожности — силы тяжести. Но этих умелых работников скоро придется заменить новыми. Длительная физическая работа без тяжести приводит к нарушению кровообращения, которое могло стать устойчивым и при возвращении на Землю превратить человека в инвалида. Поэтому каждый работал на спутнике не более ста пятидесяти рабочих часов и возвращался на Землю, пройдя реакклиматизацию на станции «Промежуточная», вращающейся на высоте девятисот километров над планетой.

Дар Ветер, руководивший сборкой, старался не подвергать себя физической нагрузке, как бы ни хотелось ему подчас ускорить то или другое дело. Ему надо было продержаться здесь, на высоте пятидесяти семи тысяч километров, несколько месяцев.

Дать согласие на ночную работу означало еще более ускорить срок отправления своих молодых друзей вниз на планету и раньше времени вызвать смену. Второй планетолет, переданный стройке, — «Барион», находился в Аризонской равнине, где у экранов телевизоров и пультов регистрирующих машин сидел Гром Орм.

Решение работать без перерывов на часы ледяной космической ночи сильно ускоряло сборку. Дар Ве-

тер не мог отказаться от этой возможности. Получив согласие, люди со сборочной платформы рассыпались во все стороны и принялись протягивать еще более сложную паутину тросов. Планетолет «Алтай», служивший общежитием работникам стройки и неподвижно висевший у конца опорной балки, вдруг отцепил канаты с роликами, связывавшие его входной люк и каркас спутника. Длинные струи слепящего пламени ударили из его двигателей. Огромный корпус корабля повернулся беззвучно и быстро. Ни малейшего шума не донеслось сквозь пустоту межпланетного пространства. Искусственному командиру «Алтая» понадобилось лишь несколько ударов двигателей, чтобы всплыть на высоту сорока метров над местом постройки и повернуться своими посадочными прожекторами в сторону разборочной платформы. Между кораблем и каркасом снова провели путеводные тросы, и вся масса разнородных предметов, повисших в пространстве, обрела относительную неподвижность, продолжая в то же время свое вращение вокруг Земли со скоростью около десяти тысяч километров в час.

Распределение облачных масс показало Дар Ветру, что стройка проходит над антарктической областью планеты и, следовательно, скоро войдет в тень Земли. Усовершенствованные обогреватели скафандров не могут полностью сдерживать ледяющего дыхания космического пространства, и горе тому путешественнику, который необдуманно израсходует энергию своих батарей! Так погиб месяц назад архитектор-сборщик, укрывшийся от внезапного метеоритного дождя в холдном корпусе раскрытой ракеты и не дождавшийся прихода на солнечную сторону... Еще один инженер был убит метеоритом — этих случаев нельзя ни предвидеть полностью, ни предотвратить. Постройка спутников всегда берет свои жертвы — и кто будет следующий?.. Законы стохастики, хотя и мало приложимые к единичным песчинкам, вроде отдельных людей, говорят, что наибольшая возможность быть следующим у него, Дар Ветра... Ведь он дольше всех находится здесь, на этой высоте, открытой всем случайностям космоса... Но озорной внутренний голос подсказывал

Дар Ветру, что с его великолепной персоной ничего случиться не может. Как ни нелепа была эта уверенность для математически мыслящего человека, она не оставляла Дар Ветра и помогала ему спокойно балансировать на балках и решетках открытого, незащищенного каркаса в бездне черного неба.

Сборка конструкций на Земле велась особыми машинами, названными эмбриотектами потому, что они работали по принципу роста живого организма. Конечно, молекулярная постройка живого, осуществлявшаяся наследственным кибернетическим механизмом, была невообразимо более сложной, подчиненной не только физико-химической избирательности, но и еще неразгаданной волновой ритмике. Однако живые организмы росли лишь в условиях теплых растворов ионизированных молекул, а эмбриотекты работали обычно в поляризованных токах, свете или в магнитном поле. Метки и ключи, нанесенные на подлежавших сборке частях радиоактивным таллием, правильно ориентировали соединяемые машинами детали, и сборка шла с поразительной для непосвященного точностью и быстротой. Здесь, на высоте, этих машин не было, да и не могло быть. Сборка спутника представляла собою старомодную постройку с помощью рук живых людей. Несмотря на все опасности, работа казалась настолько интересной, что привлекала тысячи добровольцев. Испытательные психологические станции едва успевали просматривать всех желающих заявить Совету свою готовность отправиться в межпланетное пространство.

Дар Ветер добрался до фундаментов солнечных машин, которые раскинулись веером вокруг громадной втулки с аппаратом искусственного тяготения, и подключил свою спинную батарею к входной клемме проверочной цепи. В телефоне его шлема зазвучала несложная мелодия. Тогда он параллельно присоединил стеклянную пластинку с нанесенной на ней тонкими золотыми линиями схемой. Раздалась та же мелодия. Вращая два верньера, Дар Ветер привел в совпадение временные точки и убедился в отсутствии расхождений не только в мелодии, но и в тональности настрой-

ки. Важную часть будущей машины собрали безупречно. Можно было начать установку радиационных электродвигателей. Дар Ветер выпрямил уставшие от длительного ношения скафандра плечи и повертел головой. Движение отзывалось хрустом в шейных позвонках, заостеневших от продолжительной неподвижности в шлеме. Хорошо еще, что Дар Ветер оказался устойчивым к психозам, распространенным среди работавших вне земной атмосферы — ультрафиолетовой сонной болезни и инфракрасного бешенства, иначе ему не удалось бы довести до конца почетную миссию.

Скоро первая обшивка защитит работающих от удручающей одинокости в открытом космосе, над бездной без неба и почвы!

От «Алтая» отделился небольшой спасательный снаряд, стрелой мелькнувший мимо стройки. Это выслали буксир за автоматическими ракетами, которые несли только груз и останавливались на заданной высоте. Вовремя! Куча паривших в пространстве ракет, людей, машин и материалов уходила на ночную сторону Земли. Буксир вернулся, таща за собой три длинных, отблескивавших синевой рыбообразных снаряда, висевших на Земле по сто пятьдесят тонн, не считая горючего.

Ракеты присоединились к себе подобным вокруг разборочной платформы. Дар Ветер толчком перенесся на другую сторону каркаса и очутился среди собравшихся в кружок техников, ведавших разгрузкой. Люди обсуждали план ночной работы. Дар Ветер согласился с ними, но потребовал замены всех индивидуальных батарей на свежие, обеспечивающие тридцать часов непрерывного обогрева скафандров, помимо снабжения током фонарей, воздушных фильтров и радиотелефонов.

Вся стройка нырнула в ночной мрак, как в пучину, но долго еще мягкий пепельный зодиакальный свет от рассеянных газами верхних зон атмосферы солнечных лучей освещал застывший при ста восьмидесяти градусах мороза скелет будущего спутника. Еще сильнее, чем днем, стала мешать сверхпроводимость. Малейший

износ изоляции в инструментах, батареях или аккумуляторах окутывал близлежащие предметы голубым сиянием растекавшегося прямо на поверхности тока, который невозможно было передать в нужном направлении.

Глубочайшая тьма космоса наступила вместе с усилившимся холодом. Звезды светили неистово ярчайшими голубыми иглами. Незримый и неслышный полет метеоритов ночью казался особенно пугающим. На поверхности темного шара внизу, в течениях атмосферы вспыхивали разноцветные облака электрического сияния, искровые разряды гигантской протяженности или полосы рассеянного свечения длиной в тысячи километров. Ураганные ветры сильнее любой земной бури проносились там, внизу, в верхних слоях воздушной оболочки. Насыщенная излучением Солнца и космоса, атмосфера продолжала оживленное перемешивание энергии, чрезвычайно затрудняя связь стройки с родной планетой.

Внезапно что-то изменилось в мирке, затерянном во мраке и чудовищном холоде. Дар Ветер не сразу сообразил, что зажглись осветители планетолета. Еще чернее стала темнота, потускнели свирепые звезды, но платформа и каркас ощутимо выделялись в белом ярком свете. Через несколько минут «Алтай» уменьшил напряжение, и свет стал желтым и менее интенсивным. Планетолет экономил энергию своих аккумуляторов. Снова, как днем, задвигались квадраты и эллипсы листов обшивки, решетки ферм крепления, цилиндры и трубы резервуаров, постепенно находя свое место на скелете спутника.

Дар Ветер нащупал поперечную балку, взялся за роликовые ручки на тросовых поручнях и, оттолкнувшись ногой, взвился вверх. У самого люка планетолета он сжал находившиеся в ручках тормоза и остановился как раз вовремя, чтобы не удариться о запертую дверь.

В переходной камере не поддерживали нормального земного давления, чтобы уменьшить потерю воздуха при входах и выходах большого числа работающих. Поэтому Дар Ветер, не снимая скафандра, шагнул во вто-

рую, временно сооруженную вспомогательную камеру и тут отключил шлем и батареи.

Разминая уставшее от скафандра тело, Дар Ветер твердо ступал по внутренней палубе, наслаждаясь возвращением к почти нормальной тяжести. Искусственная гравитация планетолета работала непрерывно. Невыразимо приятно чувствовать себя прочно стоящим на почве человеком, а не легкой мошкой, вьющейся в зыбкой и неверной пустоте! Мягкий свет и теплый воздух, удобное кресло манили растянуться и отдаться бездумному отдыху. Дар Ветер переживал наслаждение своих предков, когда-то удивлявшее его в старинных романах. Именно так, после долгой дороги в холодной пустыне, мокром лесу или обледенелых горах люди входили в теплое жилье — дом, землянку, войлочную юрту. И тогда, как здесь, тонкие стены отделяли от огромного и опасного мира, враждебного человеку, сохраняя ему тепло и свет, позволяя отдыхать, набираться сил, обдумывать дальнейшие дела.

Дар Ветер отказался от соблазна кресла и книги. Пришлось связаться с Землей — зажженное в высоте на всю ночь освещение могло создать переполох у наблюдателей, следивших за стройкой обсерваторий. Кроме того, следовало предупредить, что пополнение понадобится раньше срока.

Сегодня связь оказалась удачной — Дар Ветер говорил с Громом Ормом не кодированными сигналами, а по ТВФ, очень мощному, как у всякого межпланетного корабля. Старый председатель остался доволен и немедленно позаботился о подборе нового экипажа и усиленной доставке деталей.

Выйдя из поста управления «Алтая», Дар Ветер прошел через библиотеку, переоборудованную в спальню установленными по стенам двумя ярусами коек. Каюты, столовые, кухню, боковые коридоры и передний зал двигателей тоже снабдили добавочными койками. Планетолет, превращенный в стационарную базу, был переполнен. Дар Ветер шел, едва волооча ноги, по коридору, облицованному коричневыми плитами теплой на ощупь пластмассы, и лениво открывал и захлопывал тугие герметические двери.

Он думал об астролетчиках, проводивших десятки лет внутри подобного корабля, без всякой надежды покинуть его и выйти наружу раньше убийственно долгого срока. Он живет здесь шестой месяц, каждый день покидая тесные помещения и трудясь в угнетающем просторе межпланетной пустоты. И уже тоскливо без милой Земли — ее степей, моря, кипящих жизнью центров жилых поясов. А Эрг Ноор, Низа и еще двадцать человек экипажа «Лебеда» должны будут провести в звездолете девяносто два зависимых года, или сто сорок земных лет, считая с возвращением корабля к родной планете. Никто из них не сможет прожить столько! Их тела будут сожжены и похоронены там, в безмерной дали, на планетах зеленой циркониевой звезды...

Или их жизнь прекратится во время полета, и тогда, заключенные в погребальную ракету, они улетят в космос... Так уплывали в море погребальные ладьи его далеких предков, унося на себе мертвых бойцов. Но таких героев, которые шли бы на пожизненное заключение в корабле и улетали бы без надежды на личное возвращение, еще не было в истории человечества. Нет, он не прав, Веда укорила бы его! Разве он забыл про безыменных борцов за достоинство и свободу человека в древние времена, шедших на гораздо более страшное — пожизненное заключение в сырых подвалах, на ужасающие пытки. Да, те герои были сильнее и достойнее, чем даже его современники, готовящиеся совершить величайший полет в космос, на исследование далеких миров!

И он, Дар Ветер, который еще ни разу не покидал надолго родную планету, маленький человек по сравнению с ними и вовсе не ангел неба, как его насмешливо зовет бесконечно милая Веда Конг!

Стальная дверь

Двадцать дней ворочался во влажном мраке автоматический горный проходчик-робот, пока ему удалось разобрать завал в десятки тысяч тонн и закрепить обрушенные своды. Дорога в глубину пещеры стала доступной. Оставалось лишь проверить ее безопасность. Тележки-роботы, движимые гусеницами и архимедовым винтом, бесшумно скользнули вниз. Приборы оповещали через каждые сто метров продвижения о составе воздуха, температуре и влажности. Ловко обходя препятствия, тележки опустились до глубины в четыреста метров. Тогда Веда Конг с группой сотрудников проникла в заподозренную пещеру. Десятью лет назад, во время разведки подземных вод, среди известняков и песчаников отнюдь не рудосодержащего характера, индикаторы вдруг отметили большое количество металла. Скоро выяснилось, что местность совпадает с описанием расположения легендарной многовековой давности пещеры Ден-Оф-Куль, что на исчезнувшем языке означало «Убежище культуры». При угрозе страшной войны народы, считавшие себя наиболее передовыми в науке и культуре, укрыли в пещере сокровища своей цивилизации.

лизации. В те далекие века секретность и таинственность были очень распространены...

Веда волновалась не меньше самой юной своей сотрудницы, когда скользнула вниз по мокрой красной глине, устилавшей пол наклонного хода.

Воображение рисовало величественные валы с герметическими сейфами фильмотек, чертежей, карт, шкафы с катушками магнитофонных записей или лентами памятных машин, полки с образцами химических соединений, сплавов и лекарств. Чучела исчезнувших ныне животных в непроницаемых для влаги и воздуха прозрачных витринах, препараты растений, скелеты, собранные из окаменелых костей вымершего населения планеты. Дальше мерещились пластины из силиколла с залитыми в них картинами самых прославленных художников, целые галереи скульптур прекрасных представителей человечества, его выдающихся деятелей, мастерски изображенных животных... Модели знаменитых зданий, надписи о замечательных событиях, увековеченные в камне и металле...

Продолжая мечтать, Веда Конг проникла в гигантскую пещеру площадью около трех-четырёх тысяч квадратных метров. Уходящий в тьму потолок выглядел крутым сводом, с которого свисали длинные stalactites, блестящие в электрическом свете. Зал наяву оказался величественным. Воплощая в реальность мысли Веды, в пишах стен, изобиловавших ребрами и выступами известковых натеков, виднелись машины и шкафы. Археологи с радостными восклицаниями рассыпались по периметру подземного зала. Многие из стоявших в нишах машин, местами еще сохранивших блеск стекла и лаковой полировки, оказались экипажами, которые так нравились людям далекого прошлого и в эру Разобщенного Мира считались вершиной технического гения человечества. Тогда почему-то строили очень много машин, способных перевозить на своих мягких сиденьях лишь нескольких людей. Конструкция машин достигла изящества, механизмы управления и движения были остроумными, но в остальном такие машины являлись вопиющей бессмыслицей. Сотнями тысяч они крутились по улицам городов и доро-

гам, перевоза взад и вперед людей, почему-то работавших вдали от своего жилья и каждый день торопившихся попасть на работу и вернуться обратно. Эти машины были опасны в управлении, убили огромное количество людей, сожгли миллиарды тонн драгоценных запасов органических веществ, накопленных в геологическом прошлом планеты, отравив атмосферу окисью углерода. Археологи эпохи Кольца испытали разочарование, увидев, что этим странным экипажам отведено так много места в пещере.

Но на низких платформах высились более мощные поршневые двигатели, электрические моторы, реактивные, турбинные, ядерные. В стеклянных витринах, под толстым слоем известковых натеков, располагались вертикальными рядами приборы — может быть, телеприемники, фотокамеры, счетные машины или другие аппараты сходного назначения. Этот музей машин, частично рассыпавшихся ржавым прахом, но частью хорошо сохранившихся, был большой исторической ценностью, так как проливал свет на уровень техники отдаленного времени, большая часть исторических документов которого исчезла в военных и политических пертурбациях.

Верная помощница Мнико Эйгоро, снова променявшая любимое море на сырость и темноту подземелий, заметила в конце зала, за толстым известковым столбом, черное отверстие прохода. Столб оказался остовом машины, а у его подложия лежала куча пластмассового праха — остатки щита, некогда запиравшего проход. Продвигаясь шаг за шагом вдоль красных кабелей разведочных ползунов-тележек, археологи проникли во вторую пещеру, паходившуюся почти на одном уровне и наполненную рядами герметических шкафов из стекла и металла. Длинная надпись крупными буквами на английском языке опоясывала отвесные, кое-где осыпавшиеся стены. Веда не смогла удержаться, чтобы наскоро не расшифровать ее.

С типичной для древнего индивидуализма похвалой строители убежища заявляли потомкам, что они достигли высот знания и сохраняют здесь для будущего свои гигантские достижения.

Миико презрительно пожала плечами:

— По одной надписи можно определить, что пещера «Убежище культуры» относится к концу ЭРМ, в последние годы существования старой формы общества. Так характерна для них неразумная уверенность в вечном и неизменном существовании своей западной цивилизации, своего языка, обычаев, морали и величия так называемого белого человека. Я ненавижу эту цивилизацию!

— Вы представляете прошлое ярко, но односторонне, Миико. Мне видятся сквозь мрачные черты костяка омертвевшего капитализма те, кто вел борьбу за будущее. Их будущее — наше настоящее. Я вижу множество женщин и мужчин, искавших света в узкой, небогатой жизни, добрых настолько, чтобы помогать другим, и сильных настолько, чтобы не ожесточиться в моральной духоте окружающего мира. И храбрых, безумно храбрых!..

— Те, кто укрывал здесь свою культуру, не были такими, — возразила Миико. — Смотрите, здесь собраны одни лишь предметы техники. Они кичились техникой, не обращая внимания на растущее моральное и эмоциональное одичание. Они с презрением относились к прошлому и не видели будущего!

Веда подумала, что Миико права. Жизнь создателей убежища была бы легче, если бы они умели соразмерять достигнутое с тем, что еще оставалось сделать для подлинного переустройства мира и общества. Тогда их замусоренная, закопченная планета с вырубленными лесами, закиданная бумагой и битым стеклом, кирпичом и ржавым железом, предстала бы перед ними как на ладони. Они, предки, лучше поняли бы, что еще делать, и перестали бы ослеплять самих себя восхвалением.

В третий зал вел узкий колодец, опускавшийся отвесно на тридцать два метра. Отправив Миико с двумя помощниками за гамма-аппаратом для просвечивания шкафов, Веда принялась осматривать третью пещеру, свободную от натеков известняка и намывов глины. Низкие прямоугольные витрины из литого

стекла лишь запотели от проникшей внутрь сырости. Прильнув к стеклам, археологи рассмотрели замысловатые изделия из золота и платины, украшенные драгоценными камнями.

Судя по изделиям, эти старинные реликвии собирались в эпоху, когда люди еще не отрешились от возникшей в поклонении предкам первобытной привычки считать старое более ценным, чем новое. Веда, как и при чтении надписи, ощутила досаду от нелепой самоуверенности людей, считавших, что их понятия о ценности и их вкусы пройдут неизменными через десятки веков и будут приняты отдаленными потомками в качестве канона.

Дальний конец пещеры переходил в высокий и прямой коридор, наклонно опускавшийся на неведомую глубину. Счетчики разведочных ползунов-роботов показывали в начале коридора триста четыре метра от поверхности. Широкие трещины рассекали нависшие своды на отдельные гигантские плиты известняка, вероятно, в тысячи тонн весом. Веда почувствовала тревогу. Опыт изучения многих подземелий подсказывал молодой женщине, что масса пород у подошвы горного хребта находится в неустойчивом равновесии. Возможно, она подверглась сдвигам от землетрясения или общего поднятия хребтов, выросших за протекшие со времени создания хранилища века на полсотни метров. Закрепить эту чудовищную массу было невозможно для обыкновенной археологической экспедиции. Только важные для экономики планеты цели оправдали бы столь крупные усилия.

Вместе с тем исторические тайны, скрытые в такой глубокой пещере, могли обладать и технической ценностью, вроде забытых, но полезных для современности изобретений.

Отказ от дальнейшего исследования был бы мудрой осторожностью. Но почему ученый должен столь бережно относиться к собственной особе? Когда миллионы людей производят рискованные работы и опыты, когда Дар Ветер с товарищами работает на высоте пятидесяти семи тысяч километров над Землей, а Эрг Ноор готовится к пути без возврата! Оба эти человека,

так уважаемые Бедой, не отступили бы... Что ж, не отступит и она...

Запасные батареи, электронный съемочный аппарат, два кислородных прибора... Они пойдут вдвоем с не знающей страха Миико, оставив товарищей для изучения третьего зала.

Веда Конг посоветовала своим сотрудникам подкрепиться едой. Извлекли плитки пицци путешественников, прессованные из быстро усваиваемых белков, сахаров и уничтожающих токсины усталости препаратов в смеси с витаминами, гормонами и нервными стимуляторами. Веда, находясь в тревожном нетерпении, не хотела есть. Миико появилась лишь через сорок минут. Оказывается, она не смогла удержаться, чтобы не просветить несколько шкафов и наскоро выяснить их содержимое.

Наследница японских женщин-водолазов поблагодарила свою руководительницу взглядом и собралась в мгновение ока.

Тонкие красные кабели вытянулись по центру прохода. Бледно-лиловый свет самосветящихся газовых коронок на головах женщин не мог пробить тысячелетний мрак впереди, где спуск становился все более крутым. Глухо и размеренно падали с кровли крупные холодные капли. По сторонам и снизу доносилось журчание сбегавшей по трещинам воды. Пронизывающе сырой воздух оставался мертвенно неподвижным в замкнутом, темном подземелье. Только в пещерах бывает такая тишина — на страже ее стоит сама, не имеющая никаких чувств, мертвая и косная материя земной коры. Наверху, как глубоко бы ни было молчание, в природе всегда угадывается скрытая, притаившаяся жизнь, движение воды, воздуха или света.

Миико и Веда невольно поддались гипнозу глубокой пещеры, сокрывшей обеих в черных недрах, точно в глубинах умершего прошлого, стертого временем и оживающего лишь в призраках воображения.

Спуск проходил быстро, хотя толстый слой липкой глины лежал на полу прохода. Глыбы, вывалившиеся из стен, местами заставляли карабкаться на них, проползая в щели между потолком и обвалом. За полчаса

Миико и Веда спустились на сто девяносто метров и добрались до гладкой стены, упершись в которую мирно лежали оба разведочных робота-ползуна. Достаточно было одного блика света, чтобы узнать в стене массивную и герметически запертую дверь из нержавеющей стали. Два выпуклых круга с какими-то значками, вделанные в центр двери, позолоченные стрелки и рукоятки. Запор открывался путем подбора условного сигнала. Оба археолога знали типы подобных устройств, но относившиеся к несколько более ранней эпохе. Посоветовавшись, Веда и Миико исследовали запор. Он был очень похож на те настроенные с хитрой злобой сооружения, которыми люди прошлого думали защитить свои сокровища от «чужих» — в эру Разоб- щенного Мира существовало такое разделение людей на «своих» и «чужих». Не раз подобные двери при попытках открыть их извергали взрывчатые снаряды, ядовитые газы, ослепляющие излучения, и ничего не подозревавшие исследователи гибли.

Механизмы из стойких металлов или особых пласт- масс не разрушались тысячелетиями и унесли много жизней, пока археологи научились обезвреживать эти стальные двери.

Стало очевидным, что дверь придется вскрывать особыми приборами. Приходилось возвращаться от са- мого порога главной тайны пещеры. Кто мог сомне- ваться, что за наглухо запертой дверью должно скры- ваться самое важное и ценное для людей отдаленного времени? Погасив фонари и довольствуясь светом ко- рон, Веда и Миико уселись отдохнуть и поесть.

— Что там может быть? — вздохнула Миико, не сводя глаз с двери, надменно поблескивавшей золотом значков. — Она будто смеется над нами: не пуцу, не скажу!..

— А что вам удалось просветить в шкафах второ- го зала? — спросила Веда, отгоняя примитивную и напрасную досаду на неожиданное препятствие.

— Чертежи машин, книги, отпечатанные не на древней бумаге из дерева, а на металлических листах. Еще, по-видимому, рулоны кинофильмов, какие-то списки, звездные и земные карты.

— В первом зале — образцы машин, во втором — техническая документация к ним, в третьем — как бы это сказать... ценности эпохи, когда еще существовали деньги. Что ж, соответствует схемам.

— Где же ценности в нашем смысле? Высшие достижения духовного развития человечества: науки, искусства, литературы? — воскликнула Миико.

— Надеюсь, что они за дверью, — спокойно ответила Веда, — но не буду удивлена, если там окажется оружие.

— Что, что такое?

— Вооружение, средства массового и быстрого истребления.

Маленькая Миико задумалась, опечалилась и тихо сказала:

— Да, это закономерно, если подумать над целью этого тайника. Здесь укрыты от возможного уничтожения основные технические и материальные ценности тогдашней западной цивилизации. Но что считалось основным, если еще не существовало общественного мнения всей планеты или даже народов тех стран? Нужность и важность чего-либо на данный момент устанавливалась правящей группой зачастую вовсе некомпетентных людей. Поэтому здесь отнюдь не то, что действительно было наибольшей ценностью для человечества, а то, что та или другая группа людей сочла таким. Они намеревались сберечь прежде всего машины и, возможно, оружие, не понимая того, что цивилизация надстраивается исторически, подобно живому организму.

— Да, путем нарастания и освоения рабочего опыта, знаний, техники, запасов материалов, чистейших химических веществ и построек. Восстановить разрушенную высокую цивилизацию немыслимо из-за отсутствия высокопрочных сплавов, редких металлов, машин, способных работать с высокой производительностью и точнейшими допусками. Если все это было бы уничтожено, то откуда взять материалы и опыт, умение создавать все усложняющиеся кибернетические машины, способные удовлетворить потребности миллиардов людей?

— Также немыслимо было тогда возвращение к немашинной цивилизации, вроде античной, о которой они иногда мечтали.

— Конечно. Вместо античной культуры возник бы чудовищный голод. Индивидуалисты-мечтатели не хотели усвоить, что история не возвращается!

— Я не утверждаю категорически, что за дверью оружие, — вернулась к главному Веда, — но многое говорит за это. Если создавшие тайник ошибались, как свойственно тому времени, путая культуру с цивилизацией, не понимая непреложной обязательности воспитания и развития эмоций человека, тогда им не были жизненно необходимы произведения искусства и литературы или далекая от требований текущего момента наука. В те времена даже науку разделяли на полезную и бесполезную, не думая о ее единстве. Такая наука и искусство считались лишь приятным, но даже не всегда полезным и нужным сопровождением жизни человека. Здесь же спрятано самое важное. И я думаю об оружии, как ни наивно и нелепо кажется это для нас, современных людей.

Веда умолкла, уставившись на дверь.

— Может быть, это просто наборный механизм, и мы откроем его, прослушивая микрофон, — вдруг сказала она, подходя к двери. — Рискнем?

Миико метнулась между дверью и подругой.

— Нет, Веда! Зачем этот нелепый риск?

— Мне кажется, что пещера едва держится. Мы уйдем, а вернуться уже не удастся... Слышите?

Неясный далекий шум иногда проникал в камеру перед дверью. Он шел то снизу, то сверху.

Но Миико осталась непреклонной. Она стояла спиной к двери, широко раскинув руки.

— Если там оружие, Веда! Как же может оно быть незащищенным... Нет, это дверь злобы, такая же, как многие.

Через два дня в пещеру были доставлены портативные аппараты. Отражательный рентгеновский экран для просмотра механизма, фокусированный ультрачистотный излучатель для разрушения внутренней связи деталей. Но пустить приборы в дело не пришлось.

Внезапно из чрева пещеры послышался прерывистый гул. Сильное сотрясение почвы под ногами заставило людей инстинктивно метнуться к выходу — исследователи находились в третьей, нижней пещере.

Гул усиливался, переходя в глухое скрежетание. Видимо, вся масса трещиноватых пород оседала по сбросовой линии вдоль подошвы хребта.

— Все погибло! Мы не успели. Спасайтесь, наверх! — горестно закричала Веда, и люди кинулись к тележкам-роботам, направляя их в ход ко второй пещере.

Уцепившись за кабели роботов, они вскарабкались по колодцу. Гул и содрогание каменных стен преследовали их по пятам и, наконец, настигли. Страшный грохот... Внутренняя стена второй пещеры рухнула в провал, образовавшийся на месте колодца — хода в третий зал. Воздушная волна буквально выдула людей вместе с пылью и мелким щебнем под высокие своды первого зала. Археологи распростерлись на полу в ожидании гибели.

Клубы пыли, ворвавшейся в пещеру, медленно оседали. Сквозь ее туман столбы сталагмитов и выступы не изменяли своих очертаний. Прежнее мертвое молчание воцарилось в подземелье...

Очнувшаяся Веда поднялась. Двое сотрудников подхватили ее, но она нетерпеливо освободилась.

— Где Минко?

Ее помощница, прислонясь к низкому сталагмиту, старательно обтирала каменную пыль с шеи, ушей и волос.

— Почти все погибло, — ответила она на немой вопрос. — Непрístupная дверь останется запертой под толщей в четыреста метров камня. Третья пещера разрушена полностью, а вторая... вторая еще может быть раскопана. В ней для нас самое ценное, как и здесь.

— Это так... — Веда облизнула пересохшие губы. — Но мы виноваты в медлительности и осторожности. Мы должны были предвидеть обвал.

— Бездоказательное предчувствие. Но горевать незачем. Разве мы стали бы укреплять горные массы

ради сомнительных ценностей за дверь? Особенно, если там никчемное оружие.

— А если произведения искусства, бесценного человеческого творчества? Нет, мы могли бы действовать быстрее!

Миико пожала плечами и повела удрученную Веду вслед за товарищами к великолепию солнечного дня, радости чистой воды и упокаивающего боль электрического душа.

Мвен Мас по обыкновению расхаживал взад и вперед по комнате, отведенной ему в верхнем этаже Дома Истории в индийском секторе северного жилого пояса. Он перебрался сюда всего два дня назад после работы в Доме Истории американского сектора.

Комната — вернее, веранда с наружной стеной из цельного поляризующего стекла — была обращена к синим далям холмистого плоскогорья. Мвен Мас время от времени включал ставни перекрестной поляризации. В комнате воцарялся серый полумрак, и на гемисферном экране шли медленной чередой электронные изображения отобранных предварительно Мвенем Масом картин, отрывков старых кинофильмов, скульптур и зданий. Африканец просматривал их, диктуя роботу-секретарю записи для будущей книги. Машина печатала, нумеровала листки и бережно складывала, разбирая их по темам, описаниям или обобщениям.

Утомляясь, Мвен Мас выключал ставни и подходил к окну, устремляя вдаль взгляд и подолгу обдумывая виденное.

Он не мог не удивляться тому, как многое из еще недавней культуры человечества уже отошло в небытие. Исчезли совсем столь характерные для эры Мирового Воссоединения словесные тонкости — речевые и письменные ухищрения, считавшиеся некогда признаком большой образованности. Прекратилось совсем писание, как музыка слова, столь развитое еще в ЭОТ — эру Общего Труда, исчезло искусное жонглирование словами, так называемое остроумие. Еще рань-

ше отпала надобность в маскировке своих мыслей, столь важная для ЭРМ. Все разговоры стали гораздо проще и короче. По-видимому, эра Великого Кольца будет эрой развития третьей сигнальной системы человека или понимания без слов.

Время от времени Мвен Мас обращался к непрерывно бодрствовавшему механическому секретарю с новыми формулировками своих мыслей:

— С первого века эры Кольца ведет начало флюктуативная психология искусства, основанная Людой Фир. Именно ей удалось научно доказать разницу эмоционального восприятия у женщин и у мужчин, раскрыв ту область, которая много веков существовала как полумистическое подсознание. Но доказать в понятии современности — меньшая часть дела. Люде Фир удалось большее — наметить главные цепи чувственных восприятий, благодаря чему стало возможным добиваться соответствия их у разных полов.

Звонящий сигнал и зеленая вспышка вдруг позвали африканца к ТВФ. Вызов, переданный в часы занятий, означал нечто серьезное. Автоматический секретарь выключился, и Мвен Мас сбежал вниз, в камеру дальних переговоров.

Веда Конг с западинками на исцарапанных щеках и глубокими тенями под глазами приветствовала его с экрана. Обрадованный Мвен Мас протянул к ней свои большие руки, вызвав слабую улыбку на озабоченном лице Веда.

— Помогите мне, Мвен. Я знаю, что вы работаете, но Дар Ветра нет на Земле, Эрг Ноор далеко, а кроме них, у меня только вы, к кому мне просто прийти с любой просьбой. У меня несчастье...

— Что? Дар Ветер?..

— О нет! Завал на месте раскопок пещеры. — И Веда коротко рассказала о случившемся в пещере Ден-Оф-Куль.

— Вы сейчас единственный из моих друзей, кто обладает правом свободного доступа к Вещему Мозгу.

— К которому из четырех?

— Низшей Определенности.

— Я понял. Надо рассчитать возможности добраться до стальной двери с наименьшей затратой труда и материалов?

— Именно так!

— Данные собраны?

— Они передо мной.

— Слушаю.

Мвен Мас быстро записал несколько рядов цифр.

— Теперь дело за тем, когда машина примет мои данные. Подождите, сейчас я свяжусь с дежурным инженером ВМ. Мозг Низшей Определенности находится в Австралийском секторе южной зоны.

— А где Мозг Высшей Определенности?

— В Индийском секторе северной жилой зоны, там, где я... Переключаюсь, ждите.

Перед потухшим экраном Веда пыталась представить себе Вещий Мозг. В воображении возникал гигантский человеческий мозг с его бороздами и извилинами, пульсирующий и живой, хотя молодая женщина знала, что так назывались гигантские электронные исследовательские машины самого высшего класса, способные разрешить почти любую задачу, по-настоящему для разработанных областей математики. На планете было всего четыре такие машины, специализированные по-разному.

Веда ждала недолго. Экран засветился, и Мвен Мас попросил вызвать его снова через шесть дней, попозже вечером.

— Мвен, ваша помощь неоценима!

— Только потому, что я владею некоторыми знаниями и правами в математике? А ваша работа неоценима потому, что вы знаете древние языки и культуры. Веда, вы слишком углубились в ЭРМ!

Ученый-историк нахмурилась, но африканец расхохотался так добродушно и заразительно, что Веда засмеялась тоже и, попрощавшись жестом, исчезла.

В назначенный срок Мвен Мас снова увидел молодую женщину в телевизиофоне.

— Можете не говорить — вижу, что ответ неблагоприятный.

— Да. Устойчивость ниже предела безопасности...

Если идти общим путем, то выемка разрушенной части составит кубический километр известняка.

— В пределах наших возможностей остается лишь тоннельная выемка сейфов второй пещеры, — печально сказала Веда.

— Стоит ли дело такого сильного огорчения?

— Простите меня, Мвен, но вы тоже стояли у двери, за которой скрывалась неразгаданная тайна. У вас она великая и всеобщая, а у меня маленькая. Но эмоционально моя неудача равна вашей.

— Мы оба — товарищи по несчастью. Могу вас уверить, что еще не раз будем ударяться о стальные двери. Чем отважнее и сильнее будут стремления, тем чаще встретятся двери.

— Какая-нибудь откроется!

— Именно!

— Но вы ведь не отступили совсем?

— Конечно. Соберем новые факты, указатели более правильных поворотов. Сила космоса так невероятно огромна, что с нашей стороны было наивно бросаться на нее с простой кочергой... Точно так же, как и вам открывать руками эту опасную дверь.

— А если придется ждать всю жизнь?

— Что такое моя индивидуальная жизнь для таких шагов знания!

— Мвен, где ваша страстная нетерпеливость?

— Она не исчезла, но обуздана. Страданием...

— А Рен Боз?

— Ему легче. Он продолжает путь в поисках уточнения своей абстракции.

— Понимаю. Минуту, Мвен, что-то важное.

Экран с Ведой погас, и, когда зажегся снова, перед Мвеном Масом как будто была другая, юная и беззаботная женщина.

— Дар Ветер спускается на Землю. Спутник пятьдесят семь завершен раньше срока.

— Так быстро? Все сделано?

— Нет, только наружная сборка и установка силовых машин. Внутренние работы проще. Его отзывают для отдыха и анализа доклада Юния Анта о новом виде сообщений по Кольцу.

— Благодарю, Веда! Радостно будет увидеть Дар Ветра.

— Обязательно увидите... Я не договорила. Усилиями всей планеты приготовлены запасы анамезона для нового звездолета «Лебедь». Улетающие зовут проводить их в дорогу без возврата. Вы будете?

— Буду. Планета покажет на прощание экипажу «Лебеда» все самое прекрасное и любимое. Они хотели также посмотреть танец Чары на празднике Пламенных Чаш. Она сама едет повторять его перед отлетом в центральном космопорте Эль Хомра. Встретимся там!

— Хорошо, Мвен Мас, милый!

Туманность Андромеды

Северной Африке, к югу от залива Большой Сирт, раскинулась огромная равнина Эль Хомра. До ослабления пассатных колец и изменения климата здесь находилась хаммада — пустыня без травинки, сплошь закованная в панцирь полированного щебня и треугольных камней с красноватым оттенком, от которых хаммада и получила свое название «красная». Море слепящего жаркого пламени в солнечный день, море холодного ветра в осенние и зимние ночи. Теперь от хаммады остался только ветер; он гнал по твердой равнине волны высокой голубовато-серебристой травы, переселенной сюда из степей Южной Африки. Свист ветра и склоняющаяся трава будили в памяти неопределенное чувство печали и близости степной природы к душе, будто это уже встречалось в жизни. Не один раз и при различных обстоятельствах — в горе и в радости, в утрате и находке.

Каждый отлет или приземление звездолета оставляли выгоревший, отравленный круг поперечником около километра. Эти круги огораживались красной металлической сеткой и стояли неприкосновенные в течение десяти лет, что больше чем

в два раза превышало длительность разложения выхлопов двигателей. После посадки или отправки корабля космопорт перекочевывал на другое место. Это накладывало отпечаток временности, недолговечности на оборудование и помещения порта, родня обслуживавших его работников с древними номадами Сахары, несколько тысяч лет кочевавшими здесь на особых горбатых животных с изогнутыми шеями и мозолистыми лапами, называвшихся верблюдами.

Планетолет «Барион» в свой тринадцатый рейс между строящимся спутником и Землей доставил Дар Ветра в Аризонскую стену, оставшуюся пустыней и после изменения климата из-за накопившейся в почве радиоактивности. На заре открытия ядерной энергии в ЭРМ здесь производилось множество опытов и проб нового вида техники. До сих пор осталась зараженностью продуктами радиоактивного распада — слишком слабая для того, чтобы вредить человеку, но достаточная, чтобы задержать рост деревьев и кустарников.

Дар Ветер наслаждался не только прекрасным очарованием Земли — голубым небом в невестином платье из легких белых облаков, но и пыльной почвой, редкой и жесткой травой.

Шагать твердой поступью по Земле под золотым солнцем, подставляя лицо сухому и свежему ветру! Только побывав на грани космических бездн, можно понять всю красоту нашей планеты, когда-то названной неразумными предками «юдолюю горя и слез»!

Гром Орм не задержал строителя — старый председатель Совета сам хотел проводить звездолет.

Оба прибыли в Эль Хомру в день отправления экспедиции.

С воздуха Дар Ветер заметил на матовой серо-стальной равнине два гигантских зеркала. Правое — почти круг, левое — длинный, заостряющийся назад эллипс. Зеркала были следами недавних взлетов кораблей тридцать восьмой звездной экспедиции.

Круг — взлет «Тинтажеля», направившегося на страшную звезду Т и нагруженного громоздкими аппа-

ратами для правильной осады спиралодиска из глубин космоса. Эллипе — след поднимавшейся более полого «Аэллы», понесшей большую группу ученых для разгадки изменений материи на белом карлике тройной звезды Омикрон 2 Эридана. Пепел, оставшийся от каменной почвы в месте удара энергии двигателей, проникшей на полтора метра вглубь, был залит связующим составом для предупреждения ветрового разноса. Осталось лишь перенести ограды с мест старых взлетов. Это сделают после отбытия «Лебеда».

Вот и сам «Лебедь», чугуно-серый в тепловой броне, которая выгорит во время пробивания атмосферы. Дальше корабль пойдет, сверкая своей, отражающей все виды радиации, обшивкой. Но никто не увидит его в этом великолепии, кроме роботов-астрономов, следящих за полетом. Эти автоматы дадут людям лишь фотографию светящейся точки. Обратно на Землю придет корабль, покрытый окалиной, с бороздами и воронками от взрывов мелких метеоритных частиц. Но «Лебеда» не увидит никто из окружающих его сейчас людей: всем им не прожить сто семьдесят два года ожидания возврата экспедиции. Сто шестьдесят восемь независимых лет пути и четыре года исследования на планетах, а для путешественников всего около восьмидесяти лет.

Дар Ветру, с его родом занятий, не дожидаться даже прибытия «Лебеда» на планеты зеленой звезды. Как и в прошлые дни сомнений, Дар Ветер восхитился смелой мыслью Рен Боза и Мвена Маса. Пусть опыт их не удался, пусть этот вопрос, затрагивающий фундамент космоса, еще далек от разрешения, пусть он окажется ошибочной фантазией. Эти безумцы — гиганты творческой мысли человечества, ибо даже в опровержении их теории и опыта люди придут к огромному взлету знания.

Дар Ветер, задумавшись, чуть не споткнулся о сигнал зоны безопасности, повернул и заметил у подножия самодвижущейся башни телепередачи знакомую фигуру подвижного человека. Ерша непокорные рыжие волосы и прищуривая острые глаза, к нему устремился Рен Боз. Сеть тонких, едва заметных шрамов

изменила лицо физика, собрав его морщинами страдальческого напряжения.

— Радостно видеть вас здоровым, Рен!

— Мне очень нужны вы! — Рен Боз протянул Дар Ветру маленькие руки, по-прежнему усыпанные веснушками.

— Что делаете вы здесь, задолго до отлета?

— Я провожал «Аэллу» — для меня очень важны данные по гравитации столь тяжелой звезды. Узнал, что явитесь вы, и остался...

Дар Ветер молчал, выжидая пояснений.

— Вы возвращаетесь на обсерваторию внешних станций по просьбе Юния Анта?

Дар Ветер кивнул.

— Ант в последнее время записал несколько нерасшифрованных приемов по Кольцу...

— Каждый месяц производится прием сообщений вне обычного времени информации. И момент включения станций сдвигается на два земных часа. За год проверка проходит земные сутки, за восемь лет — всю сотысячную галактической секунды. Так заполняются пропуски в приеме космоса. В последнее полугодие восьмилетнего цикла стали получаться, несомненно, очень дальние, непонятные нам сообщения.

— Я крайне интересуюсь ими и прошу взять меня для помощи в работе.

— Лучше я буду помогать вам. Записи памятных машин мы просмотрим вместе.

— И Мвен Мас?

— Конечно!

— Ветер, это замечательно! Я очень неловко себя чувствую после злополучного опыта — я так виноват перед Советом!.. Но с вами мне легко, хотя вы и член Совета, и бывший заведующий, и не советовали делать опыт...

— Мвен Мас тоже член Совета.

Физик призадумался, вспомнив что-то свое, и тихо рассмеялся.

— Мвен Мас — он... чувствует мои мысли и пытается воплотить их в конкретность.

— Не в этом ли воплощении ваша ошибка?

Рен Боз нахмурился и перевел разговор:

— Веда Конг тоже прибудет сюда?

— Да, я жду ее. Вы знаете, что она чуть не погибла, исследуя пещеру — склад древней техники, где оказалась запертая стальная дверь.

— Ничего не слышал.

— А я забыл, что у вас нет глубокого интереса к истории, как у Мвена Маса. По всей планете идет обсуждение, что может находиться за дверью. Миллионы добровольцев предлагают себя для раскопок. Веда решила передать вопрос в Академию Стохастики и Предсказания Будущего.

— Эвда Наль не приедет сюда?

— Нет, не сможет.

— Многие будут огорчены. Веда очень любит Эвду, а Чара просто предана ей. Вы помните Чару?

— Это такая... пантерообразная?..

Дар Ветер воздел руки в шутливом ужасе.

— Ценитель женской красоты! Впрочем, я постоянно повторяю ошибку, какой страдали люди прошлого, не смыслившие ничего в законах психофизиологии и наследственности. Всегда хочу видеть в других свое понимание и свои чувства.

— Эвда, как и все на планете, — не поддерживал самопокаяния Рен Боз, — будет следить за отчетом.

Физик показал на ряды высоких треножников с камерами для белого, инфракрасного и ультрафиолетового приема, полукольцом расположившиеся вокруг звездолета. Разные группы лучей спектра в цветном изображении заставляли экран дышать подлинным теплом и жизнью так же, как обертопные диафрагмы уничтожали металлический отзвук в передаче голоса.

Дар Ветер посмотрел на север, откуда, тяжело переваливаясь, ползли перегруженные людьми автоматические электробусы. Из первой подошедшей машины выскочила и бежала, путаясь в траве, Веда Конг. Она с разбегу бросилась на широкую грудь Дар Ветра так, что ее длинные, заплетенные по бокам головы и спущенные косы взлетели ему на спину.

Дар Ветер слегка отстранил Веду, вглядываясь в бесконечно дорогое лицо с оттенком новизны, сообщенным необычайной прической.

— Я играла для детского фильма северную королеву Темных веков и едва успела переодеться, — пояснила, чуть запыхавшись, молодая женщина. — Причесаться не осталось времени.

Дар Ветер представил ее в длинном облегающем парчовом платье, в золотой короне с сипими камнями, с пепельными косами ниже колен, с отважным взглядом серых глаз — и радостно улыбнулся.

— Корона была?

— О да, такая, — Веда очертила пальцем в воздухе контур широкого кольца с крупными зубцами в виде трилистника.

— Я увижу?

— Сегодня же. Я попрошу их показать тебе фильм.

Дар Ветер собрался спросить про таинственных «их», но Веда приветствовала серьезного физика. Тот улыбнулся наивно и сердечно.

— Где же герои Ахернара? — Рен Боз оглядел по-прежнему пустое вокруг звездолета поле.

— Там! — Веда указала на здание в виде шатра из пластин фисташково-молочного стекла с серебристыми ажурными ребрами наружных балок — главный зал космопорта.

— Так пойдемте.

— Мы — лишние, — твердо сказала Веда. — Они смотрят прощальный привет Земли. Пойдемте к «Лебедю».

Мужчины повиновались.

Идя рядом с Дар Ветром, Веда тихонько спросила:

— У меня не очень нелепый вид с этой старинной прической? Я могла бы...

— Не нужно. Очаровательный контраст с современной одеждой — косы длиннее юбки! Пусть будет так!

— Повинуюсь, мой Ветер! — шепнула Веда магические слова, заставившие забиться его сердце и вызвавшие легкую краску на бледных щеках.

Сотни людей не спеша направлялись к кораблю. Очень многие улыбались Веде или приветствовали ее поднятием руки гораздо более часто, чем Дар Ветра или Рен Боза.

— Вы популярны, Веда, — заметил Рен Боз. — Что это — работа историка или ваша пресловутая красота?

— Ни то и ни другое. Постоянное и широкое общение с людьми по роду работы и общественных занятий. Вы с Ветром то замкнетесь в недрах лабораторий, то уединяетесь для напряженной ночной работы. Вы делаете для человечества гораздо больше и более значительное, чем я, но только для одной, не самой близкой сердцу, стороны. Чара Нанди и Эвда Наля гораздо более известны, чем я...

— Опять укор нашей технической цивилизации? — весело упрекнул Дар Ветер.

— Не нашей, а пережиткам прежних роковых ошибок. Еще тысячелетия тому назад наши предки знали, что искусство и с ним развитие чувств человека не менее важно для общества, чем наука.

— В смысле отношений людей между собой? — спросил заинтересованный физик.

— Вот именно!

— Какой-то древний мудрец сказал, что самое трудное на Земле — это сохранять радость, — вставил Дар Ветер. — Смотрите, вот еще верный союзник Веды!

Прямо к ним шел легким и широким шагом Мвен Мас, привлекая общее внимание своей огромной фигурой.

— Кончился танец Чары, — догадалась Веда. — Скоро появится и экипаж «Лебедя».

— Я бы на их месте шел сюда пешком и как можно медленнее, — вдруг сказал Дар Ветер.

— Ты начал волноваться? — Веда взяла его под руку.

— Конечно. Для меня мучительно подумать, что они уходят навсегда и этот корабль я больше не увижу. Что-то внутри меня протестует против этой обязательной обреченности. Может быть, потому, что там будут близкие мне люди.

— Вероятно, не потому, — вмешался подошедший Мвен Мас, чуткое ухо которого издали уловило речь Дар Ветра. — Это неизбывный протест человека против неумолимого времени.

— Осенняя печаль? — с оттенком насмешки спросил Рен Боз, улыбаясь глазами товарищу.

— Вы замечали, что осень умеренных широт с ее грустью любят именно люди наиболее энергичные, жизнерадостные и глубоко чувствующие? — возразил Мвен Мас, дружески погладив плечо физика.

— Верное наблюдение! — восхитилась Веда.

— Очень древнее...

— Дар Ветер, вы на поле? Дар Ветер, вы на поле? — загремело откуда-то слева и сверху. — Вас зовет в ТВФ центрального здания Юний Ант. Юний Ант зовет. В ТВФ центрального здания...

Рен Боз вздрогнул и выпрямился.

— Можно с вами, Дар Ветер?

— Идите вместо меня. Вам можно пропустить отлет. Юний Ант любит показать по-старинному прямое наблюдение, а не запись, — в этом они сошлись с Мвен Масом.

Космопорт обладал мощным ТВФ и гемисферным экраном. Рен Боз вошел в тихую круглую комнату. Дежурный оператор щелкнул выключателем и указал на правый боковой экран, где появился взволнованный Юний Ант. Он внимательно оглядел физика и, поняв причину отсутствия Дар Ветра, кивнул Рен Бозу.

— Я тоже собрался смотреть отлет. Но сейчас ведется внепрограммный прием-поиск в прежнем направлении и диапазоне 62/77. Поднимите воронку для направленного излучения, ориентируйте на обсерваторию. Я переброшу луч-вектор через Средиземное море прямо на Эль Хомру. Ловите трубчатым веером и включайте гемисферный экран. — Юний Ант посмотрел в сторону и добавил: — Скорее!

Опытный в приемах ученый выполнил требование за две минуты. В глубине гемисферного экрана появилось изображение гигантской Галактики, в которой оба ученых безошибочно узнали знакомую издавна человеку туманность Андромеды, или М-31.

В ближайшем к зрителю наружном обороте ее спирали, почти в середине линзовидного в ракурсе диска огромной Галактики, зажегся огонек. Там ответвилась казавшаяся крохотной шерстинкой система звезд — несомненно, исполинский рукав в сотню парсеков длины. Огонек стал расти, и одновременно увеличивалась «шерстинка», в то время как сама Галактика исчезла, расплываясь за пределы поля зрения. Поток красных и желтых звезд протянулся поперек экрана. Огонек стал маленьким кружком и светился на самом конце звездного потока. С края потока выделилась оранжевая звезда спектрального класса К. Вокруг нее закружились едва видные точки планет. На одной из них, закрыв ее целиком, расположился кружок света. И вдруг все завертелось в красных извивах и мелькании летящих искр. Рен Боз закрыл глаза...

— Это разрыв, — сказал с бокового экрана Юний Ант. — Я показал вам наблюдение прошлого месяца из записи памятных машин. Переключаю на отражение прямого приема.

На экране по-прежнему вертелись искры и линии темно-красного цвета.

— Странное явление! — воскликнул физик. — Как вы объясняете этот разрыв?

— Потом. Сейчас возобновляется передача. Но что вы считаете странным?

— Красный спектр разрыва. В спектре туманности Андромеды — фиолетовое смещение, то есть она приближается к нам.

— Разрыв никакого отношения к Андромеде не имеет. Это местное явление.

— Вы думаете, что случайно их отправляющая станция вынесена на самый край Галактики, в зону, еще более отдаленную от ее центра, чем зона Солнца в нашей Галактике?

Юний Ант окинул Рен Боза скептическим взглядом.

— Вы готовы к дискуссии в любой момент, забывая, что с нами говорит туманность Андромеды с расстояния четырехста пятьдесят тысяч парсеков.

— О да! — смутился Рен Боз. — Еще лучше сказать — с расстояния в полтора миллиона световых

лет. Сообщение отправлено пятнадцать тысяч веков тому назад.

— И мы видим сейчас то, что было послано задолго до наступления ледниковой эпохи и возникновения человека на Земле! — Юний Ант заметно смягчился.

Красные линии замедлили свое верчение, экран потемпел и вдруг снова засветился. Сумеречная плоская равнина едва угадывалась в скудном свете. На ней были разбросаны странные грибовидные сооружения. Ближе к переднему краю видимого участка холодно поблескивал гигантский, по масштабу равнины, голубой круг с явно металлической поверхностью. Точно по центру круга висели один над другим большие двояковыпуклые диски. Нет, не висели, а медленно поднимались все выше. Равнина исчезла, и на экране остался лишь один из дисков, более выпуклый снизу, чем сверху, с грубыми спиральными ребрами на обеих сторонах.

— Это они... они!.. — наперебой воскликнули ученые, думая о полном сходстве изображения с фотографиями и чертежами спиралодиска, найденного тридцать седьмой экспедицией на планете железной звезды.

Новый вихрь красных линий — и экран погас. Рен Боз ждал, боясь отвести свой взгляд хоть на секунду. Первый человеческий взгляд, прикоснувшийся к жизни и мысли другой галактики! Но экран так и не загорелся. На боковой доске телевизиофона заговорил Юний Ант.

— Сообщение оборвалось. Ждать дольше, отнимая земную энергию, нельзя. Вся планета будет потрясена. Следует просить Совет Экономики производить внепрограммные приемы вдвое чаще, но это станет возможным не раньше года после затрат на посылку «Лебеда». Теперь мы знаем, что звездолет на железной звезде оттуда. Если бы не находка Эрга Ноора, то мы вообще не поняли бы виденного.

— И он, тот диск, пришел оттуда? Сколько же он летел? — как бы про себя спросил Рен Боз.

— Он шел мертвым около двух миллионов лет че-

рез разделяющее обе галактики пространство, — сурово ответил Юний Ант, — пока не нашел убежища на планете звезды Т. Очевидно, эти звездолеты устроены так, что садятся автоматически, несмотря на то, что тысячи тысяч лет никто живой не прикасался к рычагам управления.

— Может быть, они живут долго?

— Но не миллионы лет, это противоречит законам термодинамики, — холодно ответил Юний Ант. — И, несмотря на колоссальные размеры, спиралодиск не мог нести в себе целую планету людей... мыслящих существ. Нет, пока наши галактики не могут еще ни достигнуть друг друга, ни обменяться сообщениями.

— Смогут, — уверенно сказал Рен Боз, распрощавшись с Юнием Антом и пошел обратно на поле космопорта.

Дар Ветер с Ведой и Чара с Мвенем Масом стояли немного в стороне от двух длинных рядов провожавших. Все головы повернулись к центральному зданию. Мимо бесшумно пронеслась широкая платформа, сопровождаемая взмахами рук и — что люди позволяли себе в обществе лишь в самых исключительных случаях — приветственными возгласами. Все двадцать два человека экипажа «Лебеда» паходились на ней.

Платформа подъехала к звездолету. У высокого передвижного подъемника ожидали люди в белых комбинезонах, с серыми от усталости лицами — двадцать членов отлетной комиссии, составленной в основном из инженеров-рабочих космопорта. В течение последних суток они проверили с помощью машин для учета предметов все снаряжение экспедиции и еще раз опробовали исправность корабля тензорными аппаратами.

По заведенному на заре звездоплавания порядку председатель комиссии докладывал Эргу Ноору, вновь избранному начальником звездолета и экспедиции на Ахернар. Другие члены комиссии поставили свои шифры на бронзовой дощечке с их портретами и именами, которую вручили Эргу Ноору, и, распрощавшись, отошли в сторону. Тогда к кораблю хлынули провожающие. Люди выстроились перед путешественниками, пропустив их близких на маленькую, остав-

шуюся свободной площадку подъемника. Киносъемщики фиксировали каждый жест улетающих — последняя память, остающаяся родной планете.

Эрг Ноор издала увидела Веду и, сунув бронзовый сертификат за широкий пояс астролетчика, стремительно подошел к молодой женщине.

— Как хорошо, что вы пришли, Веда!..

— Разве я могла поступить иначе?

— Вы для меня — символ Земли и моей прошедшей юности.

— Юность Низы с вами навсегда.

— Я не скажу, что ни о чем не жалею, — это будет неправдой. И прежде всего жаль Низу, своих товарищей, да и самого себя... Слишком велика утрата. В это возвращение я по-новому полюбил Землю — крепче, проще, безусловнее...

— И все-таки вы идете, Эрг?

— Не могу иначе. Отказавшись, я утратил бы не только космос, но и Землю.

— Подвиг тем труднее, чем больше любовь?

— Вы всегда хорошо понимали меня, Веда. Вот и Низа.

Подошла похудевшая, похожая на мальчика рыжекудрая девушка и остановилась, опустив ресницы.

— Это оказалось так тяжело. Вы все... хорошие, ясные... красивые... Расстаться, оторвать свое живое тело от Матери Земли... — голос астронавигатора дрогнул.

Веда инстинктивно привлекла ее к себе, шепча таинственные женские утешения.

— Девять минут до закрытия люков, — беззвучно сказал Эрг, не сводя глаз с Веды.

— Как долго еще!.. — простоудушно воскликнула со слезами в голосе Низа.

Веда, Эрг, Дар Ветер, Мвен Мас и другие провожавшие с тоской и удивлением почувствовали, что нет слов. Нечем выразить чувства перед подвигом, совершавшимся для тех, кого еще нет, кто придет много лет спустя. Улетающие и провожавшие знали обо всем — что могли дать лишние слова?

Какие пожелания, шутки или обещания могут за-

тронуть душу людей, навсегда покидающих Землю и удаляющихся в бездны космоса?

Вторая сигнальная система человека оказалась не совершенной и уступала место третьей. Глубокие взгляды, отражавшие страстные, не передаваемые словами порывы, встречались безмолвно и напряженно или жадно вливали в себя небогатую природу Эль Хомры.

— Пора! — обретший металл голос Эрга Ноора хлестнул, точно удар бича пастуха, и люди заторопились.

Веда, откровенно всхлипнув, прижалась к Низе. Обе женщины несколько секунд стояли щека к щеке, крепко зажмурившись, пока мужчины обменивались прощальными взглядами и пожатиями рук. Подъемник упрятал в овальный чернеющий люк звездолета уже восьмерых астролетчиков. Эрг Ноор взял Низу за руку и что-то шепнул ей. Девушка вспыхнула, вырвалась и бросилась к звездолету. Обернувшись перед тем, как ступить на площадку лифта, Низа встретила с огромными глазами необычно бледной Чары.

— Можно поцеловать вас, Чара? — громко спросила она.

Не отвечая, Чара Нанди вспрыгнула на помост и, вся дрожа, обняла шею рыжекудрого астронавигатора, затем так же безмолвно соскочила и отбежала в сторону.

Эрг Ноор и Низа поднялись одновременно.

Люди замерли, когда перед черным люком на выступе ярко освещенного борта «Лебедя» задержались на секунду две фигуры — высокого мужчины и стройной девушки, принимая последние приветы Земли.

Веда Конг стиснула руки, и Дар Ветер услышал, как хрустнули суставы пальцев.

Эрг Ноор и Низа исчезли. Из черного зияния выдвинулась овальная плита такого же серого цвета, как и весь корпус. Секунда, и даже зоркий глаз не смог бы различить следов только что бывшего отверстия на крутых обводах колоссального корпуса.

Вертикально стоявший на растопыренных упорах звездолет имел в себе что-то человекообразное. Может

быть, это впечатление создавал круглый шар носовой части, увенчанный острым колпаком и светящий сигнальными огнями, как глазами. Или ребристые рассекатели центральной контейнерной части корабля, похожие на наплечники рыцарских лат. Звездолет выскочил на своих упорах, словно растопыривший ноги испуган, презрительно и самоуверенно взиривший поверх толпы людей.

Грозно заревели сигналы первой готовности. Как по волшебству, у корабля появились широкие самоходные платформы, забравшие множество провожавших. Поползли, разъезжаясь в стороны, но не сводя своих жерл и лучей с корабля, треножки ТВФ и прожекторов. Серый корпус «Лебеда» померк и как-то утратил свои размеры. На «голове» корабля загорелись зловещие красные огни — сигнал подготовки старта. Вибрация сильных моторов передалась по твердой почве — звездолет стал поворачиваться на своих подставках, принимая ориентировку взлета. Дальше и дальше отъезжали провожавшие, пока не пересекли с наветренной стороны засветившуюся в темноте линию безопасности. Здесь люди поспешно соскочили, а платформы унеслись за оставшимися.

— Они больше не увидят нас или хоть нашего неба? — спросила Чара низко склонившегося к ней Мвена Маса.

— Нет. Разве в стереотелескопы...

Под килем звездолета загорелись зеленые огни. На вышке центрального здания неистово завертелся радиомаяк, рассылая во все стороны предупреждение о взлете громадного корабля.

— Звездолет получает сигнал отравления! — вдруг заревел металлический голос такой силы, что Чара, вздрогнув, прижалась к Мвену Масу. — Оставшиеся внутри круга, поднимите вверх руки! Поднимите вверх руки, иначе смерть! Поднимите вверх руки, иначе!.. — кричал автомат, пока его прожекторы обшаривали поле в поисках случайно оставшихся внутри круга безопасности.

Не найдя никого, они погасли. Робот закричал снова, как показалось Чаре, еще более яростно:

— После сигнала колокола повернитесь спиной к кораблю и закройте глаза. Не открывайте до второго колокола. Повернитесь спиной и закройте глаза! — с тревогой и угрозой вопил робот.

— Это страшно! — шепнула Веда своему спутнику.

Дар Ветер спокойно снял с пояса свернутые в трубку полумаски с черными очками, одну надел на Веду, а другую натянул сам. Едва успел он закрепить пряжку, как дико зазвонил большой, высокого тона, колокол под навесом сигнальных аппаратов.

Звон оборвался, и в тишине стали слышны ко всему равнодушные пикады.

Внезапно звездолет издал яростный вой и погасил огни. Один, два, три, четыре раза темную равнину пронизывал этот душераздирающий вой, и более впечатлительным людям казалось, что это сам корабль кричит в тоске прощания.

Вой оборвался так же неожиданно. Стена невообразимо яркого пламени встала вокруг корабля. Мгновенно в мире перестало существовать что бы то ни было, кроме этого космического огня. Башня огня превратилась в колонну, вытянулась длинным столбом, затем сделалась ослепительно яркой линией. Колокол забился во второй раз, и обернувшиеся люди увидели пустую равнину, на которой рдело гигантское пятно раскаленной почвы. Большая звезда стояла в высоте — это удалялся «Лебедь».

Люди медленно побрели к электробусам, оглядываясь то на небо, то на место отлета, сделавшееся вдруг поразительно безжизненным, точно здесь возродилась хаммада Эль Хомра — ужас и бедствие путников прошлых времен.

В южной стороне горизонта загорелись знакомые звезды. Все взгляды обратились туда, где поднялся голубой и яркий Ахернар. Там, у этой звезды, окажется «Лебедь» после восьмидесяти четырех лет пути со скоростью девятьсот миллионов километров в час. Для нас восемьдесят четыре, для «Лебеда» — сорок семь лет. Может быть, там они создадут новый мир, тоже

красивый и радостный, под зелеными лучами циркониевой звезды.

Дар Ветер и Веда Конг догнали Чару и Мвена Мас. Африканец отвечал девушке:

— Нет, не тоска, а великая и печальная гордость — вот мои ощущения сегодня. Гордость за нас, поднимающихся все выше со своей планеты и сливающихся с космосом. Печаль — потому, что маленькой становится милая Земля... Бесконечно давно майи — краснокожие индейцы Центральной Америки — оставили гордую и печальную надпись. Я передал ее Эргу Ноору, и тот украсит ею библиотеку-лабораторию «Лебедя».

Африканец оглянулся, заметил, что его слушают подошедшие друзья, и продолжал громче:

— «Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь: кто мы? Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь. Спроси землю, землю страдания и землю любимую. Кто мы? Мы — земля!»

— И я тоже — насквозь земля! — добавил Мвен Мас.

Навстречу бежал Рен Боз, прерывисто дыша. Друзья обступили физика, который в немногих словах передал им небывалое — первое соприкосновение мысли двух исполинских звездных островов.

— Мне так хотелось успеть до отлета, — огорченно сказал Рен Боз, — чтобы сообщить об этом Эргу Ноору. Он еще на черной планете понял, что спиралодиск — звездолет, чрезвычайно далекого, совсем чужого мира и что этот странный корабль летел очень долго в космосе.

— Неужели Эрг Ноор никогда не узнает, что его спиралодиск из таких чудовищных глубин вселенной — с другой галактики, с туманности Андромеды? — сказала Веда. — Как горько, что он не дождался сегодняшнего сообщения!

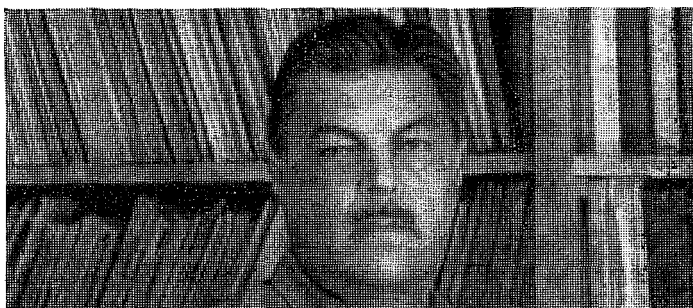
— Он узнает! — твердо сказал Дар Ветер. — Мы попросим у Совета энергии на особую передачу, через спутник тридцать шесть. «Лебедь» будет доступен нашему зову еще девятнадцать часов!

Примечания

- Спектральный класс (звезды)** — спектральные классы звезд обозначаются буквенно в таком порядке О, В, А, F, G, K, М — от очень горячих голубых звезд с поверхностной температурой 100 000° до красных с температурой в 3000°. Каждый класс имеет десять нисходящих степеней, обозначающихся цифрой, например А7. Особые классы звезд N, Р, R, S — с повышенным содержанием углерода, циана, титана, циркония в своих спектрах.
- Квантовый предел** — предел скорости, близкий к скорости света, при котором не может существовать никакое объемное тело, так как масса становится равной бесконечности, а время — нулю.
- Внешняя вихревая зона** — зона контакта гравитационных полей двух звездных систем, в которой возникают возмущения и завихрения.
- K-частицы** — фантастические частицы ядра атома из обломков кольцевого мезонного облака.
- Электронный инвертор** — увеличение изображений в тысячи раз путем их превращения в электроны с последующим усилением.
- Скорость убегания** — скорость, которая дает возможность преодолеть тяготение небесного тела и оторваться от него в космическое пространство.
- Изогравы** — линии, очерчивающие поля равного напряжения тяготения (фантастическое).
- Оптимальный радиант** — тот радиус обращения звездолета вокруг планеты вне ее атмосферы, который наиболее благоприятен для устойчивости орбиты корабля. Зависит от размеров и массы планеты (фантастическое).
- Полусферический, или гемисферный, экран** — экран в виде внутренней поверхности полушария, необходимый для получения стереоскопических изображений (фантастическое).
- Силиколл** — прозрачный материал из волокнистых кремнийорганических соединений (фантастическое).
- Силикобор** — сплав карбидов бора и кремния — очень твердый и прозрачный материал (фантастическое).
- Андезитовые скалы** — скалы, сложенные вулканическими породами характера лав.

- Хромкатопритические краски**, — краски, обладающие большой силой отражения света внутри слоя (фантастическое).
- Репатгулярное исчисление** — исчисление в биполярной математике, занимающееся решением направлений в моментах перехода (репатгулюма) из одного состояния в другое, от одного знака к другому (фантастическое).
- Биполярная математика** — математика, основанная на диалектической логике с двусторонним анализом и решением (фантастическое).
- Сингулярные точки** — критические точки перехода количественных изменений в качественные.
- Кохлеарное исчисление** — раздел биполярной математики, занимающийся анализом спирального поступательного движения (фантастическое).
- Парасимпатическая система** — автономная нервная система тормозящего действия, противоположная симпатической.
- Парциальное давление** — давление газа в зависимости от его плотности.
- Тиратрон** — электронный прибор («лампа»), могущий стимулировать и поддерживать первые процессы человеческого организма, в частности биение сердца.
- Хроморефлексная репродукция** — картина, отражаемая красками с внутренним отражением света, дающими повышенную стереоскопичность плоского рисунка в естественном переходе цветов и светов (фантастическое).
- Аплит** — белая жильная горная порода.
- Лейкодендроны** — южноафриканское серебряное дерево с блестящей серебристой хвоей.
- Виддрингтония** — южноафриканское хвойное дерево.
- Флюктуативная психология** — изучение массовых исторических изменений в психологии людей (фантастическое).
- Обертонные диафрагмы** — диафрагмы, передающие обертоны человеческого голоса, с применением которых устраняется различие между живым голосом и звуком передатчика (фантастическое).

ИВАН АНТОНОВИЧ ЕФРЕМОВ

родился в 1907 году, 22 апреля.

Первый сборник его рассказов, «Пять румбов», вышел в свет в 1945 году. С тех пор И. А. Ефремовым созданы такие хорошо известные произведения, как трилогия «Великая дуга», повесть «Звездные корабли», роман «Туманность Андромеды», книга очерков о палеонтологической экспедиции во Внутреннюю Монголию «Дорога ветров», повесть «Сердце Змеи» и роман приключений «Лезвие бритвы».

«Туманность Андромеды» принесла писателю поистине всемирную славу. Роман был переведен во многих странах и печатался миллионными тиражами.

И. А. Ефремов — крупный ученый, доктор биологических наук, внесший значительный вклад в палеонтологию. Он много путешествовал по земле и по воде, многое видел. Этим в значительной мере объясняется и своеобразие его творчества и необыкновенная широта его писательских и научных интересов.

Содержание

Путешествие в Страну Фантастики	5
Чудесный синтез М. Емцев, Е. Парнов . .	27
ЗВЕЗДНЫЕ КОРАБЛИ	33
ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ	115
Примечания	461

Ефремов Иван Антонович.
ЗВЕЗДНЫЕ КОРАБЛИ.
ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕ-
ДЫ. М., «Молодая гвар-
дия», 1965. 464 с. (Б-ка со-
временной фантастики,
в 15-и т., т. 1). Р2. Редак-
тор Б. Клюева. Художест-
венный редактор А. Сте-
панова. Технический ре-
дактор И. Егорова

Подписано к печати 28 ап-
реля 1965 г. Бум. 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 14,5(24,36). Уч.-изд.
л. 23,4. Тираж 215 000 экз.
Цена 89 коп. Заказ 2057.
Типография «Красное зна-
мя» изд-ва «Молодая гвар-
дия», Москва, А-30, Су-
щевская, 21.

EDITION

WILKINSON